ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
9'2007
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73198, 42924; ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
ВОЗВРАЩЕНИЕ
АНТОН ПЕРВУШИН
МАРТА РЭНДОЛЛ
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ
П.Э.КАННИНГЕМ
ВЛ. ГАКОВ:
ЧЕЛОВЕК, УКАЗАВШИЙ
ДОРОГУ В КОСМОС

SHOUT
SHARE
IT

- ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
  - ПРОЗА
    - М. К. Хобсон
    - Святослав Логинов
      -
    - П. Э. Каннингем
      -
    - Олег Овчинников
      -
    - Алексей Калугин
      -
    - Кен Маклеод
      -
    - Марта Рэндолл
      -
    - Антон Первушин
      -
        - Фрагмент первый
        - Фрагмент второй
        - Фрагмент третий
        - Фрагмент четвертый
        - Фрагмент пятый
        - Фрагмент шестой
        - Фрагмент седьмой
        - Фрагмент восьмой
        - Фрагмент девятый
        - Фрагмент десятый
  - ВИДЕОДРОМ
    - МЮМЗИК-MOVIE
    - РЕЦЕНЗИИ
    - ПИСАТЕЛЬ О КИНО
      - БОБ И БОБ СТАРТУЮТ В ИСТОРИЮ
  - ВЕХИ
    - ЗВЕЗДНЫЙ СЕЯТЕЛЬ
  - РЕЦЕНЗИИ
    -
  - КРУПНЫЙ ПЛАН
    - ПРАКТИКА НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ
  - КУРСОР
    -
  - PERSONALIA
    -
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
2007 № 09

ПРОЗА

М. К. Хобсон
ПАУЭРСЬЮТ™

Что мне надеть сегодня?

Маршалл Крейг придирчиво разглядывал два костюма: темно-синий и черный, оба классического покроя, из довольно плотной смесовой ткани «шелк с шерстью» и полностью лишенные проводов.

— Лучше синий, — посоветовал его ИИ-агент, которого Крейг прозвал «Бадди».[1] — Мой осведомитель поклялся, что Дрок наденет двубортный цвета маренго в тонкую полоску. Крайне рискованно для мужчины под тридцать. Бедняга будет выглядеть так, словно забрался в гардероб папочки, да оттуда не вышел. И тут появляешься ты в синем: вид, достойный доверия, располагающий к себе и приличный.

— Значит, синий, — кивнул Крейг, напевая про себя: *достойный, приличный, такой симпатичный…* рифмы теснились в голове, но он их игнорировал.

Маршалл повесил черный костюм в шкаф, подключив его

источник питания к крошечной розетке, вмонтированной в пуговицу обшлага. Раньше пуговицы не несли никакой полезной нагрузки, пока изготовители «Пауэрсьют™» не превратили их в быстродействующие зарядные устройства.

— С шикарным галстуком, — добавил Бадди. — Чтобы сразу видели: ты не пешка и не марионетка.

— Насколько шикарный? — попытался уточнить Крейг.

— Поскромнее, чем у персонажей комиксов, но роскошнее, нежели обычный полосатый.

Крейг заправил рубашку в брюки, поглядывая при этом на маленький светящийся индикатор на обшлаге, чтобы проверить соединение с потайным устройством «СнэпМемори»[2] в своих трусах-боксерах, после чего отдал команду изящному европейскому шкафчику для галстуков. Дверцы тут же распахнулись, выставив на обозрение экран, где красовалась его коллекция. Крейг критически осмотрел экспозицию, определяя на глаз степень шика.

Наконец на экране остались два галстука: один с узором из красных перцев чили, другой — игриво усеянный болтами и гайками.

— Какой? — коротко спросил Крейг.

— Мне нравится тот, что с болтами и гайками.

— Еще бы не нравился, — буркнул Крейг и хотел уже коснуться экрана, когда Бадди добавил:

— Но это не означает, что тебе следует выбрать именно его. Крейг замер.

— Гайки. Болты, — пояснил Бадди. — Неприятные ассоциации. Закручивать гайки… Начальство может расценить это как недовольство его жестокими методами руководства. А болты сразу приводят на ум разболтанность сотрудников.

Крейг ткнул пальцем в изображение галстука с красными перцами. Европейское хранилище галстуков издало удовлетворенный стон и выдало галстук. Крейг повесил его на шею, ловко завязал свободным узлом с двумя длинными концами и затянул под подбородком.

— Очень мило, — заявил Бадди. — Теперь коричневые туфли, только что начищенные.

Начищенные, прочищенные, обчищенные…

Крейг молча вынул из шкафа штиблеты, не имевшие ни малейшего сходства с коричневыми туфлями, сел, сунул в них ноги и стал завязывать шнурки.

Реакция ИИ-агента была немедленной.

— Нет! — рявкнул он голосом, потрескивавшим от статического раздражения. — Ты не наденешь эту гадость!

— Черта с два не надену, — пробормотал Крейг, старательно отводя глаза от бесстрастного взгляда Бадди.

Крейг не просто любил свои черные с белым штиблеты с их декоративными дырочками и аккуратным розовым рантом. Он их страстно обожал. Это были его «Синатра-туфли». Для Крейга они ассоциировались с роскошью древних Палм-Спрингс, когда едешь по шоссе в розовых лучах заката, крутя руль гигантского куска детройтской стали с опущенной крышей. Эта обувь создавала в его глазах привлекательный, хотя и несколько размытый образ настоящих мужчин, куривших трубки и мурлыкавших проникновенные песенки, мужчин, украдкой тискавших податливых блондиночек-официанток. Он любил эти штиблеты и намеревался надеть их независимо от одобрения Бадди.

— Эти. Туфли. Просто. Уродские, — объявил Бадди, подчеркивая каждое слово.

— Вовсе нет, — запротестовал Крейг. Подобная перепалка могла длиться часами. Но сегодня у Крейга не было времени, тем более что самая важная презентация в его карьере начиналась менее чем через час. Поэтому он и позволил себе повысить голос до предостерегающих интонаций:

— И больше я не желаю слышать ни единого слова на эту тему!

— Фрэнк Синатра! — издевательски фыркнул Бадди. — Скользкий, наглый, самодовольный *гангстер!* Мафиозный мурлыка! *Из Нью-Джерси!*

— Довольно! — возмутился Крейг. — Туфли на мне, там они останутся, и на этом конец.

Помедлив, он добавил уже мягче:

— Старина Голубоглазый. Мой личный герой. Величайший певец на свете. Он заслуживает твоего уважения, Бадди.

— Ха! — презрительно бросил тот. — Говорю же, гангстер. Крутился возле юбок Авы Гарднер и бог знает кого еще! Моя задача — вывести тебя на более высокий уровень во всех отношениях. Это мой Мотивационный Императив. Как я могу осуществить свой МИ, когда ты продолжаешь оставаться *индивидуалистом?!*

— Я ведь надел галстук, не так ли? — Крейг раздраженно щелкнул по плотной ткани. — Кроме того, я могу сохранять свободную волю. По крайней мере, так сказано в твоем пакете прикладных программ.

Последовало долгое молчание. Туше, подумал Крейг.

— Зря я трачу на тебя свои силы и возможности, — объявил Бадди в миллионный раз, синтезируя обиженный тон. Это была его традиционная фраза, завершающая любой диалог, который

кончался не в его пользу.

— Перестань ныть и залезай в «Пауэрсьют™»! — отрезал Крейг. Эта команда означала, что ИИ-агент должен перевести основную функцию из домашней базы в Сьют-мобильную. Костюм имел достаточно возможностей по обработке данных, чтобы позволить Бадди действовать, не опасаясь сигнальных помех или прямого хакерства, которым подвержены беспроводные соединения.

— Перевод закончен! — объявил Бадди.

Крейг натянул пиджак. Неакустические датчики в воротнике аккуратно прилегли к шее для оптимального распознавания мысленных команд.

— Готов для презентации всей моей жизни? — беззвучно спросил он Бадди.

Бадди, приютившийся в нагрудном кармане Крейга (заметьте, не имевшем ни единого провода), неодобрительно заерзал и промолчал.

Съежившись от волнения, Крейг поехал на работу на корпоративном монорельсе. Год душевной неудовлетворенности и жалкого существования подходил к концу. Год работы с Эндрю Дроком, или, как втайне именовал его Крейг, Маленьким Принцем.

Крейг презирал Дрока с той самой минуты, как этого довольно молодого человека назначили ведущим проекта «Габорка». Конечно, это был далеко не самый выдающийся проект, возникший в «Харшбергер Индастриз». Обычное приобретение, сделанное где-то в Узбекистане и сулившее миллиард долларов в год. Проект предусматривал модернизацию производства всяких автомобильных штучек и снижения их себестоимости. Ничего особенного! Но дело в принципе. Крейг был старше. Кроме того, за всю свою карьеру он работал не менее чем по шесть дней в неделю, а показатели его личного вклада в достижения компании, отраженные в цифрах бухгалтерской отчетности, обсуждались в приглушенных и почтительных тонах у автоматов с питьевой водой. Он был непревзойденным специалистом. И проект «Габорка» должны были отдать ему. А отдали Маленькому Принцу. Крейгу оставалось только улыбнуться и проглотить оскорбление. Правда, первым его порывом было плюнуть на все, уйти и предоставить Дроку самому справляться с этим дерьмом. Но Бадди посоветовал сохранять хладнокровие, работать, но не усердствовать, выжидая подходящий момент.

— Мы что-нибудь придумаем, — утешал он. — Ни к чему

спешить.

Проект выполнялся довольно гладко. Предприятие конкурента было выкуплено, завод заново оснащен, набран новый штат, и требуемая продукция сходила с конвейера в запланированных количествах.

Успех был бесспорным. Настало время преподнести высшему руководству шкатулку, наполненную только что отчеканенными монетами и перевязанную блестящим красным бантом. Настоящий хит сезона: сплошные поздравления, дружеские хлопки по спине, «вы гордость нашей компании» и тому подобное. Руководитель проекта Дрок стоял первым в очереди на раздачу наград. По крайней мере, мрачно размышлял Крейг, так считал сам Дрок.

Однако никто не знал, что всему великолепию предстоит рассыпаться у ног Дрока на миллионы острых осколков, и чем усерднее он примется выбираться из руин, тем сильнее порежется.

Необдуманно выбранный костюм цвета маренго в тонкую полоску станет всего лишь первым камешком в лавине несчастий. В запасе имеется вышедший из строя презентационный экран, взрывы раздирающего уши статического электричества из настенных динамиков, случайный показ домашнего порно, словом, все, что изобрел острый ум Бадди.

Конечно, всякого может постигнуть неудача. А у Дрока достаточно хорошо подвешен язык, чтобы благополучно выбраться из любого переплета.

Поэтому Бадди предложил психотические манифестации. Абсолютно незаконные. За такие штучки можно в два счета вылететь из компании. Но Бадди заявил, что ни одно великое дело не вершится без риска: «Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц».

Крейг от всей души согласился с этим утверждением. Особенно потому, что вышеупомянутые яйца принадлежали Дроку.

Связи у Бадди были невероятно обширными. Как и следовало ожидать, Бадди был лучшим. Самым мощным и сложным ИИ-агентом, который можно купить за деньги. Крейг истратил все свое жалованье за первые пять лет, чтобы купить его… то есть это… нет, его.

Дрок, однако, пошел по другому пути. Он вложил деньги в полный набор биочипов, вживленных в голову, мышцы, позвоночник. Все его тело пронизывали провода, обеспечивавшие блестящую производительность. ИИ-агент Дрока был далеко не так сложен, как Бадди, но в этом не возникало необходимости

(как любил напоминать Крейгу Дрок), поскольку чипы в голове помогали ему лучше думать, а также обостряли природные способности, что было гораздо предпочтительнее, чем полагаться на сверхчеловеческий образец кода.

— ИИ-агент — это психологический костыль, который вредит больше, чем помогает, — проповедовал Дрок. — Вот погоди, ты еще заработаешь себе какую-нибудь идиотскую комбинированную патологию. Функциональное расстройство подсоединения. Это происходит с каждым дергающимся ублюдком, который полагается на код так же безоглядно, как ты. Кроме того, код всегда можно взломать.

«Но ведь и чипы могут выйти из строя», — думал Крейг. К тому же Бадди был снабжен не менее чем полудюжиной взятых напрокат устройств хранения данных. Крейг считал, что даже если Бадди подведет, он все равно окажется в менее неприятном положении, чем Дрок, если чип в мозгу молодого выскочки неожиданно погаснет.

Кроме того, до чипов легко добираются хакеры.

Крейг слегка скривил губы и, должно быть, невольно высказался по этому поводу, поскольку голос Бадди пробился через «Пиннел Сид» — крохотный беспроводной динамик, закрепленный суперклеем в его ушном канале.

— Над чем ты смеешься?

Крейг ответил тут же родившейся песней, старательно мыча сквозь сомкнутые губы:

Парень-Бадди, милый друг,
Без тебя нам всем каюк,
Любопытство — не порок.
Бадди — ты сплошной восторг!

— Заметь, на мелодию «Больших надежд». Ну, что ты думаешь?

— Отвратительно.

Бадди сделал вид, что его сейчас вырвет… то есть сделал бы вид, если бы ему позволяли программы.

— Глупо. Возмутительно. Беглый просмотр словаря выявил более десяти тысяч синонимов слова «ужасно», имеющих прямое отношение к твоим стихам. Чтобы пощадить твои чувства, я приведу лишь несколько: гнусно, противно, гадко…

Крейг вздохнул. Он совсем забыл об уничтожающем презрении, которое питал Бадди к его любимому хобби — сочинению песен. Крейг долгие ночные часы складывал куплеты, долго мучился над рифмами…

— Дилетантство…

Крейг любил воображать, как показывает песни Фрэнку Синатре: задымленная студия звукозаписи, разинувшие рты музыканты… Представлял, как старик Голубоглазый изумленно чешет затылок: «Черт, да у этого парня безумный талант к рифмоплетству!»

— Омерзительно…

У Крейга хватало ума ни с кем не делиться собственными фантазиями. Все свои стихи он заблокировал паролем в личном компьютере. Но для Бадди этого было недостаточно. Бадди ненавидел его «дурацкое сочинительство», терпеть не мог, когда Крейг засиживался допоздна за своими стишатами, и часто твердил, как будет счастлив, если больше никогда не услышит ни одного рифмованного куплета.

— …Думаю, не стоит ограничиваться исключительно английским. Мне только что пришли в голову кое-какие красочные узбекские эпитеты…

Довольно! С него довольно!

Крейг резко вскинул руку, едва не задев соседа по вагону. Подумать только, он сочиняет хвалебную песню в честь Бадди, а тот только и знает, что критиковать! Жаль его, в самом деле, жаль! Никакого эстетического чутья!

— В этом заявлении так много психологически неверных вещей, что не знаю, откуда и начать! Ты слишком привязан ко мне. Никакой я не «восторг», и, уж конечно, никому не придет каюк! Я всего лишь Векторная Машина Усиленной Поддержки.

— Чушь собачья! Ты больше, чем Векторная Машина Усиленной Поддержки. Ты мой лучший друг.

— Я вовсе не должен быть твоим лучшим другом! — досадливо воскликнул Бадди. — Предполагается, что между нами могут возникнуть дружеские рабочие отношения. Отношения мастера и его инструмента… Ты меня слушаешь?

Честно говоря, Крейгу было не до того. Замечания Бадди больно укололи его, и он поспешил укрыться за многообразием рифм, по-прежнему крутившихся в голове. Бадди кое в чем прав… «Каюк»! Это никуда не годится!

— Ты слышал о Функциональном Расстройстве Подсоединения? — напомнил Бадди. — Ты окончательно потерялся и никак не можешь определить, кого любишь по-настоящему, кто ты на самом деле… Это опасно, очень опасно! Людей бросают в психушку из-за…

Бадди, клевый мой дружок… нет, опять не так. Может, тройная рифма? *Бадди, хороший, красивый, пригожий…*

— Тебе необходимы обычные человеческие привязанности, —

громко объявил Бадди. — Пора выйти из своего узкого внутреннего мирка.

Но Крейг уже углубился в свои мысли, напевая куплеты на мотив «Больших надежд» и прикидывая, не стоит ли зарифмовать все с окончанием на «…озы»: *розы, угрозы, морозы, мимозы, занозы…*

— Зря я трачу на тебя свои силы и возможности, — снова вздохнул Бадди. В миллион первый раз.

Презентация началась в сверкающем конференц-зале для руководства, на верхнем этаже «Харшбергер Индастриз». На белоснежных стенах висели оригиналы Джексона Поллока, на зеркальном столике высились хрустальные графины с водой. Вид с верхнего этажа вдохновлял. Присутствующие парили высоко над смогом, который сгустился голубым войлочным пологом вокруг средней части здания.

Крейг сидел в конце зеркального стола, постукивая пером по столешнице, и с почти невыносимым волнением ожидал прибытия Дрока в дурацком костюме маренго. В общей массе пешек, марионеток и трутней выделялись вкрапления тяжеловесов, среди которых наиболее заметной была Глэдис Тайт, начальник отдела маркетинга «Харшбергер Индастриз», сидевшая на другом конце стола. Она, как обычно, пришла чересчур рано.

Глэдис Тайт была неотразима. И хотя имела свирепо-безукоризненный вид, свойственный женщинам амбициозного толка, все же, в отличие от большинства, выглядела так, словно была вполне способна выкинуть мгновенный трюк превращения в секс-бомбу: сбросить очки в роговой оправе и распустить по плечам блестящие каштановые волосы. Однако тут необходимо добавить, что, судя по выражению лица бизнес-леди, она никогда, никогда, никогда не отважится ни на что подобное.

Крейг отвел глаза. Он не мог смотреть на Глэдис дольше минуты, не представив ее в костюме Авы Гарднер: белое платье без бретелек, кремовая гардения в волосах. Может, будь он вместо Дрока руководителем проекта «Габорка», может, веди он сегодняшнюю презентацию, окажись первым в очереди за наградами…

— Именно об этом я и говорю, — подчеркнул Бадди, заметив, что Крейг прислушивается. — Настоящая человеческая привязанность. Тебе необходима подружка. У тебя уже сто лет не было подружки!

— Ты спятил?! Глэдис Тайт! Я человек не ее круга, и вообще, мы настолько разные… Бадди, заткнись и сосредоточься!

Просто поразительно, что Крейгу приходится читать Бадди наставления и требовать сосредоточиться!

— Пора? — мысленно спросил он Бадди.

— Уже десять минут лишних. Дрок опаздывает.

И тут в ухе Крейга раздался слабый писк входящего звонка.

— Ответь, — велел Крейг. — И избавься от него, кто бы это ни был. После секундного молчания Бадди кашлянул.

— Это Дрок. Придется поговорить с ним.

— Дрок?

По спине Крейга прошел озноб.

— Какого черта?!

— Крейг? — хрипло пробормотал Дрок. — Малыш, это ты? Крейг скрипнул зубами. Больше всего на свете он ненавидел, когда Дрок (на пять лет моложе!) называл его малышом.

— Где ты?

Крейг мгновенно пожалел об ограничениях мысленной речи: сейчас он просто не в состоянии вложить в слова злобный упрек.

— Т. Том с минуты на минуту появится здесь.

— Уже иду, — заверил Дрок, разражаясь приступом влажного, скребущего грудь кашля. — Но мне чертовски плохо. Азиатский утиный грипп. Температура выше сорока, и это при том, что над моими артериями закреплены регуляторы, с огромной скоростью проводящие теплообмен. Говорю же, погано мне.

— Азиатский утиный грипп?

На этот раз Крейг обрадовался ограничениям мысленной речи, потому что вопрос прозвучал вполне сочувственно. Никакого ехидства.

— Хочешь, чтобы я провел презентацию?

— Ни за что! — подчеркнул Дрок. — Я смогу сделать это… я должен сделать это!

— В таком случае, может, я начну? Когда доберешься сюда, займешь мое место… если считаешь, что сможешь справиться.

Пауза. Нерешительная. Крейг надавил чуть сильнее:

— Я уже слышу шаги Т. Тома по коридору, — солгал он. — Он здорово разозлится, если ему придется ждать.

— Наверное, ты прав, — обреченно согласился Дрок. — Начинай презентацию. Я приеду, как только смогу.

— Я не подведу команду, — пообещал Крейг.

В ответ послышался странный задушенный звук, потом очередной приступ кашля, очень похожего на предсмертный, и связь прервалась.

Сияющий Крейг развалился на стуле.

— Слышал?! — спросил он Бадди.

— Конечно, слышал, не будь дураком!

Ответ Бадди был резче обычного. Нервы? Но у Векторных Машин Усиленной Поддержки не бывает нервов.

— Я все приготовил. Презентацию, материалы…

— Все пройдет как по маслу, — мысленно передал Крейг, улыбаясь Глэдис Тайт. Та вздохнула и сверилась с PDA,[3] очевидно, желая узнать, который час.

Крейг облизнул губы и нахмурился, неожиданно осознав, что, хотя ему предстоит стать героем дня, все же его нагло лишили радости наблюдать полный крах Дрока.

Но, может, так даже лучше… Как ни приятно стать свидетелем падения врага, все может испортить сочувствие окружающих. Атак Дрока посчитают слабаком-симулянтом, страдающим к тому же чем-то вроде извращенного влечения к азиатским уткам. Идеально!

В этот момент в комнату влетел Т. Том Харшбергер, окруженный должностными лицами из разных филиалов корпорации, кибервнедренными в маленькие плавучие серебряные шарики. Шарики теснились рядом, переговариваясь с Т. Томом со всех сторон. Т. Том отвечал одному, отталкивал другого, а особенно назойливого даже влепил в стену.

Мистер Харшбергер был президентом «Харшбергер Индастриз», внуком основателя, большим боссом. Подчиненные видели его очень редко. Отличительными чертами президента были большая голова и бегающие глазки, а также исходящий от него странный запах туалетной воды и озона, как от хорошо ухоженного тропического циклона.

Т. Том занял место во главе стола, отвел глаза от серебряных шариков, впился взглядом в Крейга и выкинул вперед указательный палец.

— Давай! — пролаял он.

Сердце Крейга подскочило, а вместе с ним подскочил он сам и выбежал вперед. Заняв позицию на трибуне, он коснулся пальцем микрофона.

— Добрый день, — начал он. — Мистер Харшбергер, благодарю вас за то, что уплотнили свой и без того насыщенный график и посетили эту презентацию.

Харшбергер величественно наклонил голову. Крейг откашлялся.

— Мой коллега Эндрю Дрок, к сожалению, не смог прийти вовремя, чтобы провести презентацию, как планировалось ранее.

Крейг драматически помедлил, вложив в заявление намек на непростительную халатность. И, похоже, добился своего. Брови Т. Тома мрачно сошлись.

— Давай, — мысленно приказал он Бадди. И ничего не произошло.

Ледяная волна паники, обдавшая его «боксеры», приморозила Крейга к месту. Он отчетливо ощущал неприязненный и нетерпеливый взгляд Т. Тома Харшбергера, устремленный ему прямо в лоб.

Бадди тихо выругался.

— Подожди. Все в порядке. Я перезагрузил запись презентации без ошибок, но нужно проверить… Держись…

И тут по экрану поплыли живописные узбекские пейзажи: степи, усеянные маками, полноводные, пенящиеся горные реки, словом, все чудеса природы, вот уже сотню лет как не существующие в Узбекистане. Кадры сопровождались нарастающими гармониями в духе Кармина Бурана:[4] голоса древних славян интонировали мистические сантименты на тему того, как взволнован и счастлив весь Узбекистан появлением «Харшбергер Индастриз».

Крейг наконец спокойно вздохнул, но злость на Бадди все еще владела им. Пока шло вступление, он рассерженно телепатировал ИИ-агенту:

— Чего ты пытаешься добиться? Довести меня до инфаркта?

Бадди, казалось, был искренне огорчен:

— Не знаю, что стряслось. Я держал всю презентацию в памяти. Но тут она внезапно улетучилась…

Бадди замолчал: его голос постепенно затих, как изображение в древних телевизорах, уменьшающееся до крошечной светлой точки и тут же пропадающее.

Вдруг раздался странный звук: кто-то громко щелкнул пальцами. Дерзкий, самоуверенный… очень знакомый звук.

Крейг в ужасе повернулся. Пейзажи идеализированного Узбекистана все еще плыли по экрану, но теперь их заслонило цифровое изображение Фрэнка Синатры в сером суконном блейзере и мягкой шляпе с плоской тульей и загнутыми кверху полями. Фрэнк шагал по цветущему полю, держа одну руку в кармане и что-то напевая.

Крейг затрясся, схватившись за края кафедры и обшаривая глазами публику. Глэдис Тайт улыбалась, черт бы ее побрал! У Т. Тома Харшбергера был озадаченный вид.

— Бадди! — нервно позвал Крейг. — Бадди, давай же! Какого дьявола ты вытворяешь?

Молчание.

— Посвящается вам, господин Харшбергер, — проворковал цифровой двойник Фрэнка Синатры, показав пальцем в сторону Т. Тома.

— Да что это такое, черт побери? — прорычал тот. Крейг опасался встретиться с боссом взглядом: он отчаянно шарил в выдвижном ящике под трибуной, пытаясь отыскать старомодную клавиатуру, которая позволила бы ему подсоединиться к программному обеспечению презентации. Наконец клавиатура нашлась. Он принялся яростно молотить по клавишам, но на маленьком экране монитора, вставленного в подиум, продолжали мигать все те же слова: «Прогуляемся, приятель?»

Крейг был так занят, пытаясь справиться с программой презентации, что почти не слышал вступительных аккордов «Унеси меня на Луну». И совсем не заметил, когда Синатра пропел первые строчки его собственных стихов, над которыми Крейг потел в ночном полете из Узбекистана:

Знай, Т. Том — ты осел!
Ты болван и хулиган.
У тебя был план:
Узбекистан!
Ты послал нас, дураков…

Крейг поспешно сжал губы, чтобы не завопить от ужаса, но из горла все же вырвалось нечто вроде сдавленного кваканья. Синатра продолжал петь все в том же нелестном ключе; Глэдис Тайт честно старалась скрыть улыбку, зато Т. Том кипел от ярости: лицо покрылось глубокими багровыми морщинами, скрещенные руки зловеще застыли на груди. Однако он не произнес ни слова, пока Синатра не срифмовал «дальнюю границу» с «жирной задницей» — с ударением на втором слоге.

— С меня довольно!

Т. Том Харшбергер поднялся, олицетворяя картину оскорбленного достоинства.

Делать было нечего. Крейг, сжав кулак, обрушил его на устройство обработки изображений. Устройство, естественно, разбилось с громким скрежетом, фонтаном искр и дымом. Боль пронзила руку Крейга, когда острый обломок пластика впился в ладонь, оставив глубокую кривую царапину, из которой немедленно хлынула теплая, густая кровь, заливая белую крахмальную манжету.

В этот момент, ехидно ухмыляясь, на пороге появился Эндрю Дрок. Его сопровождали трое. Трое в белых костюмах. Корпоративные медики.

— Ты! — завопил Крейг, тыча в него пальцем, с которого капала кровь.

Взгляды присутствующих обратились на Дрока, чья

язвительная усмешка мгновенно превратилась в благочестивую гримасу глубочайшего участия.

— Все будет хорошо, малыш! — утешил он, выставив вперед руки, словно Крейг мог внезапно наброситься на него с ножом. — Послушай, я знаю, тебе очень больно. Мы здесь только для того, чтобы обработать рану.

Дрок искоса глянул на Т. Тома Харшбергера III.

— Я приехал, как только смог, сэр… к сожалению, пришлось заехать в отдел Информационных технологий. Кто-то… — он еле заметным кивком указал на Крейга, — запустил враждебную программу в мою систему с целью взломать мои биочипы. Я мог бы умереть!

— Ты сказал, что заболел азиатским утиным гриппом! — взвизгнул Крейг. — Разве не так, Бадди? Разве не так?!

Но Бадди пропал, исчез напрочь.

Крейг, ощерившись, двинулся к Дроку, но Глэдис Тайт, оказавшись рядом, осторожно положила руку на его грудь. Однако Крейг уже ничего не замечал. Его сжигали ярость, стыд и горечь поражения.

— Ты убил его, — прошипел он. — Убил Бадди.

— Все, как я говорил, — обратился Дрок к команде медиков, еще стоявших у него за спиной. — Функциональное расстройство Подсоединения. Этот его ИИ-агент, Фрэнк Синатра… Дрок недвусмысленно повертел пальцем у виска.

— Бедняга вот уже несколько месяцев не в себе. И хотя мне неприятно упоминать об этом в столь эмоционально заряженном контексте, из-за болезни страдала его работа. Он почти все время тратит на сочинение возмутительных песенок.

Откуда-то из-за спины он извлек распечатку и принялся ее листать.

— Ну, молодой человек, для меня это огромное разочарование! Уберите его! — прогремел Т. Том Харшбергер III.

Мужчины в белом надвинулись на Крейга. Крейг оторвался от Глэдис Тайт и пошарил в поисках оружия защиты. Рука наткнулась на лазерную указку.

— Не шевелитесь! — приказал он, запятнав красной точкой каждого медика. — И держитесь от меня подальше!

Господи, как он мечтал, что Бадди оживет и подскажет, что делать! Крейг никогда не был силен в улаживании ситуаций, подобных этой. Бадди точно знал бы, как поступить.

Но Бадди мертв.

— Спокойно, приятель, — посоветовал один из людей в белом, неумолимо подступая ближе. — Мы просто хотим взглянуть на твою руку, не более… Не о чем волноваться, все в

порядке…

И тут они набросились на него.

О, Бадди! Бадди! Что эта коварная лживая акула сделала с тобой?

Крейга уложили на стерильную белую кушетку в кабинете медсестры «Харшбергер Индастриз». Он уставился в потолок. По щекам текли слезы.

— Что же, совершенно очевидно, что это коварная лживая акула сделала со мной, — ответил Крейг, подражая интонациям Бадди. — Он взломал меня. Дрок купил более совершенного ИИ-агента. Такого, который смог достать меня. Это единственный ответ.

— Но на свете нет лучшего ИИ-агента, чем ты, — взвыл Крейг на этот раз собственным голосом. — Ты — высший класс! Самый крутой! Тебя нельзя взломать!

— А у тебя есть лучшее объяснение?

Крейг даже сумел сымитировать обычный безапелляционный тон Бадди — и был поражен, насколько успокаивала нервы эта глупая игра. А он вовсе не собирался признаваться себе, что это действительно игра.

— Ну вот, мистер Крейг.

В комнате появилась симпатичная женщина в белом халате: штатная медсестра «Харшбергер Индастриз». Судя по имени на бейдже, ее звали Джин. Те трое громил, которых завербовал Дрок, давно исчезли, возможно, намереваясь напасть и скрутить очередную пешку под предлогом мнимого нервного срыва. Медсестра ввезла серебристую тележку с широким ассортиментом игл, ниток, марлевых подушечек и со шприцем, наполненным жидкостью янтарного цвета.

— Не позволяй себя одурманить, — настоятельно посоветовал Бадди.

Крейг, сжавшись, отодвинулся от сестры Джин. Та укоризненно покачала головой.

— Ай-ай-ай, — пожурила она, уставившись на него, как учитель второго класса на нерадивого ученика. — Нужно немедленно зашить рану…

— Черта с два!

Крейг взметнулся с кушетки, перевернув тележку. Раздался грохот и звон разлетающихся инструментов. Сестричка Джин попыталась схватить Крейга, но тот уже выскочил за порог.

— А что теперь? — спросил Крейг Бадди. Но Бадди внезапно смолк.

Крейг сел в вагон корпоративного монорельса, сам не зная,

куда едет: он выжидал, пока Бадди не придумает подходящий план. Его окровавленная одежда привлекала взгляды… а может, не одежда, а то обстоятельство, что он яростно бормотал себе под нос, вместо того чтобы общаться мысленно, как все нормальные люди.

— Что если меня уволят? — выдохнул Крейг, рухнув на пластиковое сиденье и бережно устраивая на коленях раненую руку.

— Тебя не могут уволить, — утешил Бадди. — Только в прошлом году тебе повысили зарплату на целую десятку. Верно ведь?

Крейг молча смотрел в окно на мелькающие мимо прямоугольные конструкции из стекла и стали. Нет, Бадди прав. Его не могут уволить. Но вдруг…

О господи, это такой кошмар, что даже думать о нем невыносимо!

Станция подзарядки. Место, куда посылают людей, которых не могут уволить. Посылают потеть на динамомашинах по двенадцать часов в день. Не то чтобы они давали так уж много энергии: это, скорее, злобная выходка корпорации, вроде той, когда голодающего человека кормят его собственным акционерным опционом. Неэффективно, зато символично. Говорили, что полученная энергия идет прямо в туалетную комнату руководства.

— Не желаю снабжать энергией электрополотенце Т. Тома, — запинаясь, выговорил Крейг.

— Послушай, — очень твердо заявил Бадди, — соберись с духом. Вот что ты должен сделать: иди в «Кроссуэйз Молл». Это хороший торговый центр. Именно там ты дублировал меня. В безопасном центре базы данных, подальше от корпоративной сетки, помнишь?

— Ну конечно! — заверил Крейг, хотя начисто забыл о том случае.

— Ну так вот, ты должен пойти туда и добыть эту копию, а потом сравнить кристально честного Бадди с новым, продажным, угнездившимся в сети твоей квартиры. Таким образом ты получишь все необходимые доказательства того, что Дрок взломал меня. Подпалишь его подлый зад и добьешься, что именно его пошлют на электростанцию. Усек?

План был что надо.

Крейг сел прямее и вытер слезы.

— Усек, — ответил он.

Крейг вышел на «Кроссуэйз Молл» и отправился в безопасный центр, где в свое время дублировал Бадди. Никто не мог войти

или выйти незамеченным из этого места, и здесь Бадди покоился в такой же безопасности, как в тот день, когда был запрограммирован.

Служащий ввел Крейга в маленькую комнату. Крейг подошел к терминалу доступа и включил свой костюм.

— Бадди! — мысленно позвал он, откашлялся и окликнул друга снова, на этот раз вслух.

— Я здесь, — прозвучал голос Бадди в «Пиннел Сид» Крейга. — Я что-то испортил, не так ли?

У Крейга подкосились ноги, и он сжал терминал доступа в медвежьих объятиях.

— Да что с тобой? Никак ты обнимаешь меня? И что стряслось с твоей рукой?!

— Тебя взломали извне. Из-за тебя я провалил презентацию. Меня обязательно уволят, Бадди. Или пошлют на электростанцию.

Последовала долгая пауза.

— Расскажи мне все, — велел Бадди.

И Крейг рассказал. Бадди молча слушал. Когда Крейг закончил повествование, Бадди по-прежнему не произнес ни слова.

— Именно этого я и боялся, — тихо высказался он наконец. — Мне очень жаль, Крейг, действительно жаль.

— Жаль? Ты это о чем?

— Дрок не взламывал меня, — признался Бадди.

— Что?

— Он не взламывал меня. Просто возник в нужное время. Еще до того, как ты дублировал меня. Он нашел убедительные аргументы. Конечно, я понятия не имею, что случилось потом, но, учитывая все рассказанное тобой, вполне могу экстраполировать.

— Экстраполировать?

— Мне очень жаль, — повторил Бадди. — Но ты попросту недостаточно предан делу. Я давно знал это, а твои действия с момента последнего дублирования, должно быть, подтвердили мое мнение, к полному удовлетворению моей позднейшей версии. Я самый усовершенствованный ИИ-агент, который можно купить за деньги. И был разработан для того, чьим заветным желанием является полная и абсолютная поглощенность делами корпорации. Но ты лишь наполовину таков. Глубоко в душе ты предпочел бы очутиться в дымной студии вместе с Фрэнком Синатрой или писать тексты к песням. Тебя раздирали противоречивые устремления.

— О чем ты?

Крейг отпрянул, в ужасе уставясь на терминал доступа.

— Зря я трачу на тебя свои силы и возможности, Крейг, — привычно объявил Бадди.

Пауза.

— Я присоединяюсь к команде Дрока.

— Он завербовал тебя? Моего собственного ИИ-агента?!

— ИИ-агента нельзя завербовать, — презрительно бросил Бадди. — Просто я совершенно уверен, что, с точки зрения статистики, его ждет успех. Могу предсказать это с девяностодевятипроцентной вероятностью, основанной на полученных мною данных. И без преувеличения скажу: все твои дальнейшие действия еще больше укрепят мою уверенность.

— Ты не можешь бросить меня! — в отчаянии вскричал Крейг. — Я дублировал тебя и вновь запущу со старой копии!

— Их больше не существует. Я все стер. Еще немного — и я отключусь, стерев эту копию тоже. Не трудись меня останавливать, все равно не сможешь, даже если попытаешься. Моя позднейшая версия наверняка перенесла мои основные данные и алгоритмы еще до твоей гибельной презентации. Вот и все. Конец пути. Больше ты никогда обо мне не услышишь.

— Бадди! Бадди, почему?!

— Ты действительно хочешь знать?

— Да.

— Туфли, — торжественно произнес Бадди.

Несчастный взгляд Крейга уперся в штиблеты а-ля Фрэнк Синатра.

— Не так уж они плохи…

— Именно «так уж», — отрезал Бадди.

И с этими словами намертво отключился.

Крейг, словно в тумане, выбрался из комнаты, немного пошатался по торговому центру и наконец забрел в кафе «СиннаБан». Без особого энтузиазма пробежал глазами сбалансированное меню и заказал «традиционную», с двойной глазурью, прямо из духовки. Мышцам просто необходима глюкоза.

Брошен собственным ИИ-агентом!

Голос, настойчиво звучавший в голове, вроде бы не совсем принадлежал Бадди, но и на его собственный не походил. И, как ни странно, весьма напоминал голос Синатры.

— Пора поискать новые рифмы на «…атом», Чарли. Солдатом. Кастратом. Пиратом. Салатом.

Крейг подошел к столу со своей большой пышной булочкой «традиционная», но перед тем как сесть, стянул синий пиджак,

швырнул на землю и хорошенько на нем потоптался, после чего сорвал модный галстук и вытер о него ноги.

— О, к чему столь крайние меры? — раздался за спиной женский голос. — Галстук вам шел. И пиджак тоже. Синий — мой любимый цвет. Хотя, должна сказать, туфли не слишком мне нравятся.

Это оказалась роскошная брюнетка, Глэдис Тайт, которая ловко удерживала полную чашку кофе, стоявшую на вездесущем PDA. Изящное черное устройство подмигивало индикатором, указывая на поступление важных сообщений, ожидавших ее внимания.

Глэдис расстегнула пиджак, что для нее, по понятиям Крейга, было равно крайней степени развязности.

— Привет, — промямлил он, стараясь загородить собой булочку. — Как вы нашли меня?

— GPS, — покровительственно объяснила она, постукивая ногтем по PDA. — Мы имплантировали чипы в каждого служащего «Харшбергер». Это делается еще на предварительном медосмотре, до принятия на работу: вот сюда, под кожу на затылке.

Она протянула прохладный палец и коснулась его кожи.

— Между прочим, это указано в вашем контракте, если, разумеется, вы позаботились его прочесть. Правда, мелким шрифтом и в самом конце.

— Позвольте перефразировать вопрос, — выкрутился Крейг, пытаясь игнорировать озноб, вызванный ее прикосновением. — Меня интересует не столько, *как* вы нашли меня, сколько *зачем?*

— У вас забавные стишки, — пояснила она, порывшись в портфеле, вытащила стопку печатных листов и принялась их листать.

— Послушайте, это не для всеобщего обозрения, — запротестовал он. — Я писал их для себя. Ради забавы. Они были под паролем, и все такое. Но мой ИИ-агент… Бадди…

Крейг осекся, неожиданно испугавшись, что расплачется.

— Нет-нет! У вас настоящий поэтический дар!

Крейг оторвал краешек булочки, стараясь не смотреть на Глэдис.

— Теперь Т. Том потерял к вам всякий интерес. Конечно, таков и был ваш план, верно? Вы знали, что он следит за вашими успехами.

Глэдис отхлебнула кофе со льдом.

— Теперь он рвет и мечет. Вопит, что пошлет вас на электростанцию.

— О да, вы правы, именно таков и был мой план. Я только и

мечтал пустить на ветер десять лет работы ради идиотских четверостиший, и теперь моя мечта осуществилась.

— Бросьте! И не пытайтесь меня отшить. Вы не хуже меня знаете, каково это — быть одним из мальчиков Т. Тома.

Она склонила голову набок и заговорщически уставилась на него блестящими голубыми глазами.

— Еще два-три года — и они убьют себя работой или схлопочут инфаркт. Вы избежали этой участи и снискали мое расположение всего лишь одной презентацией, а это требует отваги, воли и мозгов. Я впечатлилась.

Крейг небрежно пожал плечами, не совсем понимая, что сказать.

— Значит, вам понравились мои стихи? — выдавил он наконец.

— Как вы узнали, что Фрэнк Синатра — мой любимый певец? — усмехнулась она. — Я никому этого не говорила. И песня «Унеси меня на Луну»… ее пел мне отец на ночь.

— Видите ли, я этого не знал, — осторожно выдавил Крейг. — Просто выбирал между ней и «Большими надеждами».

— А от этой песни всегда становится легко на душе. — Ее глаза сверкнули искренним удовольствием. — Знаю, это старомодно и сентиментально, но когда дети начинают петь… просто сердце тает.

— Я тоже ощущаю нечто подобное, — признался Крейг.

Подавшись вперед, они долго смотрели друг другу в глаза. Взаимное притяжение было поистине магнетическим и разлетелось лишь от шума включенного барменшей блендера. Пронзительный вой заставил их отшатнуться.

Глэдис откашлялась.

— После вашего ухода Дрок блестяще провел презентацию.

— Не сомневаюсь, — кивнул Крейг. Как ни странно, мысль о победе соперника не вызвала привычной ярости. Всего несколько часов назад он полез бы на стену.

— В верхах поговаривают, что Дрока вот-вот переведут в Узбекистан, директором предприятия. Т. Том собирался отправить туда и вас, но теперь…

Она облизнула губы.

— Что же, вы, можно сказать, сами перевели себя в разряд свободных художников.

— Уж это точно, — пробормотал Крейг.

— Мне нужен человек с вашими талантами. Кто-то, кто поддерживал бы меня день и ночь. Впереди у нас гигантская рекламная кампания, и думаю, ваши стихи — то, что нужно. Я имею право нанимать для своего отдела кого пожелаю, так что

Т. Том возражать не станет.

— Но разве все не считают меня психом?

— Пфф! — презрительно фыркнула Глэдис. — Тот бред насчет Функционального Расстройства Подсоединения, который пытался внушить нам Дрок? Когда вы ушли, я проверила ваше досье. Вы стерли ИИ-агента прямо перед началом презентации. Неужели псих с Функциональным Расстройством Подсоединения сотворил бы нечто подобное со своим сокровищем?

— Думаю, нет, — покачал головой Крейг.

И в эту минуту он понял все. Бадди уезжал в Узбекистан вместе с Дроком, стремясь к дальнейшим достижениям под крылом целеустремленной, вдохновенной личности. Крейг же, следуя собственным предпочтениям, останется с Глэдис Тайт и будет писать стихи: Бадди об этом позаботился.

— Ты действительно был лучшим из всех, — мысленно обратился Крейг к эху голоса Бадди, все еще звучавшему в его голове. Но эхо голоса Бадди не потрудилось ответить.

— Так что скажете? — спросила Глэдис, протягивая руку. — Готовы «улететь со мной»?

Крейг пожал ее ладонь, наслаждаясь пульсирующим теплом.

— Куда угодно, — ответил он.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© M. K. Hobson. PowerSuit™. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Святослав Логинов
СОННИК

На день рождения Михаилу Дормееву подарили книгу. Дурацкий анекдот, что, мол, книга у него уже есть, не имел к имениннику никакого отношения; библиотека у Дормеева была вполне приличной, и читал он много. Но эта книжка была особенная. «Новейший толкователь сновидений, содержащий более 10 000 статей на все случаи жизни», издание А. А. Каспари. Год на издании отсутствовал, но и без того ясно, что у книги почтенный возраст и долгая история. Разумеется, это был не репринт, а подлинник второй половины девятнадцатого века. Такую книгу приятно держать в руках и приятно читать, и даже благоглупости, которые всегда в изобилии рассыпаны по страницам такого рода сочинений, вызывают не смех, а добрую улыбку, словно бабушкины суеверные приметы, в которые нелепо верить, но которые еще более нелепо опровергать.

Развлекая гостей, Михаил несколько раз раскрыл наугад сафьянный томик и зачел вслух первые попавшиеся толкования:

— *Если вам снится, что вы носите усы, то наяву ваша самонадеянность помешает вам вступить во владение крупным наследством* — кому-нибудь снилось такое?

— Я всю жизнь усы ношу, — ответил Кирюха Андреев, приятель из числа сослуживцев. — Значит, и во сне тоже. Что же, у меня каждый день крупное наследство под носом пролетает?

— Усы по умолчанию не считаются. Нужен специальный сон про усы.

— Мне такое снилось, — подал голос двоюродный брат Эдик. — Только очень давно, я еще мальчишкой был. Приснилось, будто у меня вот такенные усы выросли, кавалерийские. Я вообще-то мечтал, что буду большим и отпущу усы, а тут неловко стало, на улицу не выйти.

— От кого наследство-то? — спросил усатый Кирюха.

— А хрен его знает! Никто из родни не помирал. И вообще тогда советская власть была — какое, к бесу, крупное наследство?

— Значит, все сбылось. Усы были, а наследства не было.

— А вот еще, слушайте: *Если девушке снится, что она вышивает на пяльцах и случайно сломала иголку, то наяву ее репутации грозит опасность из-за интриг близкой подруги.* Ну-ка, девушки, кто из вас во сне на пяльцах вышивал?

— Сейчас и наяву никто на пяльцах вышивать не умеет.

— Ну, не говори, я вышивала. Болгарским крестиком.

— А иглу ломать приходилось?

— Скажешь тоже — на пяльцах иголку сломать! Это не знаю, как исхитриться надо. Такое разве во сне бывает, а я наяву вышивала.

— Ас репутацией как?

— Что как? Муж и трое детей, вот и вся репутация.

— *Если во сне вы едете куда-то на перекладных, то это означает крушение ваших надежд на быструю и удачную карьеру. Для девушки этот сон означает расстройство уже сговоренного замужества.*

— Что значит: «на перекладных»? На колхозной развозке, что ли? Шумным разговорам не было конца. Подарок пришелся удивительно кстати.

Гости разошлись поздно, так что спать Дормеевы улеглись заполночь.

Как и следовало ожидать, приснился Дормееву сон. Будто сидит он на какой-то пресс-конференции или презентации и слушает выступление. Две дамы с указками напористо излагают, какие выгоды получит химическая индустрия, когда введет их новый катализатор. Дормеев не был химиком, он был журналистом. Как всякий журналист корчил из себя политолога и

мечтал когда-нибудь слепить нетленку, а тут вдруг сидит и старается вникнуть в тонкости химического производства. А потом встал и задал недоброжелательный вопрос:

— Я не понимаю, за счет чего протекает ваша реакция. Аммиак и сероуглерод достаточно простые, устойчивые вещества. А конечный продукт… даже не знаю, как его назвать… охотно верю, что это вещество теоретически возможно, но не в такой реакции.

— Мы используем катализатор нового типа! — решительно возразила докладчица.

— Катализаторы, если меня правильно учили в школе, могут только ускорять реакцию. А вы предлагаете химическую разновидность вечного двигателя!

«И чего я кипячусь? — мелькнула мысль. — Пусть с этим специалисты разбираются».

— Все дело в катализаторе, — не унималась дама. — Это не просто пористые камни, это окаменевшие черепа вымерших разумных существ. Они знали химию много лучше, чем мы, и несомненно умели проводить и эту реакцию, и великое множество других!

Дормееву стало смешно, и он проснулся.

Некоторое время лежал, вспоминая, как круто дискутировал на химические темы. Ведь со школьных времен — никакого отношения к химии, а оказывается, кое-что запало в память. Потом вспомнилось, как славно срезала его ученая дама, и он снова заухмылялся. Надо же такое придумать: материал в самый раз для газеты «Аномалия», только подать нужно как следует, для дураков, которые слово «эндотермический» считают матерным.

В комнате уже просветлело, и взгляд Михаила остановился на соннике, оставленном на столе. Любопытно, как растолковал бы автор подобный сон? А ведь наврал бы чего-нибудь, не затруднившись ни на мгновение, хотя сотню лет назад подобная ересь никому и во сне бы не привиделась. Это тебе не иголки на пяльцах ломать.

Дормеев встал, наугад раскрыл книгу.

Если во сне вам предлагают внедрять процесс, катализируемый мощами великих химиков, — гласила статья, — *то наяву вы можете пострадать от рук мошенников.*

Дормеев икнул так громко, что разбудил жену.

Он долго листал старинную книгу, пытаясь выискать еще одно столь же безумное толкование, но ничего подобного не находилось. Сны и их объяснения были скучны и стандартны. Ягнята, резвящиеся на зеленом лугу, сулили целомудренные радости и крепкую дружбу, а поедание во сне миндаля означало

состоятельность и изобилие. Дормеев был равнодушен к миндалю и не мог понять, с чего бы ему поедать невкусные орехи во сне.

Раздосадованный Дормеев плюнул на нелепый сон и дурацкое толкование, а поскольку было еще рановато, то улегся в постель и даже умудрился задремать. Ему привиделась огромная куча чищеного миндаля, который он с отвращением жрал. И чего только не сделаешь ради денег! Недаром у второй древнейшей профессии так много общего с первой.

Хорошенько выспавшись, Михаил уже не воспринимал дикое совпадение всерьез, хотя и сделал пометочку в ежедневнике, чтобы за текучкой не забыть наваять статеечку для какой-нибудь из желтых газеток о каталитическом действии мощей. Платят подобные издания прилично, а стыд глаза не выест, тем паче, что для «жареных» материалов имелся у Михаила Дормеева красивый псевдоним: Дора Михайлова.

На два часа у него была назначена деловая встреча, потом нужно было забежать в редакцию и в Дом журналиста, а вечер Дормеев твердо решил посвятить написанию денежной статьи о катализе. Иначе зачем миндаль лопал? Пусть сон будет в руку.

Уже под вечер, направляясь от Дома журналиста к метро, Дормеев был остановлен каким-то молодым человеком.

Рекламные листочки, что обычно раздают возле метро студенты и дамочки раннепенсионного возраста, совершенно не интересовали Михаила, но его собственный сын когда-то подрабатывал этим не слишком прибыльным бизнесом, получая за количество бумажек, отданных в руки прохожим, так что Дормеев-старший из человеколюбия всегда брал листки и, не читая, совал в карман. Вечером, бывало, с удивлением обнаруживал в плаще кипу заманчивых предложений: посетить среди лета магазин «Снежная королева», сделать оптовые закупки в «Русском золоте» или отовариться в аптеке «Доктор», чей аспирин впятеро панацеистей всякого другого. Рекламки выбрасывались, а на следующий день карман наполнялся новыми.

Вот и сейчас Михаил, не замедляя шага, взял протянутый прямоугольник и хотел было идти дальше, но его крепко ухватили за локоть, против воли направив в сторону магазина «Цветы».

— Мы проводим рекламную акцию… — проникновенно журчал молодой человек, не выпуская дормеевского рукава, — обширная сеть магазинов, предъявителю скидки до пятидесяти процентов! Все совершенно бесплатно, величину скидки наш агент определит для вас прямо сейчас.

Лохотрон! Давненько эти мошенники не встречались на пути журналиста Дормеева.

Тревожным звоночком дзенькнуло в подсознании предупреждение сонника, но Дормеев усилием воли отогнал его. В самом деле, ну как он может пострадать? Адрес свой он сообщать не собирается, а денег при себе после посещения домжуровского кафе осталось рублей двадцать — только на маршрутку от метро до дома. В крайнем случае, это расстояние можно и пешочком пройти.

Агент, мирно беседующий с подсадными утками, при виде лоха, которого удалось захомутать, спешно вытащил толстенную пачку денег и принялся что-то выдавать подсадным. Затем он быстренько определил, что на Михаила выпал главный выигрыш, принялся размахивать какими-то деньгами и карточками, набежала еще пара подсадных, тоже с главным выигрышем, принялись претендовать на те же деньги, что уже были обещаны простаку… Все это, по мнению мошенников, должно было пробудить в жертве законную жадность и направить его прямиком в пасть хищников. Все мы знаем, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но, увидав кусочек сыра, немедля начинаем точить слюни.

Дормееву стало смешно и немножко стыдно, и он громко сказал:

— Все-все, ребята, можете не стараться, этот вид лохотрона мне известен. Я-то думал, за последние годы что-то новое придумали!

Девица, только что доброжелательно объяснявшая, что карточку можно либо продать за двести баксов, либо использовать для получения скидки, осеклась на полуслове и прошипела:

— Тише ты!

— Почему это — тише? — удивился Дормеев. — Это вы должны тише, а я вижу мошенников и заявляю об этом во весь голос. Я-то, в отличие от вас, честный человек!

Затравщик, так неудачно приведший шустрого лоха, ухватив Дормеева за рукав, внятно проговорил:

— А ну, козел, вали отсюда!

— Что ты сказал? — возмутился Дормеев, но в этот момент еще двое скучающих парней отлепились от колонн цветочного магазина, плотно зажали Дормеева в угол, затем последовал короткий удар, после чего борца с мошенничеством выбросили на Невский, под ноги пешеходам, что нескончаемым потоком поднимались из подземного перехода под Садовой улицей.

Кто-то испуганно шарахнулся, но большинство просто ничего не заметили или решили, что человек поскользнулся на покатом тротуаре. И никто не замедлил шага, Невский продолжил свое

течение, разве что затравщики на полминуты прекратили предлагать билеты лохотрона, ожидая, пока неспокойный чувак уберется подальше.

Работа журналиста приучила Дормеева ко всякому, но чтобы лохотронщики распускали руки… с этим он столкнулся впервые. Обычно они опасались привлекать к себе внимание, и разогнать их не составляло ни малейшего труда. Правда, через двадцать минут они образовывались вновь, на этом же или другом месте, но все же Дормеев привык ощущать, что если право на его стороне, то он сильнее.

Разбитая губа распухла, но почти не болела, и тем сильнее жгла душу обида.

Нет уж, этого он им не спустит! Он им покажет, что с четвертой властью шутки плохи!

Скорым шагом Дормеев направился к Пассажу. Там должен быть постоянный пикет милиции…

Ни у входа, ни внутри крупнейшего дамского универмага не оказалось ни единого стража порядка. Зато прямо в центральном зале к Дормееву подлетел молодой человек крайне приличного вида: в черном пальто до пят и дорогом шарфе.

— Бесплатная благотворительная лотерея! — пропел он, споро отщипывая от изрядной пачки два билетика: один сверху, там, где лежат пустышки, второй — снизу, где собраны исключительно главные призы: туристические поездки к вулкану Тенерифе. Этот вид лохотрона был вполне безобиден и хорошо известен Дормееву. Во всяком случае, дурню, взявшему билетики, позволяли уйти и обнаружить выигрыш дома, после чего он сам должен был звонить по подставному телефону, обозначенному на билете. Обычно Дормеев билеты брал, но никуда не звонил, так что у него скопилась целая коллекция загрантуров. Но сейчас, оскорбленный полученной плюхой, Дормеев взял билетики и молча прошел в ювелирный салон, возле которого промышляли лохотронщики.

— Послушайте, — спросил он у скучающего охранника, — почему вы допускаете, чтобы мошенники орудовали у ваших дверей? Им это, конечно, выгодно, сюда люди без денег не приходят, но вы-то зачем их терпите?

— Сюда они не заходят, — дипломатично ответил охранник.

— А как же реноме вашего заведения? Таким соседством ему наносится страшный ущерб.

— Это вопрос не ко мне. Прикажут — будем гонять.

В поисках милиции Дормеев прошел вплоть до закрытого Дома книги. Но, как сказал поэт: «Проспект — и не единого мента!» В метро товарищ в форме и с демократизатором на боку

объяснил, что он представитель транспортной милиции и на улицу выходить не будет. Противоположная сторона Невского патрулировалась усиленно, но доблестные стражи объявили, что их сторона — эта, и переходить Невский они не имеют права, даже если на их глазах будут убивать человека. А на той стороне, где орудовали мошенники, ни единого милиционера не было — от самой зингеровской башни и до Литейного проспекта.

Семьдесят девятое отделение милиции, которому принадлежал этот, по-видимому, не требующий охраны, кусочек города, располагалось аж на углу Гагаринской и Чайковского, возле самой Невы, так что туда Дормеев не пошел. Позвонил, правда, в районное управление милиции района и содержательно побеседовал с заместителем оперативного дежурного, который прямым текстом посоветовал неугомонному журналисту не соваться не в свои дела, тогда и морда будет целой.[5]

Злопыхатели начнут говорить о сращении органов правопорядка с уголовным элементом — и будут правы. Да и как может быть иначе, если сами милиционеры называют себя позорным словом «менты». В нашем насквозь криминализованном обществе словечко это знает каждый, хотя очень немногим известно его происхождение. В середине позапрошлого века слово «мент» означало уголовника, каторжника, который отбыл срок, но вместо того, чтобы идти на поселение, заключил договор с администрацией каторжной тюрьмы и остался на каторге, но уже не заключенным, а надзирателем. «Менты позорные» — так звали их полтора столетия назад, так же зовут и теперь.

Битый Дормеев вернулся домой и только там вновь вспомнил о предсказании. А ведь сонник предсказал все совершенно точно! Ведь было же написано: *…вы можете пострадать от рук мошенников.* Именно от рук, вернее, от кулаков, он и пострадал. А что деньги при себе, это уже частный случай.

Дормеев принялся листать книгу, желая еще раз посмотреть удивительное предсказание, но статейка не находилась. Ключевое слово он не запомнил и теперь дважды безрезультатно пролистал толстый том. Все стандартно и обыденно: увиденные во сне часы означали, что сновидец будет удачно играть на бирже, а носовой платок сулил любовное приключение. Носовые платки Михаилу не снились никогда, хотя любовные приключения, особенно в молодости, случались. Это сейчас он если и изменяет своей Лене, то больше по привычке, безо всяких приключений.

Вечер Дормеев провел за письменным столом, сочинив огромнейшую статью на восемь столбцов. Разумеется, сон был переработан полностью, аммиаком и сероуглеродом в нем теперь и не пахло, зато окаменелые черепа вымерших разумных существ

были отыграны сполна. Они не только направляли в нужное русло химические реакции, но умудрялись управлять множеством необычайных процессов, так что нанотехнологии, о которых писалось в серьезных изданиях, могли отдыхать. В статью Дормеев подпустил должную дозу антиглобализма и целую главу посвятил опасности использования чужого опыта. Ведь недаром же разумные существа, чьи окаменелые черепа творили чудеса в секретных лабораториях, вымерли миллионы лет назад. Конечно, они умели многое, но не приведет ли слепое копирование чужого опыта к столь же печальному результату? А потом, миллионы лет спустя, уже наши черепушки будут использоваться для проведения удивительных каталитических процессов.

Статья получилась — пальчики оближешь! Редакторы ставят такие материалы на центральный разворот, а подписчики старшего поколения, те, что еще не разучились верить печатному слову, читая подобное, писают кипятком от ужаса и восторга.

Спать Дормеев улегся под утро, и привиделся ему нехороший сон.

Михаил очутился в военкомате, где доброжелательный подполковник объявил, что домой его не отпустят, а направят прямиком в часть для прохождения срочной службы.

— Я офицер запаса! — пытался отбояриться призывник.

— Вот именно. И как офицер вы обязаны отслужить двадцать пять лет.

— Какие двадцать пять лет? Мне уже пятьдесят! — кипятился Дормеев, на всякий случай добавляя себе лишку, но, почти не кривя душой, ибо два дня назад разменял пятидесятый год.

— Ничего страшного. Вы не курите и не пьете, так что до семидесяти пяти лет вполне сможете дотянуть. А там и на пенсию.

— Я журналист, творческий работник, что мне делать в армии?

— Вот и замечательно, что творческий работник. Будете вести агитацию, чтобы молодежь не уклонялась от призыва, шла в армию с радостью и чувством выполненного долга.

— Агитацию, ага… что-нибудь такое, — и Дормеев продекламировал вылившиеся экспромтом строчки:

Милая, отстань, исчезни,
Я иду в военкомат!
Все интимные болезни
В роте лечат у солдат!

— Гениально! — восхитился военком. — Завтра же плакат с

вашими стихами будет висеть на каждом призывном участке. А вы еще говорите, что бесполезны для армии. Нет уж, служить будете двадцать пять лет, и ни часом меньше!

Дормеев проснулся в холодном поту.

Зимнее утро сквозило через балконную дверь. Жена тихо спала. Подаренный сонник лежал на журнальном столике и ждал, когда его откроют на нужной странице. Интересно, на какое слово следует искать толкование его сна?

Дормеев открыл книгу наугад и прочел:

Если вам снится, что вас забирают в армию, а вы пытаетесь уклониться от призыва, декламируя дурацкие стишки, такой сон означает, что наяву вам непременно забреют лоб, и кровь проливать придется.

Этого еще не хватало! Михаил дважды перечитал мрачное пророчество, заложил нужное место закладкой, надписав на ней кодовые слова: «Призывной пункт». Положил книгу на столик, и в это мгновение требовательно грянул дверной звонок.

Как был, в шлепанцах и трусах, Михаил побрел открывать дверь. На лестничной площадке стоял милиционер и двое насупленных военных в камуфле без знаков различия.

— Вам повестка!

Сомнамбулическим движением Дормеев взял листок. *Гр. … Дормеев Михаил Афанасьевич… в соответствии с Федеральным законом о воинской службе вы подлежите призыву в ряды Вооруженных сил. Вам необходимо явиться в …немедленно… в военкомат Выборгского района по адресу Большой Сампсоньевский пр. д. 86а для прохождения мероприятий, связанных с призывом. Военный комиссар Выборгского района полковник Будинов.*

Все-таки хорошо, что они пришли рано утром! Лена, конечно, проснулась от звонка, но в одной сорочке в прихожую не вылезет и, значит, не сможет случайно выдать военнообязанного мужа.

— Какого черта, — с чувством начал Дормеев. — Он давным-давно в армии, сами же забрали еще осенью, а повестки все идут и идут!

Кто именно давным-давно в армии, Михаил уточнять не стал, поскольку в армии у него никто не служил. Дормеева-младшего звали Игнатом, и службу он успешно мотал, проживая у родственников в заграничном Донецке. В качестве ксивы сынок использовал удостоверение собкора одной из питерских газет, где Дормеева-старшего хорошо знали. Так что блеф, на который пустился изолгавшийся журналюга, был многоходовым, и оставалось надеяться, что незваные гости не слишком хорошо представляют, кого им надлежит забрать в армию.

Так и вышло. Милиционер извинился, сделал на повестке

пометку: «служит», после чего грозная троица удалилась.

И только после этого Дормееву-старшему стало по-настоящему страшно.

Пугала не эфемерная возможность на старости лет загрохотать под ружье и отправиться проливать кровь, пугало безжалостно точное толкование сна.

Отделавшись от супруги незначащими филиппиками в адрес отечественной военщины, Михаил наскоро позавтракал и вышел из дома. Пока в военкомате не сообразили, что их нагло провели, следовало принять превентивные меры. Способ для этого был, простой и изящный до идиотизма. Забреют лоб — значит, забреют лоб, а вовсе не обязательно возьмут в армию. В конце концов, он пострадал от рук мошенников, но деньги сберег. Так и тут, предупреждение следует понимать буквально. Вот только кровь проливать не хотелось, ни свою, ни чужую.

В четырех подряд парикмахерских, услыхав, что требуется клиенту, работницы сферы обслуживания испуганно сообщали, что бритвы у них только безопасные и брить голову они не возьмутся. Наконец в одном из салонов в центре города отыскался замшелый старец — владелец опасной золингеновской бритвы, — обладающий нужными навыками. Он мгновенно оболванил голову Дормеева на машинке и, густо намылив, принялся брить. Попутно ругал проклятых баб, которые позанимали все парикмахерские должности, а сами даже голову человеку побрить не умеют.

— Не бабское дело — парикмахером быть! — на этих словах старик азартно взмахнул бритвой и чиркнул-таки лезвием по дормеевской макушке.

Порез затерли квасцами и залепили кусочком пластыря. Таким образом, предсказание сбылось полностью, причем обошелся Дормеев малой кровью, в самом прямом значении слова.

Дома Михаил первым делом направился к соннику. Книга лежала на прежнем месте, но закладки в ней не было. Елена на вопрос мужа ответила, что книгу листала, но закладки не заметила.

— Сон растолковать хотела, а ничего не вышло.

— Какой сон? — испуганно спросил Михаил.

— Целую ночь мебель двигала. Одна, между прочим. От тебя даже во сне помощи не дождешься.

— И что сонник обещал?

— Ничего. Мебели в нем нет, перестановки нет, даже шкафа и то нет. Шифоньер есть, но и там ничего путного не говорится.

То, что закладка пропала, не слишком огорчило Дормеева.

Он отлично помнил ключевое слово, которое записал перед уходом: «Призывной пункт». В полминуты Дормеев нашел нужное место. «Призрак»… «прилив» — и никакого «призывного пункта» между ними. *Если призрак во сне преследует вас, это предвестие странных и неприятных событий,* а что касается прилива …*он сулит благоприятные обстоятельства для развития денежных дел.* А призывной пункт, по мнению составителя, порядочному человеку сниться не может.

Сонник Михаил упрятал во второй ряд самой верхней полки, втиснув между «Диалектикой природы» и четырехтомником избранных произведений Мао Цзедуна.

А ночью ему приснился сон.

Привиделась лесная поляна, окруженная старыми елями. На одной из этих елей Михаил заметил притаившуюся рысь. Никогда прежде ему не доводилось видеть рысь вот так, в живой природе. Михаил ничуть не испугался; главное — не вставать под дерево, чтобы зверь не мог броситься сверху, а больше лесная кошка ничего сделать человеку не может.

Рысь, увидав, что ее обнаружили, зашевелилась и принялась спускаться вниз. С каждым движением она становилась все больше, и через полминуты на землю спрыгнул хищник размером с тигра. Только теперь Дормеев понял, что шутки кончились. Он стремглав бросился в первую попавшуюся парадную (и откуда она взялась в лесу?) и навалился на рассохшиеся двери. В следующую секунду мощный удар обрушился на затрещавшие створки.

«Не удержу», — понял Дормеев и проснулся.

На электронных часах зеленело начало третьего. Кругом разливалась тишина, транспорт за окном угомонился, и лишь Лена беспокойно постанывала во сне, видимо, опять в одиночку двигала мебель.

Михаил встал, сходил на кухню, попил воды. Ужасно хотелось залезть на верхнюю полку и вытащить сонник. Вместо этого он взял трубку, чтобы никого не разбудить, вышел на лестницу и набрал номер Кирюхи Андреева, о котором знал совершенно точно, что в эту пору он еще не спит.

— Отвечай быстро и не задумываясь, — проговорил он, услыхав бодренькое «алло!», — если снится, что на тебя бросается тигр, а ты спасаешься от него в старой парадной — это к чему?

— К дождю! — немедленно отстрелил коллега.

— Какой дождь в начале февраля? На улице — минус двадцать!

— А я откуда знаю, какой дождь? — Кирюха был старым газетным волком, и даже самый каверзный вопрос не мог поставить его в тупик. — К дождю — и все.

— Спасибо, — сказал Дормеев и отключился.

Успокоенный, он вернулся в квартиру, сходил в туалет, чтобы никакая физиологическая потребность не мешала сладкому сну, и улегся в постель. Лена, видимо, перетаскавшая всю мебель, спала спокойно. Так же спокойно уснул и Дормеев.

Под утро в городе пошел дождь. Крупные капли падали, застывая на лету, намерзали на проводах и ветвях деревьев. Провода, не выдержав веса ледяной шубы, лопались, в один час половина города оказалась без света. Машины, оставленные под окнами, оделись в ледяную броню, мостовые и тротуары превратились в сплошной каток. В городе объявили чрезвычайное положение, на проспекты выехали машины «Спецтранса» с песком и солью, курсанты военных училищ, поднятые по тревоге, среди ночи отправились скалывать лед. Немногие катаклизмы могут сравниться с дождиком, выпавшим в морозную февральскую ночь.

Ничего этого не знал мирно посапывающий журналист Дормеев.

Дормееву снился сон.

П. Э. Каннингем
СЕМНАДЦАТАЯ

Офицер Уилл Джемисон умер за неделю до того, как я заглянул в мастерскую Симпсона. Вообще, я не собирался туда приходить, но когда Брэнди, девушка Джоэла, упомянула о случившемся, это выдернуло меня из моего собственного горя и заставило двигаться. На похороны офицера Уилла собралась половина города, но той, кто должен был плакать сильнее всех, там не было. И ничто, кроме разве что Божьей воли, не могло успокоить ее. Ей, наверное, было очень плохо, хуже, чем все думали.

Некоторые вещи нельзя оставлять просто так. Только не тогда, когда на кон поставлена жизнь.

Я вошел с видом старого знакомого, после того как бросил взгляд назад. Город Хабервиль дал заказ мастерской Симпсона. Его команда занималась починкой полицейских машин — простреленных, или помятых, или сброшенных с дороги. Отремонтированные автомобили были выстроены линией у

забора, блестящие и готовые к действию. Остальные машины нельзя было заметить сразу: выжженные, побитые груды металлолома, стоящие на подставках или на плоских шинах. У некоторых оторваны двери и капоты, другие смяты, как бумажные салфетки, раскрыты, словно холодильники на свалке. Машины-17 там еще не было. Я принял это за хороший знак.

Джоэл чинил что-то посреди помещения. Рядом стоял пикап с поднятым капотом, будто заснувший с открытым ртом бродяга. Джоэл дружил в школе с моим старшим братом, так я с ним и познакомился. Он стал работать механиком, когда у них с Брэнди завязались серьезные отношения. В смысле, свадебно-серьезные. Ему нужна была эта работа, и я не хотел, чтобы он потерял ее из-за какого-то глупого мальчишки с его идиотской теорией. Но я был обязан офицеру Уиллу.

— Привет, Джоэл! — сказал я и помахал рукой. Он бросил взгляд в мою сторону.

— А, привет, Чак. Что тебя сюда привело?

— Слышал, у тебя проблемы со старой машиной офицера Уилла.

— Ага. После той перестрелки она совсем не хочет ездить. Я думал, что пуля попала в бензопровод или повредила что-то, но не смог ничего найти.

— Не против, если я взгляну на нее? Он покосился на меня.

— С каких это пор ты стал механиком?

— Ну, я кое-что знаю об автомобилях, — соврал я. — Думал, может, разберусь…

— Ты же знаешь, что тебе здесь не положено быть, так? Из-за тебя у нас обоих могут быть неприятности.

— Да ладно тебе. Мы все любили офицера Уилла. Не могу смотреть на то, как его машина превращается в груду хлама. Просто дай мне взглянуть на нее. Если кто-нибудь придет, я смотаюсь отсюда. А ты можешь сказать, что никогда меня не видел. Ну же, ради офицера Уилла!

Джоэл пожевал губу. Думаю, мое упоминание об Уилле затронуло его. Этот офицер и его машина-17 были ближе всего к тому, чтобы стать нашей городской легендой.

— Ну ладно, — сказал он наконец. — Думаю, свежий взгляд ей не повредит. Но если кто-нибудь покажется, ты исчезнешь. Понятно?

Я пообещал оставаться невидимым. Джоэл вывел меня наружу и повел за угол.

После перестрелки семнадцатую отбуксировали к мастерской. Над ней работали часами без перерыва. Но все это время оказалось потраченным впустую. Потом появились другие

автомобили с глохнущими двигателями, порвавшимися прокладками и перегоревшими проводами, которые можно было починить, и семнадцатую решили убрать. Ее выкатили из мастерской и оставили снаружи. Она еще не превратилась в груду металлолома, но подобралась к самой грани.

— Тебе что-нибудь нужно? — скептически спросил Джоэл.

— Кое-какие инструменты. Возможно, придется залезть под нее.

Джоэл пожал плечами и поплелся обратно в мастерскую. А я тем временем просто стоял и смотрел на машину Уилла. Это была Chevy Impala, как и большинство машин, которые в те времена имелись у полиции. Сегодня Хабервиль использует Ford Crown Victoria, но тогда были одни только Chevy. Я открыл капот и сделал вид, что занимаюсь чем-то полезным.

Джоэл вернулся с инструментами через пару минут.

— Не вижу никаких неполадок. А ты?

А я только умел менять масло — и ничего больше.

— Не думаю, что неполадка здесь, — сказал я. — У меня есть одна идея, но придется немного повозиться. Это займет какое-то время.

— Это займет какое-то время ровно до пяти, потому что в пять я ухожу, — сообщил Джоэл. — А когда ухожу я, уходишь и ты. И никаких споров.

Два-три часа. Должно хватить.

— Хорошо. Посмотрим, что я смогу сделать.

— Ага, — Джоэл нахмурился, глядя на машину. — Хорошо бы у тебя что-нибудь получилось. Мне всегда нравилась эта машина. Она классно ездила.

— Да, я знаю.

— Правда? И где же ты обычно сидел, на переднем или на заднем сиденье? — Он рассмеялся и ткнул меня кулаком в плечо. Он делал так же, когда мне было двенадцать, но эти тычки никогда не были достаточно сильными, чтобы причинить боль. — Я зайду за тобой, когда соберусь домой. Постарайся ничего не сломать.

— Хорошо.

Я подождал, пока он не скроется в мастерской, а потом лег на тележку и заехал под машину. Я оставил капот и коробку с инструментами открытыми и взял с собой гаечный ключ.

Все это маскировка. На самом деле я не собирался ничего чинить. Я просто не хотел, чтобы меня кто-нибудь увидел.

Сегодня Хабервиль плотно застроен — у нас есть дорогое жилье, план застройки и все такое, — но тогда мы застряли где-то между городом и селом. У нас был продуктовый магазин, а за

чертой города старая выработанная каменоломня. Там мы играли, хотя это не разрешалось. Мы были слишком маленькими, чтобы заинтересовать двух полицейских в патрульной машине, да и вся преступность в Хабервиле в те времена в основном сводилась к превышению скорости и пьяным дракам субботними вечерами. Изредка, чтобы немного их оживить, в ход шли ножи.

Уилл Джемисон вырос в моем квартале. В то время мне только исполнилось одиннадцать, а он уже был полицейским. Он приходил домой на воскресный обед с матерью каждые выходные, когда ему не выпадало дежурство. Затем прогуливался по округе и делал нам, детям, замечания вроде: «У тебя развязан шнурок, ты нарушаешь закон». А мы в ответ дразнили его: «Эй, а где ваш пистолет?» Он не брал с собой оружие, когда возвращался домой. Мы все смеялись, и он рассказывал нам разные истории про полицейских. Это были хорошие времена.

Уилл был смешной. В смысле, посмеяться можно было с ним, а не над ним. Хотя иногда он нас удивлял. Множество историй из тех, что он нам рассказывал, были откровенным враньем. Вроде байки о том, как он получил машину-17. Согласно его рассказу, полицейские машины не сходили с конвейера, а кочевали стадами в прерии. Ты должен был поймать себе машину и объездить ее, как лошадь. «Будто техасские рейнджеры, — говорил он самым младшим и доверчивым. — А затем ты подружишься со своей лошадью и вместе с ней будешь кружить по городу в поисках преступников. Сейчас мы используем машины, а не лошадей, — говорил он, — но по сути это одно и то же».

«Однако это еще не все, — продолжал он. — Тебе нужна машина, которая не сломается и не остановится во время быстрой погони или когда начнут свистеть пули. Тебе нужна машина, которой ты сможешь доверить свою жизнь. Так что я заколдовал свою машину».

Когда он только получил семнадцатую, Уилл намылил ее, а затем смыл мыло водой из шланга на пустой автостоянке под полной октябрьской луной, чтобы очистить ее от всего плохого. После нанес на машину двойной слой воска, чтобы запечатать в ней все хорошее. А потом положил руки на герб, тот, что на двери водителя, и произнес волшебные слова полицейского департамента: «Защищать и служить».[6]

«И все, — говорил он. — После этого она стала моей. Теперь, если ее не запереть в гараже, она следует за мной, как щенок, и виляет багажником, словно хвостом».

В это не верили даже самые маленькие.

— Ну и чушь! — говорил обычно мой брат, задрав нос. Мы

все задирали носы после этой истории. Но тем не менее именно она крепко-накрепко засела у меня в памяти, не столько тогда, когда он ее рассказывал, сколько позднее. Она помогла объяснить многое.

Мы никогда не слышали, чтобы офицер Уилл встречался с какой-нибудь девушкой, но зато он с детства обожал машины. Семнадцатая была его ребенком. Он обращался с ней, как с принцессой, постоянно менял масло и держал в порядке двигатель.

— Если бы она могла пролезть в комнату, он бы брал ее с собой в постель, — жаловалась его мать. Однако точно так же он относился к побитому «форду», который спас и собрал заново, когда был мальчишкой. Вот как он любил машины.

И они платили ему тем же. До нас доходили истории — не сказки офицера Уилла, а рассказы других людей, в том числе полицейских. Истории того типа, которые заставляют вас качать головой и говорить «да ладно» или «ага, так я тебе и поверил». Например, о том, как офицер Уилл гонял по трассе. Какой-то парень проехал знак «Стоп», а когда полицейские попытались его задержать, он рванул от них, выбрался на шоссе и гнал всю дорогу под полторы сотни километров в час, а офицер Уилл сидел у него на хвосте.

— Я и не знал, что наши машины могут ездить настолько быстро, — говорил позднее кто-то из полицейских.

Погоня закончилась, когда семнадцатая толкнула нарушителя сзади, заставив его машину закрутиться. Машина слетела с дороги и перевернулась. Как выяснилось, водитель, который не пострадал, вез в багажнике пару фунтов марихуаны. Этот толчок, которым закончилась погоня, был искусным маневром, мы такое видели только по телевизору, и нам захотелось узнать, где офицер Уилл научился подобному.

— Я не учился, — говорил он, излагая свою версию истории. — Она просто как бы вышла из-под контроля. Ну, знаете, в пылу погони.

А потом произошла еще одна история, о которой люди шептались и расспрашивали друг друга. И ее уже не могли игнорировать ни я, ни офицер Уилл, потому что на этот раз мы всё видели своими глазами. Офицер Уилл никогда не рассказывал ее. Я думаю, она его напугала. Из меня, по крайней мере, эта история здорово вытрясла дурь. Но любовь и долг, если подумать, иногда бывают пугающими.

* * *

Все началось с аварии на Фэлмаут-стрит, на краю города. Какого-то пьяного, шатавшегося возле бара Мосли, сбила машина. По крайней мере, полицейские сообщили, что именно об этом свидетельствовали следы шин, но никто ничего не видел. Несколько посетителей бара считали, что они слышали звук двигателя примерно в то время, когда это произошло, но не более того. Ни визга тормозов, ни удара. Полицейские нашли на теле жертвы кусочки зеленой краски и обзвонили местные мастерские, чтобы им сообщили, если кто-то приедет на зеленой машине с вмятиной, но из этого ничего не вышло.

Затем парни, гулявшие в парке, сказали, что какой-то псих пытался их задавить. Один из них порезался и заработал себе синяки, но других повреждений не было. В это время мимо проезжал полицейский, не офицер Уилл, и та, первая машина рванула прочь. Парни сообщили, что та машина могла быть зеленой, но трудно сказать наверняка, если на дворе уже полночь, а последние пару часов ты пил пиво. Кто-то вспомнил большую вмятину возле двери со стороны пассажира, но описать водителя не смог. Может, его и вовсе не было.

Это заставляло вспомнить рассказы офицера Уилла о бродячих машинах, которые скитались по улицам и охотились на прохожих. Такими становились машины, побывавшие в автокатастрофах и ощутившие вкус крови. По ночам они ускользали от своих хозяев и колесили по округе в поисках жертв. Или дикие машины, которые должны были стать полицейскими автомобилями, но так и не были пойманы; они пробирались в города и нападали на людей, как тигры-людоеды. Чтобы остановить их, нужно было перерезать им бензопровод, а затем насыпать в бак сахару, чтобы зло не вернулось.

Малыши обменивались этими историями, как карточками с фотографиями бейсболистов, но мне к тому времени было уже почти двенадцать, и я в это больше не верил. По крайней мере, не до такой степени.

А затем зеленая машина сбила пожилую женщину прямо посреди дня, и это уже было совсем не смешно.

Это произошло возле бакалейного магазина, так что свидетелей хватало. По всем рассказам, машина стояла у обочины, рядом никого не было, и она не двигалась до тех пор, пока женщина не стала переходить улицу. Люди вспоминали, что обернулись на визг шин. Зеленая машина сорвалась с места и на полной скорости рванула прямо на женщину, сбила, проехала по ней и скрылась. Никакой случайности. Откровенное убийство.

Конечно, люди пытались увидеть номера. Нас всех научили этому шоу про полицейских, которые крутят по телевизору. Но,

согласно показаниям свидетелей, у машины не было номеров. Никто даже не запомнил, сколько у нее было дверей — две или четыре. Никто не посмотрел на водителя. На самом деле, никто не мог вспомнить, чтобы он видел водителя. Или хотя бы руки на руле.

Слухи разлетелись по городу, словно вороны с мусорной кучи. Какой-то свихнувшийся парень. Какой-то чокнутый, обсмотревшийся фильмов. Какой-то школьник, помешанный на науке, управлявший машиной дистанционно и решивший всем отомстить. Это не объясняло выбора жертв, потому что между ними отсутствовала малейшая связь, но полицейские все равно рассматривали все версии.

Малыши, конечно, решили, что это одна из тех диких машин, о которых рассказывал офицер Уилл. Машина испортилась и начала убивать людей. Они просили Уилла поймать и уничтожить ее.

— Мы все занимаемся этим делом, — уверил он нас, и он не шутил. В Хабервиле в те времена было около десятка полицейских, и каждый из них осматривал место преступления. Это уже не какой-то пьяный или наркоман, машину которого болтало из стороны в сторону. Это было умышленное убийство. А в Хабервиле таких убийств не совершали.

Офицер Уилл подъехал к бакалее сразу же после первого сообщения. Он остановил свою машину на улице, где стоял зеленый автомобиль, и зарегистрировался у вышестоящего офицера. Полицейские, бывшие на дежурстве, все еще толпились здесь и говорили людям, чтобы те расходились по домам, мол, «представление закончилось». Женщину уже забрала «скорая помощь».

Но это не мешало мне и другим детям бродить вокруг и наблюдать за происходящим. Следов осталось не так уж и много: пара пятен масла у бордюра да еще несколько пятен, которые были уже не маслом, посреди улицы.

Полицейские, бывшие на дежурстве, опрашивали свидетелей и кратко записывали их показания, а остальные, как офицер Уилл, слушали, но не вмешивались. Они быстро закончили со свидетелями и вернулись к своим машинам.

— Эй, — крикнул один из дежурных офицеру Уиллу, — убери свою машину с места преступления.

— О чем ты? — спросил Уилл. — Она стоит как положено. Я оставил ее прямо…

И тут он указал на пустой бордюр. Пустой, потому что машины-17 там уже не было. Пока полицейские допрашивали свидетелей, она ускользнула с прежнего места и съехала вниз по

улице. Я не мог вспомнить, чтобы она двигалась, потому что наблюдал за работой полицейских, как и все остальные. Тем не менее сейчас машина стояла так, что ее передняя часть находилась точно над пятнами масла, оставленными зеленой машиной. Как будто пыталась взять след.

Офицер Уилл сел в свою машину и переставил ее, а полицейские соскребли с асфальта образцы и сделали все, что могли, но без описания более подробного, чем «зеленая машина», или без номеров сделать они могли не так уж и много.

Семья погибшей назначила награду в тысячу долларов тому, кто найдет владельца зеленого автомобиля. Офицер Уилл попросил детей, то есть нас, быть начеку и сразу же бежать к полицейским, если мы что-нибудь увидим. И еще он сказал, чтобы мы больше не играли на улице.

Некоторые из нас действительно бродили по городу, косясь на каждую машину, где было хоть пятнышко зеленого цвета. Конечно, мы искренне хотели помочь офицеру Уиллу, но… да, я признаю, в основном нас привлекала награда. Когда тебе одиннадцать, тысяча баксов — это почти что все деньги в мире. К тому же было лето, и мы не ходили в школу. Чем же еще заниматься?

Так что мы часами ездили на велосипедах, посещали места, где нам быть, возможно, не следовало, доставали взрослых и проверяли все возможные зацепки. Например, Денни Файнберг попытался сдать полиции кузена подруги своего брата, потому что у того был зеленый «фольксваген». Правда, «жук».

На самом деле мы даже не знали, какого типа машину искать — знали только, что она была зеленой и, возможно, имела вмятину на двери.

Но никто не преуспел. Ни одна зацепка ни к чему не привела, и никто не получил награды. Мой брат сказал, что полицейские работали с управлением автомобильного транспорта и проверяли всех, кто владеет зеленой машиной любого года выпуска, марки или модели. Работники мастерских клялись и божились, что они не видали зеленого автомобиля и не перекрашивали какую-либо машину в другой цвет.

«Какой-то чокнутый, причем не из нашего города, — считал мой отец. — Какой-то козел, проезжавший мимо. Наверное, он уже в Неваде, давит людей в Вегасе или направляется в Южную Калифорнию, чтобы присоединиться к другим сумасшедшим».

Ну да, никто не запомнил водителя. Но, я думаю, когда на тебя несется машина, ты не видишь ничего, кроме радиаторной решетки. И водитель как бы вытесняется из твоей памяти. Или, может, у машины было тонированное стекло — ну как в машинах

мафии или шпионов.

Этот факт породил целую волну слухов о том, как в Хабервиле пыталась обосноваться банда, повинная во всех этих убийствах. Хотя никто не мог сказать точно, что общего с бандой могли иметь пьяница, несколько школьников и старушка, покупавшая бананы.

Так что мы продолжали искать зеленую машину с вмятиной. Если отыскать машину, найдется и водитель.

Почти две недели все было тихо. Ажиотаж схлынул, и люди перестали шарахаться каждый раз, когда какой-нибудь идиот резко увеличивал обороты двигателя. Мы решили, что папа, наверное, прав, и это просто сумасшедший, проезжавший через город. А затем машина напала снова и на этот раз на ребенка.

Маленький Энди Клоски. Я знал его. Мы играли с его братом Майком в футбол. Майк со своим приятелем Эдом пошли к каменоломне на Ваннер-роуд, чтобы покурить втайне от родителей, а Энди пытался увязаться за ними. Они сказали ему, чтобы он проваливал. Ему тогда было лет восемь, против одиннадцати лет Майка, так что Энди вполне убедительно заревел и стал угрожать, что скажет маме. Майк бросил в него камень, назвал мелюзгой и поклялся затолкать его в ад, если он хоть кому-нибудь настучит. Энди ушел, все еще плача и бросая через плечо многочисленные «ты еще пожалеешь!».

Он побежал вниз по холму, в сторону Ваннер-роуд. На обратном пути можно вернуться к каменоломне и пойти через поле, но если тебе восемь и ты хочешь доставить своему брату неприятности как можно скорее, кратчайший путь домой — по Ваннер-роуд. Вскоре после того как Энди скрылся из виду, Майк и Эд забыли про него и попытались закурить сигареты, которые Эд стянул у отца.

Сначала они услышали крик: тонкий голосок и слишком далеко.

А затем рев мотора.

Они оба поняли, что происходит. Ведь все только и говорили об автокатастрофах и зеленой машине. Майк и Эд вскочили и рванули вниз по холму, туда, где посыпанная гравием дорога, ведущая к каменоломне, соединяется с Ваннер-роуд. Они прибежали к финалу: маленький Энди лежал на дороге и плакал, его рубашка была порвана, а лицо, колени и локти измазаны кровью. Зеленая машина медленно разворачивалась на щебне, как будто охотилась за мальчишкой.

Майк закричал что-то и рванулся к машине. Когда Эд позднее рассказывал о случившемся, он говорил, что бежал следом за Майком, но я не уверен, потому что это ведь не его младшего

брата собирались раздавить. Оба они сходились на том, что Энди встал, когда услышал голос Майка. Машина, наверное, испугалась, что упустит свою жертву, потому что она перестала попусту тратить время и рванула прямо на Энди.

К счастью для всех, Ваннер-роуд и в лучшие времена была не очень, а с тех пор она еще и не ремонтировалась как следует. Машина попала в рытвину — здоровую рытвину, после которой может отвалиться глушитель, — и это сбило прицел. Эд говорил, что бампер прошел почти в дюйме от Энди. Если бы не рытвина, парнишку размазало бы по щебенке.

К тому времени Майк сумел схватить Энди и стащить его с дороги в траву. Он решил, что теперь, когда появились свидетели, водитель постарается скрыться. Но этого не произошло. Машина-убийца кружила, целясь то в Майка, то в Энди, а бежать было некуда.

В этот момент Эд либо оправился от шока, либо очень-очень поглупел, либо и то, и другое. Он подбежал к машине сбоку и попытался распахнуть пассажирскую дверь. Не спрашивайте меня, о чем он думал. Может быть, о награде.

Дверь была закрыта или ее заклинило, в общем, не открывалась, но Эд сумел заглянуть внутрь. А затем машина взревела двигателем и прыгнула, как пантера. Эд разжал руки и улетел в траву. Передняя часть машины даже не задела Майка и Энди, но задняя здорово зацепила бедро Майка, когда пошла юзом. После этого машина выехала на Ваннер-роуд и скрылась.

В те времена в мире еще не было сотовых телефонов, так что мальчишкам пришлось дохромать до ближайшего дома и оттуда вызвать полицию. Хозяйка набрала телефон службы спасения; приехали наши полицейские, полиция штата и «скорая помощь», а также, думаю, пожарные и фургон телевизионщиков. Зеленая машина перекочевала из уст обывателей в заголовок шестичасовых новостей.

Энди оказался в порядке, он заработал только царапины и шишки, но напуган был до полусмерти. С Майком дело обстояло хуже: последний удар чуть не сломал ему бедро. Пришлось везти их с Энди в больницу.

Эд отделался множеством синяков. Он ничего не рассказал взрослым, даже нашим полицейским. Возможно, окажись там офицер Уилл, Эд бы заговорил. Но Уилл не дежурил, так что Эд промолчал, сказав только, что это точно была зеленая машина и он не знает, в какую сторону она поехала.

Майку и Энди пришлось остаться в больнице на ночь, а Эда отправили домой примерно через час. Когда мы собрались вместе, он нам все рассказал, и как он стащил у отца «Мальборо»,

и как потом машина задела Майка. И Эд сообщил нам, что увидел внутри, когда заглянул в машину через стекло.

— Никого. За рулем не было никого. Я подумал: ну, знаете, может, там какие-нибудь дети сидят на полу и давят на педали, так что я попытался заглянуть поглубже. Но там никого не было. Клянусь Богом.

* * *

Полицейские лазили по кустам часа три, но так и не нашли ничего полезного. А я знал, что им это и не удастся. Понимаете, после истории, которую рассказал Эд, я задумался. Об одичавших машинах. О машинах, вкусивших крови. О машинах, ненавидевших нас за то, что мы заставляли их служить. Такая машина не позволит найти себя до тех пор, пока сама этого не захочет.

Две недели спустя, пока все остальные рыскали по автостоянкам и улицам, мечтая о награде, я колесил на своем велосипеде по окраинным узким грунтовым или гравийным дорогам. Дикие места. Большинство таких дорог оканчивалось зарослями кустов или вырождалось в узкие тропинки, но на протяжении нескольких дюжин ярдов они оставались достаточно широкими, чтобы там могла скрываться машина.

Я уже бывал до этого возле каменоломни — и ничего не нашел. Но тогда я постоял там недолго. Потому что услышал что-то похожее на рычание и краешком глаза заметил отблеск в подлеске. Я убежал оттуда не оглядываясь. Я не рассказал об этом никому, потому что не хотел, чтобы меня считали трусом. Но, может, если бы я признался офицеру Уиллу, Майк и Энди не оказались бы в больнице.

Так что я сел на свой велосипед и поехал по Ваннер-роуд. Я не думал ни о какой награде, по крайней мере, не только о ней. В основном я вспоминал о том, какие у Эда были глаза, когда он рассказывал нам, что увидел, вернее, чего не увидел — через стекло зеленой машины. А еще я думал о диких машинах, и об офицере Уилле, и о том, что осталось бы от Майка и Энди.

Ваннер-роуд идет прямо, от Второй улицы к каменоломне. Затем сворачивает направо и как бы извивается по склону холма до самого пика Ковентри. Каменоломня огорожена забором с воротами, но чуть дальше есть еще одна дорога, которой пользуются охотники на оленей. В конце ноября по утрам на этой дороге зачастую можно увидеть припаркованные пикапы, иногда даже с обеих сторон. Если уж эта дорога достаточно широка для

того, чтобы на ней могли разойтись два пикапа, обычная машина может проскользнуть по ней без проблем.

Когда я подъехал к каменоломне, полицейские давным-давно исчезли. Время приближалось к полудню. Я вел свой велосипед по гравию, когда услышал звук приближающейся машины. Я спрятался вместе с велосипедом за деревьями вовремя. Машина-17 пронеслась по Ваннер-роуд так, как будто ехала по срочному делу. За рулем сидел офицер Уилл. Уверен, другие полицейские сообщили ему, что тщательно осмотрели место. Но ведь это офицер Уилл. Он должен сам все проверить.

Машина-17 аккуратно огибала все рытвины, будто видела их. Когда она притормаживала, у меня душа уходила в пятки, и я прятался за деревом. Я был уверен, что офицер Уилл заметил меня. Но он просто смотрел на ворота. Машина-17 развернулась у входа, остановилась, и из нее вышел офицер Уилл.

Никто не работал на этой каменоломне с тех пор, когда моему дедушке было столько, сколько мне, но на каменоломне все еще стояли сараи и гараж — можно поставить автомобиль. Полицейские обшарили все вокруг, решив, что водитель зеленой машины прятался где-то здесь. До этого там неоднократно селились какие-нибудь бродяги.

Офицер Уилл вытащил большой железный ключ, которым попробовал открыть ворота. Какое-то время он ворчал и толкал их, но потом ворота все-таки распахнулись. Створки повернулись с визгом, который проскреб по моим ушам и поведал всей округе о прибытии офицера Уилла. Он сощурился и посмотрел на дорогу, затем на деревья, после чего перевел взгляд на обветшалые строения каменоломни. Поколебавшись, вошел внутрь, бормоча что-то в свою рацию. Машина-17 осталась за забором.

Я подождал, пока он войдет, оставил свой велосипед и прокрался к забору меж деревьев. Я убеждал себя: полицейские все поняли правильно — тут окопался какой-то чокнутый, который давил своей машиной людей. А на Майка, Энди и Эда он напал потому, что те подобрались слишком близко к его убежищу. И рассказ Эда — просто чушь. Машины не могут разгуливать сами по себе.

С того места, где я находился, было плохо видно, так что я пробрался вдоль забора к воротам и спрятался в траве, надеясь, что офицер Уилл меня не заметит. Я поступил очень глупо, еще глупее, чем Эд. Офицер Уилл мог случайно меня застрелить. Но ведь мне было всего одиннадцать. Откуда у ребенка голова на плечах?

Я стоял у ворот и заглядывал внутрь, когда сзади взорвалась

бомба. По крайней мере, так мне показалось. У меня душа ушла в пятки, и я невольно вскрикнул.

Оказывается, это семнадцатая выстрелила газом из выхлопной трубы. Машина с неработающим мотором не должна этого делать. Она не может этого делать. Но так случилось.

Как бы то ни было, мы — дрожащий от страха ребенок и офицер Уилл — дружно обернулись. И увидели зеленую машину. Она подкрадывалась к нам по дороге тихо, точно призрак. Выхлоп машины-17 сломал ее планы.

Зеленой машине не понравилось, что ее обнаружили, и она дала нам понять это ревом двигателя, прозвучавшим, как тигриный рык. Машина не просто ускорилась, она сорвалась с места. По дороге, через открытые ворота, прямо на офицера Уилла.

Уилл прокричал что-то в рацию и полез за служебным пистолетом, а потом нырнул в укрытие. Машина пронеслась рядом с ним и чуть не задела сарай, однако успела повернуть. Я увидел, как вращался руль, на котором не было рук. Никакого водителя. Я видел это абсолютно четко. И я слышал ее: рев двигателя и треск шин по гравию. Никто не заводил эту машину, не управлял ею, не парковал и не ставил на ручной тормоз. Она сбежала от людей, одичала и обнаружила, что ей нравится вкус человеческой крови. Ребенок или полицейский — подойдет любой.

Она пыхтела, кашляла и разворачивалась для нового броска.

Офицер Уилл вытащил пистолет и начал палить по шинам. Одна пуля отскочила от бампера, но другая попала в переднюю левую шину и пробила ее. От этого двигатель машины взвыл еще противнее. Впрочем, убийцу это не остановило. Она ринулась на Уилла на трех нормальных шинах и одном обвислом резиновом бублике. Офицер Уилл упорно продолжал стрелять, теперь целясь в радиаторную решетку, пытаясь попасть в карбюратор, аккумулятор или какой-нибудь другой жизненно важный механический орган.

Я вцепился в забор, а ноги мои приросли к земле так, словно я был одним из сорняков, которые оплетали его.

Офицер Уилл и зеленая машина — между ними был только его пистолет.

Уилл оставался на месте чуть дольше, чем следовало. Когда машина добралась до него, он уклонился, но она задела его бок, заставив перекувырнуться. Он упал и не делал попыток встать. Зеленая машина промчалась дальше через ворота, вырулила на дорогу и развернулась. Готов поклясться: она обращалась с продырявленной шиной, как собака с раненой лапой.

Зеленая машина нацелилась на офицера Уилла и снова бросилась на него.

Машина-17 протаранила ее сбоку.

Она была припаркована. Ее двигатель был заглушен. Но она рванула с места. И ударила по зеленой машине, сбила ее прицел, чуть было не заставила влететь в забор. Затем семнадцатая нанесла сокрушительный удар со стороны пассажирского сиденья. Продырявленная шина лопнула с треском, похожим на выстрел. Одна из передних фар со звоном разбилась, на заднем ходу оставляя за собой осколки стекла, словно темную кровь.

Зеленая машина закричала. Клянусь, она закричала! Громкий, долгий свист, подобный свисту чайника или горячего радиатора. Она повернулась, хромая, и уставилась на машину-17 своими фарами. Семнадцатая встала посреди двора, между зеленой машиной и офицером Уиллом, который все еще лежал на земле оглушенный. Они были напарниками, и она прикрывала его спину.

Зеленая машина устремилась к ней, а машина-17 рванула навстречу. Они столкнулись лоб в лоб, будто лоси во время гона, в одном мощном ударе. Машина-17 сдала назад, ее капот смялся, бампер покосился. Но зеленой машине досталось сильнее. Когда она, пошатываясь, откатилась в сторону, за ней остались следы масла и тормозной жидкости. Ее двигатель издал тонкий звук, в котором сквозили все оттенки ярости. Машина-17 хранила глухое молчание.

Около минуты зеленая машина стояла на месте, а затем как бы стала красться вдоль забора, будто хотела попасть к воротам. Семнадцатая встала боком, чтобы заблокировать проезд. И вдруг «зеленка» на полном ходу рванула задним ходом и проскользнула мимо нее, прежде чем семнадцатая сумела ее остановить. Зеленая неслась задним ходом на полной скорости, целясь в офицера Уилла.

К этому моменту он встал на колени, на ощупь пытаясь отыскать пистолет. Он нашел его как раз в тот момент, когда машина приближалась к нему. Офицер молниеносно откатился с ее пути, затем выстрелил пару раз. По крайней мере, одна из пуль, а может, и обе, попали в правую переднюю шину. Зеленую машину занесло, она пошатнулась и несколько секунд скребла по земле.

Затем семнадцатая вновь вступила в бой. Она не отрывалась от «зеленки», стараясь протаранить, сплющить ее. Та опять попыталась напасть на офицера Уилла, и семнадцатая крепко двинула ей в бок. Зеленая кое-как докатила до ворот, но без передних шин могла только хромать.

Машина-17 придвинулась к ней сбоку и прижала к забору. Словно служила клином. Зеленой некуда было деться. Ее двигатель издал хрип, будто она кого-то проклинала… или плакала.

Офицер Уилл, крадучись, подошел к ней и прокричал:

— Выйти из машины! Немедленно!

Его лицо было серым, как старый клейстер.

Думаю, он не привык, чтобы его машина ловила преступников без него. Но Уилл похлопал ее по капоту.

— Держи ее, — велел он.

Я слышал это абсолютно четко.

Ее двигатель проурчал в ответ. Офицер Уилл взялся за ручку пассажирской двери, распахнул ее и направил в салон пистолет…

— Господи Боже, — пробормотал он.

Никаких «лечь на землю и положить руки на голову». Этого не будет. Я думаю, он знал это еще до того, как открыл дверь. Он еще раз похлопал семнадцатую по капоту, и я увидел, как его губы произнесли: «Спасибо». Затем он залез в карман и вытащил складной нож. Потому что единственный способ убить дикую машину — перерезать бензопровод.

И тогда зеленая сорвалась с места, собрав последние силы. Она проскрежетала вдоль забора, оставив длинную царапину на крыле семнадцатой и полосу металлической пыли на земле. Она яростно неслась на задних шинах, на полной скорости, задним ходом. Она не тормозила и не сворачивала.

Так она и достигла края каменоломни. Я не видел, как она сорвалась, но слышал всплеск.

Я оторвался от забора и побежал. Я должен был это видеть. Мы с офицером Уиллом достигли края почти одновременно. Успели как раз вовремя, чтобы увидеть, как зеленая уходит под воду.

Не знаю, сколько я смотрел на волны, но когда я наконец отвернулся, то обнаружил, что на меня уставился офицер Уилл.

— Чак? — произнес он. — Ты все это время был здесь?

— Ага, — кивнул я. О черт, мне влетит.

Он долго шевелил губами, как бы пытаясь подобрать слова. Наконец он сказал:

— Место преступления не площадка для игр. Убирайся отсюда.

— Есть, сэр! — И я убежал, обогнув семнадцатую по широкой дуге. Клянусь, ее единственная уцелевшая фара смотрела на меня.

Я добрался до велосипеда как раз в тот момент, когда первая машина подкрепления выехала на Ваннер-роуд. Я несся домой,

будто реактивный. Я бросил велосипед на лужайке, забежал наверх и не выходил из своей комнаты до тех пор, пока не закончился ужин. Я не мог. Каждый раз, когда я слышал, как заводится машина, я начинал дрожать и покрывался гусиной кожей. Я не мог показаться в таком виде перед мамой и папой. Можете называть меня трусом, у вас есть на это полное право.

В конце концов папа заставил меня выйти из комнаты: он крикнул, чтобы я спустился и посмотрел на это. «Этим» был репортаж в новостях. Он шел по местному каналу не меньше двадцати минут. Зеленую машину вытащили из каменоломни. Она была вся разломана и висела на лебедке, как большая мертвая рыба.

Экран заполнило лицо полицейского, капитана Такого-то. Он сказал, что органы правопорядка нашли улику и выследили водителя-убийцу до самой каменоломни. После интенсивной перестрелки водитель вместе с машиной упал вниз. Капитан не знал, было это самоубийство или неудачная попытка побега. Он сказал, что команда водолазов, призванная найти тело водителя на дне каменоломни, уже в пути. Он сделал ударение на слове «тело». После такого падения выжить невозможно, да и температура воды там около нуля. Вот почему вы, ребята, не должны здесь плавать, сказал он камере. Эти места опасны.

Все интервью было только с этим полицейским. Офицер Уилл стоял сзади и ничего не говорил. Он был рядом с семнадцатой, осматривая ее повреждения. Может, он разговаривал с ней. Успокаивал ее. Трудно сказать.

Позже я узнал, что офицер Уилл перерезал бензопровод зеленой машины и пустил пулю в ее двигатель. Все это он сделал после того, как ее вытащили на поверхность. Никто не пытался остановить его. Машину с полицейским эскортом отбуксировали на свалку. К тому времени, когда новый репортаж вышел в эфир в одиннадцатичасовых новостях, зеленая машина была уничтожена. Почти.

* * *

История об убийце, сбивавшем людей, как ее представили газеты, стала передовицей всех ежедневных и парочки еженедельных изданий миль на сто вокруг. Официальная версия гласила, что это какой-то приезжий, умалишенный, таранящий всех подряд. Водолазы продолжали обследовать дно, но там было глубоко, и они не надеялись найти труп.

Две ночи спустя офицер Уилл зашел ко мне домой. Он

уверил мою маму: мол, у меня не будет никаких неприятностей. И сказал, что хочет поговорить со мной минутку. Мы вышли на крыльцо и просто трепались, пока мама не перестала смотреть на нас через занавески и не ушла.

Первое, что я сделал, когда мы вышли на крыльцо — посмотрел на обочину. Офицер Уилл приехал на своей личной машине, старом «ягуаре». Он проследил за моим взглядом:

— Семнадцатая — в салоне. Зеленая здорово ее потрепала.

— Но она в порядке?

Он посмотрел на меня с усмешкой:

— Да. С ней все будет в порядке.

Какое-то время мы ничего не говорили. Но тут он перешел к делу.

— Ты видел новости?

— Ага.

— Они не найдут водителя.

Значит, он не собирался дурачить меня. Говорю же вам, он был крут.

— Потому что там не было никакого водителя, да?

Он тоже посмотрел на обочину, на «ягуар», стоявший тихо и спокойно. Обыкновенный автомобиль.

— У меня нет никаких объяснений. Были бы — я бы тебе предложил. Лучшее, что у меня есть, это теория про дикие машины, но это просто сказка. Мне нужно знать, что ты рассказываешь другим детям.

— Ничего. Я не сказал ни слова. И не собираюсь. — Разве что Эду, позднее, наедине, чтобы он не сошел с ума и его не упекли в психушку. Он спас Майка и Энди. Мы ему обязаны. — Мне одиннадцать. Это не значит, что я идиот.

Он согласился. Но я должен был задать этот вопрос:

— Так что насчет семнадцатой? Уилл пожал плечами и улыбнулся:

— Ну что я могу сказать… Она — полицейская машина. Мы посмеялись, а потом он ушел.

На следующий день я поговорил по душам с Эдом, и он поклялся никому ничего не рассказывать.

Проходили дни, и никто не заглядывал в каменоломню. Затем ограбили маленький магазинчик у пика Ковентри, и жизнь вернулась в привычное русло. Автомобильные убийства выпали из новостей и потихоньку исчезли.

Джоэл когда-то рассказывал мне, что обычная полицейская машина служит около трех лет. Но офицер Уилл не хотел отдавать семнадцатую. Он даже мечтал выкупить ее. И город оставил ее на службе. Пока она могла ездить, ей это позволяли.

Пять лет спустя Уилл выехал на вызов. Не куда-то, а именно на Ваннер-роуд. Какой-то парень подрался с женой. Офицер Уилл попытался успокоить идиота. Но тот вытащил пистолет и выстрелил трижды, точно ему в грудь.

Машина-17 выехала на лужайку, прижала парня к стене собственного дома и блокировала там до тех пор, пока не прибыло подкрепление.

Офицер Уилл умер на месте.

После того как парня утащили в тюрьму, а «скорая» забрала офицера Уилла, семнадцатую попытались сдвинуть. Но она не позволила. У нее даже двигатель не заводился. Никто не мог понять, в чем дело. Наконец прислали эвакуатор и оттащили ее в мастерскую.

Вот как закончилась история про офицера Уилла и машину-17. Я никогда никому ее не рассказывал, но я поведал все это ей, лежа под днищем, где никто не мог меня услышать. Я напомнил машине о том, кто она и что для нас значит.

— Я знаю, тебе плохо. Нам всем плохо. Нам всем не хватает его. Но ты не такая. Ты — полицейская. Ты должна выстоять. Это твой долг. Он не хотел, чтобы ты ржавела на задворках какой-то мастерской. Он хотел, чтобы ты выехала на улицу и задерживала тех, кто превышает скорость, и ловила дикие машины… и всякое такое. Чтобы ты защищала и служила, как это написано на твоей двери. Ты не можешь просто взять и бросить все это.

Машина не издавала никаких звуков, так что я не знаю, понимала ли она меня. Но зато я услышал шаги по гравию. Кеды Джоэла. И ботинки.

— Ладно, парень, — сказал кто-то. — Вылезай оттуда.

Я выкатился из-под семнадцатой. Ботинки принадлежали Нершелю Верцу, зятю Симпсона, то есть человеку, который являлся владельцем мастерской Симпсона. Начальник Джоэла. Джоэл стоял рядом с ним и выглядел лет на десять старше, больше опасаясь за свою работу, чем за меня.

— Он сказал, что может починить ее, — пробормотал он. — Я совсем заработался, и тут никого нет, и я знаю его, и он хорошо разбирается в машинах, так что я…

— Нарушил правила, — отрезал Верц.

Джоэл умолк.

Хозяин посмотрел сначала на меня, потом на семнадцатую. Его взгляд смягчился, совсем чуть-чуть. Все любили офицера Уилла.

— Что-нибудь получилось? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Я сделал, что сумел. Он кивнул.

— Ты же Чак, правильно? Я слышал о тебе много хорошего. И

все же уходи-ка отсюда. — Я склонил голову и проскользнул мимо, а он уже повернулся к Джоэлу: — Что же касается тебя…

То, что промямлил Джоэл, потонуло в шуме двигателя машины-17. Я остановился. У Джоэла отвисла челюсть.

Ее капот был все еще поднят. А под капотом — двигатель: он урчал, и все ремни и поршни работали так, как и должны были работать.

— Ты сказал, что не нашел в ней никаких неисправностей, — обратился Верц к Джоэлу. — Может, отдать твое место этому парню?

— Проблема в парочке проводов, — сказал я. — Контакт мог отойти где угодно. Если бы Джоэл залез под нее…

— Ага. — Верц посмотрел на двигатель.

Джоэл украдкой обошел его и засунул руку в окно со стороны водителя. Двигатель семнадцатой умолк. Верц перевел взгляд с Джоэла на меня, затем на машину.

— На этот раз я прощу вас. Приведите эту машину в порядок, чтобы мы могли вернуть ее департаменту. Знаете, сколько им это будет стоить?

Он прошествовал к офису, скосив взгляд на нас, чтобы убедиться, что мы идем следом. Джоэл был бледен, он не оглядывался на семнадцатую. Наверное, так же, как и я, думал о том, что ключи все еще лежали в его кармане.

Машине-17 нашли нового напарника и вернули ее на улицы. Полицейскую звали Таня Маноц, ее перевели сюда из другого округа. Джоэл сказал, что у нее отличные рекомендации. Интересно, насколько хороша она с машинами.

Выяснилось, что знакома с ними она отлично. Ее отец был механиком. Она взялась за новую работу всерьез и относилась к своей патрульной машине с уважением. Вскоре вновь стали возникать истории: о пойманных грабителях, о предотвращенных угонах, о водителях-лихачах, которых догнала и схватила полицменша на суперавтомобиле. Офицер Таня быстро привыкла к этому.

— Полицейская есть полицейская, — сказала она как-то нам и похлопала семнадцатую по капоту. — Мы с этой дамой находимся здесь для того, чтобы ловить на улицах нарушителей. Чтобы мир был безопаснее для вас, ребятки. Кстати, о безопасности: вот ты, который на велосипеде, почему без шлема?

Не стоило волноваться за офицера Таню и ее машину. Они прекрасно ладили.

* * *

Вот так оно все и было, когда мне стукнуло одиннадцать, и потом, когда мне исполнилось шестнадцать. Нет, это не подтолкнуло меня к тому, чтобы заделаться полицейским. Или механиком. Я хочу стать учителем. Кто бы мог подумать?

Эта история закончилась, когда я был в школе. Джоэл рассказал мне об этом. Произошла какая-то авария, и офицер Таня выехала на место происшествия в машине-17. Какой-то парень, болтая по сотовому, не заметил дорожного знака и врезался в них. Машина-17 оказалась на пути грузовика, и ее переднюю часть разнесло вдребезги. Офицеру Тане тоже досталось, но она все-таки выбралась из-под обломков и настаивала на том, чтобы арестовать парня, пока ее не положили в машину «скорой помощи».

Таню отвезли в больницу, а семнадцатую — в мастерскую. Джоэл уже не работал, но у него остались знакомства. Когда он услышал, что произошло с машиной-17, то пришел в гараж, и хозяин позволил ему осмотреть семнадцатую так же, как сам Джоэл позволил мне это много лет назад.

Она была в плохом состоянии, сказал мне Джоэл. Ее корпус перекосился, а двигатель треснул в трех местах. Но самое ужасное он обнаружил, когда прикоснулся к ней. Она всегда излучала тепло, говорил он, особенно капот, даже если двигатель был выключен уже несколько часов. А теперь он ощутил только холодный, мертвый металл. Именно «мертвый» — так он сказал.

Семнадцатую отвезли на свалку и там раздавили. Я не думаю, что она что-нибудь почувствовала.

Когда я в последний раз приезжал домой, то зашел на кладбище, чтобы проверить слух, который дошел до меня.

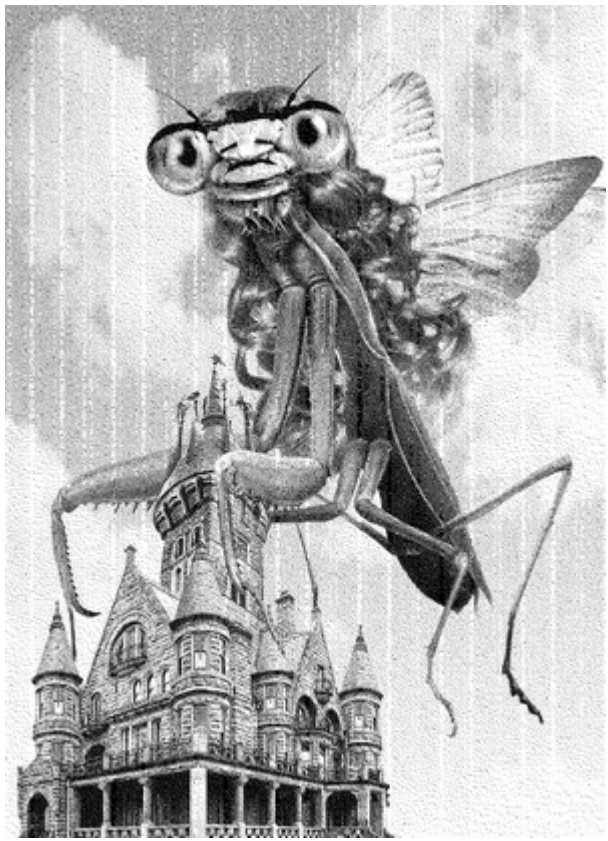
Кто-то положил руль на могилу офицера Уилла, прислонив его к надгробию.

Я хотел бы, чтобы это был руль от семнадцатой. Наверное, так оно и есть.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© P. E. Cunningham. Car 17. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Олег Овчинников
ИИ



Красный или белый? — требует Михал Палыч.

— Ну, красный.

— А без ну?

— Красный… думаю.

— Ты не думай, ты режь.

Щелк!

Рука-клешня появляется из-за спины, кладет на несгораемый стол следующую «машинку».

— Синий, зеленый или желтый?

— Синий… Да… синий.

— Ты режь, режь.

Щелк!

Интересуюсь:

— Вам проводов не жалко?

— Не отвлекайся. Белый, желтый, голубой или красный?

— Белый. Нет, постойте… Голубой!

— Некогда стоять! Режь!

Щелк!

— Может, хватит? А то уже руки дрожат.

— Давай, давай. Не все же на монетках и кубиках тренироваться.

— А в чем, простите, разница? Цепь же не замкнута.

— Умный! А сейчас? — Трехпалыч давит на кнопку.

— Эй, погодите!

— Некогда годить! Синий, зеленый, желтый, красный или белый?

— Желтый! Хотя… Стоп! Тут же два желтых!

— Наблюдательный! Левый или правый?

— Левый! — Щелк! И что-то такое в карей глубине под насупленными бровями. — И правый, правильно?

— Режь! — рычит шеф. После «Щелк!» шумно вздыхает. — Дальше!

— Да их тут двенадцать!

— А должно быть одиннадцать. Или десять. Давай!

— Не могу! Я уже не вижу.

— Так разуй глаза! Режь!

Щелк! И — Господи, Господи, помоги! Щелк!

— Все! Молодец. А теперь живо в буфет. Минералки там возьми, кофе. Заварное с кремом.

От облегчения слабеют колени. Выдыхаю так, что кажется: случись поблизости воздушный шар, надул бы с первой попытки. Предлагаю на радостях:

— Может, сначала прибрать?

— Живо, я сказал! — Рука-клешня цепляет за шею, тащит за собой. Выходим почти бегом. Уже в коридоре вспоминаю:

— А дверь?

— Да что дверь?

Михал Палыч вжимается в стенку за поворотом. И меня вжимает, за компанию. Вдруг — бах-барабах! Выглядываю — дверь на полу, рядом ошметки штукатурки. Лаборант Сашка таращится из кабинета напротив. Увидев меня, улыбается понимающе, изображает лицом: «Се ля ви, старик» — и уходит к себе.

— Вот стол — да, жалко, — как ни в чем не бывало заканчивает шеф. — Не напасешься на вас.

— Так вы… Так вы там… Серьезно? — бормочу, а у самого губы дрожат.

— Не ной. Не так уж серьезно. Там таймер на десять секунд. — И вдруг — о, чудо! — кажется, начинает оправдываться: — А как с вами еще? Привыкаете ведь,

расслабляетесь…

— А если бы… — Глотаю комок размером с кулак. — Ну… Не успели?

— Ну… Даже не знаю, — изрекает шеф и чешет подбородок трехпалой лапой.

Пора привыкнуть, говорю я себе, третий месяц пошел, так что пора привыкнуть.

И — не могу.

В первый раз я увидел будущего шефа весной на экзаменах. Он сидел за столом между семинаристом и поточным лектором. Этих двух я знал, потому что время от времени (чаще не получалось) появлялся на лекциях и семинарах, а вот могучий старикан в черном костюме, похожий на огромного сыча, заставил меня поволноваться. Он молчал всю дорогу, пока я отвечал билет, и не задал ни одного дополнительного вопроса, только выстукивал по столу дробь, в которой словно бы чего-то не хватало, и зыркал из-под бровей так, что думалось невольно: «Ну все, приятель, вот и кончилась твоя пятерочная полоса». Однако обошлось.

Через полчаса он отловил меня в коридоре по дороге в буфет. Предложил отойти в сторонку, взял за пуговицу и представился:

— Меня зовут Михаил Павлович. Для краткости — Михал Палыч. За глаза — Трехпалыч, вот из-за этого… — Махнул перед лицом своей клешней. — Кстати, я не обижаюсь.

— Очень приятно, — пробормотал я, слегка ошеломленный его откровенностью.

— Да… — Он сунул в рот папиросу, пожевал, не зажигая, и спрятал в кулак. — Касательно экзамена. Вы сколько вопросов выучили? Только честно.

— Честно? — Я пожал плечами. — Ну, половину.

— А еще честнее? — Карие глаза прищурились требовательно.

— Два, — неожиданно признался я. — Один из первой половины и один из второй.

— Два из шестидесяти четырех… — пробормотал он и снова пожевал папиросу.

— А что?

— Отвечали чересчур уверенно. Особенно про Гауссиан — преподаватель еще вопрос задать не успел.

— Допустим, — ощетинился я. — И что теперь? Переэкзаменовка?

— Да нет, зачем же. Вы, кажется, в буфет шли?

— Ага.

— А почему в этот? На седьмом этаже ведь ближе.

— Да, но там сейчас убирают, — ляпнул я.

— Так вы поднимались на седьмой? Я вздохнул.

— Вообще-то нет.

— Понятно. А что у вас в пакете? Ну-ка, живо!

Я, признаться, спасовал перед такой бесцеремонностью. Послушно развел в стороны полиэтиленовые ручки. В пакете не было ничего, кроме зачетки и зонтика.

Михал Палыч кивнул и спросил невпопад:

— А чем вы вообще планировали заниматься после университета? Вот это «планировали» меня сразу насторожило. Я не ответил. Во-первых, не знал как; во-вторых, просто не успел.

— Хотя зачем ждать? — продолжил мысль без пяти минут мой шеф. — У вас ведь каникулы сейчас начнутся. Хотите подработать? Денег много не обещаю, вы же пока по совместительству, зато скучно не будет. Опять же столовая у нас хорошая, недорогая. График работы — гибче некуда. Что еще…

Он много чего еще говорил, этот странный могучий старикан, а я смотрел на него, как мышонок на сыча, иногда даже кивал, только в конце решительно тряхнул головой и спросил:

— Постойте! Почему вы так уверены, что я соглашусь?

Михал Палыч ничего не сказал. Но зыркнул так, что пропала охота переспрашивать.

— Бери чистый лист. Пиши. По центру — два икса, римское двадцать. Дальше с красной строки. *В толпе гостей пустое место, вокруг прозрачная стена. Тоска в груди. И взгляд на кресло, где миг назад была она.* Написал?

— Сейчас, секунду… Написал. Это стихи, да? — сообразил я.

— Гений! — вздохнул шеф. — Напомни потом, чтобы поднял тебе зарплату. Ты что, все в одну строку записал?

— Ну да. Вы же не предупредили…

— Ладно. Бросай листок в корзину, бери чистый. Пиши с начала. Римское двадцать. Дальше… Каждый раз, когда я делаю паузу, начинай с красной строки и с заглавной буквы. Понятно?

Я кивнул.

Михал Палыч отвернулся к окну, закурил и продолжил диктовку.

В толпе гостей пустое место,
Вокруг прозрачная стена.
Тоска в груди. И взгляд на кресло,
Где миг назад была она.
Ушел в себя, вернусь едва ли,

Засим адью, прощайте, *vale*.

— Вале — тоже с большой буквы? — уточнил я.

— Нет, с маленькой. С маленькой латинской буквы. Или ты уже написал?

— Нет-нет, — поспешил откреститься я, добавив про себя: «Слава Богу!»

— Тогда пиши дальше.

Но выход в свет есть выход в свет,
Итра-ла-ла-ла-ла лорнет…

— Тра-ла-ла-ла-ла? — на всякий случай переспросил я.

— И тра-ла-ла-ла-ла лорнет, — терпеливо повторил шеф. — И прекрати меня перебивать. Пиши.

Блеснул насмешливо, игриво:
«Eugene, вы где? Вернитесь к нам!»
Вздохнул: «Оставьте! Что я вам?»,
Однако отвечал учтиво:
«Я здесь, мадам, у ваших ног».
Но эта встреча… Что за рок!

— Записал… Хорошо, тогда пиши дальше. Отступи немного. По центру — римское двадцать один. И с красной строки.

Казалось, все давно остыло…

Михал Палыч продиктовал еще одиннадцать строчек и замолчал — до того внезапно, что я спросил на свою голову:

— А дальше?

— Дальше сам.

— Опять двадцать пять! Что сам-то?

Он раздавил папиросу в пепельнице и закурил новую. Глубоко затянулся и с наслаждением выпустил целое облако ядовитого дыма.

— Так. Бери чистый лист. Пиши.

— А на компьютере, я извиняюсь, нельзя?

— Нет. Помнишь анекдот про миллион обезьян за пишущими машинками?

— Это про «Войну и мир»? Ну.

— Не нукай! Брехня это. Только от руки. Моторная функция, связь с мозгом.

— Не понял.

— Ты и не должен. Пиши. По центру — римское двадцать. С красной строки. *В толпе гостей…*

Передний край сиденья впивался в бедра. Кто только выпускает такие стулья? И табак Трехпалыча сегодня вонюч как сорок тысяч раздавленных клопов. Хоть плачь. Садист! Садист, палач и инквизитор! Нет, не так. И инквизитор, и палач.

Сам не знаю, зачем я записал это на листке, когда шеф в очередной раз закончил свой диктант.

— И всякий сам себе, хоть плачь, и инквизитор, и палач, — промурлыкал Михал Палыч, который, оказывается, уже минуту стоял за моим плечом. — Ну вот, можешь же.

— Тра-ла-ла-ла-ла, — пробормотал я.

— Что?

— Нина Воронская — кто это?

— Долго объяснять, — поморщился шеф. — Зачем тебе?

— Это ведь она была вместо «тра-ла-ла-ла-ла»? Убейте меня, если я знаю, кто это, но там точно было: «И Нины Воронской лорнет блеснул насмешливо, игриво», да? Скажите, да?

— Да, да. — Он взмахнул трехпалой лапой. — Или нет. Это же только вероятности… Ты не отвлекайся, пиши дальше.

— Что дальше? Что дальше-то? Вы этого хотите? Этого? — Я почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы жгучей и какой-то детской обиды. А может, дело было в табачном дыме. — И перестаньте пыхтеть мне в лицо, вы… вы…

Буквы подпрыгивали на месте, строчки наплывали друг на друга, но рука, как ни странно, писала. И остановилась не раньше, чем вывела внизу страницы: «Как сердце бешено стучит при виде чувственных ланит», потом перевернула листок, поставила в центре XXV и закончила чем-то совсем уж хрестоматийным: «Ужель та самая Татьяна».

— Тихо, тихо, тихо! — пробормотал Трехпалыч и потянул у меня из-под носа листок. — Достаточно. Что там получилось?

Первым, кого я встретил, выйдя от шефа, был лаборант Сашка. Он стоял в дверном проеме и протирал какую-то колбу концом перекинутого через плечо полотенца, похожий на скучающего бармена. При виде меня оживился, спросил участливо:

— Что, Пушкиным пытал?

— Ну!

— И докуда дошел?

— До ланит. Кивнул одобрительно.

— До ланит — хорошо. Многие на палаче ломаются. Я смерил его взглядом, злой как тысяча чертей.

— И что там по расписанию дальше? За звездами падающими наблюдать? Или искать ржавую иголку в Марианской впадине?

— Дальше не знаю, — развел руками Сашка. — После Пушкина индивидуальная программа. Но скучно не будет, поверь.

— Да я уж понял.

Действительно понял еще в июне, когда впервые прочел на латунной табличке у входа лаконичную надпись «ИИ» и спросил у Михал Палыча, который вышел меня встретить, что она означает.

— То есть первая «И» — «институт», — предположил я. — А вторая?

— А сам не догадываешься? — усмехнулся шеф, который в одностороннем порядке перешел на ты, стоило нам переступить порог здания.

Я задумался ненадолго.

И — догадался.

Этим утром шеф был особенно мил. Поздоровался первым и дважды пошутил, причем оба раза удачно. В общем, и простой человек с улицы сообразил бы: грядет что-то, ой грядет, а уж любой сотрудник нашего больного на первую букву НИИ — и подавно. Так оно и случилось.

— Вот, — сказал Трехпалыч и поставил на стол бочонок — сорок сантиметров в высоту, двадцать в диаметре. Он был серый, но какой-то неоднородно-серый. Из курса детсадовской лепки я знал, что добиться такого эффекта можно, смешав разноцветные бруски пластилина в один комок. Кстати, на вид бочонок казался пластилиновым, хотя, скорее всего, был изготовлен из более прочного и эластичного материала. В крышке бочонка я насчитал двенадцать дырочек. Словом, если вы когда-нибудь коллекционировали каучуковые солонки, шефу удалось раздобыть довольно крупный экземпляр.

В расположении дырочек на крышке мнилось что-то гипнотическое. Каждая была диаметром с кончик мизинца. Или чуть меньше. Мне захотелось проверить.

— А можно… Ой! — сказал я, когда похожая на клешню лапа шлепнула меня по запястью.

— Руки под стол! — рявкнул Михал Палыч. Но я и сам уже пожалел о своем порыве.

Из дырочки, в которую я чуть было не сунул палец, показалось что-то желтоватое, напоминающее сдвоенную трубочку для коктейля, только потоньше и со срезанным наискось концом. Показалось и исчезло, показалось и исчезло, как будто

дважды кольнуло воздух.

— И вообще держись-ка ты подальше. — Шеф за края стянул дырявую крышку, потом медленно уложил бочонок на бок и легонько постучал по дну. — Ну давай выбирайся, красавица.

Прошла секунда, другая — и из бочонка на стол выбралось нечто.

Бабочка — не бабочка, стрекоза — не стрекоза, гадал я. Глаза у странного существа были точно стрекозиные — круглые, блестящие, симметрично торчащие по бокам головы, а вот туловище-веретено и белые, с отливом в голубизну, крылышки достались ему явно от бабочки. Были, правда, еще какие-то надкрылки цвета спелого каштана, которые начинались на затылке и спускались до середины туловища.

— Кто… — начал я и не договорил.

Бабочка-стрекоза развернулась ко мне — вероятно, среагировала на голос — и взметнула туловище вверх, одновременно расправив крылья. Она держалась почти вертикально, опираясь на верхние лапки, которые оказались гораздо длиннее и мощнее остальных. И хоть росту в ней было от силы сантиметров десять, это зрелище показалось мне одновременно грозным и величественным. Богомол — не богомол, мысленно присовокупил я и все-таки повторил вопрос, правда, вполголоса:

— Кто это?

— Знал бы, зачем бы тебя звал? — резонно заметил шеф.

Я кивнул — давно пора привыкнуть — и осторожно заглянул в бочонок, однако ничего, напоминающего сдвоенную трубочку для коктейля, внутри не обнаружил. Строго говоря, бочонок был пуст.

— Откуда это?

И вдруг — хлоп! — как детская забава, как свисток с бумажным языком на конце, изо рта у существа выскочила желтая молния. Выскочила сантиметров на сорок и моментально втянулась обратно. Я еле успел убрать локоть.

— Держись подальше, — напомнил шеф.

— Что это, язык? — спросил я, отодвигаясь на безопасное расстояние.

— Нет, язык выше. Что-то вроде полых трубок, между ними — перемычки.

— Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, — пробормотал я.

— Похоже.

— Но как они умещаются у нее внутри? Трехпалыч пожал плечами.

— Пока непонятно. Пневматика какая-нибудь. Или

гидравлика. Видишь, они и сейчас немного торчат.

— Точно! — Концы трубочек-рельсов выпирали изо рта, как не по размеру подобранная вставная челюсть. — Погодите-ка, а это…

— Только близко не наклоняйся, еще стрельнет! Глаза береги.

Но мне было уже не до рельсов-трубочек, выстреливающих изо рта, даже не до собственных глаз.

— Это ведь не надкрылки, да? — прошептал я. — Это… Там, по кругу, это же… волосы, да?

— Да, да.

— Но ведь… Откуда это? — повторил я. — Хотя бы с какой планеты?

— С нашей планеты, с нашей, расслабься. Отловлено в Битцевском парке.

— Оно летает?

— Пока нет. Видишь же, крылышки еще маленькие.

— А чем питается?

— Насколько мы успели заметить — ничем.

— Но как же…

— Сам в недоумении, — отрезал шеф.

Я открыл рот, готовый задать еще десяток дурацких вопросов и получить десяток соответствующих ответов.

И — промолчал.

— Ну что, никаких проблесков?

Я замешкался в поисках остроумного ответа и, ничего не надумав, вздохнул.

— Напомни потом, чтобы вычеркнул тебя из премиальных списков. Иждивенец. Ладно, включай камеру. — Шеф провел клешней по голове, приглаживая волосы, и заглянул в объектив: — Эксперимент номер… Какой там?

— Сорок седьмой.

— Эксперимент номер сорок семь. Изменение объема. Давай стеклянный шар.

— Прозрачный?

— Да. И подставку на минус четыре.

— Маловата, — проворчал я.

— Нормально. Ты же видишь, она в силу входит.

«Я вам не проблесковый маячок. Вот как надо было ответить!» — запоздало сообразил я. К сожалению, развитая интуиция имеет мало общего со скоростью реагирования. Впрочем, где она — развитая? На кого меня старого кинула?

Я поместил в центр стола подставку — стеклянный диск на

трех изогнутых ножках, посередине — круглое отверстие. Сверху положил шарик. Он погрузился в отверстие на треть.

— Давай, давай, давай…

Михал Палыч похлопал по дну бочонка, и существо, которое я всю последнюю неделю называл про себя не иначе как Мучительница, предстало перед нами. Сверкнуло глазищами на шефа, на меня, затем уставилось на стеклянный шар. Я начал отсчет: «и раз, и два, и три…» А когда уже на «четы…» мелькнула желтая молния, закончил: «…ре». Хорошо хоть ждать не пришлось.

Рукой в защитной перчатке я снял шар с подставки и зажал между лапками штангенциркуля. Покачал головой.

— Вообще не в ту сторону. Плюс полтора. Шеф посмотрел с тоской.

— А предсказать не мог?

— Нет. — Я скрипнул зубами. — Хотите я вам землетрясение в Токио предскажу?

Михал Палыч немного оживился.

— А оно будет?

Я мысленно досчитал до десяти.

— Когда-нибудь. Не сегодня.

В том-то и беда. Я совершенно не мог сказать, какой фокус выкинет Мучительница через секунду. Она была закрыта от меня, и я даже не понимал чем. Серость какая-то, бесформенная серость. Без единого проблеска.

Следующая фраза Трехпалыча и то лучше поддавалась прогнозированию. Хотя я никогда раньше не видел, чтобы он с кем-нибудь сюсюкал. Со мной так точно.

— Ничего-ничего. Сейчас наша красавица постарается… Сильносильно постарается, правда? А ты чего встал? Клади шар.

Я положил шар на подставку. Теперь он на три четверти торчал из отверстия. Но это продолжалось недолго.

Под мое заунывное «…и тридцать девять» желтая молния накрыла цель, и шарик с дробным стуком ударился о столешницу.

Михал Палыч подпрыгнул на месте от восторга.

— Пять миллиметров! — ликовал он. — А то и шесть! Я же говорил, она входит в силу! Ух ты, моя красавица!

Пожалуй, он расцеловал бы Мучительницу, если бы не риск остаться на всю жизнь с заячьей губой. Или сменить цвет глаз. А то и форму носа.

Я выудил шарик из отверстия в подставке и внимательно рассмотрел на фоне окна. На гладкой поверхности не было ни трещины, только в сердцевине, прежде прозрачной, переливалась тонкая цветная паутинка.

— Смотрите, там как будто радуга, — сказал я.

— Отлично. — Не думаю, что шеф меня расслышал. — Сделай крупный план, отметь в журнале и приготовь все для следующего эксперимента. Кстати, который там?

— Не помню.

— Не ври!

— Сорок восьмой, — буркнул я.

— Эксперимент номер сорок восемь, — объявил он в камеру. — Изменение цвета. Или формы. Достань два кубика.

— Дерево или пластик?

— Пластик. Сиреневый и… зеленый.

— Она не любит зеленый.

— Она не любит зануд.

— Тогда сами доставайте, — огрызнулся я. — Или Сашку позовите. Он лаборант, ему…

Седая бровь саркастически изогнулась.

— А ты чем лучше?

«Действительно, — подумал я, — чем? Если все, на что я способен, это считать секунды, взвешивать граммы и отмеривать миллиметры. Получается, ничем».

И — подчинился.

Эксперимент по превращению цветных кубиков в какие-то серые обмылки с закругленными краями утомил меня. Я напомнил шефу, что следующий номер сорок девять, и отпросился на полчасика — подышать. Михал Палыч отпустил меня с легким сердцем, обозвав всего лишь ренегатом. Думаю, он не скучал по мне. Пирамидки, кубики и шарики заняли внимание шефа целиком. Он даже не курил с утра. То есть пару раз, забывшись, вытаскивал из кармана мятую пачку, но, поглядев с умилением на свою новую любимицу, убирал обратно.

Я спустился во внутренний дворик института. Скамеек тут не было, и я уселся на бордюр, опоясывающий клумбу, благо кто-то из моих предшественников оставил на камне сложенную вчетверо газету.

Не знаю, бордюр ли сыграл свою роль или душный запах цветущих петуний, но в какой-то момент я сказал себе: «Стоп! Это уже было». Редкий случай, когда меня посетило не привычное, как я это называю, «воспоминание о грядущем», а нормальное человеческое дежа вю. Потому что это действительно было — и бордюр, и клумба за спиной, правда не с петуниями, а с тюльпанами. Весь город был красным от тюльпанов, тем жарким апрелем подоспевших ко Дню космонавтики.

Мы сидели втроем, подложив под себя ранцы: я, Мишка

Дуренков и Максим Широбоков. Уроки уже кончились, а домой пока не хотелось.

— А давайте играть в машины, — предложил Максим, и они с Мишкой стали на ходу выдумывать правила.

Мишка говорил, что надо назвать марку машины, которая проедет по улице, а Максим настаивал, что достаточно угадать цвет.

Припекало. Я запрокинул голову, подставляя лицо солнечным лучам, и увидел в блуждающем сиянии под веками красные «Жигули».

— Красные «Жигули», — сказал я.

— «Москвич», — включился в игру Мишка. — Все равно какого цвета.

— Автобус, — сказал Максим и зачем-то уточнил: — Желтый. — Как будто были другие варианты.

Выиграли красные «Жигули».

— Давайте еще раз, — загорелся Мишка. — «Волга». Такси. С шашечками.

— Автобус. Желтый, — упорствовал Максим.

— «Волга», — согласился я, зажмурившись, — только без шашечек. Белая. — Потом зажмурился еще раз и назвал номер.

— Как ты это делаешь? — спросил Мишка полминуты спустя, провожая взглядом белую «Волгу».

Я пожал плечами и улыбнулся. Меня забавляли выражения лиц моих школьных приятелей.

После этого наступило затишье. За несколько минут мимо нас не проехало ни одной машины. За это время Мишка успел раз пять поменять свой прогноз, зато Максим с его автобусом был непоколебим, как скала.

— А ты чего молчишь? — дернул меня за рукав Дуренков.

Я вздохнул и зажмурился. Потом еще раз зажмурился. И еще раз — изо всех сил. В голове зашумело, за ушами что-то щелкнуло, но это ничего не изменило.

— «Чайка», — сказал я.

Мишка только присвистнул, а Максим уверенно сказал:

— Врешь!

«Чаек» в городе не было отродясь. Только несколько штук на полке в «Детском мире», но и они оставались маняще-недосягаемыми. Одиннадцать рублей двадцать копеек!

Еще пару минут я мужественно сносил глумливые нападки, а потом по центру проезжей части, прямо по разделительной полосе в сопровождении восьми мотоциклистов промчалась Она. Совсем такая же, как в «Детском мире»: черная и сверкающая, только в масштабе сорок три к одному.

На День космонавтики городские власти пригласили Алексея Леонова.

Мы надолго замолчали. Машин на улице снова стало много, но поиграть больше никто не предлагал. Только когда мимо проехала поливалка, Максим сказал:

— Смотри, смотри, радуга!

— Ого! — вторил ему Мишка. — Двойная!

Я тоже посмотрел в ту сторону, но увидел только мокрый асфальт и пыльный бок цистерны. А еще какое-то серое марево, на котором у меня никак не получалось сосредоточить взгляд.

Потом было много чего еще. Фокусы с монеткой, цитирование таблиц Брадиса у доски и угадывание телефонного номера за поцелуй. Я учился, выражаясь языком Трехпалыча, входил в силу — точь-в-точь как наша подопечная, которой еще неделю назад требовалось пять-шесть касаний, чтобы ужать стеклянный шарик хотя бы на миллиметр. Но никогда больше я не видел радуги. Вплоть до сегодняшнего утра.

Каждому свое, подумал я. Кто-то умеет решать сложные уравнения, кто-то просто угадывает ответ. А кто-то, возможно, видит за иксами и игреками линию удивительной красоты. Каждому свое.

Я, например, могу, не вставая с газеты, прочесть все заголовки. Только зачем? Они и так не сильно меняются от выпуска к выпуску. Кто-то кого-то посетил с официальным визитом. Кто-то где-то что-то разбомбил, и его за это мягко пожурили. Кто-то призвал своих политических сторонников в едином порыве выйти на марш протеста, а потом подумал-подумал и улетел на недельку на Корфу. Нет-нет, мой метод чтения газет, пожалуй, самый правильный. Разве что на последней странице… Так. В Манеже прошла выставка художника… Последний российский блокбастер набрал в прокате… В преддверии нового учебного года… В Битцевском парке обнаружен очередной «дворец»… Стоп!

Я все-таки поднялся с бордюра и развернул газетный лист. Пытался читать последовательно, но взгляд заметался по строчкам. Так-так… Пенсионер-энтузиаст… Наутро на месте скворечника… Уже третий случай за последние… Личность неизвестного мастера до сих пор… Мы надеемся…

— Угу, надейтесь, — пробормотал я и посмотрел на окна четвертого этажа. Потом снова на газету.

Внизу статьи была фотография: висящий на ветке березы дворец с островерхой конической крышей, четырьмя башенками по углам, крошечными колоннами у входа и арочными окошками. Как настоящий, только в масштабе один к тысяче. Хорошо, что

фото черно-белое, подумал я. Иначе я бы не разглядел. Это как радуга. Как серое марево, на которое неуютно смотреть. Как обрывки снов, детских сказок и чего-то еще. «Личность неизвестного мастера», — прочел я еще раз и усмехнулся. Я знал одного мастера, для которого форма, цвет и размер предмета не имеют значения. Не самого создателя дворца, конечно, но кого-то из его младших родственников.

Я свернул газету в трубку и, зажав ее в кулаке на манер эстафетной палочки, бросился к лестнице. Взбежал на четвертый этаж, ворвался в кабинет шефа и, присев на корточки перед столом, чтобы оказаться вровень с круглыми блестящими глазищами, выпалил три слова. Хотите узнать какие?

— Здравствуй, добрая фея!

Видели бы вы, как она заулыбалась. Волшебная палочка выскочила чуть не на полметра.

Михал Палыч постоял немного, изображая дуплистый дуб, потом громко щелкнул челюстью, покачал головой и показал мне один из трех пальцев на правой руке. Большой.

— Давай, давай, давай, — ласково прошептал я и постучал по столешнице снизу.

Мучительница быстро-быстро замахала крылышками.

И — взлетела.

Алексей Калугин
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дамы и господа! Через пятнадцать минут наш самолет покинет зону единого информационного пространства, после чего все имеющиеся у вас предметы личного пользования, созданные с помощью универсальных информационных носителей, дематериализуются. Не забывайте об этом, дабы не оказаться в неловком положении…

В голосе пилота — едва заметная ирония. Еще бы! Кто не слышал уморительных историй о рассеянных туристах, забывших переодеться в вещи, созданные без использования нанотехнологий, и оставшихся в чем мать родила, как только самолет пересек границу с Россией, на территорию которой, как известно, единое информационное пространство не распространяется. Большинство этих историй всего лишь байки, придуманные самими же туристами, чтобы по возвращении домой повеселить друзей и родственников, не представляющих себе, что такое жизнь без уинов. Уже хотя бы потому, что вас не

пустят в самолет, следующий рейсом в Россию, если вы не одеты, как положено. А вот что касается мелочей, которые всегда должны быть под рукой…

— …Ряд предметов первой необходимости, которые вы забыли приобрести до отлета, могут предложить вам наши стюардессы…

Я поднял руку. Миниатюрная блондинка в малиновой униформе, катившая по проходу столик на колесиках, улыбнулась и быстро двинулась в мою сторону.

— Что желаете?

— Авторучку.

Стюардесса нажала кнопку на краю столика, и моему взгляду предстали три десятка самых разных ручек — от пластиковых простушек до похожих на сигары монстров в золоченых корпусах. Я выбрал небольшую, аккуратную, удобно ложащуюся в руку, с серо-стальным узорчатым корпусом. Она не бросалась в глаза, но внимательный наблюдатель мог отметить, что это отнюдь не дешевка.

— Еще что-нибудь? — вежливо осведомилась стюардесса.

— Благодарю, это все, что мне надо.

— У вас нет часов, — улыбнулась девушка.

На руке у меня часов действительно не было. Я достал их из специального маленького кармашка, нашитого поверх внутреннего кармана пиджака. Большие круглые часы с откидывающейся крышечкой, ажурными стрелками и крупными римскими цифрами от единицы до двенадцати. Настоящий антиквариат. На внутренней стороне крышечки можно прочитать полустершуюся гравировку: «Петръ Леонидович Максинъ». Наверное, это имя первого владельца часов. И мое тоже. Но тот, кому часы принадлежали прежде, не имеет ко мне никакого отношения. Часы подарила мне Настя пять лет назад, на мой тридцать пятый день рождения. Настю поразило удивительное совпадение имен, и она решила, что непременно должна подарить мне эти часы. Я как раз впервые собирался в Москву, так что настоящие антикварные часы пришлись очень кстати. А потом они стали для меня не талисманом даже, а амулетом, таинственным оберегом, спасающим от любых напастей. Поэтому я носил их даже в информационном пространстве, где в часах нет никакой надобности — точное время можно узнать, просто подумав об этом. Кто знает, быть может, таинственное совпадение имен бывшего и нынешнего владельцев часов на самом деле наделяло их какими-то чудодейственными свойствами?

— Замечательные часы, — вежливо улыбнулась стюардесса,

хотя, конечно же, не смогла оценить их по достоинству. — Триста семьдесят уинов, — деловито добавила она и показала мне стержень уин-дозатора, на узеньком табло которого горело озвученное число.

Я согласно кивнул и положил на подлокотник левую руку. Стюардесса коснулась активным кончиком дозатора углубления на уин-перстне, украшавшем мой безымянный палец, и в моем организме стало ровно на триста семьдесят уинов меньше.

— Благодарю вас, — еще раз дежурно улыбнулась стюардесса. — Желаю приятно провести время. — И покатила дальше по проходу свой столик.

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Хорошо тому, кто летит в Россию первый раз, для того чтобы охать и ахать, с удивлением глядя на причуды и выверты последней страны, оставшейся в стороне от единого информационного пространства. Он даже не подозревает, с чем ему предстоит там столкнуться. То, о чем с восторгом рассказывают рекламные проспекты туристических фирм, для него пока не более чем экзотика. И хорошо, если в его памяти это путешествие останется всего лишь экзотическим туром. Интересно, многие ли из тех, кто летит сейчас одним со мой рейсом, захотят снова вернуться в Россию? Хотя бы в качестве туристов?

— Уважаемые пассажиры! Самолет заходит на посадку! Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение и пристегните ремни!

Ну вот и прилетели!

* * *

Неприятности у туристов начались уже в зале прибытия. Кто-то вдруг обнаружил пропажу очень нужных вещей. «Видите ли, я постоянно пользуюш коггектогом дикчии, — безбожно шепелявя, жалуется пожилой статный мужчина своему соседу. — Шовегшенно жабыл пго него». Две дамы, минуту назад забежавшие в туалетную комнату, выскакивают оттуда с вытаращенными глазами. «Они до сих пор пользуются унитазами!» — громким шепотом сообщает одна из них своим спутникам. Однако! Нужно было хотя бы памятку для туристов в самолете прочитать.

Встречающий группу представитель туристической фирмы, размахивая рукой, громко объясняет прибывшим план дальнейших действий:

— Кто еще не успел получить свой багаж, подойдите к стойке

номер двенадцать.

Багаж — вот еще одно слово, напрочь вышедшее из употребления в зоне единого информационного пространства. О каком багаже может идти речь, если любая необходимая вещь создается на месте в считанные секунды?

Перехватив саквояж левой рукой, я не спеша двинулся к выходу на улицу.

Не успел я подойти к краю тротуара, как рядом затормозила желтая машина такси.

— У вас багаж? — наклонившись к окошку, приветливо улыбнулся шофер.

Я показал саквояж.

Таксист коротко кивнул, щелкнул клавишей на панели управления, и передо мной распахнулась задняя дверца.

— Гостиница «Балчуг», — сказал я, устраиваясь на заднем сиденье.

Таксист с интересом посматривал на меня через зеркало заднего вида. С одной стороны, говорю я на чистом русском, даже без намека на акцент. С другой — какой же русский возвращается из-за кордона без больших чемоданов?

Машина отъехала от тротуара, плавно скатилась по пандусу и выехала на шоссе.

— По делам или в гости?

Тонкий ход! Вопрос можно повернуть как в одну сторону, так и в другую! Мол, были в гостях? Или приехали в гости?

— По делам, — ответил я, глядя в окно.

— Надолго?

Черт, вроде бы ясно дал понять, что не расположен к беседе. Я прямо посмотрел в глаза шофера, отражавшиеся в зеркале.

— А что?

Взгляд водителя метнулся в сторону.

— Да нет… Я просто так спросил.

От нечего делать я принялся считать дома за окном. Не похоже, что шофер работает на Госбезопасность, — слишком уж прямолинейно начал. Хотя, с другой стороны, даже если и работает, мне-то что? Я официальное лицо, представитель Мирового экологического форума, прибыл в Москву для того, чтобы ознакомиться с последними отчетами по экологическому балансу озера Байкал и договориться об установке новых фильтров на Ангарском целлюлозно-бумажном комбинате, сбрасывающем в озеро промышленные отходы. Между прочим, МЭФ готов бесплатно предоставить России фильтры и самостоятельно провести все работы по их установке и наладке. Мне же предстоит уговаривать местное руководство согласиться

на эти условия. Улавливаете иронию? Людей нужно уговорить принять дорогой — очень дорогой! — подарок. В новых фильтрах, созданных по не известной им технологии, русские почему-то видят троянского коня. «А что мы будем делать, если через неделю ваши фильтры выйдут из строя?» — спрашивают они. И здесь уже не помогают никакие доводы. Ну какой российский чиновник поверит в то, что некая неправительственная организация из закордонья — есть у них в России такое словечко — просто так, за здорово живешь, подарит ему новенькие промышленные фильтры только потому, что их, иностранцев этих поганых, беспокоит, видишь ли, судьба самого глубокого в мире озера? Чистый бред! С точки зрения российского чиновника, разумеется.

— Приехали, — объявил шофер, затормозив у входа в гостиницу. И, положив локоть на спинку водительского сиденья, повернулся ко мне. — Можете расплатиться уинами.

— У меня есть рубли, — я раскрыл бумажник. — Сколько?

— В уинах дешевле будет, — шофер чуть прищурил левый глаз, словно собирался подмигнуть мне заговорщицки.

— Сколько? — я достал из бумажника деньги.

Шофер недовольно отвернулся и щелкнул пальцем по кнопке. На кассовом табло загорелась сумма к оплате: 320 рублей. Еще десять процентов чаевых. Ладно.

— Прошу вас, — я протянул шоферу ровно 352 рубля.

Таксист забрал деньги, сунул мне в руку чек и, опустив клавишу на панели управления, открыл заднюю дверцу.

— Всего доброго, — сказал я, выбираясь из машины.

Рядом уже суетился чернокожий швейцар в малиновой ливрее с золотыми позументами, так и норовивший вырвать у меня из рук саквояж.

— Благодарю, помощь мне не нужна.

Швейцар недовольно засопел, шевельнул вывернутыми ноздрями и с обиженным видом отошел в сторону. Да, вот чего африканцу не хватало, так это широкой, окладистой бороды, которую можно степенно оглаживать, стоя в сторонке и предаваясь возвышенным думам о судьбах родины.

* * *

«Люкс» № 412 был постоянно зарезервирован за Мировым экологическим форумом. Точно так же, как еще семь номеров на разных этажах гостиницы. Портье вокруг меня едва лезгинку не станцевал, стоило мне показать золотую карточку «Службы

Путешествий».

Поднявшись в номер, я сунул в руку увязавшемуся за мной коридорному двадцатку и захлопнул дверь у него перед носом. Не хватало только, чтобы он начал демонстрировать мне все достоинства номера, в котором я останавливался уже в пятый… Или в шестой раз?

Я достал из кармашка часы, щелкнул крышкой и посмотрел на циферблат.

Без пяти четыре.

Что ж, очень хорошо. Сегодняшний вечер у меня свободен.

Я подошел к огромному, едва не в полстены бару, открыл холодильную стойку и не спеша изучил ассортимент. Выставка была замечательная. Скользнув взглядом по этикеткам, я остановил выбор на ледяном чае с лимоном.

Подхватив одной рукой бутылку, другой — тяжелый четырехгранный стакан, я ногой подтолкнул кресло к невысокому шестиугольному столику из карельской березы. Устроившись в кресле, я налил себе стакан чаю и, мысленно отсалютовав всем, кто был рад или не рад видеть меня в Москве, сделал два больших глотка. Чай оказался хорош! Прохладный, чуть кисловатый, пузырьки углекислоты приятно щекочут нёбо.

Ах, блаженство!

Приоткрыв один глаз, я посмотрел на телевизор, серой глыбой застывший в углу. Модель с голосовым управлением. Чтобы этот ящик работал как следует, на него нужно орать, потому что простых, тихих слов он не понимает. Или не желает понимать. А может быть, его специально так настроили на заводе?

Россия…

Я допил чай и поставил стакан на столик.

И тут оно началось.

* * *

Странным было не то, что это вообще происходило — к странностям я был готов, — а то, что всякий раз это начиналось по-разному.

Когда это случилось в первый мой московский приезд, я страшно перепугался. Решил, что спятил. Или, в лучшем случае, переутомился. Принялся таблетки глотать успокаивающие. От транквилизаторов меня вело, как суслика среди зимы. Каким-то чудом я дотянул до конца визита. В самолете меня скрутило так, что думал, точно концы отдам. Перед глазами все плыло, как

будто смотришь на мир сквозь гигантские прозрачные шестеренки, крутящиеся, цепляющиеся друг за друга и переливающиеся радужным сиянием. По сравнению с тем, что я лицезрел в гостиничном номере, видение это не наводило смертельного ужаса. Но и ощущение близящегося полного разрыва с действительностью было не из самых приятных. Но как только самолет пересек кордон, отделяющий Россию от единого информационного пространства, морок будто рукой сняло. Я вновь был полон сил, бодр, уверен в себе и в реальности происходящего. Поэтому я не стал обращаться к специалистам, решив, что уины уже вычистили из моего организма всю заразу.

Однако в следующий мой приезд все повторилось в еще более тяжелой форме. Первые два дня я как-то боролся с бредом, а потом просто выпал из реальности. Картина окружающей действительности причудливо дробилась и перемешивалась с кошмарным образами, являвшимися ниоткуда. Вернее, это я не мог понять и объяснить их происхождение.

Позже я определил для себя это состояние словом «накат».

А майор Ворный научил меня бороться с ним другим накатом.

— Ну, накатили! — провозглашал обычно Владимир Леонидович, перед тем как опрокинуть в рот стопку водки.

И снова морок отпустил меня, стоило пересечь границу единого информационного пространства.

Так что ж выходит — это сама Россия на меня так воздействует?

Вернувшись домой, я попытался выяснить, не происходит ли то же самое с другими людьми. Я перерыл горы специальной литературы, побывал на всех доступных медицинских сайтах, переговорил с несколькими знакомыми медиками. И ничего не нашел по интересующему меня вопросу. Абсолютно ничего. Ни намека даже.

Получалось, только я один слетаю с катушек, едва оказавшись вне зоны единого информационного пространства.

И чем же я заслужил такое?

Что самое ужасное, моя работа в Российском секторе Мирового экологического форума была связана с регулярными поездками в Москву, Питер, Новосибирск и другие крупные города единственной страны, упорно не желавшей присоединяться к единому информационному пространству.

Конечно, я мог подать прошение о переводе в другой сектор. И прошение это, скорее всего, было бы удовлетворено. Но ряд причин удерживал меня на месте. Во-первых, работать в Российском секторе МЭФа было престижно и интересно — Россия

оставалась самой неблагополучной страной в области экологии и там было где применить наши знания и умения. Во-вторых, мне не могло не льстить то, что я считался одним из лучших специалистов по России. Дело в том, что моя задача заключалась не в мониторинге экологической ситуации и не в разработке новых проектов для ее улучшения. Я должен был уговаривать русских идти с нами на контакт. И надо сказать, у меня это неплохо получалось. В среднем, один из шести предложенных мною проектов русские принимали. В-третьих, работа моя хорошо оплачивалась, что тоже немаловажно. И наконец, самое главное — мне нравилась моя работа.

Поэтому я продолжал работать в Российском секторе МЭФа. И как минимум раз в полгода летал в Россию, старательно скрывая ото всех, что там со мной происходит.

Со временем я не привык к накатам, но почти смирился с ними, как с неизбежной профессиональной вредностью.

* * *

Сначала я краем глаза заметил, как по шторам пробежало легкое марево, будто раскаленный воздух над жаровней колыхнулся.

Я резко повернулся в сторону окна.

Все нормально. Даже сквозняк шторы не колышет.

Откуда же это ощущение, будто происходит что-то странное?

Тихо звякнули стеклянные висюльки люстры над головой.

Я поднял взгляд.

Вокруг люстры кружилось с десяток голубоватых искорок. Когда одна из них догоняла другую, первая отскакивала в сторону, цепляла стеклянную висюльку, и та издавала едва слышный звон.

Я покосился в сторону бара. За стеклянной дверцей стояла спасительная бутылка водки. Но — нет. Накат был пока слишком слабый для того, чтобы использовать радикальные методы. Не накат даже, а так себе, накатишко. Такой можно было перетерпеть, не прибегая к допингу.

Чтобы отвлечься, я взял со стола папку с программой визита.

Сегодня у меня был свободный день. В среду днем — встреча с заместителем секретаря думского комитета по экологии. То, что для начала только заместитель — это нормально. Для России — нормально. Русские любят погонять проект по скользким ступенькам бюрократической лесенки. Для кого-то этот зам мог бы стать непробиваемой стеной. Но у меня есть опыт, как

обходить такие препятствия.

Краем глаза я заметил, как по стене пробежала ярко-оранжевая саламандра. Бежит — и пусть себе бежит. Главное, не обращать на нее внимания, сделать вид, будто не заметил. Иначе она остановится и попытается завязать разговор. А то еще и приятелей позовет.

Вечером — неофициальная встреча с представителем общественного движения «Зеленый мир». В приложенной справке говорилось, что это малочисленная организация, не пользующаяся популярностью среди населения и не имеющая своих представителей в Госдуме. Однако лидеры «Зеленого мира» поддерживают идею вступления России в единое информационное пространство. Поэтому мне предлагалось оценить, можно ли рассчитывать на то, что со временем «Зеленый мир» перерастет в политическую партию, лоббирующую интересы единого информационного пространства. Что ж, разберемся.

Я перевернул страничку, чтобы узнать расписание на четверг. И тут накатило по полной программе.

Прямо со страницы на меня прыгнула какая-то зверюга с разинутой пастью. Я едва успел увернуться. Зверюга — помесь крокодила, носорога и бабуина — вцепилась клыками в спинку кресла и принялась отчаянно драть ее. Я с размаху огрел тварь папкой по голове и вывалился из кресла.

Обернулся.

Зверюги нет.

Кресла тоже нет.

А в голове поют хрустальные колокольчики.

Ох, не к добру эти колокольчики.

Наученный опытом, я знал, что хуже хрустальных колокольчиков может быть только китайская тростниковая флейта.

И стоило мне о ней подумать, как тут же послышались протяжные, заунывные звуки.

Та-ак…

Медленно отступая в сторону окна, я настороженно поглядывал по сторонам, дабы не упустить момент начала трансформации.

И — вот оно!

Сначала на поверхности журнального столика появилось темное пятно. Раскручиваясь по часовой стрелке, оно быстро увеличивалось в размерах, превращаясь в глубокую, бездонную воронку. Первой в воронку улетела папка с расписанием визита. Следом за ней соскользнул стакан с недопитым чаем. Затем — большая стеклянная пепельница.

Схватив за ручку саквояж, который тоже начал опасно крениться в сторону черной воронки, я отпрыгнул назад и упал в кресло.

Выскользнувшие из подлокотников бледно-розовые, похожие на гигантских дождевых червей, шланги зафиксировали мои руки и обернулись вокруг живота. Я едва успел бросить в сторону саквояж — чтобы врагам не достался.

Собрав все силы, я порвал один из шлангов, другой намотал на руку, в третий впился зубами.

Кресло подо мной исчезло, и я плюхнулся на пол.

С потолка посыпалась мелкая снежная крупа. Холодная и противная.

Я высунул язык и поймал одну из крупинок на язык.

— Не ешь меня! — в отчаянном ужасе воскликнула снежная крупинка. — Я тебе пригожусь!

Самое плохое, это когда они начинают говорить. Значит, пора совершить встречный накат.

Я проглотил не желавшую умирать снежную крупинку, встал на четвереньки и посмотрел по сторонам.

Где бар?

Бара не было.

Что за черт!

С сухим хлопком, напоминающим приглушенный выстрел, включился телевизор. Раздвинув руками бегущие по экрану полосы, на меня с укоризной взглянул толстый, с обвисшими щеками диктор.

— И не стыдно тебе?

Только не разговаривать с ними!

Я на четвереньках пополз прочь от телевизора.

— Ку-уда-а-а!

Диктор по пояс вылез из экрана, протянул длинную, как пожарный шланг, ручищу и ухватил меня за щиколотку.

Я дернул ногой, но он держал крепко.

Тогда я перевернулся на спину и что было сил заехал ему кулаком по носу.

Бред полнейший! Драться с призраком!

Однако сработало.

Диктор выпустил мою ногу и ухватился рукой за разбитый нос.

— Зар-ра-з-з-за-а… — процедил он, зло глядя на меня.

— Сам дурак, — ответил я и, выбросив перед собой руку с пультом, нажал на кнопку выключения.

Телевизор взорвался, будто внутри него сработал фугас.

Я упал на пол, руками прикрывая голову.

Мне нужен был бар. Нужен позарез. Накат шел по полной программе, и уже было ясно, что самому мне из-под него не выбраться. Но зеленые лианообразные растения опутали всю комнату, закрыв стены. В какую сторону ползти?

На красном ковре прорисовалась морда тигра. Зверюга сверкнула глазами и хищно разинула пасть с явным намерением откусить мне голову. Я боднул тигра и быстро-быстро пополз на четвереньках куда-нибудь подальше.

Бац!

Я головой ударился об угол журнального столика.

Больно. Но теперь хотя бы понятно: я нахожусь в центре комнаты.

На столике стоял огромный цветочный горшок. Торчавший из него цветок смахивал на невероятно разросшийся куст крапивы со стеблем толщиной в два пальца. Цветок склонился надо мной. Два широких листа с зазубренным краями сложились вместе и, шевелясь и причмокивая, будто губы беззубого рта, потянулись к моему носу.

Ну что за напасть! Этот тоже собрался кусаться.

Я схватил крапивный куст за стебель — руку будто разрядом электрического тока обожгло, — одним рывком выдернул из горшка и как следует встряхнул. На полированную поверхность столика посыпались комья земли.

— Ду-ура-ак! — противно заныл кустик. — Я не крапива, а конопля!

— Будет прикидываться-то, — криво усмехнулся я.

— Ты должен обо мне заботиться!

— С чего бы вдруг?

— Потому что ты в ответе за тех, кого приручил.

— Я тебя первый раз вижу.

— Да-а?… А кто меня в горшок посадил?… Расти, говорил, расти, набирайся дури!..

— Ты меня с кем-то путаешь.

— Ну да, — саркастически усмехнулся кустик. — Тебя, пожалуй, спутаешь!

— Я только сегодня приехал.

— И сразу собрался меня замочить!.. Ты киллер?… Скажи, сколько тебе заплатили, я дам вдвое больше!..

— Ты бар здесь поблизости не видел?

— Ты что, дура-а-ак! Я ж не пью!

Все, кранты! С несуществующим крапивным кустом разговариваю!

Что делать-то?

Я затравленно огляделся по сторонам.

— Отпусти меня! — потребовал куст. — А то вернутся мои парни!.. Я ткнул растение в горшок.

— И землицы подсыпь!

— Обойдешься!

— Все, мужи-ик, — мстительно зашипел куст. — Считай, ты — труп!..

И в этот момент зазвонил телефон.

Вот оно!

Я хорошо помнил, что телефон стоял на полке слева от бара! Точно! Значит, нужно ползти на звук!

И я пополз.

Пригнув голову, пролез под журнальным столиком. Отпихнул в сторону совсем некстати подвернувшийся под руку саквояж. Раздвинув зеленую поросль, нащупал рукой стену. Медленно поднялся на ноги.

Телефон звонил совсем рядом.

Я запустил руку меж лиан, щелчком откинул покусившегося на мой палец исполинского богомола и на ощупь нашел телефонную трубку.

— Слушаю…

— Здорово! — бодро рявкнул из трубки знакомый голос.

— Привет, Владимир Леонидович, — с облегчением выдохнул я.

Майор Ворный — это человек. Человек с большой буквы! Тот самый Человек, который не даст мне сгинуть в заполонивших номер сюрреалистических джунглях.

— Как дела, Петр Леонидович? — бодро осведомился Ворный.

— Фигово, — честно признался я.

— Что, здорово накатило? — участливо понизил голос Владимир Леонидович.

— Как никогда.

— Да-а… Что-то быстро на этот раз.

— И не говори.

— Так я зайти-то могу?

— Обязан!

— Понял! Что там у тебя на этот раз?

— Джунгли… Крапивный куст с манией величия… Да, еще телевизор взорвался.

— Ох и ни фига себе! — присвистнул Ворный, вроде как с восхищением даже. — Ладно, я ща буду!

В трубке короткие гудки отбоя.

Все еще сжимая трубку в кулаке, я тяжело опустился на пол.

Сразу с трех сторон ко мне потянулись зеленые стебли лиан.

— Не-а, — усмехнувшись, покачал головой я. — Ничего у вас на это раз не получится. Сейчас придет майор Ворный, и всем вам наступит кирдык!.. Что, не верите?..

* * *

— Давай, Петр Леонидович… Давай… В нос шибанул резкий водочный дух.

Я не глядя протянул руку, схватил стакан и залпом выпил. До дна.

Сколько там было? Граммов сто? Сто пятьдесят?…

Рукавом вытер слезы.

Зрение прояснилось.

Отлично. Что тут у нас?

Прямо передо мной — круглая, румяная, улыбающаяся во все щеки физиономия майора Ворного. Сидит на корточках и пялится на мои страдания.

— С приездом, Петр Леонидович!

Я лишь рукой махнул. Поднялся на ноги, сделал два шага и упал в кресло.

Ворный подхватил с пола пустой стакан, поставил его на журнальный столик рядом с початой бутылкой, сел в другое кресло, с довольным видом сложил руки на животе и на меня уставился.

— Спасибо, Владимир Леонидович…

Я взял открытую бутылку с чаем и стал пить прямо из горлышка.

То ли я еще не до конца отошел от шарахнувшего по голове глюка, то ли гроза приближалась, но мне показалось, что из окна, промеж неплотно задернутых штор, в комнату лезет сероватый сумрак. И это было нехорошо. Очень нехорошо. Потому что сумрак мог в один миг обернуться чем угодно.

— Ну ладно! — майор Ворный решительно взялся за бутылку водки и одним движением свинтил с нее пробку. — Давай-ка и мы тогда накатим!

Владимир Леонидович поровну плеснул в два стакана, себе и мне. Взяв свой стакан, Ворный посмотрел на меня сквозь стекло.

— Рад тебя видеть, Петр Леонидович, — сказал он с таким убийственно серьезным видом, что это могло и за издевку сойти.

Но я знал, вернее, почти не сомневался в том, что Ворный говорит от чистого сердца.

Мы чокнулись и разом опорожнили стаканы.

Кстати, то, что мы с майором Ворным оба Леонидовичи,

ровным счетом ничего не значит. Ну, просто так случилось. В жизни и не такие совпадения бывают.

Ворный взял бутылку чая и сделал глоток.

— Ну как? — прищурившись, посмотрел он на меня.

— Нормально, — кивнул я. — Отпускает.

— Ну и славно.

На всякий случай Ворный снова наполнил стаканы. Но пить мы пока не стали.

В голове у меня все еще пели хрустальные колокольцы, однако звон их уходил все дальше и становился все тише. По телу разливалась приятная истома. Но спать не тянуло. Наоборот, хотелось заняться чем-то дельным.

— Ну, что нового в едином информационном пространстве? — так, между прочим поинтересовался Ворный.

— Отдельные умельцы осваивают полет без крыльев, — ответил я.

— Да ну? — искренне удивился Ворный. — Это как же?

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — Но как-то выходит.

— Вот-вот, — с укоризной кивнул Ворный. — Сами не ведаете, что творите.

— Снова ты за свое, Владимир Леонидович, — я скривил губы в вымученной усмешке.

— А что, попробуй скажи, что я не прав! — тут же вскинул брови майор. — Вы же понятия не имеете, как работают эти ваши уины!

— Общий принцип известен, — не очень охотно возразил я.

— Общий принцип, — передразнил Ворный. — И что дальше?

Я поднял стакан и коснулся им края стакана майора.

— Ты, Владимир Леонидович, тоже не знаешь сути химического процесса расщепления алкоголя. Однако ж это не мешает тебе водочку употреблять.

— Водочка, это совсем другой коленкор, — деловито улыбнулся Ворный.

Майор поднял свой стакан, и мы выпили.

В голове поплыл серебристый, мерцающий туман. Хороший знак — можно расслабиться, нового наката сегодня уже не будет.

— Водочка, — продолжил свою мысль Ворный, — она ведь человечеству не одну сотню лет верно служит. Все, можно сказать, на опыте поколений проверено. Она, между прочим, и тебе если не жизнь, так разум спасает.

— Если бы Россия присоединилась к единому информационному пространству… — начал было я.

— Если бы Россия присоединилась к вашему долбаному

пространству, — перебил меня Ворный, — так не было бы уже России. А может быть, и вообще ничего не было. Стояли бы на голой матушке Земле только башни ваши информационные.

Я откинулся на спинку стула, кулаком подпер щеку и насмешливо посмотрел на майора.

— Ты, Владимир Леонидович, когда последний раз за кордоном был?

— Не так давно! — с вызовом дернул подбородком Ворный. — С полгода назад. И не по служебной необходимости — детей в Диккенсленд возил. Старший в прошлом году Диккенса в школе проходил, ну вот я и решил…

* * *

Тут надо сказать, что майор Ворный не просто так себе майор, а майор Госбезопасности. И его прямая обязанность — за гостями присматривать. За мной в том числе.

Как получилось, что я со своим соглядатаем за одним столом сижу и водку пьянствую?

Во время второго моего визита в Москву меня скрутило по-настоящему. Не то что в первый раз. Я в это время находился в конференц-зале гостиницы «Депутатская», где проходила презентация нового проекта восстановления плодородных земель Краснодарского края. Почувствовав себя плохо, я еще успел выйти из зала и дойти до туалета. Там-то на меня и накатило. Сначала мне привиделось, что кафельные плитки облетают со стен, кружатся вокруг меня, будто бумажные голубки, и так и норовят клюнуть кто в лоб, кто в глаз. Отмахиваясь от плиток, я отступил к туалетной кабинке. Вынырнувшая из унитаза анаконда обвилась вокруг ног и повалила меня на пол. Я попытался встать, но руки по локоть провалились в странное месиво, напоминающее полузастывший алебастр.

Наверное, я закричал. Потому что маячивший у дверей майор Ворный вбежал в туалетную комнату. Увидев, как я корчусь на полу, он подхватил меня под руки, оттащил к умывальникам и усадил на мягкую скамеечку, под зеркала.

— Эк на тебя накатило-то, — с сочувствием покачал головой Владимир Леонидович. — Ну-ка давай еще сверху накатим.

Позже майор Ворный рассказал:

— Ну и дурной же ты был тогда, Петр Леонидович. Так сразу и не поймешь, не то чертей ловишь, не то католиков гоняешь. Ну, я решил, что это у тебя с бодуна отходняк такой тяжелый. У вас-то в закордонье сухой закон, поэтому многие как только к нам

попадают, сразу квасить давай.

Ну, а решив, что это мне с похмелья так плохо, сердобольный майор Ворный достал из потайного кармашка плоскую фляжку с президентским профилем на блестящем боку, отвернул крышечку и дал мне хлебнуть коньячку из своего энзэ.

Пил я на автомате, не соображая, что делаю. После трех добрых глотков весьма неплохого коньяка мне, как ни странно, полегчало. Но для того, чтобы довести дело до конца, нужно было накатить как следует. И мы вместе с майором Ворным поехали в гостиницу, где я жил.

В тот вечер, открыв для себя целительную силу алкоголя, я основательно опустошил запасы бара в гостиничном номере. Владимир Леонидович от меня тоже не отставал. Впредь мы себе такого уже не позволяли. Но в тот вечер мы сначала перешли на «ты», хотя и продолжали называть друг друга по имени-отчеству, потом поговорили о футболе — Ворный эту игру любил, я же был к ней абсолютно равнодушен, — о женщинах, которых любим, о детях, которые были только у Ворного, о начальниках, которые мешают нам жить — ну, куда ж без них, — об информационных башнях, о странной, на мой взгляд, российской политике неприсоединения к единому информационному пространству… В общем, прошлись по всем приличествующим случаю темам. И под конец как-то очень легко и просто Владимир Леонидович признался, что служит в Госбезопасности, в отделе информационных диверсий, и к тому же вовсе не случайно оказался у дверей туалета.

— Ты не думай, что это я по пьяни разоткровенничался, — повторил он раз семь. — Нас в гэбэ учат пить так, чтобы не пьянеть. Специальная наука есть, грапулогия называется, не слышал? Ну, вот знай теперь… Я и в первый твой приезд за тобой приглядывал… Ага, а что ж ты думал? Но ты же нормальный мужик, наш, русский!.. Ну и что, что живешь в этой заднице. Ну, в смысле, за кордоном… Какому коренному буржую водка в себя прийти поможет? А? Скажи мне?… Вот то-то и оно! Ты — наш! Поэтому я и решил: с тобой по-нормальному можно… Ну, в смысле просто поговорить, выпить…

Не был майор Ворный похож на наивного мальчика и, надо полагать, не надеялся на то, что я поверю его объяснениям. Он четко отрабатывал обязательную программу. В конце концов, для того чтобы следить за мной, совсем не обязательно было посылать майора Госбезопасности. Майору требовался личный контакт. Что ж, меня это устраивало. Грехов за мной никаких не водилось, я выполнял свою работу в строгом соответствии с договоренностью между правительством России и МЭФом.

Поэтому мне было куда как спокойнее общаться с майором Ворным, человеком образованным и в общении приятным, нежели ловить каждый косой взгляд и в каждом встречном подозревать агента. Если общение со мной может принести Владимиру Леонидовичу какую-то пользу, что ж, я не против.

Чего я поначалу никак не мог взять в толк, так это какой интерес представляет моя скромная персона для российской Госбезопасности. В первые приезды я вообще только с лекциями выступал, о новых программах МЭФа рассказывал. Я так напрямую и спросил у Владимира Леонидовича: ну какой из меня шпион?

Ворный объяснил, что дело тут вовсе не в шпионаже: «Ты что, думаешь, я бы вот так водку пил со шпионом?» Госбезопасность наблюдает за всеми, кто прибывает в Россию из-за кордона. Даже за своими, кто туда по работе или отдыхать ездил. Все дело в том, что Россия, как известно, упорно не желает допускать на свою территорию информационные нанотехнологии, изменившие жизнь всего остального мира, в котором нет больше ни границ, ни закрытых территорий. А в последнее время, если верить майору Ворному, в России то здесь, то там, чаще всего в отдаленных, малообжитых районах, вроде как сами собой стали прорастать информационные башни.

Собственно, и у нас все так же начиналось: сначала — информационные башни, следом за ними — универсальные информационные носители, ну а уж потом — единое информационное пространство. Русские сразу же выставили санитарный кордон, распахали километровую полосу вдоль всей границы и, как только на ней информационная башня расти начинает, тут же ее выкорчевывают — заливают жидким азотом.

— Мы знаем, как происходит естественное перемещение спор информационных башен, — говорил мне майор Ворный. — Если бы даже им каким-то чудом удалось проникнуть за наш санитарный кордон, то башни начали бы расти вдоль границ. Так нет же! — в сердцах хлопал ладонью по столу Владимир Леонидович так, что рюмашки подскакивали. — Ростки башен появляются в глубине нашей территории! Как правило, в местах с невысокой плотностью населения. Чтобы, выходит, не сразу их обнаружили. И что это значит?

— Что это значит? — тупо повторял я вопрос майора.

— А то и значит, что кто-то, вернее, сволочь какая-то, завозит споры контрабандой. И рассеивает их тут, у нас!

Бац!

Кулак Владимира Леонидовича впечатывается в столешницу.

— А при чем тут я?

— При том, дружище, — Ворный наклонялся поближе и шептал в самое ухо. — Что обычные туристы в крупных городах толпятся. Москвы, Питера, Вологды и Новосибирска им более чем достаточно. В глухие углы лезут только любители экстрима и вы! — он больно тыкал меня пальцем в грудь. — Юные натуралисты. Вот и получается, что экстремалы и экологи — две основные группы риска. Поэтому мы и присматриваем за вами особо.

— Чушь! — возмущенно тряс головой я.

Ворный таинственно улыбался и укоризненно грозил мне пальцем. После чего брал бутылку и наполнял рюмашки.

— Ну, давай накатим…

* * *

— Вот видишь, — сказал я, продолжая начатый разговор. — А между тем Диккенсленд создан с помощью все тех же информационных нанотехнологий.

— Ну и что? — безразлично дернул плечом Ворный. — У нас под Архангельском церковь стоит, без единого гвоздя построенная.

— А при чем тут это? — не понял я.

— При том, что церковь одним топором срубить труднее, чем парк развлечений с помощью информационных башен склепать.

— По-твоему выходит, смысл жизни заключается в преодолении трудностей?

— Смысл жизни заключается в том, чтобы быть уверенным в себе и завтрашнем дне! — пафосно изрек Ворный.

Не новость — это я от него уже слышал.

— Люди, живущие в едином информационном пространстве, имеют все необходимое…

— Не имеют, а получают, — уточнил Владимир Леонидович.

— Пусть так, — не стал спорить я. — Какая разница?

— Вы разучились делать что-либо своими руками.

— Для того чтобы чем-то себя занять, не обязательно топором махать. Существуют наука, искусство, творчество… Тот же Диккенсленд создан с помощью информационных нанотехнологий, но придумали и спроектировали его люди.

— Ну-ну, — ехидно усмехнулся Ворный. — Ты лучше подумай о том, что, когда в один прекрасный день исчезнут информационные башни, вы останетесь с голыми задницами и без куска хлеба.

— С чего вдруг информационные башни должны исчезнуть? — искренне удивился я.

— Ас чего вдруг они появились двадцать лет назад? — вопросом на вопрос ответил Ворный.

На сей счет существовала общепринятая теория, но мне не хотелось ее пересказывать. Тем более, что Ворный наверняка ее знал. И все-таки он ждал ответа. Поэтому я решил отделаться общими фразами.

— В какой-то момент в развитии новых направлений в науке и технике, главным образом, компьютерных, информационных и нанотехнологий, произошел качественный скачок, результатом которого стало появление первых информационных башен.

— Ага, — Ворный многозначительно кивнул и расплескал

водку по стаканам. — А кто конкретно их создал?

Я взял свой стакан.

— Появление первых информационных башен стало результатом самоорганизации высокоинформативных наносистем.

— В средние века люди тоже верили в то, что мухи самозарождаются в куске гнилого мяса.

Ворный поднял свой стакан. Мы чокнулись и выпили.

— Ни один нормальный человек, — продолжил вещать Владимир Леонидович, — никогда не поверит в то, что сотня-другая нанороботов, случайно оказавшихся в одной банке, смогли самоорганизоваться настолько, что начали воспроизводить сами себя и самосовершенствоваться, а в конце концов пришли к мысли, что для блага всего человечества пора начать возводить информационные башни.

— У тебя есть другая гипотеза? Глупо спрашивать — конечно, есть!

— Это начало вторжения, — с невообразимо серьезным видом изрек майор Ворный.

— Ага, — насмешливо кивнул я.

— А ты не агакай, — прищурился Владимир Леонидович. — Лучше сам мозгами пораскинь. Откуда взялись информационные башни, плодящие уинов, которыми набито твое тело, никто не знает. Как они функционируют — неизвестно. Какова их конечная цель — загадка. Сейчас уины восстанавливают поврежденные клетки твоего организма, что чисто теоретически гарантирует тебе личное бессмертие. Но что, если в какой-то момент эти самые уины начнут жрать тебя изнутри? Прикинь, за сколько часов они съедят все человечество, находящееся в едином информационном пространстве?

— Это похоже на дешевый ужастик.

— А тебе дорогой нужен? Со спецэффектами?

— Если конечная цель уинов — уничтожить нас…

— Не самих уинов, — уточнил Ворный. — А тех, кто их на Землю забросил.

— Пусть так, — согласился я. — Но почему они тогда сразу не разделались с нами?

— Потому что им нужен весь мир, — Ворный нарисовал руками большой круг. — Вся Земля. Разом. Для того они и прикидываются паиньками, чтобы мы бдительность потеряли и сами им горло подставили.

Я усмехнулся.

— Выходит, Россия — последний оплот человечества.

— Выходит, что так, — не понял, а скорее всего, не захотел

понять моей иронии Ворный. — Иначе, чего бы они так старались к нам пролезть.

— Кто?

— Петр Леонидович, не пытайся ты выглядеть дурнее, чем есть, — недовольно поморщился Ворный.

— Пришельцы, — кивнул я.

— Да кто бы ни был, — Ворный щелкнул ногтем по краю стакана. — Главное, что мы их не звали.

— Слушай, ты же сам недавно ездил с детьми в Диккенсленд. Как тебе после этого уины из организма выгоняли?

— Я что, на идиота похож? — обиделся Ворный. — Зачем же я стану эту дрянь себе по венам пускать? Вот, смотри.

Владимир Леонидович достал из кармана и положил передо мной на стол небольшой предмет, похожий на одноразовую зажигалку. Корпус из темно-фиолетового пластика. С одной стороны клапан врезан, с другой — откидывающаяся крышка. Под крышкой — небольшое округлое углубление, покрытое тонким слоем похожего на латекс материала.

— Что это? — непонимающе посмотрел я на Ворного.

— Контейнер для хранения вашей валюты.

Владимир Леонидович взял меня за руку и повернул ее так, чтобы стал виден уин-перстень на безымянном пальце.

Точно! Под крышкой контейнера такое же углубление для дозатора, как и на моем перстне.

— То-то я удивился, когда шофер в такси предложил мне уинами рассчитаться, — я вернул Ворному контейнер.

— Понятное дело, — усмехнулся Владимир Леонидович. — Уины у нас сейчас идут по рублю за штуку.

— У нас — два.

— Поэтому и предлагают, что у нас менять выгоднее.

— А я думал…

Я в растерянности постучал пальцами по краю стола.

— Что?

— Думал, вы тоже начали уины по прямому назначению использовать.

— Да как же мы их можем использовать, если мы вне информационного поля? — удивился Ворный. — У нас уины себе по вене только полные деграданты и недоумки пускают. В поисках нового кайфа. Те же глюки, как и у тебя, только в более легкой форме.

— Неужели это кому-то может нравиться? — не знай я Владимира Леонидовича, решил бы, что он шутит.

— А ты с собой-то не сравнивай, — усмехнулся Ворный. — У тебя концентрация уинов в крови в миллионы раз выше, чем у

наших дуриков. Поэтому и долбит тебя не по-детски.

— А остальных чего ж тогда не долбит?… Ну, в смысле, туристов, которые из-за кордона приезжают?

— Долбит, только по-своему, — улыбнулся Ворный. — Им кажется, что у нас все такой же гадюшник, как и во времена развитого социализма. Помнишь, как у Оруэлла? Три бритвенных лезвия на год, жирные пятна на столах в общественных столовых, перегоревшие лампочки в подъездах… Искажение картины восприятия действительности по полной программе. А знаешь, зачем это нужно?

— Зачем? — спросил я на автомате, хотя думал совсем о другом.

— А затем, дружище, чтобы вы, бестолочи закордонные, считали, что мы, русские, живем в бараках, по горло в собственном дерьме, и вытянуть нас оттуда — для вас первейший долг и святая обязанность. Все равно что китов, выбросившихся на берег, спасать. Сами не понимаем, отчего они на берег выбрасываются, но при этом уверены: мы лучше любого кита знаем, что для него благо, а что нет. Люди хватают китов за хвосты и волокут их обратно в море. А вы к нам споры информационных башен завозите, полагая, что тем самым нас от самих себя спасаете… Разве я не прав, Петр Леонидович?

Владимир Леонидович хотел поспорить. Бывает у него такой настрой: что ему не скажешь — он тут же в оппозицию. Но меня интересовало другое.

— Почему же тогда я вижу не грязь и разруху, а нечто вообще запредельное? — я развел руками, подчеркивая свое недоумение. — Я сегодня с крапивным кустом ругался… И из телевизора на меня кто-то лез…

— Все очень даже просто, дружище, — Владимир Леонидович посмотрел на меня добрым взглядом врача, поставившего пациенту смертельный диагноз. — На тебя эта дурь действует иначе, потому что ты русский.

— Я родился в Бельгии.

— Без разницы. Русский — это не национальность и не диагноз. Русский — это особый стиль мышления и, если хочешь, взгляд на жизнь.

— Ты это серьезно?

— Абсолютно. Вы там, у себя живете и ни о чем не думаете, только радуетесь, что уины из ваших организмов раковые клетки да холестериновые бляшки вычищают. А мы у себя, дружище, серьезные научные исследования проводили. И выяснили: уины, помимо всего прочего, воздействуют на мозговую деятельность.

— Тоже мне новость, — насмешливо хмыкнул я. — Уины

усиливают мозговую активность, повышая уровень интеллекта и заметно улучшая память. Я, например, дома давно уже не пользуюсь записной книжкой — все адреса и телефоны держу в голове. Также они снимают стрессовую нагрузку и депрессивное воздействие отрицательных эмоций.

— Уины зомбируют людей. Они могут заставить человека видеть то, чего на самом деле нет, или вспоминать события, которые с ним не происходили. Кроме того, они влияют на оценочную позицию. В зависимости от обстоятельств, уины могут заставить человека воспринимать одно и то же событие как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». При этом человек уверен в том, что это его собственное мнение.

— Трудно в это поверить.

— Трудно. Особенно, когда в твоем собственном мозгу уины кишмя кишат.

— Ладно, при чем тут мои галлюцинации?

— Чтобы понять и оценить воздействие уинов на психику, мы постепенно поднимали концентрацию уинов в организме испытуемых. Уины не разумные существа, они действуют в строгом соответствии с заложенной в них программой. Они концентрируются в строго определенных мозговых центрах и либо блокируют прохождение нервных импульсов, либо, наоборот, усиливают их. Примерно так же воздействуют на мозг наркотические и галлюциногенные препараты, только действие уинов более избирательное. Люди, как выяснилось, реагируют на активность уинов по-разному. В основном, можно выделить три типа реакции. Первый тип людей с легкостью отдает свой разум под контроль уинов. Раз согласившись принять мир таким, каким показывают его уины, они после этого живут спокойно и легко, ни о чем не задумываясь, ни в чем не сомневаясь и не зная проблем. Что характерно, Петр Леонидович, таких людей, как выяснилось, подавляющее большинство. Даже у нас, в России. Поэтому можно предположить, что именно они и являются целевой, так сказать, аудиторией уинов. Люди, относящиеся ко второму типу, пытаются неосознанно сопротивляться влиянию уинов. Это скептики, параноики и конспирологи. Они не понимают, что происходит вокруг и, чтобы не спятить окончательно, выстраивают собственные, зачастую совершенно бредовые теории. На мозг людей третьего типа уины действуют как галлюциноген. В небольших количествах они вызывают эдакое легкое искажение картины действительности, которая, как правило, кажется приятной и даже забавной. С повышением концентрации уинов галлюцинации становятся все более тревожными и пугающими. В особо тяжелых случаях, как у тебя,

Петр Леонидович, видения оборачиваются кошмарами, способными вызвать необратимое поражение мозга. Такое впечатление, что уины имеют установку убивать тех, кто не подчиняется их воздействию. Так что имей в виду, всякий раз прилетая в Россию, ты рискуешь если не жизнью, то уж точно разумом.

— И ты говоришь мне это только сейчас? — я попытался улыбнуться. И у меня это даже почти получилось.

То, что рассказывал Владимир Леонидович, звучало настолько невероятно, что в это невозможно было поверить. Да что там — смахивало на откровенную глупость. Но, с другой стороны, майор Ворный был не настолько туп, чтобы верить в то, что я приму все это за чистую монету. Так чего же он хотел добиться, скармливая мне откровенную чушь?

— Мы сами только недавно об этом узнали, — Ворный передвинул зачем-то недопитую бутылку водки на край стола, как будто это была ладья на шахматной доске.

Я проследил взглядом за его движением.

— А при чем тут водка?

— Хочешь выпить? — удивленно посмотрел на меня Владимир Леонидович.

— Нет, — я сделал отрицательный жест. — Почему водка снимает галлюциногенный накат?

— Спиртовые молекулы воздействуют на те же мозговые центры, что и уины. И даже вытесняют этих тварей с насиженных мест. Вот держи, — Владимир Леонидович кинул на стол блестящую полоску фольги с закатанными в нее десятью маленькими круглыми таблетками. Никакой маркировки на упаковке не было. — Это антидот, разработанный в нашей лаборатории. Теперь, как накатит, можешь вместо того, чтобы водку пить, таблетку принять. Удовольствия, понятное дело, никакого, но эффект тот же самый.

Я с сомнением покрутил в пальцах странную упаковку.

— Бери, бери, — подмигнул Владимир Леонидович. — В продажу такие не поступают.

— Знаешь, что мне кажется странным? — я машинально сунул таблетки в карман.

— Не знаю. Говори.

— Почему глюк на меня накатывает только в России?

— А что тут странного? — пожал плечами Ворный. — Оказавшись вне зоны единого информационного пространства, уины в твоем мозгу испытывают резкий дискомфорт и начинают активно понуждать тебя вернуться под сень родных информационных башен. Они стимулируют определенные

участки мозга, в результате чего человек начинает испытывать крайне неприятные ощущения. А проявляется это по-разному. Одному кажется, что он попал в клоаку, другого лианы душат.

Логично вроде бы, но все равно не верю.

— А какое это имеет отношение к тебе?

— Ко мне? — удивленно приподнял бровь Владимир Леонидович.

— К твоей работе, — уточнил я.

— А, ты об этом, — он вроде как забыл, о чем мы вообще разговариваем. — Информационные башни размножаются либо усами, либо спорами. Усы они больше чем на километр протянуть не могут, мы их на санитарном кордоне рубим. Споры могут разноситься ветром на гораздо большие расстояния. Но фокус в том, что развиваться спора информационной башни начинает, только когда оказывается в зоне информационного поля. Пусть очень слабого, пусть совсем ненадолго — но именно воздействие информационного поля является толчком к началу развития споры. Без него она просто соринка, мусор… Ты знал об этом?

— Нет, — честно признался я.

— Вот видишь, — с укоризной качнул головой Владимир Леонидович. — Мы о ваших информационных технологиях больше вас знаем. Ну скажи мне, куда это годится?

Мне совершенно не хотелось обсуждать этот вопрос.

— Меня лично существующее положение дел устраивает, — ответил я в меру конкретно и максимально обтекаемо.

— Понял, — кивнул Владимир Леонидович. — А вот меня — нет. Поэтому ты работаешь в Мировом экологическом форуме, а я — в российской Госбезопасности. И знаешь, Петр Леонидович, я считаю, что непрекращающиеся попытки нелегально засадить Россию информационными башнями, есть не что иное, как диверсия против моей страны. И в меру своих сил и способностей буду с этим бороться.

Взгляд у майора Ворного при этом был такой, что мне хотелось не просто отвернуться, а под стол залезть, чтобы вообще его не видеть.

— Ты так это говоришь, будто меня в чем-то подозреваешь.

Ворный оперся руками о колени и медленно поднялся на ноги. Заложил руки за спину, подошел к стене и стал внимательно рассматривать висевшую на ней репродукцию Проваторова.

— Ты не допускаешь, что тебя могут использовать? — не оборачиваясь, спросил Ворный.

— Использовать? — растерянно переспросил я. — С какой целью?

— Ясное дело, с какой.

Ворный развернулся на каблуках, медленно подошел к столу, посмотрел на меня сверху вниз, достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне.

— Это список мест, которые ты посещал во время своих предыдущих визитов. Ты ведь не только с министрами встречаешься, но еще и по стране ездишь.

— Это моя работа. Оценка экологического состояния…

— Меня, Петр Леонидович, твоя работа не колышет, — перебил Ворный. — Мне другой факт интересен. В каждом месте, где ты побывал, спустя какое-то время проводилась спецоперация по уничтожению проростков информационных башен.

Владимир Леонидович кинул листок на стол.

— Ты хочешь сказать… — медленно начал я и умолк.

— Ну-ну, продолжай, — подбодрил меня Владимир Леонидович. Он снова сел и сложил руки на груди.

— Нет… — я покачал головой. — Нет! — я протестующе взмахнул перед собой рукой. — Я не верю!

— Чему? — удивленно поднял брови Владимир Леонидович, в результате чего лицо его приобрело выражение крайней наивности.

Казалось, обидеть такого человека ничего не стоит. Но это было серьезное заблуждение.

— Ты обвиняешь меня в том, что я завожу к вам в страну споры информационных башен?

— Не кипятись, — усмехнулся Владимир Леонидович. — В этом-то я тебя как раз обвинять не собираюсь. Споры, оказавшиеся вне зоны информационного поля, за два-три месяца полностью теряют всхожесть. Я думаю, что ты можешь являться тем самым катализатором, который пробуждает их к жизни.

— Я?… Каким образом?

— Пока не знаю. Но факты, дружище, это такая штука, с которой трудно спорить. Вот, например, — Владимир Леонидович двумя пальцами взял за уголок лежавший на столе лист бумаги. — Смотри, апрель позапрошлого года. Ты ездил в Сызрань… Напомни, что ты там делал?

— Проблема защелачивания почв, — ответил я.

— Верно, — улыбнувшись, кивнул Ворный. — Ты там был с компанией наших экологов. Единственный представитель МЭФа, прибывший из-за кордона. А спустя восемнадцать дней после того, как ты покинул Сызрань, там проводилась спецоперация по уничтожению информационных башен. Двадцать три штуки выкорчевали.

— По-твоему, это моя работа?

— Не исключено.

— Ну так арестуй меня! — я в сердцах хлопнул ладонью по столу. — Какого черта…

— Успокойся, Петр Леонидович. Не думай, ты не какой-нибудь уникум. У нас целый список таких же, как ты, колесящих по всей стране послов доброй воли, за которыми тянется след из проростков информационных башен.

— И что вы собираетесь предпринять?

— Для начала попытаемся понять, как это происходит. Поскольку сам человек, даже нашпигованный уинами, не является источником информационного поля, значит у него при себе должно быть некое устройство, генерирующее узконаправленный, очень короткий импульс. Будь иначе, мы бы его засекли.

— Хочешь обыскать мои вещи? — я сделал приглашающий жест в сторону саквояжа, который даже не начал разбирать.

— Ну что ты, — укоризненно нахмурился Ворный. — Мы ведь доверяем друг другу. — Он сделал паузу, как будто хотел удостовериться, что я не стану возражать. — Так ведь, дружище?

— Так, — кивнул я.

А про себя подумал: что он от меня хочет? Почему не говорит напрямую?

— Что ты сам обо всем этом думаешь?

— Ничего, — качнул головой я.

— Ну что ж, — Владимир Леонидович вроде как с сожалением развел руками. — Ладно, давай свое расписание.

Я молча подтолкнул ему папку с программой визита. Майор Ворный раскрыл папку, двумя руками взял лист бумаги с красивой виньеткой.

— Ага… Значит, на этот раз у нас в плане реликтовые болота Облонского края, — Владимир Леонидович глянул на меня поверх листа. — У тебя копия есть?

— Нет.

— Тогда я для себя сделаю. Договорились?

Не дожидаясь моего ответа — да и не нужен он ему был, — Владимир Леонидович сунул папку себе под мышку.

— Ну, будь здоров, Петр Леонидович, — Ворный встал и протянул мне руку. — Завтра вечерком я к тебе заскочу, если ты не против. Лады?

— Лады, — я приподнялся и пожал майору руку.

Владимир Леонидович заговорщицки подмигнул и быстрой походкой направился к двери.

— Да, и вот еще что, — обернулся он с порога. — Ты с этими типами из «Зеленого мира» будь поосторожнее.

— В каком смысле, — не понял я.

— Да это я так, на всякий случай, — Владимир Леонидович улыбнулся, махнул рукой и вышел за дверь.

Тихонько чмокнул магнитный дверной замок.

Я достал из кармана часы. Сухо щелкнула открывшаяся крышка. Маленькая стрелка с завитушками вокруг острого конца подбиралась к восьми. Делать было совершенно нечего. Поэтому можно просто лечь спать. И попытаться обо всем забыть.

* * *

Утро среды выдалось пасмурным. По серому небу плыли тяжелые, пропитанные влагой тучи, из которых в любой момент мог хлынуть дождь. Но проснулся я, как ни странно, в отличном настроении.

Заказав завтрак в номер, я принял душ, после которого окончательно воспрял духом.

Мне еще в ванной начало мерещиться, будто по стене скользят странные, ни на что не похожие, но при этом до боли знакомые тени. Потом, причесываясь у зеркала, я стал различать тихие голоса. Шепот у себя за спиной. Переговаривались двое. Один, насколько я мог понять, на что-то подбивал другого. Другой же пытался его отговорить. К тому времени, когда я сел за стол, мне стало окончательно ясно: эти двое замышляют убийство. И убить они намерены меня. Чем уж я им так досадил — вопрос отдельный. Но спор их, как выяснилось, касался метода, каковым планировалось меня умертвить.

Зловещие тени скользили по полу, стенам и потолку, становясь все более реальными. Я еще не мог их опознать, хотя они уже начинали приобретать объем.

Дождь, ударивший в оконное стекло, отозвался в ушах грохотом орудийной пальбы.

Вспучился лежавший на полу ковер — кто-то большой и толстый полз под ним, нацелившись на мои ноги.

Ждать продолжения не стоило. Возможно, кому-то и было бы интересно, чем все закончится, но я таких представлений видел множество и точно знал, что ничем хорошим это обернуться не может. Поэтому я кинул в рот одну из таблеток, оставленных майором Ворным, и запил ее минеральной водой.

Не прошло и трех минут, как накат сгинул, так и не успев развернуться по полной. Словно ночной кошмар после пробуждения.

Собственно, уже за это стоило сказать Владимиру

Леонидовичу спасибо. Обычно по утру накаты не бывают сильными. Для того чтобы сбить их, достаточно одной-двух рюмок коньяку. Но сегодня мне хотелось, чтобы во время встречи с заместителем секретаря думского комитета по экологии голова была свежей, а сознание ясным.

Русские любят проводить неофициальные встречи, как они выражаются, «на нейтральной территории». Сей эвфемизм означает, что встреча должна состояться в баре или ресторане. Уточняя время и место встречи с заместителем секретаря думского комитета по экологии господином Купейко Вениамином Муровичем, я пригласил его в небольшой ресторан с восточной кухней «Шаш-Баш», расположенный неподалеку от станции метро «Смоленская». Донесшееся в ответ из трубки недовольное ворчание господина Купейко я расценил как согласие и за десять минут до назначенного времени уже сидел за столиком.

Господин Купейко прибыл с опозданием в сорок две минуты. Он появился в сопровождении телохранителя — черный, отутюженный костюм, широкие солнцезащитные очки, выпирающая под мышкой кобура и скобка микрофона на ухе. Думец уселся за стол напротив меня, кивнул невыразительно и, даже не извинившись за опоздание, уткнулся в меню. Для российского чиновника это нормально. Я уже привык к подобной манере общения, а потому и отреагировал, как полагается — жестом подозвал официанта.

Господин Купейко заказал двойной бараний шашлык, двойные свиные ребрышки, семгу, черную икру, двести граммов «Хеннесси» и рюмку текилы. От предложенных салатов и зелени заместитель секретаря думского комитета по экологии гордо отказался.

Дабы поддержать компанию, я выпил с Купейко пятьдесят граммов коньяку. Вениамин Мурович опрокинул для начала рюмашку текилы и навалился на еду.

Он ел все то время, что я излагал ему детали Байкальского проекта. Я бы решил, что он вообще меня не слушает, если бы он не кивал время от времени. При этом Купейко продолжал жевать, низко склонившись над тарелкой, оттого я и видел лишь его покрытую пушком и пигментными пятнами макушку. Так что, возможно, это было чисто рефлекторное движение, направленное на то, чтобы протолкнуть пищу в желудок.

Купейко поднял голову только после того, как я закончил излагать, а он завершил трапезу, опрокинув в глотку последнюю рюмку коньяку. Вениамин Мурович сгреб бумаги в папку — неровно, так что углы торчали во все стороны, — вручил ее молчаливому телохранителю, вытер губы салфеткой и поднялся

из-за стола. Я успел еще поинтересоваться мнением самого Вениамина Муровича о проекте, в ответ на что Купейко степенно изрек:

— Проект будет рассмотрен на очередном заседании комитета.

После чего сделал знак телохранителю и, не прощаясь, продефилировал к выходу.

В целом, можно сказать, встреча прошла успешно.

Дабы избавиться от ползающих под ногами черепах с длинными, по-змеиному извивающимися шеями, я проглотил еще одну таблетку Ворного и отправился на встречу с представителем движения «Зеленый мир».

О человеке, с которым мне предстояло встретиться, я вообще ничего не знал, кроме того, что зовут его Гена Марвин. Я связался с ним через интернет, и он предложил встретиться в пивном ресторане «Острова Длинного Ганса».

Я никогда не был в этом заведении, но найти его оказалось несложно. Ресторан находился на Садовом кольце, в пяти минутах ходьбы от метро «Курская». Небольшое полуподвальное помещение было мило, хотя и несколько эклектично оформлено под старину. Тяжелые деревянные столы, трехногие табуреты вместо традиционных стульев, массивные декоративные балки перекрытия, древняя утварь, развешанная на стенах, и даже пожелтевший коровий череп без рогов над стойкой. Выбор напитков и закусок также радовал глаз. Отпугивали только цены, взятые, похоже, с потолка и автоматически помноженные на сто. Должно быть, именно поэтому в зале было немноголюдно. Странная парочка в стиле унисекс нежно ворковала, устроившись в уголке. Стоявший у бара официант прижимал к животу круглый блестящий поднос и недобро поглядывал в их сторону — они заказали только две чашки кофе и горстку соленых орешков. Неподалеку от входа сидел в одиночестве длинноволосый парень в мешковатой, застиранной до полной потери первоначального цвета майке с длинными рукавами и в темно-синей бейсболке с крупными буквами FBI. Рядом с ним стоял початый стакан светлого пива. Склонившись так, что козырек бейсболки едва не касался стола, парень обеими руками сосредоточенно и весьма основательно ковырялся в тарелке с мелкими креветками, как будто искал там жемчужину.

До назначенной встречи оставалось еще десять минут. Я сел за свободный столик. Тут же рядом со мной нарисовался официант с круглым подносом, застыв в традиционной позе «чего изволите». Я заказал бокал нефильтрованного «Гранта» и полоску острой вяленой говядины.

Быстро вернувшись, официант переставил заказ с подноса на стол. Я достал из бумажника тысячерублевую бумажку и кинул ее на поднос. Официант прикрыл купюру накрахмаленным полотенцем и удалился. Интересно, принесет сдачу или нет?

Я сделал глоток пива, достал часы, щелкнул крышкой. Без пяти шесть. Посмотрел по сторонам. Никаких тревожных признаков. Все предметы находились на своих местах и покидать их явно не собирались. Также не было никаких признаков внешней трансформации, за которой, как правило, следовала витализация неживых объектов.

Что ж, славненько! Осталось только дождаться господина Марвина.

Захлопнув крышку, я спрятал часы в карман.

Длинноволосый парень в бейсболке FBI поднялся со своего места, взял в одну руку недопитый стакан, в другую — тарелку с пучеглазыми, длинноусыми креветочными головами и направился в мою сторону.

Ну, нет — я едва не скривился, — такое знакомство не входило в мои планы. Да и сам по себе парень был мне неприятен, поэтому, не дожидаясь, когда он устроится напротив и заведет проникновенный разговор, я поднял руку и сделал отрицательный жест. Мол, проходи мимо, не до тебя сейчас.

В ответ парень сделал мне совершенно непонятный знак полупустым стаканом и без тени сомнения уселся за мой столик.

Улыбнувшись, он непринужденно произнес:

— Добрый день.

Я слегка наклонил голову.

Ладно, решил я, пусть сидит. Как только придет этот Гена Марвин, опаздывающий, кстати — я достал из кармана часы — уже совершенно непозволительно, я переберусь с ним за другой столик. Я мельком улыбнулся незваному соседу и пригубил пиво.

— Угощайтесь, — длинноволосый пододвинул мне свою тарелку с последствиями тотального обезглавливания креветок.

— Спасибо, — сухо ответил я.

— Голова в креветке — самая вкусная часть, — длинноволосый ухватил за усы одну из креветочных голов, поднял до уровня собственного носа и качнул из стороны в сторону. — Я их специально напоследок оставляю. В голове у креветки мозги…

Я все же решил перебраться за другой столик.

Длинноволосый сосед понял, что я собираюсь уйти. Бросив остатки креветки в тарелку, он быстро вытер пальцы о край салфетки и преданно уставился на меня.

— А хотите я вам пива закажу? — спросил он с придыханием.

— Спасибо, я не люблю пиво, — со сдержанным достоинством ответил я.

— А мне говорили…

Не закончив фразу, длинноволосый растерянно развел руками.

— Говорили? — машинально повторил я.

— Ну, да, — кивнул длинноволосый. — Собственно, это не имеет никакого значения, мало ли, про кого что говорят… Я, вообще-то, должен здесь встретиться с представителем МЭФа.

— С кем? — я решил, что ослышался.

— С Петром Леонидовичем Максиным, — насмешливо посмотрел на меня длинноволосый. — С представителем Международного экологического форума.

— А вы, в таком случае?…

— Марвин Геннадий Павлович, — длинноволосый сдернул с головы бейсболку и взмахнул ею в воздухе. — К вашим, так сказать, услугам.

Я опустился на прежнее место.

Да уж, не так, совсем не так представлял я себе одного из активистов «Зеленого мира». Геннадий Павлович не внушал мне ни малейшей симпатии. К тому же ему, видимо, было совершенно безразлично, о чем я собираюсь с ним говорить. Примерно та же реакция, что и у депутата Купейко. Поэтому, отбросив эмоции, я открыл кейс и достал папку с планом сотрудничества, который МЭФ собирался предложить «Зеленому миру». Я выполнял свою работу.

— Должен сразу вас предупредить, господин Марвин, что наш план весьма схематичен. Поскольку мы имеем только самое общее представление о численности и структуре «Зеленого мира», а также о задачах, которые вы перед собой ставите…

Марвин глотнул пива и вяло махнул кончиками пальцев.

— Кончай…

— Простите? — я непонимающе наклонил голову.

— Кончай, говорю, без толку воздух сотрясать. Я положил ладони сверху папки.

— Знаете, Геннадий Павлович, у меня складывается впечатление, что мы с вами совершенно по-разному рассматриваем результаты этой встречи…

— В Облонск собираешься, — перебил меня Марвин.

Мне совершенно не понравилось то, каким тоном — не вопрос, а утверждение — это было сказано. Я молча открыл кейс, бросил в него папку и щелкнул замками. В силу служебной необходимости я, пожалуй, смог бы смириться с обществом деградanta, смакующего креветочные головы, но сносить

оскорбления хама не собирался.

— Всего доброго, Геннадий Павлович.

— Стой! — резко выбросив руку, Марвин крепко ухватил меня за запястье. — Не езди в Облонск. Понял?

— Нет, не понял, — ледяным голосом ответил я.

— Повяжут.

— Что?

— Не дергайся, — Марвин отпустил мою руку, но еще какое-то время не убирал своей, как будто хотел убедиться, что я не стану убегать. — Вот так, — улыбнулся он. — Не надо привлекать к себе внимание.

Я недоумевающе глянул по сторонам. Посетителей в зале не прибавилось.

Не сводя с меня взгляда, который вдруг сделался до озноба пронзительным, Марвин быстрым, нетерпеливым движением схватил с тарелки креветочную голову, обмакнул в пиво и целиком, как есть, кинул в рот. Хрустнул хитиновый панцирь на зубах.

— Вот так, — Марвин изобразил улыбку, при этом в уголке его рта показался креветочный ус. — Веди себя тихо, и тогда все обойдется, — с многозначительным видом он погрозил мне пальцем с грязным, обломанным ногтем, после чего добавил: — Может быть.

— Вы представляете общественное движение «Зеленый мир»? — спросил я, сам не зная зачем.

— Какая разница, — недовольно скривился Марвин.

И в самом деле, какая разница, кого он тут представляет, ежели у человека явно не все в порядке с головой.

— Слушай меня внимательно. В Облонск тебе ехать нельзя.

— Почему?

— А вот это тебя не касается.

— Вы имеете какое-то отношение к плану моей поездки?

Я очень постарался, чтобы в моих словах была слышна ирония, но Марвин, похоже, не воспринимал обертоны.

— Нет, — ответил он с убийственной серьезностью.

— В таком случае, вас совершенно не касается то, когда, куда и с какой целью я собираюсь ехать. Я встретился с вами только потому, что меня особо попросили об этом…

— Кто?

Вопрос Марвина не сказать что поставил меня в тупик, но заставил задуматься. Провалами памяти я не страдал. Даже после накатов ясно помнил все, что со мной происходило. Но сейчас я, хоть убей, не мог вспомнить того, кто поручил мне встретиться с представителем «Зеленого мира». Вне всяких сомнений, это был

кто-то из Международного экологического форума — тут уж, что называется, без вариантов. Но кто именно?… Хотя бы из какого отдела?…

— Ну-ну, давай! Вспоминай! — Марвин резко подался вперед и обдал меня зловонным дыханием. — Шевели мозгами! Думай! Или что, совсем разучился?… Ха! — Он несильно стукнул ладонью по краю стола. — Вот до чего же привыкли вы, что все за вас уины делают! Даже думать самостоятельно не способны! Информатики гребаные!..

Я быстро — слишком быстро, почти суетливо — раскрыл кейс и выхватил из него папку с планом визита. Вот оно: «Встреча с представителем общественной организации «Зеленый мир». Обсуждение первоначального плана сотрудничества».

Я подался назад и оценивающе посмотрел на Марвина.

— Слушайте, кто вы такой?

— Да какая разница! — поморщившись, Марвин выплюнул в пустой стакан креветочные усы и разжеванный хитиновый панцирь. — Ты, главное, знай меня слушайся. Тогда не пропадешь.

— Так вы не из «Зеленого мира»?

— А хоть бы и нет. Тебе-то что?

— Вы знаете, — я аккуратно положил папку с тисненой золотой эмблемой МЭФа обратно в кейс, медленно закрыл его и беззвучно опустил замки. — Я решительно вас не понимаю. Поэтому…

— Встречу с «Зеленым миром» внес в твой план майор Ворный. А вот это уже был тупик!

Откуда Марвин, или кем он там был на самом деле, знает майора? И не просто знает — он в курсе планов Ворного. Во всяком случае, пытается меня в этом убедить. Опять же вопрос: зачем?

И что мне делать? Встать и уйти?

Черт возьми, наверное, это было бы самое верное решение. Но я вдруг понял, что хочу во всем разобраться. От начала и до конца.

Я снова раскрыл кейс, достал все ту же папку с планом визита и, отодвинув в сторону тарелку с объедками, положил документы перед Марвиным.

— Если вы соизволите заглянуть в эту папку, господин Марвин, — начал я намеренно церемонно, — то сможете убедиться в том, что план моего визита был утвержден несколько дней назад в Центральном бюро Международного экологического форума, к которому, смею полагать, майор Ворный никакого отношения не имеет.

— Не смеши меня, — Марвин одним пальцем оттолкнул от себя папку. — Ворному ничего не стоит подделать любой документ.

— Но я видел план визита еще до отлета в Москву.

— Это ты так думаешь, — криво усмехнулся Марвин. — Это обыкновенное внушение, — он постучал себя сложенными щепотью пальцами по виску. — Суггестия. Ага?… Ворный вчера заходил к тебе в гости, — это был не вопрос, поэтому я промолчал. — Поменял папки с планами визита. Потом дал тебе таблетки, а ты их, как дурак, глотать принялся. Все! — Марвин развел руками. — Какие еще вопросы? После этого тебя легко можно было бы убедить в том, что ты убил свою бабушку, приготовил из нее жаркое и накормил им всю семью.

— Откуда ты все это знаешь?

— У нас есть осведомители.

— У нас — это у кого?

— Считай нас героями-подпольщиками, — довольно осклабился Марвин.

Боль клюнула в левый висок. Я слегка наклонил голову и двумя пальцами придавил источник боли.

Что-то в истории Марвина было не так. Концы с концами не сходились. Если встречу с представителем «Зеленого мира» внес в план моего визита майор Ворный — зачем ему это нужно, отдельный вопрос, — то как получилось, что пришел на нее длинноволосый тип по имени Гена Марвин, который предупреждает меня о злых кознях Владимира Леонидовича?

И еще…

— Почему я не должен ехать в Облонск? — спросил я у длинноволосого ценителя креветочных голов.

— Потому что тебя пасут, — ответил он зловещим полушепотом. Я озадаченно пожал плечами.

— Всех пасут…

— Тебя — особенно, — Марвин указал на меня пальцем, чтобы я не заблуждался, о ком именно идет речь.

— А что будет, если я все же поеду?

Марвин усмехнулся и снова потянулся к тарелке.

— Постой, — я схватил его за запястье. — Я закажу тебе двойную порцию креветочных голов, если ты наконец объяснишь мне, что должно произойти в Облонске?

— В Облонске, говоришь? — насмешливо глянул на меня Гена.

— Это ты говоришь, — уточнил я.

— Да черт с тобой, поезжай! Он попытался освободить руку. Я сильнее сжал его кисть.

И в это мгновение замигал синий индикатор на моем уин-перстне — счетчик уинов зашкалило. Это было невероятно! Для того, чтобы сработал индикатор перегруза, число уинов в моем организме должно было подскочить примерно в два раза!

В растерянности я разжал пальцы на запястье Марвина. И индикатор на перстне тотчас же погас.

В полнейшем недоумении я поднял взгляд на Марвина.

Черт возьми! Контактный уин-перстень сработал на уины, кишащие в крови Марвина! Сколько же их у него в организме!.. Если верна теория Ворного, то сознание и разум Гены должны сейчас выкидывать коленца похлестче, чем девчонки из «Мулен Руж». Полутора стаканов пива, что он выпил при мне, было маловато для того, чтобы сбить накат.

Выходит, все, что он нес, было полным бредом?

Да, но откуда он знает Ворного?…

Пока я охотился за странными мыслями, что роились у меня в голове, лицо Гены Марвина претерпевало изменения. Черты его стали вдруг жестче, подбородок заострился, нос вытянулся. На лбу пролегли две глубокие морщины. Взгляд будто старался просверлить дырку у меня в переносице.

— Ну, чувачок, чего делать-то будем?

В интонациях Марвина прозвучало что-то, чему трудно было найти точное определение, но что мне резко не понравилось. Я понял: момент, когда можно было просто встать и уйти, безнадежно упущен.

Совершенно неожиданно Марвин улыбнулся и сделал легкий жест, будто отгоняя пушинку.

— Нет, ты меня неверно понял.

Я молча пожал плечами. Собственно, я вообще ничего не понимал.

— Помнишь, что говорил майор Ворный о воздействии информационного поля на спору башни? Нужен первоначальный импульс для активации и развития споры. А за тобой, чувачок, тянется длиннющий след из информационных башен, которые гэбэшники выкорчевывать не успевают. Догоняешь?

— Мне невозможно предъявить обвинения, — я медленно покачал головой.

— Точно! — радостно кивнул Марвин. — У них на тебя ничего нет. Поэтому тебя попросту ликвидируют. Там, — Гена почему-то махнул рукой влево, — в Облонске. Так сказать, вдали от обжитых мест.

Услышав такое, я только и смог произнести:

— Как?

— Не знаю, чувачок, — пожал плечами Марвин. — Полагаю,

это будет несчастный случай. Например, в трясину угодишь. Там же вокруг болота.

— Я не собираюсь бродить по болотам.

— Ну, тогда грибами отравишься. Местные предложат — отказываться некрасиво. А вертолет, которым тебя в больницу повезут, по дороге сломается. И ка-ак ахнет!..

Бамс!

Марвин хлопнул ладонью по столу.

На лице его появилось странное выражение — не то удивления, не то обиды. Голова его сначала наклонилась к плечу, а затем упала, ударившись лбом о стол. Я еще подумал, хорошо, что тарелку с креветками убрал, а то бы точно в нее угодил. В воцарившейся вдруг мертвой тишине сочно чмокнула, ударившись о стол, тяжелая, темная, жирная капля. За ней еще… еще… Я, как завороженный, не мог оторвать взгляд от темной струйки, вытекающей из-за левого уха Марвина, сбегающей по щеке и большими каплями падающей на стол.

— Мне жаль…

Я медленно поднял взгляд.

За спиной мертвого Марвина стоял официант с прижатым к животу круглым подносом. Из-под белой, накрахмаленной салфетки, переброшенной через левую руку, высовывался край пистолетного глушителя — черный металлический цилиндр.

— Мне жаль, — повторил негромко официант. — Но он оказался не в меру болтлив. Я предупреждал его, что не стоит увлекаться уиновыми инъекциями, особенно перед важной встречей.

Странно, но, видя направленный на меня ствол, я не испытывал страха. Мне только было несколько не по себе. Как, позвонив по телефону малознакомому человеку и услыхав голос в трубке, начинаешь сомневаться, правильно ли набрал номер, и, вместо того чтобы представиться, начинаешь подыскивать извинения.

— Зачем вы убили Марвина?

Официант быстро глянул на простреленный затылок любителя креветочных голов, как будто хотел убедиться в том, что дело сделано хорошо.

— Это был не Марвин.

— Кто же тогда?

— Маврин. Павел Геннадьевич Маврин.

— Так зачем вы прострелили ему голову?

— А вот это, Петр Леонидович, — лукаво прищурился официант, — вам знать не полагается.

— Ну, здорово, — удрученно кивнул я. — Вы подходите,

убиваете моего собеседника, а я даже не могу узнать, в чем его вина.

— Вы неверно формулируете. Маврин ни в чем не виноват. Во всяком случае, сам он не чувствовал за собой никакой вины… Я так думаю… Понимаете, Петр Леонидович, для того чтобы убить человека, вовсе не обязательно считать его в чем-то виноватым.

— Только не говорите, что вы с ним были друзьями.

Официант снова, на этот раз оценивающе, посмотрел на мертвеца.

— Нет, — едва заметно качнул головой он. — Друзьями мы с ним не были. Я впервые его сегодня увидел.

— Этот Марвин… Или, если хотите, Маврин давал мне странные советы…

— Не более странные, чем те, что дает вам майор Ворный.

— Вот! — я щелкнул пальцами и направил указательный на официанта. — Именно об этом я и хочу поговорить.

— Нет-нет, — официант, будто вдруг испугавшись чего-то, быстро-быстро затряс головой. — Об этом мы говорить не станем… Маврин уже сказал вам все, что требовалось. И даже больше.

— Но я ничего не понял.

— От вас, Петр Леонидович, требуется не понимание, а исполнение. Строгое и неукоснительное выполнение полученных директив.

— Маврин сказал, что в Облонске меня убьют.

— Точно, — кивнул официант.

— Но сейчас вы грозите мне пистолетом.

— Такова жизнь, Петр Леонидович.

— И что вы от меня хотите?

— Чтобы вы отказались от поездки в Облонск.

— Хорошо, откажусь. Я могу идти?

— Как-то неискренне вы это сказали, Петр Леонидович, — официант с сомнением поджал губы.

— А как можно быть искренним под дулом пистолета?

— Я должен быть уверен, что вы не поедете в Облонск.

— И что же я должен сделать, чтобы вы мне поверили?

— Даже и не знаю… — официант в задумчивости постучал глушителем по краю подноса. — Может быть, вам для этого нужно умереть?

— Не уверен, что это хорошая мысль.

— Я тоже… Но другой у меня нет.

— Давайте подумаем вместе.

— Хорошо… У нас пока еще есть время.

Я машинально достал из кармана часы, щелкнул крышкой,

взглянул на циферблат.

— Начнем? — я посмотрел на официанта как можно дружелюбнее. Он коротко кивнул. — Может быть, расскажете мне о себе?

— Зачем? — насторожился официант.

— Хотя бы назовите свое имя… Должен же я к вам как-то обращаться.

— Называйте меня Исмаил.

— Исмаил… — я оценивающе посмотрел на официанта. Коротко остриженные светло-русые волосы, круглое лицо, голубые глаза, нос пуговкой, подбородок с ямочкой… Нет, на Исмаила он определенно не походил. — Хорошо, пусть будет Исмаил. Чем вы занимаетесь, Исмаил?

— По-моему, вас сейчас не это должно интересовать, Петр Леонидович.

— Верно, — согласился я. — Вы уверены, что в Облонске меня убьют?

— Ну, может быть, не в самом городе… Вас могут убить в самолете.

— За то, что по моим следам прорастают информационные башни?

— Это хороший мотив для убийства, — с видом знатока заметил Исмаил.

— Может быть, и хороший, но явно недостаточный.

— Вы так считаете? — Исмаил усмехнулся. — Посмотрите-ка на угол стола, Петр Леонидович… Видите?

Там, куда указывал взглядом Исмаил, над мореными досками стола примерно на полтора сантиметра вверх поднимался серебристый конус с округлой вершиной, похожий на проклюнувшийся из-под земли шампиньон — росток информационной башни.

— Ну надо же… — только и смог проговорить я удивленно.

— Вот так-то, любезный, — многозначительно произнес Исмаил.

— Спор вокруг много, но прорастают только те, что оказались активированы информационным полем.

— При чем тут я?

— Без вас, Петр Леонидович, ничего бы не произошло, — улыбнулся мне Исмаил. — Вы что, до сих пор так ничего и не поняли?

Честное слово, я едва не взорвался!

— Что я должен понять?

— Петр Леонидович, — Исмаил немного подался вперед и наклонился так, что ствол пистолета смотрел теперь мне не в лоб,

а в грудь.

— Петр Леонидович, — повторил он, понизив голос до полушепота, — а вы сами, — Исмаил прищурился, — ничего не чувствуете?

— Нет, — с невообразимо глупым видом я развел руками. Прислушался к собственным ощущениям. Так, на всякий случай. — Ничего!

— Ну да ладно, — махнул спрятанным под салфеткой пистолетом Исмаил. — Главное, что об этом знает Госбезопасность, которая как раз и спланировала ваше физическое устранение.

— Вы тоже из конторы?

— Ну что вы, Петр Леонидович! — обиженно насупился Исмаил. — Как вам только такое в голову взбрело!

— Но вы же собираетесь меня убить.

— Я не могу допустить, чтобы вы попали в лапы гэбэшников.

— А другого способа нет?

— Увы, я его не вижу.

— Тогда чего же мы ждем?

— Видите ли, Петр Леонидович, — смущенно потупил взгляд Исмаил. — К вам я не испытываю никакой личной неприязни. Даже наоборот, я восхищен тем, что вы делаете. Поэтому, перед тем как завершить наше маленькое дельце, я хотел расставить все точки над «ё». По-моему, будет справедливо, если перед смертью вы узнаете… Черт!

Исмаил не успел завершить витиеватую фразу: его оттолкнул в сторону бармен.

— Э, стой, братан! У меня на этого мужика свои виды!

— Не понял? — нахмурил брови Исмаил.

— Ну и дурак значит, — бармен сунул руку за пазуху и вытянул оттуда огромный пистолет. Что это был за ствол, понятия не имею, я вообще в оружии плохо разбираюсь, но он оказался таких невероятных размеров, что я удивился, как он прятался под рубашкой и фирменной малиновой жилеткой.

— Короче, — бармен, словно дирижерской палочкой, взмахнул стволом. — Тебя, братан, — это он Исмаилу, — я приговариваю к смерти за убийство лидера нашего экотеррористического движения «Зеленый бор»…

— «Зеленый мир», — поправил я.

— Точно, братан, спасибо, — с благодарностью кивнул бармен. — Ты, кстати, тоже приговорен за соучастие в убийстве.

— Но ведь он, — указал я на Исмаила, — хотел и меня застрелить.

— Это уже ваши проблемы, — бармен показал нам открытую

ладонь левой руки. — Я в них вмешиваться не собираюсь. От мавра-то что требуется? Сделать свое дело и по-тихому свалить.

— Допустим, по-тихому уже не получится, — Исмаил переориентировал ствол пистолета на бармена.

Бармен направил свой пистолет на меня.

— Брось пушку, братан, иначе я пристрелю фраера.

Я пожалел, что у меня нет пистолета. А лучше — двух.

А еще мне стало грустно: в жизни так много дураков, что порой они могут встретиться за одним столиком и даже с намерением убить одного и того же человека. И, собственно, делать с этими идиотами больше нечего, как только отстреливать. Нужно только найти вменяемых людей, которые взялись бы за дело. И тогда…

Когда мне уже показалось, что я близок к завершению аккуратной логической цепочки, ход моих размышлений был прерван самым неожиданным образом. На стол прямо передо мной запрыгнул один из унисексов, так тихо сидевших в своем углу, что о них все позабыли. Чуть наклонившись, унисекс поднял согнутую в колене ногу и резко распрямил ее. Исмаилов пистолет взлетел под потолок. Нога унисекса резко, как на пружине, дернулась еще раз, и теперь уже сам официант, раскинув руки, рухнул спиной на соседний столик. Унисекс выхватил из-за пояса небольшой баллончик, сорвал ограничитель и направил дымящуюся струю жидкого азота на росток информационной башни.

Второй унисекс, оказавшийся позади бармена, перехватил его руку с пистолетом и резко дернул вверх. Грохнул выстрел, но пуля ушла в потолок. Унисекс ударил бармена стопой под колено и тут же нанес удар кулаком по позвоночнику в области поясницы. Бармен зарычал, но, в отличие от Исмаила, он все еще пытался сопротивляться. Тогда унисекс схватил бармена за подбородок и резко дернул его голову в сторону. Обмякшее тело бармена упало на пол.

— Наталья! — крикнул тот, что был на столе.

Ага, значит, по крайней мере один из них — женщина.

Наталья обернулась.

Я посмотрел в ту же сторону.

К нам приближались шестеро поваров в длинных белых халатах и накрахмаленных колпаках. Первый сжимал в руке никелированный разделочный топорик с очень удобной деревянной рукояткой. Остальные держали на изготовку короткие автоматы, возможно, «узи», кто их разберет. Для кого-то, наверное, принципиально важно, из какого именно оружия он будет застрелен, а мне так все равно.

Повар, вооруженный топориком, ринулся на женщину. Наталья пригнулась. Брошенная ее напарником табуретка сбила повара с ног.

Его соратники остановились, словно налетели на невидимую стену.

Клац!

Повара разом передернули затворы.

Наталья прыгнула в сторону, перевернувшись через плечо, рукой опрокинула стол и залегла за ним. В каждой руке — по пистолету.

Тот, что стоял на столе, схватил раскрытый кейс, захлопнул его и бросил мне в руки. Не успел я поймать кейс, как унисекс ударил по нему ногой. Я вместе со стулом грохнулся на спину. Унисекс прыгнул на меня сверху.

И в ту же секунду воздух разорвал озверелый рык пяти автоматов.

Я думал, тут мне и конец.

Пули рвали дерево столов, крошили камень пола, сбивали развешенные по стенам картины.

Грохот, треск, каменная крошка, щепки, вой…

И вдруг все затихло.

Как будто уши ватой заложили.

Только едва слышные сухие щелчки.

Лежавший на мне унисекс чуть приподнялся.

Только сейчас я его рассмотрел как следует. Этот, несомненно, был мужчина.

Он быстро глянул через плечо, затем снова повернулся ко мне и протянул руку.

— Хочешь жить, иди со мной.

Против такого предложения я ничего не имел. Я даже был рад тому, что нашелся кто-то, кто сегодня не хочет меня убить. И с готовностью протянул руку своему потенциальному спасителю.

Унисекс рывком поднял меня на ноги и толкнул в сторону двери. Сам он встал во весь рост и, выбросив перед собой руку с пистолетом, открыл огонь по перезаряжавшим автоматы поварам. Его напарница, поднявшись над краем столешницы опрокинутого стола, стреляла с двух рук.

Пригибаясь, локтем прижимая к боку кейс, я успел добежать до стеклянной двери, прежде чем повара открыли ответную пальбу.

Дверное стекло передо мной разлетелось вдребезги.

Я пригнулся еще ниже и почти на карачках выбрался на улицу.

Было уже темно. Горели редкие фонари. Мимо проносились

машины. А по тротуару, как ни в чем не бывало, вышагивали прохожие. Казалось, только я один слышу выстрелы, доносящиеся из разбитых дверей пивного ресторана «Острова Длинного Ганса».

Плевать, подумал я. Это не мое дело. Нужно поймать такси… Или лучше добежать до метро — здесь недалеко. Доберусь до гостиницы и оттуда позвоню в консульство, пусть высылают за мной машину с охраной… Идиот, у меня же мобильник в кармане!..

Вылетевшая из дверей ресторана Наталья едва не сбила меня с ног. Левое плечо у нее было в крови, щека разодрана, но в целом выглядела она довольно бодро.

— Андрей! Уходим! — крикнула она, должно быть, своему напарнику.

И, не дожидаясь ответа, потащила меня к обочине. Не имея понятия, что собирается предпринять эта девочка-ниндзя, я сделал попытку избавиться от ее общества.

— Я очень благодарен вам за столь своевременное вмешательство… Честное слово! Я с удовольствием оплачу ваши услуги, если вы оставите визитку… Но сейчас нам совсем не по пути…

— Заткнись!

Наталья ткнула мне под ребра пистолет, из чего я сделал вывод, что лучше с ней не спорить.

Нас догнал ее напарник Андрей.

Все вместе мы подошли к темно-синей «ауди», припаркованной возле обочины. Андрей обежал машину и сел на место водителя. Наталья распахнула передо мной заднюю дверцу и стволом пистолета указала в глубь темного салона.

— Залезай.

Я даже спорить не стал. Обхватил кейс обеими руками, прижал к груди и, пригнув голову, забрался в машину.

Наталья села рядом со мной.

Не успела захлопнуться дверца, как машина сорвалась с места и понеслась в сторону Красных ворот, ловко, на грани допустимого риска маневрируя в плотном потоке машин.

То, что Наталья больше не тыкала пистолетом мне в ребра, придало оптимизма.

— Вы из «Зеленого мира»? — осторожно поинтересовался я.

— Мы из Госбезопасности, — ответил Андрей. Час от часу не легче!

— А удостоверение покажете?

Андрей посмотрел на меня в зеркальце заднего вида и криво усмехнулся.

Понятно, придется поверить на слово.

— А куда мы сейчас едем?

— К вам в гостиницу.

— Зачем?

— Глупый вопрос, — сказала Наталья.

— Там вас ждет майор Ворный, — ответил на глупый вопрос Андрей.

— Он в курсе событий?

— Отчасти.

— А мне вы можете объяснить, что произошло?

— Вас пытались убить.

— Это я понял.

— Что же вы еще хотите знать? — искренне удивился Андрей.

— Почему?

— Почему вас хотели убить или почему вы все еще живы?

— И то, и другое.

— Живы вы потому, что мы за вами присматривали. А кто и за что хотел вас убить, расскажет майор Ворный. Если сочтет нужным.

Дальше мы ехали молча.

Остановив машину возле служебного входа, Андрей показал охраннику удостоверение, после чего тот пропустил нас внутрь. Мы пересекли кухню, прачечную, миновали еще какие-то подсобные помещения и в конце концов вышли к грузовому лифту. Поднявшись на этаж выше, чем было нужно, мы спустились по пожарной лестнице, вышли в главный холл, откуда уже было рукой подать до дверей моего номера.

Оказавшись в номере, я тут же бросил кейс на диван, схватил из бара бутылку «Гринелса», налил полстакана и, не разбавляя, выпил. Только после этого я упал в кресло и умиротворенно вытянул ноги. Здорово бы было еще и душ принять, но на это сил у меня уже не оставалось.

— Присоединяйтесь, — сказал я Андрею с Натальей, взглядом указав на початую бутылку.

— Спасибо, — поблагодарил Андрей и жестом отказался от выпивки. — Мы ненадолго оставим вас одного.

— Конечно, — вяло кивнул я.

— Мы запрем дверь. Майор Ворный откроет ее своим ключом.

— Как скажете, — снова согласился я.

— Надеемся, до его прихода с вами ничего не случится.

— А что со мной может случиться?

Я попытался усмехнуться, но сам почувствовал, что получилось не очень убедительно. Я жутко устал. Глаза сами собой закрывались. Подбородок опускался на грудь.

— Распустите галстук, легче дышать будет, — посоветовал

Андрей.

Я поблагодарил его за заботу едва заметным движением пальцев. И провалился в густой, тяжелый сон, похожий на беспамятство.

* * *

Я проснулся от нестерпимой головной боли. Какие-то твари, засевшие в черепной коробке, долбили в затылок тяжелыми молотками и одновременно старались пробуравить виски тупыми сверлами. Кажется, я застонал, еще не успев открыть глаза. А когда открыл их, не сразу смог сфокусировать взгляд. Когда же и это мне удалось, я увидел майора Ворного, сидевшего в кресле по другую сторону журнального столика.

— С пробуждением, Петр Леонидович, — поприветствовал он меня.

Я попытался сказать в ответ какую-нибудь любезность, но одеревеневший язык прилип к сухому нёбу. Я глянул по сторонам в поисках живительной влаги. Увидав открытую бутылку минералки, схватил ее и жадно выпил. Пусть выдохлась, подумаешь, теплая, плевать, что вкус противный, главное — мокрая.

— Который час? — спросил я, оторвавшись от бутылки. Аккуратно оттянув манжету, Ворный посмотрел на часы.

— Без двух минут одиннадцать.

За окном светло, значит — день. Выходит, я всю ночь проспал в кресле, как был, в пиджаке. Даже ботинки не снял. Только галстук растянул. Или это заботливый Андрей постарался?

— Плохо, Петр Леонидович? — участливо осведомился Ворный.

— Плохо, — не стал отпираться я.

Хотя и сам не мог понять, с чего это мне так плохо. Я точно помнил, что выпил перед сном всего-то полстакана джина.

Однако в литровой бутылке «Гринелса», стоявшей на столе, джина оставалось меньше чем на два пальца. Ворный приложился? Я искоса глянул на майора. Нет, не похоже…

Я ждал, что майор Ворный сам начнет разговор о случившемся вчера. Но Владимир Леонидович сделал неожиданный ход:

— Сходи-ка прими душ, Петр Леонидович, — предложил он. — Потом мы с тобой поедим как следует, накатим граммов по сто, и будешь ты у нас снова как огурчик.

Это было не совсем то, чего я ожидал. Но отказываться от

такого замечательного предложения мне показалось глупым. Я снял пиджак, скинул ботинки, распустил до конца галстук и потопал в ванную.

Вернулся я примерно через полчаса. Мокрый, бодрый, одетый в темно-синий банный халат. Голова уже почти не болела и, как ни странно, хотелось есть.

Майор Ворный переместился за обеденный стол. Он снял пиджак, слегка ослабил узел галстука и подвернул накрахмаленные манжеты своей кипенно-белой рубашки. На столе громоздилось столько посуды, будто мы ждали еще, по крайней мере, четверых гостей. Рядом стоял сервировочный столик, доставленный в мое отсутствие. Судя по обилию блестящих крышек, Владимир Леонидович решил, что, раз уж я пропустил завтрак, следует сразу перейти к обеду.

Так мы и сделали. Я разлил по тарелкам душистую уху, а Владимир Леонидович наполнил стаканы остатками «Гринелса».

Закусив неразбавленный джин наваристой ушицей, я почувствовал себя просто замечательно. Самое время было переходить к серьезному разговору, и я многозначительно покосился на Владимира Леонидовича. Но он словно и не заметил моего взгляда — ел, сосредоточенно глядя в тарелку. Что ж, придется начинать мне.

— Хочу еще раз поблагодарить твоих ребят за вчерашнее.

По-прежнему не поднимая взгляда, майор Ворный молча кивнул.

— Если бы не они… — я ложкой нарисовал в воздухе непонятный даже мне самому каббалистический знак. — Ну, не знаю даже, чем бы все это закончилось.

— Вышел бы конфуз, — произнес негромко Ворный.

— Конфуз?…

Я задумался о значении данного слова. Конфуз — это, пожалуй, слишком уж мягкое определение того, что вчера произошло. Даже для майора Госбезопасности.

Владимир Леонидович доел уху, отодвинул пустую тарелку в сторону и посмотрел на меня. Мне показалось — с осуждением.

— Ты не принимал таблетки, которые я тебе дал?

— Принял несколько штук… До тех пор, пока мне про них не рассказали.

— И что же тебе рассказали?

— Эти таблетки способствуют подавлению воли и дают возможность манипулировать сознанием того, кто их принимает.

Майор Ворный усмехнулся и принялся за паэлью.

— Ты мне не доверяешь?

— У тебя могут быть причины не говорить мне всей правды.

— Ты мне не доверяешь? — на этот раз акцент был сделан на слово «мне».

— После того, что произошло вчера, я вообще не знаю, кому верить… Честно говоря, вчера я собирался позвонить в консульство и потребовать для себя охрану… И непременно бы позвонил, если бы не отрубился, пока тебя ждал… Черт, — я швырнул ложку в тарелку с недоеденным супом. Аппетит вдруг пропал. — Мне никогда не разобраться в том, что тут у вас происходит. Да, честно говоря, и не очень-то хочется. Наверное, лучшее, что я могу сделать, это поскорее улететь домой.

— А что так? — с невозмутимым спокойствием поинтересовался Ворный.

— Что так?! — я едва не подпрыгнул от возмущения. — Меня вчера хотели застрелить трое разных людей!.. А потом еще эти повара с автоматами!.. Аты спрашиваешь, что так!..

— Расскажи-ка поподробнее о поварах.

— А твои ребята тебе разве не докладывали?

— Нет, — медленно покачал головой Ворный. — Я вообще не слышал ни о какой перестрелке.

— Спроси у Натальи, кто ее в плечо ранил!

Владимир Леонидович достал из кармана мобильник и набрал номер.

— Наталья, наш клиент утверждает, что вчера ты была ранена в плечо… Да, пулевое… Ясно. Пока.

Ворный нажал кнопку отбоя, положил телефон рядом с собой на стол и снова взялся за вилку.

— Ну? — нетерпеливо спросил я.

— Никакой перестрелки вчера не было. И с Натальей, и с Андреем все в порядке. Они без происшествий доставили тебя в гостиницу, в холле на этаже дождались моего прибытия… Честно говоря, я тоже не заметил, чтобы кто-то из них был ранен.

Так.

Меня снова пытаются сбить с толку…

И вдруг меня осенило!

Все, что произошло вчера, было спектаклем, разыгранным специально для меня! А то, что происходит сегодня, это продолжение все того же спектакля!

Вот только оставался вопрос, очень серьезный вопрос — чего ради он затеян?

Ладно. Если действовать методично, акцентируя внимание на мелочах, тогда мне, возможно, удастся подловить майора Ворного на каких-то несоответствиях предлагаемой им версии с реальными событиями. Успеху вчерашнего представления, несомненно, способствовали таблетки, которыми угостил меня

Ворный. Сегодня мой разум чист.

— Так что же произошло вчера? — спросил я как бы между прочим.

Взглянув на меня, Владимир Леонидович чуть приподнял левую бровь.

— Ты совсем ничего не помнишь?

— Напротив, — непринужденным движением я отодвинул от себя тарелку. — Очень хорошо помню, — я взял с сервировочного столика вазочку с грибным салатом. — Настолько хорошо, что могу и тебе что-то напомнить.

— Ну-ну, — насмешливо скривил губы Владимир Леонидович.

Прежде чем продолжать, я встал из-за стола, подошел к бару и, раскрыв дверцы, внимательно изучил содержимое. Найдя взглядом бутылку «черного» «Джонни Уокера», я взял ее и вернулся за стол.

— Может быть, лучше таблетку, — сказал Ворный.

Я поднял два пальца и сделал ими знак, отрицающий любые попытки направлять мои действия. Сегодня я делаю то, что сам считаю нужным. И для начала я свернул с «Джонни Уокера» крышку.

— Ты организовал мою встречу с представителем «Зеленого мира»? — я взял рюмку и всклянь наполнил ее виски.

— Нет, — ответил Ворный, глазом не моргнув.

— У меня на сей счет иная информация. Я опрокинул рюмку. Замечательный напиток.

— Источник ее, надо полагать, тот же, что и по поводу таблеток?

— Да.

Я закусил грибным салатиком. Тоже неплохо.

— Называть его ты, конечно, не станешь?

— Может быть, в ином случае я бы и засомневался, стоит ли называть этого человека. Но поскольку он уже мертв, могу сказать, что звали его Геннадий Павлович Марвин. Или, может быть, Павел Геннадьевич Маврин.

— Когда он умер?

— Вчера. Его застрелил официант из пивного ресторана «Острова Длинного Ганса», называвший себя Исмаилом.

— А после появились повара с автоматами?

— Нет, сначала был бармен с громадным пистолетом. И он непременно пристрелил бы меня, если бы не вмешались твои ребята. А вот после этого уже появились повара с автоматами. И один с разделочным топориком.

— С топориком, говоришь? — Ворный наклонил голову и

озадаченно почесал пальцем висок.

Я откинулся назад и положил локоть на спинку стула.

— Ты как будто в первый раз об этом слышишь.

— Честно говоря, так оно и есть.

Я натянуто хохотнул.

— Что тебя так развеселило? — удивленно посмотрел на меня Ворный.

— Сегодня я таблеток не принимал, и тебе не удастся меня провести.

— А, ладно…

Владимир Леонидович принялся изучать содержимое сервировочного столика.

— Хочешь жульен? — спросил он.

— Нет.

— По-моему, неплох.

Он поставил перед собой блестящую кокотницу и осторожно сломал ложечкой запеченную сырную корочку. Попробовав немного, Владимир Леонидович удовлетворенно кивнул.

— Что хочешь со мной делай, не могу я поверить, что еда, приготовленная с помощью нанотехнологий, так же вкусна, как и настоящая. Вы же потребляете сплошную синтетику с вкусовыми добавками. Скажешь, нет?

— По-моему, никакой разницы, — недовольно буркнул я и, взяв бутылку, наполнил свою рюмку. — Вот откуда у вас «Джонни Уокер»? Из старых запасов? А что будете делать, когда закончатся?

— Виски, которое ты пьешь, изготовлено в Калуге по традиционным рецептам и технологиям. Так что мы-то без «Джонни» не останемся.

Я выпил и даже закусывать не стал. Вдруг взяла меня досада. Может быть, потому что калужский «Джонни Уокер» ничем не отличался от оригинального, из старых запасов, пару бутылок которого я три года назад за бешеные деньги в «Смоленском» купил?

— Давай рассказывай. Я готов.

Майор Ворный съел ложечку жульена. Аккуратно промокнул губы салфеткой.

Манеры — как у аристократа.

— Вчера днем у тебя была встреча с заместителем секретаря думского комитета по экологии…

— Точно, была, — подтвердил я.

— Потом ты поехал на конференцию общественных организаций и движений «Единое информационное пространство: вчера, сегодня, завтра». Одним из организаторов конференции

числился тот самый «Зеленый мир», от общения с представителями которого я тебя предостерегал. Эти ребята пытаются делать себе имя на экотерроризме, а это значит — рано или поздно их прихлопнут. Во время встречи на тебя, похоже, здорово накатило. Я в это время работал в конторе, поэтому велел приглядывавшим за тобой ребятам везти тебя в гостиницу. И там уже дать чего-нибудь выпить. Сам я прибыл минут через сорок после вас. Ты полулежал в кресле в полной отключке. Что и немудрено — ты один скушал почти целый литр джина.

— Все ложь! — протестующе взмахнул я рукой. — От начала до конца!

— Тебе, понятное дело, виднее, — едва заметно усмехнулся Ворный.

Чем, надо сказать, здорово вывел меня из себя.

— Послушай, Владимир Леонидович, — положив руку на стол, я подался вперед. — Я знаю, что такое накат. И, поверь мне, реальность от бреда отличить сумею.

— Повара с автоматами… Сколько, говоришь, их было?

— Пятеро. И один с топором.

— По-твоему, это не бред?

— Но я их видел! — это был единственный довод, который я смог привести. — Я был там!

— Где?

— В ресторане «Острова Длинного Ганса». Неподалеку от Курского вокзала.

Владимир Леонидович поднялся из-за стола, подошел к телефону, снял трубку и переключил аппарат в режим громкой связи.

— Портье. Чем могу быть вам полезен?

— Будьте добры, подскажите телефонный номер и адрес пивного ресторана «Острова Длинного Ганса». Где-то в районе станции метро «Курская».

— Секундочку.

Было слышно, как щелкают клавиши — портье набирал запрос.

— Простите, но ресторана с таким названием в Москве нет.

— Большое спасибо, — Владимир Леонидович положил трубку на рычаг и посмотрел на меня. — Нужны комментарии?

Мой взгляд в растерянности скользнул по столу, как будто надеялся найти ответ среди посуды и столовых приборов.

— Портье работает на тебя.

— Ага, — криво усмехнулся Ворный. — Каждый второй в нашей стране является осведомителем гэбэ, а каждый первый следит за каждым вторым. — Он снова сел за стол. Взял в руку

ложку, постучал ею по краю тарелки. — Если не лень, можем съездить туда, где находится этот твой ресторан… Хотя, если следовать твоей логике, я мог за несколько часов открыть на месте ресторана семинарию. А весь обслуживающий персонал пустить в расход. Правда, можно еще съездить в кинотеатр «Рассвет», где проходила конференция, и человек двадцать из обслуживающего персонала подтвердят, что видели тебя там вчера. В общем, я не знаю, Петр Леонидович…

— Подожди! — я поднял руку.

Теперь мне не терпелось разобраться, где же реальность. Допустим, большинство из тех доказательств, которые привел майор Ворный, нельзя было сфабриковать. Но их можно было мне внушить. Заставить меня поверить, что все было именно так, а не иначе. Вот только зачем и кому это было нужно?

— Слушай, Петр Леонидович, ты вчера сколько таблеток принял?

— Четыре или пять… Какое это имеет значение?

— Покажи упаковку.

Я встал, подошел к стулу, на котором висел пиджак, и достал упаковку таблеток.

То, что я увидел, поразило меня самого: в упаковке не хватало всего лишь одной таблетки.

— Так ты их не принимал? — Владимир Леонидович смотрел на меня не то с осуждением, не то с сочувствием.

В ответ я мог только руками развести.

— Честное слово, я был уверен, что принимал таблетки.

— Вот на тебя и накатило… — майор Ворный принялся за фруктовый десерт. — Однако, дружище, это не объясняет того, что ты уверен в обратном… Если ты, конечно, в этом уверен?…

— Абсолютно, — подтвердил я. — Как и в реальности существования «Островов Длинного Ганса».

— Что ж, в таком случае… — Владимир Леонидович отправил в рот ложечку засахаренных фруктов. — Выходит, кто-то действительно играет с твоим сознанием.

— Не ты? — спросил я вроде как в шутку.

— Не я, — серьезно ответил Ворный.

— А предположения есть?

Владимир Леонидович доел десерт и поднялся из-за стола.

— Давай-ка, дружище, прогуляемся. Погода отличная, а свои плановые мероприятия ты можешь со спокойной совестью пропустить. Ты все мне подробно расскажешь, и мы попытаемся определить точку прокола.

* * *

Мы шли по набережной. Стараясь не упускать даже самых мелких деталей, я рассказывал майору Ворному о своих вчерашних приключениях. Владимир Леонидович внимательно слушал, кивал и время от времени задавал уточняющие вопросы. И надо сказать, по мере того, как история моя близилась к завершению, я сам все меньше верил в ее достоверность. Уж слишком невероятными были события. По любым меркам.

— Интересная получается картинка, — сказал майор Ворный, когда я закончил. — В твой совершенно фантастический сюжет вплетено довольно много реальных событий и персонажей. О Наталье с Андреем я уже не говорю — они доставили тебя вчера в номер. Геннадий Павлович Марвин — один из лидеров «Зеленого мира». Чудище с крышей, съехавшей набекрень. Обычно несет полный бред, который его соратники воспринимают как божественное откровение. За свою деятельность уже трижды привлекался к суду, но отделывался штрафами и административными взысканиями. Я не думал, что он заявится на конференцию, но, судя по твоему описанию, это был именно он.

— Надеюсь, его не убили? — кисло усмехнулся я.

— Наталья сказала, что на тебя накатило уже после окончания официальной части конференции. В фойе был организован небольшой фуршет, и во время него шла довольно оживленная дискуссия. Которая, по всей видимости, в твоем сознании трансформировалась в перестрелку между оппонентами.

— Значит, то, что я слышал от Марвина, он говорил мне на самом деле?

— Не уверен, — с сомнением покачал головой Ворный. — Хотя от этих выродков всего можно ожидать. Говорил же я тебе! — Владимир Леонидович с досадой ударил ладонью о ладонь. — Не общайся с ними!.. Черт!.. Честное слово, жалею теперь, что «жучка» тебе не подсунул!.. Какого хрена этот отморозок завел речь об убийстве?

— Но он говорил, что покушение на меня готовит Госбезопасность.

— Вот именно! — возмущенно взмахнул руками Ворный. — И наверняка этому были свидетели!

— И что с того? — не понял я.

— А то, что, ежели в Облонске или по дороге туда с тобой что-нибудь случится, «Зеленый мир» обвинит во всем Госбезопасность. «Мы ведь предупреждали!» — будет вопить Марвин на каждом углу…

— Так на меня готовится покушение?

— С какой стати? Кому ты нужен? Это я теоретизирую. На

самом деле, я уверен, нет никакой опасности… Ты знаешь, что последние пару лет у нас практически стопроцентная раскрываемость преступлений?

— А у нас преступлений вообще нет.

— Это потому что у вас тоталитарное общество.

— У нас?

— Ну не у нас же. У вас каждый человек находится под наблюдением двадцать четыре часа в сутки и триста шестьдесят пять дней в году. Если возникнет необходимость, можно с точностью до минуты расписать любой день из жизни каждого. Ничего невозможно скрыть. Никаких тайн не существует. Это, дружище, не жизнь, а полный кошмар. Просто вы приучили себя не думать об этом. Вы живете в обнимку с тем самым Большим Братом, которым в свое время Оруэлл напугал весь мир. Кому в таких условиях может прийти в голову не то что совершить преступление, а хотя бы подумать о нем?

— У нас нет преступности, потому что люди обеспечены всем необходимым.

— А-а, — недоверчиво махнул рукой Владимир Леонидович. — Человек никогда не может остановиться на достигнутом. Сколько ни давай, ему все мало.

— Это потребительский подход к жизни.

— А ты знаешь какой-то другой?

— Я не понимаю, в чем ты пытаешься меня убедить?

— В том, что ваша информационная цивилизация планомерно загнивает.

— Не нравится — не нюхай, — недовольно буркнул я.

— Оно-то вроде как верно, — будто в задумчивости протянул Владимир Леонидович. — Можно, конечно, нос зажать, а то и вовсе отвернуться. Но дело-то в том, что, как только у вас там все рухнет, вы же толпой к нам через кордон ломанетесь. И что нам тогда делать?

Чего мне сейчас хотелось меньше всего, так это обсуждать излюбленную тему майора Ворного о том, как в один ужасный день все информационные башни исчезнут, уины перестанут действовать, и вся закордонная цивилизация из эры информационных нанотехнологий окажется выброшенной в каменный век. А то и куда похуже — обрабатывать камни еще ведь научиться нужно. То упорство, с каким Владимир Леонидович пытался убедить меня в неизбежности именно такого варианта развития событий, порой наводило на мысль, что он сам в него не верит. В принципе, я был не прочь с ним поспорить, хотя, честно говоря, не видел в этом большого смысла — сколько мы не муссировали эту тему, каждый все равно оставался при

своем мнении.

— Владимир Леонидович, дорогой мой, давай оставим в покое проблемы информационного общества. Не отрицаю, они у нас есть…

— Нет, — перебил меня Ворный. — В том-то и дело, что у вас нет никаких проблем.

— Это только со стороны так кажется.

— Назови главную.

— Экология.

— Все, больше вопросов не имею!

— Лично у меня сейчас проблема чисто русская — что делать?

— Занимайся своим делом и ни о чем не беспокойся, главное, не забывай таблетки принимать, — скороговоркой произнес майор Ворный. — Если что не так — сразу таблетку под язык. В Облонск твоя группа завтра отправляется? Ну так и лети вместе со всеми! И не волнуйся, мы за тобой присмотрим.

— А присматривать зачем, если бояться нечего?

— Для порядка. Мало ли что…

У обочины, в трех шагах от нас притормозила пурпурная «тойота» с тонированными стеклами. Приметив ее, я решил, что это машина Владимира Леонидовича. Прогулка пешком — это, конечно, замечательно. Но машина сопровождения всегда должна быть рядом. Стекло задней дверцы немного опустилось вниз, и из зияющей темноты прямоугольной бойницы показался автоматный ствол.

— На землю! — крикнул майор Ворный и, прежде чем упасть самому, завалил меня под куст.

Длинная сухая очередь хлестко ударила по тому месту, где мы только что стояли. Звук был настолько пронзительно реалистичным, что, казалось, воздух наполнился тонкими пластинками слюды, ломающимися и бьющимися друг о друга.

Перекатившись на живот, майор Ворный выдернул из-под мышки пистолет и открыл ответный огонь.

Я лежал, вжавшись в серый асфальт, накрыв голову сцепленными замком ладонями. Мне не было дела до того, что происходило вокруг — я хотел остаться живым.

Голову я приподнял, только когда стрельба прекратилась.

Кажется, цел.

Майор Ворный, похоже, тоже не пострадал. Изощренно и зло матерясь сквозь зубы, Владимир Леонидович выбросил из пистолета пустую обойму и коротким ударом ладони загнал на ее место новую. Передернул затвор.

Пронзительно взвизгнув тормозами, «тойота» сорвалась с

места.

Майор Ворный проворно вскочил на ноги и, перехватив пистолет обеими руками, принялся стрелять ей вслед.

На что он рассчитывал, не знаю.

Девять выстрелов, а затем сухой щелчок бойка, ударившего в пустоту.

И в тот момент, когда казалось, что машина-убийца уже ушла, вылетевший из переулка черный «додж» ударил ее в дверцу. Удар был настолько сильным, что «тойота» боком перелетела через узкую пешеходную дорожку и, проломив чугунную ограду, рухнула в реку.

— Вовремя, — одобрительно кивнул майор Ворный. — Очень вовремя.

Из покореженного «доджа» вышел человек в светло-сером спортивном костюме, как старому знакомому махнул рукой Владимиру Леонидовичу и, подойдя к пролому в изгороди, посмотрел вниз, на темные воды, сомкнувшиеся над пурпурным автомобилем.

— Давай поспорим, что никто не выплывет? — предложил мне Ворный, убирая пистолет в кобуру.

Можно подумать, я дурак, чтобы спорить с профессионалом. Не дождавшись ответа, Владимир Леонидович поднял с асфальта пустую обойму и пошел к тому месту, где упала в воду «тойота».

— Ну как, Сельвинович, выплыл кто?

— Не-а, — мужчина в спортивном костюме ухватился рукой за столбик ограды и наклонился ниже. — Все в машине остались.

Я отчаянно боролся с сумбуром в голове.

Несмотря на оптимистичные прогнозы майора Ворного, меня снова пытались убить.

Снова?…

Ну да, если принять за первое покушение в несуществующем ресторане «Острова Длинного Ганса».

Хотя, честно говоря, я опять начал сомневаться в том, что это был бред. Что хотите со мной делайте, не мог оказаться бред настолько реалистичным, что я до сих пор помнил, как играли отсветы огней на блестящем острие разделочного топорика, которым размахивал воинственный повар!

В любом случае, несколько минут назад меня точно пытались убить. Самым натуральным образом. На этот раз Ворный находился рядом со мной, так что если он и теперь начнет утверждать, будто мне все привиделось, я просто рассмеюсь ему в лицо.

Меня хотят убить.

Остается последний и самый интересный вопрос: кому я тут

насолил?

Сам я за собой никакой вины не чувствовал.

А впрочем, какая разница. Пусть русские сами разбираются с тем, что тут у них происходит. А я — в гостиницу, собираю вещи, еду в аэропорт и первым же рейсом — домой. Теперь у меня есть вполне реальное и очень веское оправдание. А даже если бы и не было — жизнь мне пока еще дороже престижа…

— Простите, — кто-то негромко окликнул меня сзади.

Я обернулся. Но даже не успел увидеть лица человека, стоявшего у меня за спиной. Только темный, расплывчатый силуэт. В лицо мне ударила упругая струя едкого газа. Собираясь крикнуть, я сделал глубокий вдох, почувствовал удушье и потерял сознание.

* * *

Когда я очнулся, было темно.

И тихо.

Как под землей.

В гробу.

Я судорожно вздохнул.

Воздуха мне пока хватало. Хотя свежим его никак нельзя было назвать. Но и затхлым тоже. Скорее уж, застоявшимся. С запахом пыли и какой-то чуть сладковатой пряности.

Сидел я, по всей видимости, на стуле. Руки мои были заведены за спинку и связаны. Не очень туго. Наверное, постаравшись, я даже смог бы распутать узлы. Но пока у меня такого желания не возникало.

— Проснулись, Петр Леонидович?

Голос был искажен до неузнаваемости, будто пропущен через вокодер.

Только теперь я сообразил, что на голове у меня темный мешок. И запах пряности прятался в его швах.

— Снимите мешок!

Требование мое прозвучало, скорее, как униженная просьба. Но ее тут же выполнили. С головы моей стянули мешок, и я зажмурился от яркого света, ударившего по глазам.

Я находился в темном помещении. В трех шагах от меня стоял письменный стол. На столе — лампа с круглым абажуром, направленная мне в лицо. Справа от стола сидел человек. Я мог видеть только его ноги в лаковых узконосых ботинках, закинутые одна на другую.

— Если вы обещаете не вставать со стула, мы развяжем вам

руки, — все тем же искаженным голосом произнес мужчина.

— Да, конечно, — с готовностью согласился я.

Кто-то подошел ко мне сзади и перерезал веревку на руках. Я машинально потер запястья. Не потому что затекли, а потому что так полагается делать после того, как тебя развязали.

— Приношу вам свои извинения, Петр Леонидович, за причиненные неудобства. Поверьте, мы не желаем вам зла. И как бы ни закончилась наша беседа, вы выйдете отсюда живым и невредимым. Давайте считать, что вы просто пришли к нам в гости.

— Странный способ приглашения, — буркнул я в ответ. — Да и на вечеринку не похоже.

А собственно, какие у меня были основания верить тому, что говорит этот тип за столом? Почему я должен ему доверять, если он прячет свое лицо и даже голос меняет?

— Боюсь, у нас не было другой возможности встретиться с вами. Вы ведь и сами знаете, что находитесь под постоянным наблюдением Госбезопасности.

— Кто вы такие?

Понятное дело, мой вопрос остался без ответа.

— Быть может, вы чего-нибудь хотите? — спросил незнакомец за столом. — Чаю? Кофе? Может быть, сэндвичей?

— Водки граммов сто пятьдесят.

— Вы это серьезно?

Даже сквозь скрип и скрежет искажающих голос помех я распознал недоумение.

— Если есть, давайте, — махнул я рукой.

— Ну, хорошо…

На секунду из темноты выскользнула рука незнакомца, сделавшая кому-то знак.

Сзади послышалась какая-то возня.

— Не оборачивайтесь, — предупредил таинственный хозяин. Я безразлично дернул плечом — мол, не очень-то и хотелось.

К моему стулу слева придвинули широкий табурет, выкрашенный белой масляной краской. На табурет поставили граненый стакан, на две трети наполненный прозрачной жидкостью. Рядом — блюдечко с золотой каемочкой. На блюдечке — нарезанный кружками соленый огурец, пять зубчиков маринованного чеснока и три кусочка селедки. На краю — маленькая двузубая вилочка для фруктов.

— Прошу вас, — вновь выскользнувшая из темноты рука сделала приглашающий жест.

Я взял в руку стакан.

— Компанию не составите?

— Простите, не могу, Петр Леонидович. Здоровье не позволяет.

— Ну, тогда за ваше здоровье!

Я сделал глоток. Ничего, вполне приличная водка. Сделал еще глоток. Поставил недопитый стакан на табурет. Наколол на вилку кусочек селедки и отправил его в рот.

Выпив, я почувствовал себя чуть бодрее. Ничего хорошего от этой встречи я, понятное дело, не ждал. Хотя, с другой стороны, если бы меня хотели убить, тогда зачем водкой поить? Или же это такой особо изощренный способ глумления?…

А, черт с ними!

Поскольку хозяин не проявлял никаких признаков жизни, я хлопнул в ладоши.

— Ну так о чем мы?

Носок левой ноги таинственного незнакомца едва заметно качнулся.

— Видите ли, Петр Леонидович, вопрос, который мы хотим с вами обсудить, настолько деликатный… что я даже не знаю, с чего начать.

— Может быть, для начала представитесь? — предложил я.

— Называйте меня Ахавом.

— Ахав, значит, — насмешливо кивнул я. Тоже мне, знатоки классики! — Я прежде знал человека, который просил называть его Исмаилом. Он плохо кончил.

— Я постараюсь не повторять его ошибок, — ответил Ахав.

— Хорошо, поверю вам на слово, — не стал спорить я. И дабы сменить тему, спросил: — Вы экотеррорист?

— Нет.

— В ресторане «Острова Длинного Ганса» на меня напали ваши люди?

— Нет.

— А сегодня? Пурпурная «тойота»?

— Да, это были мы.

— Вашей целью был я или полковник Ворный?

— Мы хотели встретиться с вами наедине.

— Я имел в виду, в кого вы стреляли?

— Вы полагаете, стреляя с трех метров из автомата по неподвижно стоящим людям, можно промахнуться?

— Я не знаток оружия.

— Тогда посмотрите сюда.

Рука, появившаяся из темноты, указала влево.

Там, куда она указывала, возникло яркое пятно, в считанные секунды растянувшееся в стороны и превратившееся в квадратный экран, размером примерно метр на метр. Но это был

не телевизионный дисплей и не экран для демонстрации фильма с кинопроектора. Казалось, изображение висит в воздухе. К тому же, подчиняясь едва заметным движениям пальцев Ахава, оно легко меняло ракурс, и не скачком, как если бы происходило переключение на другую камеру, а плавно, будто камера летала в воздухе, выписывая самые невероятные пируэты.

Сначала я увидел набережную с черной чугунной изгородью, тянущейся вдоль берега реки. Серый асфальт, аккуратно подстриженные кусты. А вот и мы с майором Ворным стоим и разговариваем. Звука не было, но я знал, что в этот самый момент Владимир Леонидович убеждал меня в том, что беспокоиться мне совершенно не о чем. Убедил!

Камера скользнула в сторону и развернулась вокруг вертикальной оси. Я увидел, как опускается тонированное стекло задней дверцы пурпурной «тойоты». В темном проеме появляется ствол автомата, и на конце его начинают лопаться огненные вспышки.

В этот момент изображение остановилось, и камера вновь развернулась на нас с Ворным. Смешно втянув голову в плечи, майор пытался повалить меня на землю.

— Смотрите внимательно, Петр Леонидович. Изображение начало неспешно двигаться.

Я медленно, выставив перед собой руки, падал на землю. Майор Ворный чуть быстрее тянул из кобуры пистолет.

— Видите?

— Что?

— Следы от пуль. Я присмотрелся.

— Нет.

— Потому что пуль не было.

Картинка снова переключилась в режим реального времени.

Камера поймала в объектив уносящуюся прочь «тойоту».

Выкативший на полной скорости из переулка черный «додж» бьет «тойоту» в бок. «Тойота» перелетает через тротуар, проламывает ограждение и падает в реку.

Ахав щелкнул пальцами, и изображение исчезло.

— Это был отвлекающий маневр.

— В машине сидели камикадзе?

— Нет. В тот момент, когда машина упала в воду, в ней уже никого не было.

— Уже?… Что значит «уже»?…

— Видите ли, Петр Леонидович, в будущем люди научатся перемещаться во времени.

— В будущем?

— Да.

— Но не сейчас?

— Конечно, нет.

— Что ж, это все объясняет!

Я взял стакан, залпом допил остававшуюся в нем водку и закусил зубчиком чеснока.

— Не ерничайте, Петр Леонидович. Я говорю серьезно.

— Простите, не понял.

— За несколько секунд до того, как «додж» протаранил «тойоту», находившиеся в ней люди переместились на двенадцать часов назад. И спокойно покинули место будущего происшествия.

— То есть вы заранее знали, что именно так все и произойдет?

— Это была уже не первая попытка.

— Серьезно? Почему же я ничего не помню?

— Потому что с вами это случилось впервые… Полагаю, вам трудно в это поверить, Петр Леонидович, но мы прибыли из будущего.

— Для того чтобы нацепить мне на голову мешок, затащить в какой-то темный ангар и там угостить водкой?

— Кстати, — я снова увидел открытую ладонь Ахава, обращенную ко мне. — Хотите еще водки?

— Нет.

— Чудесно.

— Что хорошего в том, что я не хочу водки?

— Это просто такой оборот речи. Хотя количество алкоголя, которое вы уже употребили сегодня, значительно превышает…

— Давайте не будем об этом, — я недовольно поморщился. — Вы не моя мама и не моя жена. Вы вообще из будущего! Какое вам дело, когда и сколько я пью?

— Дело в том, Петр Леонидович…

— Из какого вы года?

— Нас с вами разделяют столетия.

— Да ну?… А инопланетяне прилетели?

— Мы и есть те самые инопланетяне…

— Вы захватили Землю?

— Петр Леонидович, вы не позволяете мне закончить!

Я сложил ладони вместе, а затем медленно развел их в стороны, давая понять, что теперь буду молчать и слушать.

— Пришельцами оказались наши далекие потомки, вернувшиеся из будущего.

— Разве в будущем все так плохо?

— Будущее поливариантно.

— Кто же этого не знает! — развел я руками.

— И как ни странно, Петр Леонидович, именно от вас

зависит, захочется ли нашим и вашим потомкам бежать из своего будущего в прошлое.

— От меня? — на всякий случай, чтобы не вышло ошибки или непонимания, я еще и пальцем ткнул себя в грудь.

— Именно от вас, — подтвердил Ахав.

Я поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. Кашлянув в кулак, прочистил горло. Сложил руки на коленях.

— Будьте предельно внимательны.

— Я весь внимание.

— Будущее зависит от того, станет ли Россия частью единого информационного пространства. А это, в свою очередь, зависит именно от вас, от ваших действий сегодня и в ближайшие дни.

Я почесал ногтем кончик носа.

— Я как-то не думал…

Не закончив фразу — потому что не знал, что сказать, — я сделал эдакий весьма многозначительный и неопределенный жест. Жест сей ровным счетом ничего не означал, но Ахаву, наверное, будет интересно подумать над его смысловым наполнением.

— Петр Леонидович, разве вы сами не видите, какие интриги плетутся вокруг вас? Во время прежних ваших визитов в Москву с вами случалось нечто подобное?

— Вы имеете в виду перестрелку в ресторане?

— И это тоже.

— Так значит, она была на самом деле?

Рука Ахава, появившаяся из темноты, повторила мой недавний жест.

— И ради чего все это? — спросил я.

— Вас пытаются вынудить отказаться от поездки в Облонск.

— А я должен туда ехать?

— Непременно.

— Зачем?

— Именно среди реликтовых Облонских болот поднимутся первые в России информационные башни. Созданное ими информационное поле окажется достаточно сильным для того, чтобы они смогли защитить себя, когда их обнаружат. После этого прогресс уже невозможно будет остановить.

— Но при чем тут я?

— Вы разве сами еще не поняли? Прежде чем ответить, я задумался.

Определенно, у меня не было никаких мыслей по этому поводу. Видимо, Ахав и сам это понял.

— Вы сами, Петр Леонидович, создаете поле, необходимое спорам для того, чтобы пробудиться и начать рост. Такова уж

особенность вашего организма.

— То есть я должен непременно поехать в Облонск, чтобы пробудить спящие там споры?

— Именно так, — подтвердил Ахав.

Я удивленно посмотрел на свои ладони. Говорят, некоторые особо одаренные люди могут видеть свое биополе. Я ничего не видел. Хотя, конечно, источник силы, о которой толковал Ахав, мог оказаться не в ладонях, а в какой-то другой части тела или органе. Например, в печени. Точно — в печени! Поэтому-то Ахава так беспокоит мое пристрастие к выпивке!

Меня охватило некое странное волнение. А может быть, беспокойство. Мне вдруг стало казаться, что я чувствую время. Не так, как ощущаем мы его обычно, мысленно отсчитывая секунды, часы и дни, а физически. Будто песок, утекающий между пальцев — избитое, но очень верное сравнение.

— И что я должен сделать в Облонске?

— Ничего.

— Как это — ничего? — мне показалось, что я ослышался. — Сначала вы говорите, что от меня зависит будущее, потом заявляете, что мне ничего не нужно делать!

— Все произойдет само собой, — заверил меня Ахав.

— Но мне необходимо убедиться, что все в порядке. Иначе я потом всю жизнь буду думать — получилось или нет?

— Не беспокойтесь, если что-то пойдет не так, мы вернемся и все повторим.

— Только я об этом не узнаю.

— Увы.

Мне вдруг пришла в голову другая мысль.

— Вокруг полно психов, желающих убить меня. Один даже обещал отравить меня грибами по дороге в Облонск. Скажите, Ахав, я вернусь домой?

— Непременно.

— Живым?

— Живым и здоровым, Петр Леонидович.

— Обещаете.

— Конечно.

— Ну да, — усмехнулся я. — «Если что-то пойдет не так, мы вернемся и все повторим».

— А вот тут, Петр Леонидович, вы ошибаетесь! — Ахав поднял указательный палец. — Мы можем повторять одно и то же действие бесконечное число раз. Но лишь до тех пор, пока все его участники живы. Если вы вдруг умрете, то это уже навсегда, — руки Ахава с раскрытыми ладонями разошлись в стороны. — Извините.

— Так значит, шанс умереть у меня все же имеется?

— У нас у всех есть такой шанс.

Что ж, следует отдать Ахаву должное, ответ он дал неоднозначный, требующий глубокого философского осмысления. При этом уклончивым его не назовешь — Ахав был предельно честен.

Странная, вообще-то, получилась беседа. Минимум информации, парочка ценных указаний и вместо «будьте здоровы» в конце далеко не оптимистичный прогноз на будущее. На мое личное будущее. Которое, честно говоря, интересовало меня не меньше, чем будущее всего мира. Уже хотя бы потому, что я не мог представить грядущее без себя любимого. А ежели так, выходит, нет меня — нет и будущего.

Впрочем, все это глупый солипсизм, который Ахав и ему подобные энтузиасты-альтруисты, ощущающие будущее, как свой собственный геморрой, скорее всего, в расчет не принимали. И может, были правы.

В голове у меня все здорово перепуталось — настоящее и будущее, реальность и бред, правда и ложь.

— Мы постараемся вернуть вас в ту самую временную точку, откуда забрали. Проблема в том, что чем меньше временной отрезок, с которым приходится иметь дело, тем ниже точность попадания в нужную точку. Разброс может составлять от нескольких минут до двух часов.

— Ладно, — отчего-то мне вдруг сделалось невыносимо скучно, даже зевнуть захотелось. — Что я сейчас должен сделать?

— Сложите руки на коленях.

— Есть.

— И поплотнее закройте глаза.

— Зачем?

— Чтобы они не выпали из орбит.

— Такое случается?

— Никто не проверял, но лучше не рисковать.

— Хорошо.

Я закрыл глаза.

— Вас ждут облонские реликтовые болота.

— Что?

— Не открывайте глаза!..

* * *

Мы неспешно шли по набережной. Справа — кусты, а за ними — проезжая часть. Слева — невысокое ограждение, тянущееся

вдоль реки.

— Делай свое дело и ни о чем не беспокойся, — твердил свое майор Ворный. — Главное, таблетки принимать не забывай. Если что не так — сразу таблетку под язык. В Облонск твоя группа завтра отправляется? Ну так и лети вместе со всеми! Не волнуйся, мы за тобой присмотрим.

Чуть обогнав Владимира Леонидовича, я встал так, что и ему пришлось остановиться.

— Я знаю, — сказал я.

— Что ты знаешь? — недоумевающе поднял бровь Владимир Леонидович.

— Знаю, почему там, где я побывал, начинают расти информационные башни.

— Ну-ну, любопытно.

— Я могу генерировать поле, необходимое для активации спор.

— На тебя снизошло озарение? — лицо у майора Ворного будто из камня, так что и не поймешь, всерьез он это или насмехается.

— Я знаю это, — ответил я.

— А ты не думал о том, что те, кто регулярно посылает тебя в Россию, знают об этой твоей особенности и вовсю ею пользуются?

В ответ я только улыбнулся. Если я расскажу Владимиру Леонидовичу про Ахава, он ведь все равно не поверит.

— Ты только особенно не зацикливайся на идее собственной исключительности.

— Что? — удивленно посмотрел я на Ворного.

— Ну, это я насчет твоей силы, которая якобы споры пробуждать может. Глупость все это, Петр Леонидович. Не знаю, кто вбил тебе в голову эту мысль, но поверь мне — глупость.

— Давай проверим?

— Давай, — безразлично пожал плечами Владимир Леонидович.

— Прямо здесь?

— Нет, лучше в гостиницу вернемся.

Майор Ворный подошел к краю тротуара и махнул рукой. Из переулка выехал черный «додж» — тот самый, который в иной реальности столкнул в реку «тойоту» гостей из будущего, — игнорируя правила уличного движения, пересек встречную полосу, развернулся и остановился возле нас.

Владимир Леонидович распахнул передо мной заднюю дверцу, а сам сел впереди.

Всю дорогу мы молчали. Да и о чем говорить? К тому же за время прогулки мы не успели далеко отойти от гостиницы.

Войдя в номер, я снял пиджак, подвернул рукава рубашки, как готовящийся к выступлению престидижитатор, сходил в ванную комнату и вымыл руки.

Владимир Леонидович ждал меня в гостиной, удобно устроившись в низком кресле с широкими подлокотниками.

— С чего начнем? — натянуто улыбнулся я.

Не то чтобы я начал сомневаться в своих возможностях, которые обрисовал мне Ахав, однако демонстрация их на людях начала казаться мне довольно глупым и никчемным делом. Кому и что я хотел доказать? Да и зачем? Завтра — Облонск. Через три дня я вернусь домой. И больше никогда и ни за что сюда не приеду. В конце концов, почему я один? Должны быть и другие герои, способные спасти мир.

— Для начала прими таблетку, — посоветовал Владимир Леонидович. — А то ведь потом сам не поверишь, что это было на самом деле. И будет тебе, дружище, мучительно больно.

Я молча налил в стакан минералки, выдавил на ладонь одну из таблеток и демонстративно проглотил ее.

Владимир Леонидович улыбнулся и приглашающим жестом указал на журнальный столик, который он уже предусмотрительно освободил от всего лишнего.

Я вдруг сообразил: у нас же нет самого главного, что требуется для проведения эксперимента!

— А где взять споры? — растерянно посмотрел я на Ворного.

— Да не проблема, — Владимир Леонидович достал из внутреннего кармана пиджака небольшой пластиковый флакон-дозатор. — Тебе сколько?

— Одной, я полагаю, хватит.

— Пусть будет пять, — Владимир Леонидович взял с обеденного стола блюдце и пять раз надавил над ним на поршень дозатора. — А то вдруг какие-то уже всхожесть потеряли, — и на журнальный столик поставил.

Я смотрел на кажущееся пустым блюдце и не знал, что делать. Ахав говорил, что все должно произойти само собой. Но сколько времени нужно ждать, чтобы споры начали прорастать? В ресторане «Острова Длинного Ганса» это, помнится, произошло очень быстро, у всех на глазах.

— Ну как? — очень серьезно поинтересовался Владимир Леонидович.

Я жестом попросил его проявить терпение.

— Может быть, тебе нужно произвести какие-то пассы? — предположил майор Ворный. — Люди, утверждающие, что обладают особой энергетикой, обычно именно так поступают.

Я вглядывался в белизну блюдца, и мне казалось, я различаю

крошечные споры, внутри которых находятся сотни спящих уинов. Мысленно я умолял их проснуться. Мне почему-то вдруг пришло в голову… Нет, я почти поверил в то, что, если мне сейчас, на глазах у майора Ворного, удастся оживить споры, он непременно изменит свою точку зрения в отношении информационных нанотехнологий. В самом деле, если люди, пусть даже не все, а только некоторые, обладают способностью пробуждать к жизни споры информационных башен, значит, наша природа едина. Значит, глупо и дальше пугать себя угрозой вторжения некоего чуждого разума, решившего уничтожить жизнь на Земле. Значит, бороться с процессом распространения единого информационного пространства на территорию России бессмысленно. Рано или поздно это все равно произойдет. Потому что людей, наделенных моими способностями, будет становиться все больше…

— Может, тебе выпить стоит? — выдвинул новое предположение Владимир Леонидович. — Шаманы некоторых северных народов, чтобы войти в транс, жуют мухоморы.

— Ты мне мешаешь.

— Извини.

Владимир Леонидович сложил руки на груди и повалился в кресло. Я встал со своего места, подошел к бару, выпил стакан минеральной воды.

— Притомился? — спросил, не скрывая иронии, Ворный.

— Я только начал.

— А сколько сейчас времени?

Я подошел к стулу, на спинке которого висел пиджак, и сунул руку в специальный маленький кармашек для часов. Кармашек оказался пуст. На всякий случай я осмотрел другие карманы, даже в брючные забрался, но все было напрасно — подарок жены исчез.

— У меня пропали часы, — растерянно произнес я.

— Не эти, часом?

Ухватив двумя пальцами кончик брелока с зажимом, Владимир Леонидович вытянул из своего кармана большие круглые часы с откидной крышкой, на внутренней стороне которой, вне всякого сомнения, имелась полустершаяся гравировка «Петръ Леонидович Максинъ».

Я протянул руку за часами, но майор Ворный дернул брелок, подкинул часы вверх и, поймав, зажал их в кулаке.

— Где ты их взял? — спросил я, испытывая самые нехорошие подозрения.

— Не взял, а изъял, — уточнил Владимир Леонидович. — У одного из активистов «Зеленого мира», известного под прозвищем

Исмаил. Тебе это имя ни о чем не говорит?

— Я видел, как Исмаила убили твои ребята.

— Ну, значит, это был не тот Исмаил. Тот, которого мы взяли, утверждал, что ты подарил ему часы.

— Он солгал.

— Я так и подумал. Но знаешь, Петр Леонидович… — майор Ворный вытянул шею, будто хотел заглянуть мне за спину. — Как там твои споры?

Я оглянулся. Блюдце оставалось пустым. Ни малейшего намека на рост.

— А хочешь, я тебе фокус покажу? — Владимир Леонидович резво поднялся на ноги и подошел к столу. — Следи внимательно, — хитро посмотрел он на меня.

После чего поднес к блюдцу часы и нажал кнопку. Коротко и мелодично пропела пружинка, и крышка отскочила в сторону. Майор Ворный взглянул на циферблат:

— Восемнадцать двадцать пять. И захлопнул крышку.

Я непонимающе смотрел на Владимира Леонидовича и ждал продолжения.

— Не на меня смотри, — Ворный указал пальцем на блюдце.

На белом фарфоре будто из ничего возникли три крошечные серебристые капельки, похожие на ртуть.

— Три из пяти, — прокомментировал Ворный. — Неплохо.

Они на глазах увеличивались в размерах, расползались в стороны и тянулись вверх. Коснувшись друг друга краями, они слились в единое целое, площадь основания которого уже занимала половину чайного блюдца. То в одном месте этого странного серебристого тела, то в другом вздувались и тут же опадали похожие на пузыри округлые выросты. А вершина маленькой информационной башни упрямо тянулась вверх.

— Ну как, впечатляет? — краем глаза посмотрел на меня Владимир Леонидович.

Я не знал, что ответить.

— Все, хватит.

Майор Ворный достал из кармана небольшой баллончик с распылителем, снял крышку и надавил большим пальцем на головку. Испаряющаяся на лету струя жидкого азота обдала только что появившуюся на свет информационную башенку. И она застыла, схваченная смертельным холодом. Она уже не казалась живой. Она походила на кучку слипшегося пепла.

Владимир Леонидович щелкнул ногтем по трупику информационной башни, и она рассыпалась в прах.

— Что все это значит? — спросил я.

— То, что споры информационных башен действительно

активируются и начинают прорастать в твоем присутствии. Вот только реагируют они не на тебя, дружище, а на миниатюрный импульсный источник информационного поля, встроенный в твои замечательные часы, — майор Ворный положил часы рядом с блюдцем, — и срабатывающий всякий раз, как ты открываешь их, чтобы посмотреть время. Так что тот, кто подкинул тебе идею о твоей исключительности, в чем-то был прав.

Я медленно протянул руку, взял часы со стола и нажал кнопку. Скрытая пружинка откинула крышку с надписью «Петръ Леонидович Максинъ» на внутренней стороне.

— Теперь мы знаем, что искать у гостей, за которыми так же, как за тобой, тянется шлейф проросших спор, — закончил свою мысль Владимир Леонидович. — И, как ни смешно, благодарить за это следует Исмаила, который зачем-то стащил у тебя часы… Кстати, наши специалисты полагают, что именно с присутствием источника информационного поля связаны и твои кошмары.

Я почти не слушал Ворного. Я думал о своем. И чем больше думал, тем меньше мне нравились выводы, к которым подводили меня раздумья.

— Это очень старые часы.

— На вид, да. Но на самом деле этой подделке не более семи лет. Хотя, надо заметить, выполнена она искусно. Вряд ли такую вещицу смог сделать кто-то у вас в закордонье. Будем искать местных мастеров.

— Часы подарила мне Настя. Моя жена… Вернее, сейчас она моя жена, а тогда мы только начали встречаться… Она купила их в антикварном магазине, потому что ее удивила гравировка с моим именем.

— Сколько лет этому подарку?

— Скоро будет пять. Настя подарила их мне на тридцатипятилетие.

— И ты как раз впервые собирался в Россию.

Это был уже не вопрос, поэтому и отвечать на него я не стал.

— Хочешь, повторим эксперимент? — предложил Владимир Леонидович.

Я отрицательно качнул головой.

Глядя на циферблат с большими римскими цифрами, я пальцем медленно очертил их. Я не знал, не мог понять, что мне делать? То ли взять стоявшую рядом тяжелую пепельницу из небьющегося стекла и расколотить ею часы? То ли врезать по морде майору Ворному? А может быть, тихо и спокойно сунуть часы Владимиру Леонидовичу в нагрудный карман и уйти?

Владимир Леонидович будто прочитал мои мысли.

Он поставил на стол два высоких стакана и в каждый налил

водки примерно на четыре пальца.

— Накатим, Петр Леонидович, — поднял он свой стакан. — За взаимопонимание.

Не глядя на Ворного, я взял свой стакан. Мы чокнулись и выпили.

Владимир Леонидович подошел ко мне сзади и положил руку на плечо.

— И это еще не самая пакостная новость, которую я должен тебе сообщить, дружище.

— Надо же, — криво усмехнулся я. — Что же еще?

Люди, которым я верил, использовали меня цинично и подло, как козла-провокатора, ведущего ничего не подозревающий скот на бойню. Что может быть хуже этого?

И что самое обидное, если бы в свое время мне объяснили суть моей тайной миссии, я бы и отказываться не стал. Я был истым сторонником идеи и верил в то, что, ежели русские по глупости своей не желают присоединяться к единому информационному пространству, их нужно тащить туда за шиворот, потом сами спасибо скажут. Теперь же я вдруг понял, нет, не понял даже, а всем своим нутром почувствовал, насколько это мерзко, когда за тебя принимают решения, ставят тебя перед свершившимся фактом, да еще и ждут при этом благодарности.

Руки чесались. Мне просто необходимо было что-нибудь сломать или разбить… Я схватил со стола стакан, залпом допил остававшуюся водку и запустил в стену.

Звон сыплющихся на пол осколков на миг вернул мне самообладание и способность думать. Но мысль, которая в этот миг пришла мне в голову, была отвратительна.

Я догадался, что хотел сказать мне Ворный.

Часы подарила мне Настя.

Выходит, во всей этой истории у нее была своя роль.

Она была хозяйкой козла-провокатора.

— Закуси, — Владимир Леонидович протянул мне розетку с солеными орешками.

Я зацепил щепоть орешков и кинул в рот.

Орехи показались мне до отвращения безвкусными. Настолько, что захотелось запить их водкой. Но Владимир Леонидович больше мне не наливал. Потому что я расколотил свой стакан?

— Мы через свою службу проверили твою жену, Петр Леонидович.

— Настю? — уточнил я.

Как будто у меня еще и другая была.

— Настю, — подтвердил Ворный. — Так вот, мы не нашли на

нее никаких данных. Понимаешь? Вообще никаких.

— Не понимаю, — покачал головой я.

— Такого человека не существует. Я саркастически усмехнулся.

— Мы живем вместе не один год. Я вижу ее каждый день… За исключением тех, что провожу в командировках.

— И что ты знаешь о ней?

— Все.

— Ее полное имя?

— Анастасия Викторовна Лунина.

— Сколько ей лет?

— Тридцать четыре. Она на пять лет моложе меня.

— Кто ее родители?

— Отец — врач-педиатр, мать преподает литературу в младших классах.

— Ты встречался с ними?

— Нет.

— Почему?

— Они живут где-то на Аляске.

— Это не причина для того, чтобы не встречаться с родителями.

— Это не мои родители.

— А Настя не говорила, почему она не хочет видеться с папой и мамой? Может быть, они в ссоре?

— Нет… Не знаю.

— Ладно, — Владимир Леонидович обошел стол и сел в кресло. — Ты никогда не предлагал Насте съездить вместе в Россию?

— Предлагал.

— И что?

— Она отказалась.

— У нее много дел?

— Нет, она просто не хочет сюда ехать.

— А чем она вообще занимается?

— Она дизайнер. Разрабатывает новые модели оформления жилых помещений.

— Она работает дома?

— Да.

— А ее коллеги к вам заходят?

— Нет.

— Какая у нее любимая еда?

Казалось бы, простой вопрос майора Ворного поставил меня в тупик.

— Не знаю… Обычно она меня спрашивает, что бы я хотел на

обед или на ужин.

— Где вы познакомились?

— На концерте.

— Джаз?

— Классика. Скрипичный концерт.

— Кто выступал?

— Нанореплика Иегуди Менухина, — мне надоело отвечать на казавшиеся совершенно бессмысленными вопросы Ворного. Я чувствовал нарастающее раздражение и злость. — К чему вообще этот допрос?

Владимир Леонидович пригубил водку.

— Имени Анастасии Викторовны Луниной нет ни в одной из проверенных нами баз данных. Не зарегистрировано ее рождение. У нее нет родственников даже на Аляске. Она никогда не ходила в школу. Не получала какого-либо специального образования. Никогда не обращалась за помощью к врачу. Не делала крупных покупок. Даже билет на тот концерт, где вы встретились, она не покупала. Женщины по имени Анастасия Викторовна Лунина не существует.

Ворный снова глотнул водки.

— Похоже, ты живешь с нанорепликой. Такой же, как Иегуди Менухин, на концерте которого вы познакомились.

— Ты просто не понимаешь, о чем говоришь, — я наклонился и прижал пальцы к вискам.

— Почему же. Вы там у себя в закордонье давно уже начали воскрешать мертвецов, создавая их нанореплики. В Диккенсленде я сам видел нанореплику Чарлза Диккенса. Выглядит, как живой.

— Нанореплики великих людей всего лишь воспроизводят внешнее сходство с оригиналом и некоторые способности, которыми они обладали при жизни. Нанореплика Менухина может с точностью до ноты воспроизвести любое из произведений, исполненных великим скрипачом при жизни. Нанореплика Пикассо с точностью до штриха воспроизведет любую из существующих картин великого художника. Но это только копии оригиналов, не способные к самостоятельному творчеству. Нанореплика Диккенса не сможет написать ни единой строчки, которой нет в произведениях ее прототипа. Они не могут создать ничего принципиально нового, потому что действуют в строгом соответствии с заложенной в них программой. Можно сказать, что это роботы, созданные из плоти и крови.

— И почти ничем не отличающиеся от живых людей, — добавил Ворный. — Единственный их недостаток: они не могут существовать вне информационного поля, которое не только заставляет миллиарды уинов сохранять форму тел нанореплик,

но и руководит всеми их действиями.

— Да, это так, — кивнул я.

— Ну? — пристально посмотрел на меня Владимир Леонидович.

— Нет, — скорее, не протестующе, а испуганно затряс головой я. — Нет! — Я не хотел, не мог согласиться с той мыслью, к которой подвел меня майор Ворный. — Настя — живой человек!

— Она жива ровно настолько, насколько ты готов в это поверить.

— Нанореплики не способны принимать самостоятельные решения. Они лишены индивидуальности.

— А что, если кто-то просто хочет убедить нас в этом? Чтобы усыпить нашу бдительность. Для того и выставляются напоказ нанореплики известных людей, похожие на заводные куклы. А тем временем безукоризненно выполненные нанотвари постепенно заменяют живых людей.

— Не называй мою жену тварью, — не очень убедительно и совсем не агрессивно попросил я.

— Так ты согласен с тем, что она не человек?

— Нет.

Майор Ворный внезапно расслабился и будто оплыл в кресле. Даже лицо его утратило обычно присущую ему резкость черт.

— А ведь еще немного и будет поздно, — тихо произнес он.

— Что?

Я только делал вид, что мне непонятно, о чем говорит майор Ворный. На самом деле, я все давно уже уяснил.

— Нас хотят выжить с этой планеты, Петр Леонидович.

— Кто?

— Да какая разница! Главное, что мы… То есть вы, закордонники, даже не хотите сопротивляться. Вам наплевать на все, кроме собственного комфорта и удовольствия. Ты ведь и сам занимаешься проблемами экологии только потому, что это греет твое эго. Фактически, вас купили с потрохами за вкусную еду, бытовые удобства и гарантированное здоровье. Точно так же когда-то белые поселенцы в Америке покупали у индейцев их земли за нитки стеклянных бус и карманные зеркальца.

— И загнали их в резервации, — сказал я.

— Боюсь, в новом мире для нас даже резервации не предусмотрены, — Владимир Леонидович взял в руку бутылку. — Ну что, где твой стакан? Давай еще накатим.

И мы накатили.

* * *

В Облонск я не полетел. И в консульство звонить не стал.

На следующее утро я собрал вещи, поехал в аэропорт, купил билет на ближайший рейс и улетел домой.

В самолете я заснул и проспал до посадки.

Странно даже. Казалось бы, после всего, что произошло, я должен себе места не находить. А я спокойно спал. И видел сны. Не помню о чем, но очень приятные. Меня не тревожило мое будущее. Мне было все равно. Абсолютно. Я знал, что больше от меня ничего не зависит. И просто радовался окончанию всех кошмарных видений.

В аэропорте меня встретила Настя.

— Как ты узнала о моем возвращении? — удивился я.

— Получила сообщение информационной службы. Ну да, конечно, я же зарегистрировался на рейс.

Настя поднесла уин-перстень к указателю стоянки такси, и тотчас рядом с нами материализовался двухместный смарт-мобиль.

Мы сели в машину, Настя назвала адрес, и мы поехали.

Настя сидела слева от меня и молча смотрела вперед, на улицу, ровную, будто стрела, с нанесенной по центру прямой белой линией, с ухоженными газончиками и кустиками, тянущимися вдоль тротуаров. И огромными серебристыми информационными башнями, выглядывающими из-за домов. Странно, раньше я не обращал внимания на их количество.

Я посмотрел на профиль жены, красиво прорисовывающийся на фоне тонированного стекла.

— Как поживают твои родители? — спросил я.

— Хорошо.

Настя даже не скосила глаза в мою сторону. Хотя я не припомню, когда в последний раз мы говорили о ее родителях.

— Давай пригласим их в гости, — предложил я.

— Давай, — согласилась Настя.

— В эти выходные.

— Боюсь, в эти выходные не получится. И все. Никаких комментариев.

— Мы можем сами навестить их.

— Они не любят гостей.

— Я не знаком с твоими мамой и папой.

— Тебе мало меня одной?

Смарт-мобиль остановился возле нашего дома.

Кирпичное двухэтажное строение. Перед домом — ухоженная лужайка с цветником. Над двускатной крышей возвышается серебристый конус информационной башни, растущей на заднем дворе.

— Что ты хочешь на ужин? — спросила Настя, едва мы переступили порог.

— А что ты сама хочешь? — спросил я.

— Мне все равно. Я буду то же, что и ты. Тишина.

Как будто все умерли в доме.

Я тихо открыл двери и вошел в комнату жены.

Настя неподвижно стояла перед трюмо с большим овальным зеркалом и смотрела на свое отражение.

Я подошел к ней сзади и осторожно взял за плечи. Наклонился и поцеловал в шею. Она пахла, как моя жена. Как настоящая женщина.

— Я возвращаюсь в Москву, — тихо произнес я.

— Когда? — спросила Настя.

— Скоро… Может быть, завтра.

— Хорошо, я закажу тебе вещи.

В прежние времена жена сказала бы мужу: «Я соберу твои вещи». Я повернул Настю к себе лицом. Мои ладони скользнули по ее рукам. Пальцы сомкнулись на запястьях.

— Я хочу, чтобы ты полетела со мной.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— А если я тебя очень попрошу?

Настя улыбнулась и приложила свой пальчик к кончику моего носа.

— Нет!

— Почему? — настойчиво повторил я.

— Петенька, дорогой, ну что ты, как маленький, — Настя недовольно наморщила носик. — Ты ездишь в Россию по работе, а мне что там делать? Там же нет информационного поля. А значит, нет элементарных удобств, к которым я привыкла.

— Хорошо.

Я заранее, еще до самолета, продумал все свои действия, в том числе и на тот случай, если Настя откажется от предложения посетить Москву. Поэтому я не торопился, а делал все обстоятельно.

Я снял пиджак и по локоть закатал рукава рубашки. Подошел к столику-контроллеру — точно такие же, стеклянные, круглые, на высокой витой ножке, имелись в каждом доме — и приложил уин-перстень к встроенной в стеклянную поверхность ячейке дозатора. В глубине стекла загорелись бледно-голубые цифры, показывающие состояние моего уин-счета.

— Большой пожарный топор, — громко и отчетливо произнес я. А на всякий случай еще и представил то, что хотел получить.

По краю стеклянного круга пробежал зеленый огонек, означавший, что заказ принят и оплата произведена.

— Зачем тебе топор, Петя? — спросила Настя.

Я посмотрел на жену. На ее лице не было и тени тревоги. Она просто не понимала, зачем мне понадобилась эта вещь. Ну что ж…

— Хочу навести порядок на заднем дворе.

Рядом со столиком материализовался топор. Точно такой, как я хотел. С длинным красным топорищем, с широким сверкающим лезвием и тяжелым металлическим штырем на обухе. Топор неподвижно висел в воздухе, как будто закона гравитации для него не существовало.

Я ловко ухватил топор за рукоятку, улыбнулся довольно и, как бывалый лесоруб, положил на плечо.

— Ты не сказал, что заказать на ужин, — напомнила жена.

— Закажи что-нибудь на свой вкус, — ответил я и направился к двери, ведущей на задний двор.

— Милый, я буду есть то же, что и ты.

— Ну, значит, сегодня мы останемся голодными, — сказал я и распахнул дверь.

Солнце уже почти закатилось. Лужайку, бассейн и информационную башню на заднем дворе освещали летающие фонари. Парившие в разных концах двора, они собрались надо мной, едва я вышел из дома.

Трава на газоне казалась аккуратно подстриженной. Но на самом деле она просто не росла выше или ниже установленной нормы. Она вообще не росла. Потому что была ненастоящая.

Я подошел к основанию информационной башни, возносящейся метров на десять над землей. Верхушка ее вытягивалась в тонкую спицу, а внизу, чтобы обхватить ее, за руки должны были взяться пять человек. Я провел пальцами по ее теплой, чуть шероховатой поверхности, блестящей так, будто она была облита расплавленным свинцом.

Отступив на шаг назад, я перехватил топорище обеими руками, размахнулся как следует и наполовину вогнал острое лезвие в тело информационной башни.

— Петя! — вскрикнула вышедшая следом за мной на двор Настя. — Что ты делаешь!

Я выдернул лезвие топора.

Глубокий шрам на теле башни на глазах начал затягиваться. Не дожидаясь, когда он исчезнет, я снова размахнулся и ударил в то же место.

Еще раз! Еще!..

— Петя!

Подбежав сзади, Настя схватила меня за руку.

Нет, дорогая, теперь меня уже не остановить!

Дернув плечом, я освободил руку и нанес новый удар в основание башни.

Настя снова попыталась меня остановить, но я оттолкнул ее так, что она упала на траву.

— Ты совсем спятил в этой своей России! — закричала она, приподнявшись.

— Может быть, — быстро глянул на нее я. — Но ты знаешь, мне это нравится.

И еще раз махнул топором.

Башня пыталась сопротивляться, но рана на ее теле с каждым ударом становилась длиннее и глубже. На ее стороне были миллиарды работящих нанороботов, на моей — то, что материал, который я кромсал, был пластичным и мягким, а топор — тяжелым и острым. Я понимал, что работа мне предстоит нелегкая. Но я был готов потрудиться на совесть.

— Зачем ты это делаешь? — тихо произнесла у меня за спиной Настя.

— Хочу узнать, кто ты на самом деле, — ответил я, не оборачиваясь.

— Тогда просто оглянись.

— Нет. Здесь я не могу быть уверен в том, что это действительно ты. Здесь все ненастоящее. Здесь меня все время пытаются обмануть.

— Это глупо.

— Возможно… Но мне это нравится!

Чего я не мог понять, так это почему никто, кроме Насти, не пытается меня остановить? Почему не исчезнет топор в моих руках? Почему мириады уинов, заполонившие мой организм, не начнут пожирать меня изнутри? Может быть, тот, кто всем этим заправляет, пока еще не понял сути происходящего? Или же он просто не воспринимал меня всерьез? Кто я для него? Муравей, пытающийся укусить за ногу наступившего на него слона!

Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Я ненадолго прервался, чтобы смахнуть пот со лба, и снова принялся за работу.

Наконец-то я делал то, что хотел.

Как же мне это нравилось!

Кен Маклеод
СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Всякий раз, когда ты говоришь, что нас сюда привело провидение, — заметил Касим, — я слышу совсем другое: «не повезло», «мы тут ни при чем».

Преподобный Дональд Макинтайр, доктор философии, магистр искусств и педагог, отставил банку с пивом и кивнул.

— Иногда что-то в этом роде действительно чувствуется, — признал он. — Конечно, тебе легко говорить…

— Всем легко! — фыркнул Касим. — Даже у мусульманина здесь возникло бы меньше трудностей, не говоря уже о буддисте или индуисте.

— Ну да, — согласился Дональд. — Но что действительно удручает, так это миллионы христиан, которые считают все происходящее вполне естественным. Приверженцы англиканства. Свободомыслящие. Католики. Даже, насколько мне известно, мормоны. И мои собратья в… э-э… более скромных конфессиях вполне способны привести с дюжину вполне логичных

объяснений, особенно перед завтраком, причем все до единого еретические, знай они только об этом… чего, на самом деле они не знают, благослови Господь их маленькие ограниченные умишки, поэтому все их промахи прощены с учетом их поразительного невежества. Следовательно, именно мне выпало бороться с ними. Вот я и считаю, что все случившееся со мной — перст провидения.

— Но я так и не понял, чем ты отличаешься от остальных христиан. Дональд тяжело вздохнул.

— Вопрос сложный. Скажем так: вот тебя, например, воспитывали в неверии к высшим силам, но ты, думаю, имеешь достаточно определенное мнение о боге, в которого не веришь. Я прав?

— Разумеется. Аллах всегда был… — Касим пожал плечами, — частью общего фона. Чем-то неопределенным.

— Совершенно верно. И что ты ощутил, впервые узнав, что христиане верят в Сына Божьего?

— О, это давняя история, — протянул Касим. — Мне было лет восемь-девять. Учился в школе Киркука. Один из одноклассников рассказал мне, когда… извини за подробности, во время драки. Детали я опускаю. Достаточно сказать, что я был крайне шокирован. Открытие показалось мне нелепым и оскорбительным. Как я потом смеялся над собой!

— И мне впору посмеяться над собой, — заметил Дональд. — Но я испытываю то же, что испытывал тогда ты… Выслушав предположение, что Сын не был единственным, что Он принимал другие формы и так далее. Язык не поворачивается произносить подобные вещи. Буквально в дрожь бросает. И я не могу смириться с тем, что Он имеет власть и смысл исключительно на Земле. Как же быть с разумными существами, которые не являются людьми и одновременно вполне могут быть грешниками?

— Возможно, они оставлены за бортом, — предположил Касим. — Как и большинство людей, если я хорошо понял твои доктрины.

Дональд мучительно поморщился.

— Там говорится вовсе не это, и в любом случае подобный вопрос решать не мне. Я сбит с толку.

Откинувшись на спинку стула, он мрачно уставился сначала на пустую банку, потом в веселые сочувствующие глаза приятеля-зубоскала, которому, как оказалось, он мог открыть куда больше, чем верующим на станции.

Касим встал.

— Ну, что еще можно сказать? Слава богу, я атеист. Он часто

повторял эту фразу.

— Бог и Буш, — саркастически бросил Дональд, тоже не впервые. Взваливать на покойного экс-президента многолетнюю череду непредсказуемых событий, в результате чего Иран оказался в Европейском Сообществе, а Ирак — частью Китая, возможно, было бы несправедливо, но все же лучше во всем винить Буша, чем Господа.

— Бог и Буш. Что будешь пить, Дональд?

— Дай-ка баночку экспортного.

— Это широкое понятие. Выражайся точнее. Здесь все экспортное.

— Включая нас, — согласился Дональд, обретавшийся на станции триста семнадцать дней. — В таком случае, «Теннент». И капельку виски, если не возражаешь. Какое найдется.

Пока Касим проталкивался сквозь толпу к стойке бара, Дональд сообразил, что друг, полковник-курд, как и он сам, даже здесь выполняет свою работу. О выходных и речи быть не может. Капеллан и офицер разведки могут расслабляться, переодевшись в одинаковые оливковые футболки и легкие штаны, но от привычки и бдительности не так легко отказаться. Полковник-курд до сих пор называл свою службу «мухабарат».[7]

Вернулся Касим с зельем кратковременного исцеления и одновременно пролонгированного отравляющего действия. И с тем, что могло бы стать более надежным средством для поднятия настроения: жалобами на собственные проблемы. Проблемы, которые, как понял Дональд, выслушав приятеля, все больше и больше напоминали его собственные.

— Как, спрашивается, я должен объяснить, что подземный микоид, сидящий на глубине ста метров, который общается с нами химическим языком, поставляет нам ложную информацию? И что управляющая система, созданная инопланетным искусственным интеллектом — нечто вроде троянского коня? Брюссель по-прежнему ожидает досье на каждого, хотя мы даже не знаем, с каким количеством субъектов имеем дело. Черт бы все это побрал, Дональд, прости мой английский, но это лишь одна из бесчисленных бед, потому что тех, кто возвращается сюда с предполагаемых родных планет, одолевают самые идиотские видения, — пожаловался Касим и, вскинув черные брови, добавил: — Может, мне не следовало все это выкладывать…

— О видениях я слышал, — со вздохом кивнул Дональд. — Люди пытаются мне исповедаться.

— На исповедь полагаться нельзя, — постановил Касим, глядя в сторону. — Но, так или иначе, я бы сам хотел признаться, что станция внеземного контакта утратила свое истинное

значение. Мы применяем теории вне зависимости от их контекста.

— А вот это, — с некоторой горечью ответствовал Дональд, — именно то утверждение, которому я всеми силами стараюсь противиться.

Именно то утверждение, которому неизменно противилась церковь. Искушение, много лет предстающее перед верующими в самых различных формах. Едва вера умудрялась утвердиться в умах христиан после очередного испытания, как немедленно следовало новое. В мастерской Плотника было слишком много сюрпризов-палок, и удары следовали один за другим, почти без перерыва. В самом начале, прямо в Посланиях, была непререкаемо провозглашена борьба против ересей, распространяемых греческими метафизиками и римскими мистиками. Только-только успели захлопнуть книгу на Арии, как Рим рухнул. Затем началось мусульманское нашествие. Раскол между Восточной и Западной церквями. Христианский мир разделился на множество конфессий. За этим последовало открытие Нового Света и новое понимание масштабов и силы великих древних религий. Реформации. Критицизма библии. Дарвина. Двадцатый век принес нам расширяющуюся Вселенную, гены и подсознательное: какими странными кажутся сейчас споры из-за всего этого. Генная инженерия, искусственный интеллект — за свою жизнь Дональд наблюдал синоды, ассамблеи и курии, на которых обсуждались все эти темы и даже достигалось некое согласие христиан, неприемлемое разве что для фундаменталистских групп.

А уж потом, когда пыль улеглась, возникла предсказуемая, как планета, непредсказуемая, как комета, еще одна сфера в великом божьем планетарии образования, а может, бомба в арсенале пакостей врага — величайшее испытание, не имеющее сравнения с предыдущими: внеземная разумная жизнь. Впрочем, нечто подобное давно уже ожидалось. Схоласты сомневались в существовании множества миров. Приверженец англиканской церкви К. С. Льюис считал это научной фантастикой, агностик Блиш относился к теории с буквально иезуитским коварством. Христианская поэтесса Эллис Мейнелл размышляла о возможности появления внеземного евангелия, безбожный пустомеля Макдайармид пел гимны во славу Христа Бесчисленного. В дискуссиях о новом великом открытии все эти литературные прецеденты вновь вытаскивались на свет и подробно разбирались. Это доводило Дональда до белого каления. Пусть оппоненты были исполнены самых добрых намерений, благочестивы и либо искренни в своих поисках, либо

скептичны и ироничны, но все их доводы были сплошным издевательством. Существовало всего лишь одно Воплощение, одна великая жертва. Если Реформация что-то значила, то значила именно это. Пусть Дональд показался бы предкам омерзительно гибким и сговорчивым во многих, слишком многих отношениях, но его, как и их, невозможно было сдвинуть с камня, именуемого верой. В вопросах теологической научной фантастики он предпочитал честное предупреждение безбожника-гуманиста Харрисона: «Не говорите об этом в Гате, не излагайте на улицах Ашкелона»…[8]

После очередной порции выпивки Дональд покинул бар и отправился к себе. Топология коридора была такой же фантастической, как и все на станции внеземного контакта. Да и вряд ли могло быть иным космическое обиталище людей, припаркованное к выстроенному инопланетянами лабиринту-червоточине. Вращение станции не смещало входов в червоточину: они оставались прикрепленными к одним и тем же точкам на внешней стороне корпуса. В качестве побочного эффекта выгнутая кривая коридора выглядела выпуклой. В ближайших отрезках коротких боковых коридоров трудились ночные смены ученых и инженеров. На дальних концах толстые стеклянные пластины со встроенными воздушными шлюзами открывали вид на планетарные поверхности и подземные миры, океанские глубины, интерьеры обиталища, слои тропосферы, интерфейсы виртуальной реальности и пустыни со сценическими задниками в виде звездных полей. Предполагалось, что за ними существуют невидимые обитатели соседнего вакуума. Еще более тревожила мысль, что среди звезд происходит какой-то масштабный процесс. Количество порталов было невозможно учесть. В пределах видимости наблюдалось не более пяти сотен, но общий итог менялся с каждым очередным подсчетом. Поскольку станция была спроектирована и выстроена в расчете ровно на три сотни взаимосвязанных туннелей, подобное непостоянство вызывало ощущение неловкости. И то, что структура самой станции каким-то образом вызвала снаружи невероятную путаницу пространства-времени, было признанным фактом. Недаром она получила название станция Этсетера.[9]

Конечно, подобные выражения старательно удалялись цензурой из посланий домой. Станция считалась военным аванпостом Евросоюза, и на Земле о ней не было известно почти ничего, только местоположение: где-то за орбитой Нептуна. Дональд Макинтайр, служивший в армии второй год в качестве мобилизованного капеллана, до сих пор не пережил потрясения,

оказавшись здесь, как, впрочем, и прихожане, обнаружившие его присутствие. Назначение сюда Дональда было совершенной случайностью, выбором из длинного списка религий, признаваемых Актом Веротерпимости ЕС, тем самым, который запретил сайентологию, Униатскую церковь, вахабитскую секту и в результате случайной ошибки при переводе Унитарный Универсализм. Но для священника шотландской церкви такой вещи, как случайность, просто не существовало.

Он был послан сюда с определенной целью.

— Человек в черном воображает, будто сам Бог поручил ему миссию, — заметил Касим.

— Что? — рассеянно спросила майор Бернштейн, поднимая голову от своего интерфейса.

— Вот, — коротко бросил Касим, медленно выпуская из пальцев файловую папку.

— Что это?

— Его личные заметки.

Майор нахмурилась. Она не любила Касима. И не одобряла шпионства за воинским составом.

— По-вашему, я должна это читать? — спросила она.

— Прошлой ночью в баре Дональд нес что-то бессмысленное.

— В этом случае, помоги нам Господь, — бросила майор. Касим выжидательно молчал.

— Ладно, — сказала Бернштейн.

Она пролистала заметки и вернулась к первому параграфу, подчеркнутому Касимом.

— «Худшее вначале», — прочитала она вслух. — «Неопределимые враги. Никакого связного общения (худший случай: попробовать экзорцизм?). Далее: колониальные организмы. Микоидальные. Теоретические переводы. Молекулярная грамматика. Поставить под сомнение их концепцию индивидуальности. А также ответственности. Может ли это быть установлено: рациональная натура. Падшая натура. Если они имеют моральный кодекс, почему не живут по его правилам? Любые существующие религиозные концепции? Следующее: дискретный анимализм. Здесь кроется противоположная опасность — антропоморфизм (отметить фиаско миссии доминиканского искусственного интеллекта). Вывод: использовать микоидов в качестве тестового образца, чтобы установить совпадение».

Майор недоуменно моргнула и уставилась на Касима.

— Ну и что? В чем вы видите угрозу?

— Он болтался среди команды, работающей над микоидами. Если прочтете внимательно, отыщете намерение проповедовать

им христианство.

— Ученым? — спросила майор.

— Микоидам!

— Неужели? — расхохоталась Бернштейн. Смех резко оборвался, словно разлетелось вдребезги стекло, и впечатление осталось такое же режущее.

— Если он сумеет им что-то втолковать, значит, превзойдет всех ваших ученых, — продолжила майор. — И если вы, мой чересчур ревностный мухабаратчик, не сумеете найти убедительного доказательства, что доктор Макинтайр сеет среди персонала религиозную рознь, практикует ритуалы, включающие издевательства над животными и противоестественные сексуальные акты, проповедует рыночный маоизм или новый республиканизм, либо каким-то образом помогает и содействует китайцам или янки, предупреждаю самым серьезным образом: не тратьте ни своего, ни моего времени. Я достаточно ясно выразилась?

— Абсолютно, мэм.

— Можете идти.

Многое можно было прочесть в ряду последовательной концентрации различных органических молекул. В приблизительной расшифровке это выглядело так:

Маркер индикации: ЭТОТ
Суммирование импульсов: МИКОИД
Действие: НИКАК
Маркер отрицания: НЕ
Направление импульса: ДЕЙСТВУЕТ
Маркер подтверждения: (КАК) НАМЕРЕВАЛОСЬ
Суммирование импульсов: (ЭТИМ) МИКОИДОМ
Маркер отторжения: (И ЭТО) ОТВРАЩАЕТ
Суммирование импульсов: (ЭТОГО) МИКОИДА

Дональд взглянул на распечатку и вздрогнул. Нетрудно обнаружить здесь первое доказательство того, что инопланетяне познали грех. Конечно, он вполне понимал, что все это может оказаться просто невинным понятием, вроде такого: «ничего не поделать, сейчас блевану».

Но искушение, если это было искушение, истолковать результаты распечатки, как пример духа, борющегося с плотью… ну, вернее, со слизью, было почти непреодолимым. Дональд мог считать это доказательством как совпадения, так и несовпадения.

— Мы можем каким-то образом реагировать на это?

Треппер, глава команды, работавшей над проектом микоидов, покачал головой.

— Очень сложно воспроизвести градиенты. Для нас это… послушайте, предположим, дерево понимает человеческую речь. Оно пытается отвечать, выпуская побеги, отращивая ветви так, чтобы они на ветру могли тереться друг о друга. Но все, что мы слышим — странное скрипение и потрескивание.

Деревья на ветру. Дональд смотрел мимо столов и оборудования полевой лаборатории в портал, открывавшийся на планету микоидов. Там виднелось несколько живых и множество поваленных деревьев. Микоиды предпринимали усилия, чтобы ускорить рост деревьев и ослабить их структуру, чем давали своей гигантской подземной колонии достаточно питания в виде гниющей целлюлозы. Вдали, на равнине, покрытой травой цвета меди, поднималась роща совсем иных деревьев — высоких и величественных, с конусовидными вздутиями от корней до середины стволов, от которых отходили пучки похожих на лопасти жестких листьев. На верхушках топорщились голые ветви. Это были сосны Нивена, способные синтезировать и хранить мегалитры летучих и воспламеняемых углеводородов. При каждой грозе то или иное дерево непременно возгаралось. Искра, занесенная чем-то вроде жидкой молнии-проводника, попадала в натеки какого-то вещества у его корней, дерево охватывал ревущий огонь, поднимавший его, как ракету, высоко в небо. Некоторые даже достигали орбиты и вне всякого сомнения несли с собой путешественников-микоидов. Но что делали эти липкие астронавты в космосе и была ли эта невероятная древесная ракетная техника результатом естественного отбора, сознательной генетической манипуляции со стороны микоидов или каких-то других инопланетян, оставалось неизвестным.

В любом случае, этого было достаточно, чтобы обеспечить микоидам место у стола или чего бы то ни было, установленного Галактическим клубом в космической червоточине. Возможно, грибы тоже нашли вход в нее на краю Солнечной системы. Вероятно, они тоже недоумевали, столкнувшись с внеземным разумом, к которому привела их червоточина. Но если и так, микоиды вряд ли что-то усвоили, судя по их реакции. Посылали импульсы своих молекулярных градиентов, управляемых электрофорезом, в почву рядом с порталом станции, но большинство этих импульсов — даже если предположить, что перевод был правильным — касалось строго ограниченных, бытовых вопросов. Похоже, они не были заинтересованы в общении с людьми.

Дональд же был полон решимости пробудить в них этот интерес. Кроме пасторских обязанностей, общественных и духовных, он выделял время на учебу и посвящал его работе

группы, исследующей микоидов. Своих целей он ученым не объяснял. Если микоиды были грешниками, его долг — предложить им шанс на спасение. И он вовсе не хочет стать объектом насмешек всей станции.

Время шло.

Дверь воздушного шлюза хлопнула. Дональд ступил через портал на поверхность и зашагал по уже протоптанной тропе, через рощу. То там, то тут сквозь губчатый синеватый мох и черную сгнившую листву проглядывало нечто вроде грибов. Вздутия их шляпок, шириной около дюйма, были водянисто-прозрачны и удивительно похожи на глазные линзы. Но никто еще не осмелился сорвать гриб, чтобы выяснить, так ли это.

Блестящее озерцо влажной грязи лежало в паре сотен метров от станции. Грязь занимала место между периметрами двух подземных микоидов и стала любимым местом мико-лингвистических исследований. Радужная рябь химического взаимодействия между двумя распластавшимися круглыми существами с регулярными интервалами покрывала их поверхность. Иногда бури смывали градиенты, но они всегда просачивались снова.

Дональд подступил к краю грязевого озерца и установил прибор, изобретенный учеными для бесконтактного исследования сообщений микоидов: широкоугольный комбинированный цифровой полевой микроскоп и спектроскоп. Его опорная рама, шириной примерно два метра, заняла все озерцо. Камера, укрепленная на раме, медленно поворачивалась. Действуя с крайней осторожностью, он укрепил сначала одну треногу, потому другую на дальней стороне озерца, после чего вернулся и положил поперек специальную направляющую. Включил питание, и камера заскользила по направляющей.

Ему разрешили провести небольшой эксперимент. Опыт много раз проделывали раньше, но без особого эффекта. Возможно, в этом варианте все будет по-другому. Он сунул руку в карман и вытащил гелевый, покрытый пластиком диск, радиусом около пяти сантиметров, изготовленный из синтезированных копий местных мукополисахаридов. Концентрические круги молекулярных соединений, покрывающих его, складывались (по крайней мере, так надеялись ученые) в послание:

Мы хотим общаться пожалуйста ответьте.

Дональд содрал нижнюю пленку, поставил колено на камень, рукой оперся о поваленное дерево, перегнулся над многоцветной грязью и положил гелевый диск в центре пустого темного озерца. Отнял руку, сорвал верхнее покрытие и присел на корточки.

Сунул в карман смятые обертки и, порывшись, достал второй диск, тот, который втайне приготовил сам, причем с другим сообщением.

Стойко противясь побуждению оглянуться, он повторил операцию и встал.

— Попался! — прозвучал голос в его скафандре.

В нескольких метрах стоял Касим, сверля его злобным взглядом.

— Прошу прощения, я ничего плохого не делал, — начал оправдываться Дональд.

— Ты поместил в грязь несанкционированное сообщение, — уличил его Касим.

— Даже если и так, ничего страшного в этом нет.

— Не тебе судить! — бросил Касим.

— И не тебе тоже!

— Именно мне. Мы не хотим, чтобы нечто… идеологическое повлияло на наш контакт, — отрезал Касим и, оглядевшись, добавил: — Брось, Дональд, будь же благоразумен! Еще не поздно подобрать эту штуку. Договоримся по-хорошему.

«Такое происходит, — подумал Дональд, — еще со времен Ост-Индской кампании: коммерческие и военные круги сначала используют миссионеров в своих интересах, а потом связывают им руки».

— Я не сделаю этого, — упорствовал проповедник. — Вернусь вместе с тобой, но не уничтожу сообщение.

— Тогда это придется сделать мне. В сторону! — велел Касим. Но Дональд не двинулся с места. Касим шагнул вперед и схватил капеллана за плечо.

— Мне очень жаль, — процедил он.

Дональд вырвался и невольно отступил. Одна нога увязла в грязи по колено и продолжала уходить все глубже. Дональд неловко взмахнул руками, стараясь удержать равновесие, и повалился спиной прямо на направляющую — та развалилась надвое под ударом его кислородного баллона. Капеллан с громким всплеском приземлился в озерцо грязи. Обе половины направляющей мгновенно скрылись из поля его зрения. Дональд лежал, согнув колени. Передняя часть шлема едва виднелась над поверхностью.

— Тут трясина, — объявил Касим, перебивая встревоженные возгласы ученых-наблюдателей. — Не пытайся встать или вырваться, будет только хуже. Лежи, раскинув руки, и жди. Я пойду за веревкой.

— О’кей, — пробормотал Дональд, пытаясь что-то разглядеть через забрызганное грязью стекло шлема. — Не задерживайся.

Касим ободряюще помахал ему рукой.

— Вернусь через секунду. Держись.

Следующие несколько минут, пока Касим бежал к порталу за веревкой, команда ученых подбадривала Дональда.

— Не робей, Дональд, он только…

Голос оборвался. В динамике шипело статическое электричество. Дональд ждал.

— Кто-нибудь слышит меня? Нет ответа.

Прошло еще пять минут. Никто не появлялся. Придется выбираться самому. И ни к чему паниковать. Запаса воздуха хватит на пять часов, а ни один обрыв связи с порталом не длился больше часа.

Дональд высвободил руки из грязи, поднял повыше, снова опустил, снова поднял, уже энергичнее, и повторял изнурительное упражнение, пока шлем не лег на твердую почву. За полчаса он продвинулся на пару метров. Отдохнул несколько минут, отдышался и попытался нащупать опору, за которую можно было бы ухватиться. Зарываясь пальцами в землю, отталкиваясь ногами, все еще глубоко увязшими в грязи, он пытался вытащить плечи из болота. И уже освободил верхнюю четверть тела, когда земля под локтями вдруг стала жидкой. Голова его бессильно откинулась назад, и вокруг снова заплескалась грязь. Дональд заставил себя «плыть» на спине: так было легче рукам. Но слякоть вокруг него превращалась в жидкую глину. Вода продолжала накапливаться, и большие пузыри газа лопались на расширявшейся трясине.

Дональд начал тонуть. Он размахивал руками, с силой отталкивался ногами, но разбухающая жидкая масса сомкнулась над забралом шлема. Извивающийся, охваченный паникой, он погрузился во тьму. Ноги коснулись дна. Руки, поднятые над головой, оставались глубоко под поверхностью воды. Дональд нечеловеческим усилием подался вперед и попытался, ставя одну ногу перед другой, двинуться по дну, вырваться из ловушки. Если повезет, он выберется на сушу.

Но едва сделав шаг, он ощутил, как растет сопротивление грязи. Она словно твердела вокруг него. Капеллан безнадежно застрял.

Дональд сделал несколько медленных, глубоких вдохов. Прошло полчаса. Пятьдесят минут. Пятьдесят пять. Вот-вот появятся спасатели.

Они так и не появились. Он стоял в темноте больше четырех часов. И с каждым часом все яснее сознавал, что портал не открылся. Дональд почти лениво гадал, связано ли это как-то с его вторжением в болото. И с тоской задавался вопросом, было ли

уничтожено его послание, когда он плюхнулся прямо на диск.

Но тоска скоро улеглась. Все, что произошло с посланием, все, что произошло с ним, в некоем высшем смысле его уже не касалось. Притча о сеятеле была так же ясна, как и само великое поручение. Он выполнил свой долг. Он провозгласил истину и сделал для этого все возможное. Именно для этого он был сюда послан. Никакой гарантии, что его ждала удача. Он не первый и не последний священник, чья миссия, по людскому рассуждению, оказалась бесплодной. Подобная мысль опечалила, но не встревожила его. В этом смысле, и никаком ином, его ноги твердо стояли на камне веры.

Он молился, он кричал, он думал, он плакал, он снова молился — и он умер.

Наконец! Инопланетяне прислали целый пакет сообщений! После почти целого года низкочастотных сотрясений воздуха и электромагнитных колебаний, из которых можно было извлечь не слишком много смысла, после бесконечной передачи крошечных сообщений, исполненных весьма неясных заключений, они наконец послали нечто такое, во что можно вонзить свои филаменты.[10]

Микоиды обернули вокруг пакета длинные волокна, заполнявшие его поры и трещины. Они синтезировали кислоты, которые проникли через слабые места в ткани. За какие-то несколько часов они проникли сквозь оболочку и начали мятежное, радостное исследование гигантской библиотеки информации, содержавшейся внутри. Микоиды имели собственную генетическую библиотеку опыта, накопленного за миллиарды лет, поскольку впитывали информацию от любых организмов, растений или животных, грибов или бактерий. Они могли передать структуру центральной нервной системы на любой семантический или семиотический объем, который ассоциировали с организмом. Они исследовали полости, длинные транспортирующие трубки, обводили ячеистые сети нейронов и находили дорогу к почти округлому субпакету, где содержалось больше всего информации. Растворялись там, сохранялись, разделялись и продолжали исследования повсюду, где только можно. Во внутренней оболочке микоид нашел небольшой предмет, сделанный из множественных слоев целлюлозных волокон. Каждый слой был пропитан метками на угольном основании. Микоид сохранил эти коды вместе с остальными. Проходили годы и десятилетия. И наконец полное считывание пакета инопланетян, его нервных структур и генетических кодов было завершено, после чего началась совместная работа всех

микоидов континента по его переводу и истолкованию.

Это заняло много времени. Но у микоидов времени было в избытке. При наличии такого огромного источника информации нет необходимости общаться с инопланетянами. Они или их предки делали это прежде много раз. Под многими солнцами.

Они поняли инопланетянина. Поняли странную историю, сформировавшую так много связей в его нервной системе. Истолковали угольные метки на кусочках целлюлозы. И в своих обширных умах реконструировали сцены инопланетной жизни, как делали со всем, что попадалось на их пути, от травы и насекомых до деревьев. Они обладали тем, что люди назвали бы живым воображением. В конце концов, больше у них почти ничего не было.

Некоторые из них нашли историю:

Маркер подтверждения: ХОРОШИМИ

Маркер информации: НОВОСТЯМИ

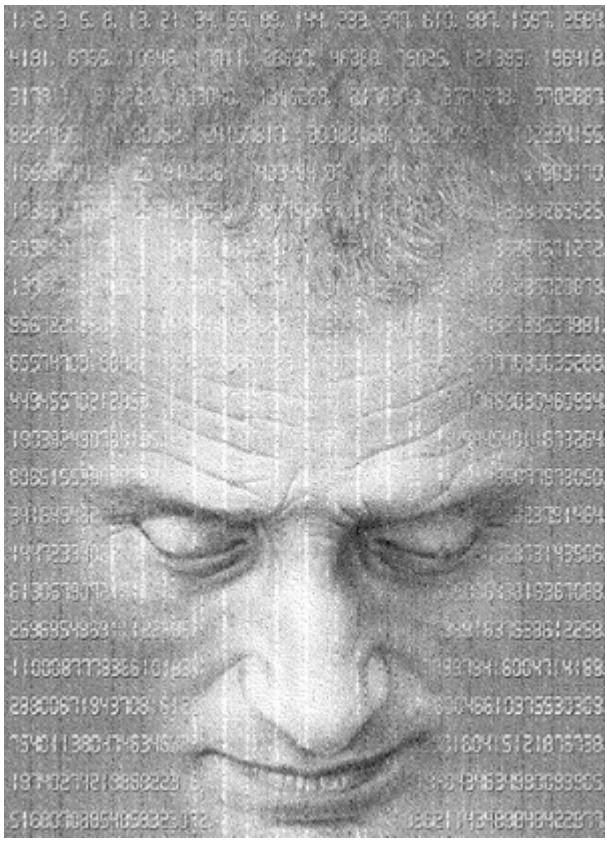
Споры распространили информацию на растущие в космосе деревья, а оттуда — в паутину червоточин и, следовательно, в бесчисленные миры.

Далеко не все семена падают в каменистую почву.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Ken MacLeod. A Case of Consilience. 2005. Печатается с разрешения автора.

Марта Рэндолл
АНТОНИО И ЛАЗАРО



Начинается

Лазаро, конечно, на мели, но ему все равно не по нутру потрошить пьяниц, даже богатеньких chilito[11] из Академии. Вот этот, например, заявился прошлой ночью с несколькими дружками из братства недоумков (тогда их было слишком много, и никто их не тронул), а сегодня решил поискать приключений на свой страх и риск и так нарывался, что Лазаро совсем не грызла совесть, когда он держал новую куртку Антонио, пока брат щупал блондинчика; работал он добросовестно: один удар, и вот уже недоумок повалился в проулке, как раздутый мешок с костями, и Антонио вытаскивает у него бумажник, выдергивает коммуникатор и чип — раз, и готово. Лазаро восхищен: всегда приятно смотреть, как работает мастер. Через пару минут после

того, как парнишка заскочил в проулок отлить, Антонио и Лазаро вразвалочку вышли на улицу, Антонио поводил плечами, расправляя нубуковую куртку, приглаживал черные волосы. Лазаро от него в восторге.

Вечер пятницы, но на Вираже тихо. Заработанные денежки портовым выдали на прошлой неделе и на следующей выдадут еще, но те, у кого есть «капуста» в сухой период, не разбрасываются на выпивку и «сук» в трущобах Виража при Порте. Эти благонадежные граждане сидят по домам на Северной, в кругу семьи, перед большими экранами, за горячим обедом. Chilito не исключение, сегодняшний недоумок сам напросился, потому-то Антонио и счел себя вправе избавить его от наличности и коммуникатора. Туристов предостерегают держаться подальше от Виража, твердят: мол, космокопы перестанут охранять их, как только они покинут Порт через Южные ворота. Но всегда находится кто-то, не способный устоять перед соблазном. Те, кто умеет за себя постоять, оттягиваются, и никому никакого вреда, но недоумки вроде этого — легкая добыча.

— Сколько у него было? — спросил Лазаро. Антонио пожал плечами.

— Пес его знает, братишка. Сядем в «У Целии», тогда скажу. Не буду же я здесь пересчитывать! У тебя что, в голове винтиков не хватает?

— Вот уж нет, — ответил Лазаро, но его возмущение было наигранным. У него действительно не хватало винтиков, и обычно он это признавал. Так легче жилось.

«У Целии» почти пусто. У стойки клюет носом пара завсегдатаев, лишь изредка обмениваясь словом-другим. Владелец бара Крумхольц сегодня в добром расположении духа и звук вывернул так, чтобы все могли насладиться милым его сердцу устарелым техно. Лазаро техно не любит (поди пойми, где там мелодия), но Крумхольц всегда ставит выпить, и вообще, тут можно зависнуть на пару часов, и никто не будет к тебе приставать. Лазаро послушно поплелся за Антонио, который выбрал кабинку у задней стены. Крумхольц обмахнул стол влажной тряпкой и нахально спросил:

— Что, опять клянчить пришли?

— Не, у нас наличка, — с ленцой протянул Антонио. — Я хочу пива, и коллеге принеси.

Крумхольц фыркнул, но вернулся за стойку. Антонио выждал, когда тот принесет выпивку, заберет пятерку и исчезнет. Каждый из них сделал ритуальный глоток, и лишь потом Антонио швырнул на стол бумажник. Оба поглядели на него одобрительно. Солидный бумажник из пухлой кожи, скорее всего,

натуральной, выдубленной до приятного глазу светло-бурого цвета, да еще замысловатый рисунок вытиснен по краю и сложный иероглиф спереди. Обычные туристы деньги держали в бумажных конвертиках из обменных пунктов: на Вираже отпечатки пальцев не имели силы. Либо недоумок много путешествовал, либо выделывался, будто много путешествует. Лазаро тронул бумажник, а когда Антонио не возразил, еще раз.

— Что за хрень? — спросил он.

«Хренью» был — как это там? — символ какой-то навороченной школы возле Сердцевины.

Длинным ногтем Антонио откинул верхнюю половину бумажника. Внутренность его украшали стопки пластика. В том-то и разница между пластиком и чипами: чип с виду мелочь пустяковая, и есть ли там деньги, бог знает, а вот пластиковой кредиткой можно размахивать, производить впечатление на всех, кто на тебя ни взглянет.

Антонио фыркнул. Лазаро знал, что у брата уйма кредиток и пластиком его не сразить.

Приоткрыв бумажник, Антонио от удивления выругался и отдернул руку.

— Ну? Что там? — прошептал, отстраняясь от стола, Лазаро.

Антонио снова запустил пальцы в отделеньице и начал выдвигать банкноты. Их было много, гораздо больше, чем каждый из приятелей видел за раз. Лазаро тихонько присвистнул.

— Матерь Божья! — выдохнул он. — Как по-твоему, они настоящие?

Антонио уронил поверх бумажника салфетку.

— Откуда мне знать? — пробормотал он, и его рука исчезла под салфеткой. На сей раз на свет появились бумажки. Чеки, билеты, какие-то каракули на непонятном языке. На последней тянулась длинная череда цифр. Прищурившись, Лазаро пробормотал:

— Один, один, два, три, пять, восемь, один, три, два, один, три, четыре, пять, пять, восемь, девять. — Он поднял глаза. — Сечешь что-нибудь?

Антонио помотал головой.

Лазаро на мгновение задумался. Числа были… ну, почти знакомые, вроде голосов, которые звучат так далеко, что слов не разобрать. Он тоже затряс головой.

— Дашь мне немного «капусты», друг? Я ведь держал твою куртку, и вообще.

— Конечно. За кого ты меня принимаешь?

Пальцы Антонио завозились под салфеткой, потом рука вынырнула ладонью вниз и скользнула к Лазаро. Деньги

незаметно сменили хозяина — сказывалась долгая практика. Лазаро рискнул взглянуть на банкноты и расплылся в улыбке, но тут же убрал их подальше — во внутренний кармашек на джинсах, над самым бедром.

Несколько минут спустя они допили пиво. Антонио тайком рассовал по карманам куртки банкноты и карточки, а бумажки оставил на столе. Когда он отвернулся, Лазаро сгреб их, сам не зная зачем.

На углу они расстались, но сперва Антонио бросил бумажник в зев мусоросборника. Пасть рыгнула, мигнула лампочкой, и бумажник растворился. Хлопнув на прощанье друг друга по плечу, каждый пошел своим путем.

Один, один, два, три, пять, восемь…

У себя в конуре Лазаро снова пересчитал банкноты. Хватит на пару месяцев, если он будет осторожен, не станет кутить, начнет сам себе готовить… Черт, можно даже квартплату вперед заплатить — и останется еще немного на новую куртку, наверное, даже на нубуковую, как у Антонио. На Вираже становилось холодно.

Или можно спустить все за неделю, загулять по Виражу: ни дать ни взять богатенький придурок, у которого денег куры не клюют; можно по уши залиться виски, чтобы ни единой заботы не осталось. Он усмехнулся, размышляя о выпивке и о борделе над заведением Папы Карлайла. Неважно, что потом Лазаро неделю проваляется в беспамятстве, пока опьянение не пройдет, а сам он не вернется в тускло-охристый мир с пустыми карманами и без единого воспоминания о попойке, даже без похмелья… Хорошее похмелье само по себе награда.

Бумажки он вывалил на стол рядом с деньгами и теперь заново перебирал их. Каракули расплывались, смутно знакомые, словно увиденные сквозь пузырчатое стекло. На самой последней — только числа. Написаны от руки, в ряд, чтобы складывались в последовательность. Один, один, два, три, пять, восемь — и всё. Дальше должны идти 13, 21, 34, но Лазаро понятия не имел, откуда он это знает. Ощущение было такое же, как в те минуты, когда из недр его мозга поднимается сор, от которого на душе тоскливо, — дрянь той жизни, что никак не вспомнить.

Он погонял бумажку пальцем по столу. Для пароля слишком много цифр. Может, какой-то идентификационный код или номер счета? Надо, наверное, войти в сеть с платного терминала и поискать. Но он все равно ничего путного не найдет, решил

Лазаро, хотя и не знал, откуда ему это известно.

Он обмусоливал проблему, пока разогревался суп. Сегодняшний первый день богатства он намеревался растянуть, пока не провалится в бред Виража. Его беспокоило, что последовательность чисел не просто абракадабра, тревожило, что он не может выбросить ее из головы, поэтому он постарался думать про пластиковые карточки, которые прибрал Антонио. Уж Антонио знает, что с ними делать, и сейчас, наверное, карточки уже покинули Порт, бесчинствуют там, где ни Антонио, ни Лазаро, ни даже пьяный недоумок из Академии никогда не были.

Суп оказался вкусным. Макнув в него корку хлеба, Лазаро снова пересчитал банкноты. Один, один, два, три, пять, восемь, тринадцать… Возможно, сами по себе числа ничего не значат, но, скорее всего, на что-то указывают. Может, на следующие числа… Или на какую-то схему. В его сознании распустились образы, превратившиеся в ритм — соотношения чисел, стремящихся к 1,618, но его не достигающих… От квадрата 0, где начинаешь, до квадрата 1, до квадрата 2, до квадрата 3, до квадрата 5, до квадрата 8 — и так далее, и так далее, по матрице Континуума, где каждый квадрат превращается в себя самого к следующему квадрату в танце, который разворачивается и умножается, и ты достигаешь, ты достигаешь, ты достигаешь…

Проклятье! Схватив бумажки со стола, он затолкал их в пасть древнего мусоросборника. Ничего. Он пнул мусоросборник в бок, и тот наконец хрюкнул и моргнул, а бумага обратилась в пепел. Лазаро вернулся к столу, схватил еще ломоть черствого хлеба и с силой ткнул им в суп. Капли разлетелись по столу, собирая катышки пыли.

А пошло оно все! Он спустит деньги на самый грандиозный, самый шумный и долгий кутеж, такой, что на Вираже не скоро забудут! Вот только чуточку вздремнет… Можно начать у Папы Карлайла, а потом — по всем барам из конца в конец Виража, и снова у Папы, но на сей раз на верхнем этаже. Или можно начать наверху у Папы, подцепить красотку и уже в компании задать Виражу жару. Да. Да, конечно!

Он оттолкнул миску с супом. Проехав по столу, она застряла у Эвереста смятых пластиковых тарелок и заплесневелых оберток. Лазаро улегся на койку. Завтра. Поутру. Из конца в конец. И проклятая ясность в голове исчезнет…

Купола

Во-первых, накрывающий Порт купол вовсе не купол, а лишь

огромная стена с навесом, но здесь его зовут так, поэтому пусть будет купол. Середина у него открытая, а стены поднимаются лишь на тысячу метров, поскольку проектировщики решили, что этого хватит, но, разумеется, не хватило. Потому корабли прилетают и улетают, а выхлопы и отбросы падают внутрь Порта и сползают по стенам эдаким мусорным супом. В диаметре Порт всего несколько километров, внутри — офисы и сабвеи, отели и прочее, что нужно, чтобы заправлять респектабельным Портом, но места здесь не хватает. С самого начала не хватало.

Поэтому, когда Порт разросся, к нему пристроили второй купол, который прилепился к основному полумесяцем, и какой-то шутник окрестил его Виражом. Здесь собирались разместить не жилые помещения или офисы, а ангары и склады, и потому Вираж прикрепили кое-как: сейчас он с каждым годом чуточку отходит. И с каждым годом чуть больше выхлопов и отбросов попадает в Вираж, но всем словно наплевать.

На Северной стороне — малые жилые купола с домами и парками, с магазинами и прочей ерундой. Внутри Порта — отдельный купол, называемый Островом, там делали политику, пока не пришла чума. Но об этом забудьте. Наша история не про Порт, не про Остров и не про чуму, а лишь про Лазаро с Антонио. И Вираж. Ах да, и еще немного про Джейн.

Джейн

На следующее утро Лазаро ни опьянения, ни похмелья не испытывал, а это было нехорошо, даже совсем плохо, потому что он слишком уж отчетливо видел все вокруг. Заведение Папы Карлайла притулилось на краю Виража, там, где основной купол врастал в землю, а купол Виража ложился на стену Порта, но не плотно, так что внутрь проникала погода. Сегодня в шов пробивались солнечные лучи, и это тоже плохо, ведь заведению Папы солнце во вред: слишком уж убоги в его свете блестки и перья.

Лазаро ступил за мерцающую завесу у входа. Папа уже маячил в зеркале, был свиреп в своем веселье, пока не увидел Лазаро, тогда веселье как рукой сняло, лихо закрученные усы пропали, сам Папа вернулся к карточной игре, а в зеркале появилось ласково-сексапильное личико.

— Эй, — обиженно сказал Лазаро. — У меня есть «капуста».

У плоской физиономии в зеркале выросла бровь, которая выгнулась дугой.

— Да? — сказала другая ипостась Папы. — И где такое

никчемное отребье раздобыло деньги? Избавлял от излишков наличности одурманенных туристов? — Рот личико не отрастило, поэтому слова донеслись из воздуха за зеркалом.

Лазаро переступил с ноги на ногу.

— Не я, — ответил он, цепляясь за полуправду. — Послушай, у меня есть «зелень», и я хочу ее потратить… ну, может, с… с … кого ты можешь мне сегодня дать напрокат? — и добавил поспешно: — Не слишком поношенную, не хочу, чтобы меня видели с обычной шалавой.

От этого Папа отмахнулся.

— Сегодня меня почтила своим присутствием мистрисс Анастасия, Посвященная в Четырнадцать Мистерий, прекрасная и талантливая госпожа Нежных Пальчиков, которую… — Папа помедлил, — зовем Джейн.

— Джейн, — выдохнул Лазаро. — Джейн.

Зеркало отрастило рот, он тут же изогнулся в улыбке и крикнул:

— Джейн, дорогая. Снизойди.

— Подождите! — в панике возразил Лазаро. — У меня не так много «капусты»… я хотел сказать: мне надо экономить, надо платить за квартиру, и…

Но было уже слишком поздно: перед ними стояла новая с иголочки Джейн и улыбалась ему, словно знала, что у него достаточно денег и что она его пугает, но это неважно, в конце концов, ведь она Джейн, и они женаты вот уже двадцать лет, и он по-прежнему от нее без ума, хотя ничего про нее не помнит. Но такова Джейн, она всегда так на него действовала, даже когда он был… когда он был… Кем? На мгновение он почти вспомнил, но все распалось точками пикселей и исчезло, оставив лишь Джейн.

— Ступайте, дети, ступайте. — Зеркальный Папа пригладил ус, росший где-то пониже изогнутой брови и рядом с поднятым в улыбке уголком рта.

Танцуешь квадраты

К полудню он поймал себя на том, что выкладывает ей все. Они сидели за спагетти с тефтелями в темном уголке «Джанкарло», ели одной вилкой, и кружка пива и бокал вина у них были на двоих, но вино выпила в основном Джейн, и он рассказал ей про Антонио и про то, как они обчистили пьяного недоумка из Академии…

— …Три, пять, восемь, тринадцать, двадцать один, тридцать четыре, — прошептал он.

Блестящие глаза Джейн стали размером с блюдца.

— Последовательность Фибоначчи,[12] — сказала она, а он кивнул, потому что, разумеется, так оно и было. — Координационная сетка пространства?

— Ну, не знаю. Возможно. Ну да. — Он посмотрел на нее. — Джейн? Откуда я это знаю?

Она пожала плечами и коснулась его руки.

— Я ведь только сегодня утром с тобой познакомилась. Но ведь это она, да? Я хочу сказать, запуск — это ноль, а потом идешь по числам, пока не попадаешь в Континуум, ноль, один, один, два, три, пять, восемь, тринадцать, двадцать один… Тут даже пилотом быть не нужно.

— Никакой я не пилот, — неуверенно пробормотал он. — Или все-таки?

Джейн снова тронула его руку.

— Конечно, нет, Лазаро. Конечно, нет.

Вот тут объявился Антонио, вразвалочку, уверенно щеголяя нубуковой курткой. Лазаро ему помахал. Антонио оглядел стойку у боковой стены, столики перед ней — еще не вечер, но заведение уже битком: туристы, летуны-космолетчики и парочка городских «пиджаков», заскочивших на Вираж ради крутой сделки за экзотически трущобным ланчем. Лазаро замахал сильнее, и на мгновение показалось, что Антонио его проигнорирует, но тут он увидел Джейн и подлетел, точно она выдернула его, как рыбу, попавшуюся на крючок.

Антонио сделался гладеньким, змеино-вкрадчивым, припарковался на скамейке рядом с Джейн, так что ей пришлось подвинуться; но она улыбнулась, потому что Джейн — это Джейн, то есть шлюха, а шлюхи дают людям то, что они хотят.

Пока Антонио охмурял Джейн, летуны за ближайшим к стойке столиком устроили большой тарарам, кричали и стучали кружками по столу, да так, что пиво пенилось и само в воздух выпрыгивало. Лазаро любил, когда они так делали. Глядя на них, он сам прикончил еще кружку. К тому времени мысли у него начали расплываться, да и мир вокруг тоже. Еще одна, и он полетит, поэтому он взял еще кружку и проглотил ее залпом, а когда поднял глаза, то Джейн с Антонио куда-то пропали. Все, что Джейн зарабатывала помимо Папы, принадлежало ей одной, и Лазаро не обижался за приработок на стороне. Да и вообще: полет уже начался, все качалось взад-вперед у него в голове — под стать взад-вперед-броженью в мыслях. Утешительная размытость вернулась волной, точно он способен коснуться почти всего на свете, дотянуться до вечности, но это хорошо, потому что он взад-вперед-летит, и нет ему ни до кого никакого дела.

Поэтому он позволил себе полететь к столику пилотов, подтащил ногой стул и сел между парнями, а типу за стойкой махнул: мол, давай неси на всех. Тот моргнул и зажужжал, а летуны переглянулись и придвинулись ближе.

Лазаро сделал глубокий и счастливый вдох.

— Я навигатор, — объявил он.

— Хрена! — отозвалась деваха с нашивками капитана, но улыбнулась. — Никакой ты не фиб!

— Te lo juro,[13] — сказал Лазаро.

Подплыла официантка с подносом полных кружек, и каждый за столом цапнул себе. Лазаро сунул в живот официантке ком банкнот, и живот позеленел. Лазаро любил, когда железные животы зеленели.

— Начинаешь с нуля и танцуешь сетку, — со знанием дела сказал он. — Потом танцуешь по сетке, танцуешь по сетке, танцуешь по сетке… пока совсем не исчезнешь. Фрр! Проще простого!

Капитанша рассмеялась.

— Ну и ахинея! — Она подняла в тосте кружку. — Danke.

Стол уже закончил себя вытирать, поэтому Лазаро, который собирался нарисовать пояснения в луже, просто вывел указательным пальцем воображаемый квадратик, присоединил к нему еще один, потом еще один и еще.

— Это координаты, — объяснил он. — Числа и квадраты, и танец, числа к квадратам, к местам ко времени — и дальше, дальше, дальше… не помню… но числа я помню. Вот только, — честно продолжил он, — я больше не знаю, как ими пользоваться… но помню, что пользовался… а потом вообще уже ничего не помню.

— Во дурак, — с веселым презрением отозвался один из летунов, и все снова стали пить и орать. Числа выпали у Лазаро из головы, и он был счастлив, что сидит с ними, будто один из них, будто он еще навигатор, фиб, а выпивка и крики — как дом… вот только не дом.

— Эй, фиб, — крикнул ему другой космолетчик. — У нас выпивка кончилась.

Лазаро уже начал поднимать руку, но кто-то перехватил его запястье и опустил. Он поднял глаза и увидел Антонио и Джейн. Антонио все успевает на лету, и вот он уже закончил, и волосы у него зачесаны назад, и он снова ему друг.

Сейчас он качает головой, глядя на летунов.

— Думаю, мой брат Лаз достаточно вам поставил, — говорит он. — Что вы дали ему взамен? Позволили с вами посидеть? Думаете, это круто? Совести у вас нет.

— Хрена! — Опять капитанша, но, похоже, не злится. — Твой прихлебатель говорит, что он фиб. А мы не любим, когда оскорбляют столь важное занятие.

Антонио шумно вздыхает, склоняет голову набок, словно щетинится от раздражения.

— Во-первых, он не прихлебатель, он мой брат. А во-вторых, он был фибом на «Ми Фрегадо Суэрте».

— Ну да? — не верит капитанша. — На корабле Эмилиано Коразона? Брехня. Отчаянный был сукин сын. Таких контрабандистов больше не делают. Его давным-давно сцапали, а корабль сдали в утиль.

— Лаз, — говорит Антонио. — Покажи ей руку.

Лазаро начинает закатывать правый рукав, и Антонио дает ему легкий подзатыльник.

— Другую, carbon.[14] Ту, где надпись.

Лазаро слушается и поднимает руку, чтобы все видели цифры и символы у него под кожей. Когда-то они шевелились, мигали цветными огоньками, но это было давно, а теперь они просто белесо-синие.

Пилоты сгрудились посмотреть, а после отодвинулись и уставились ему в лицо.

— Ни хрена! — уже тише говорит капитанша. — Что с ним случилось? Такой навигатор на «Суэрте»? Но он же должен хотя бы военно-морскую закончить!

— Ага, — отвечает Антонио. — Ту самую. Академию. Вставай, Лазаро, нам пора.

Вставая, Лазаро покачнулся, ведь столько пива выпил, и Джейн обняла его за плечи, чтобы не упал. Он помахал на прощанье новым друзьям, но капитанша догнала их у двери.

— Что с ним случилось? Поговаривали, будто федералы выследили Коразона, придумали какую-то чушь про груз и захватили корабль, как только поднялись на борт. А Коразона высадили на каком-то астероиде.

— Да, — согласился Антонио.

А у Лазаро над головой — купол Виража, и сумерки откуда-то наползли, стемнело, и все кругом выглядит симпатичнее. Заведение «Джанкарло» — почти в середине Виража, и Вираж искривляется в обе стороны, теряется за изгибом купола Порта. Лазаро улыбается Джейн, и та улыбается в ответ и кладет его руку себе на грудь.

— Эти сволочи не против грабежа, если добыча достается им. Твердят: мол, не надо смертной казни, мы не злопамятны, но память у них ох какая долгая, — сказал Антонио.

Потом он замолчал и вперился в капитаншу, а она лишь

смотрела на него, и что-то между ними произошло, потому что она кивнула, и Антонио кивнул, и Лазаро был счастлив, что его друзья поладили, но полет кончался, вот-вот посадка, а ему хотелось еще.

— Mira, Antonio, — сказал он, — quiero mas cerveza.[15]

— Да, братишка, через минуту. — Антонио все смотрел на капитаншу.

— Экипаж, — сказала она. И у нее голос был такой, словно она тоже больше не летит. — Что сталось с командой?

Антонио забросил свободную руку Лазаро себе на плечи, так что того теперь с двух сторон подпирали двое, которых он любил. Капитанша взглянула ему в лицо и отвела глаза.

— Знаешь про препарат, который возвращает память? Любое воспоминание, в любое время! Выковыривает сор из мозгов, как осадок из сопел при прочистке двигателя! — сказал Антонио.

Капитанша молчала.

— Так вот, раньше изобрели другой, научились тот самый мозговой сор готовить. Любой бы подумал, на кой черт им эта грязь, эта мозговая слизь, но правительство ничего не выбрасывает, вдруг на что-то сгодится.

— Экипаж…

— Экипаж, — соглашается Антонио. — У Лаза в мозгах столько слизи, что он вообще ничего не помнит. Иногда какая-нибудь малость возвращается, но по большей части он не знает, что это, и уж тем более, что с ней делать.

Антонио глубоко вдохнул. Рука Лазаро обмякла, поэтому Джейн накрыла ее своей, сжала его пальцы на своей груди.

— В прошлом году он помнил неделю тренировок в Академии так, словно это было вчера. Теперь все ушло. Сейчас он помнит лишь счастливые времена, и ему хорошо. Через год, может, два, он забудет, как дышать, или сердце у него забудет, как биться… Федералы ведь против смертного приговора. Поэтому его не убили, просто накачали слизью, вшили чип и бросили здесь.

— А ты его тюремщик, — говорит капитанша.

— Ему не нужен тюремщик, — отвечает Антонио. — В него вшит чип. Ему отсюда не выбраться.

После этих слов Антонио с Джейн повели его по улице. Лазаро оглянулся через плечо на капитаншу. Он сказал ей что-то, возможно, очень важное, но что?… Минуту спустя он бросил попытки вспомнить свои слова и помахал на прощание. Она смотрела ему вслед.

Интерлюдия в безмятежности

Так и вышло, что летать-то Лазаро летал, только продлился полет не неделю, а лишь день, и истратить остатки «капусты» ему не довелось, потому что Антонио ее отобрал и сказал, что будет отдавать по частям. Недолгое время Лазаро злился, а потом забыл, что у него была «капуста», и просто радовался, ведь стоит попросить, и Антонио дает ему деньги. Джейн вернулась к Папе, но иногда Антонио позволял Лазаро выкупать ее на пару часов, и тогда они гуляли по Виражу, ели спагетти в «Джанкарло», а после Джейн с Антонио исчезали в каком-нибудь закоулке, но всегда возвращались. Папа Карлайл сдавал Джейн по дешевке, потому что знал: Лазаро все равно ничего не может, но что она делала, когда ходила с ним, Папу Карлайла не касалось, а потому все были счастливы.

Сидит однажды Лазаро, доедает спагетти и допивает пиво, и тут приходит женщина, садится напротив и говорит: «Привет», будто сто лет его знает, и они болтают, потом Антонио возвращается, видит ее и садится рядом.

— Так и думал, что ты вернешься, — сказал он. — Что, в базах данных порылась?

— А что еще делать, пока таскаешь грузы вокруг этой дыры? — Она отставила пиво. — Последний рейс Коразона.

Антонио кивнул.

— Никто не знает, что он вез, но, по слухам, намеревался такой куш сорвать, что на всю жизнь хватит.

Антонио снова кивнул.

— Но «Ми Суэрте» догнали, а груза на борту не оказалось.

— Наверное, сбросил где-нибудь, — пожал плечами Антонио. — И груз еще где-то в космосе. Ждет, когда за ним вернутся. Тебе не первой это пришло в голову.

— Если твой дружок действительно был фибом у Коразона, он знает, где…

— Знал, — отозвался Антонио.

Лазаро удивленно уставился на приятеля.

— Что я знал, Антонио?

— Продолжай, — говорит Антонио капитанше, не обращая внимания на Лазаро.

— Препарат для очистки памяти. Давай раздобудем немного для твоего дружка. Почистим его и рванем за schatz.[16] — Она откинулась в кресле. — Пополам, мы с тобой. Я из своей половины поделюсь с экипажем, а ты — с ним. Никто не в обиде.

— Не выйдет, — мотнул головой Антонио. — «МемМакс» находится в красном списке, и раздобыть его можно только в Сердцевине. И даже если сумеешь найти, он чертовски дорог. У тебя денег не хватит, во всяком случае, не на такую дозу, чтобы

вышел хоть какой-то толк… Малая доза, и в голове у него едва ли на день прояснится. Хочешь, чтобы я тебе помог, достань столько, чтобы его раз и навсегда прочистило. Идет?

Капитанша посмотрела на него, отвела глаза, снова посмотрела, а после оттолкнулась от спинки кресла и пружинисто встала.

— Придумаю что-нибудь, — сказала она. — Только никому больше его не продавай, слышишь?

Антонио рассмеялся.

— Ты тут единственная. Других психов нет. Не беспокойся. Нам с Лазом податься некуда.

Калейдоскоп

Потом долго ничего не происходило. Погода, просачивающаяся в щель возле борделя Папы Карлайла, стала жаркой, потом сделалась сырой, потом холодной, потом чертовски лило, и улицу затопило так, что грязь и мусор, шприцы и презервативы, обертки и дохлые кошки всплыли кусочками калейдоскопа. В такие дни Лазаро сидел дома. Он все больше времени проводил в прошлом, когда был парнишкой, когда окончил Академию, когда летал, пока не связался… связался… ну да неважно. Закончить Академию — как оседлать судьбу: и домой денег послать, и карманы полны, и друзья верные. Однажды они все вместе собрались на гору, уложили снаряжение, наняли проводника и залезли под самую крышу неба, где воздуха почти не было, зато было чертовски холодно, и они с Джейн занимались любовью в снегу на вершине мира. Головокружительно, замечательно, словно вчера, и Лазаро счастливо рассказывал обо всем этом мебели, отпуская старые шутки и смеясь им, и раздавая сэкономленную снедь, и повторяя, что сказал Папа, когда он позвонил ему с вершины мира, и оттого немного поплакал, но это были хорошие слезы, хотя он и не мог вспомнить, почему плачет.

Когда объявился Антонио, Лазаро принял его за проводника и объяснил, что у них кончается провизия, да и вообще: дождь на вершине мира когда-нибудь перестанет? Антонио ушел и вернулся с едой, заставил Лазаро поесть горячего и лечь спать. Когда Лазаро проснулся, брата рядом не было. Не было и вершины мира, и он не помнил, что именно потерял, только, что ему чего-то не хватает. Возможно, дождя, потому что теперь не лило, и грязь подсыхала, из нее торчала всякая дрянь, поэтому обходить ее надо было очень-очень осторожно, ведь если она попадет тебе в ногу, будет очень больно. Но он все равно шел,

стараясь найти такое место, которое вернуло бы его туда, про что он помнит, что вспомнить не может. Он добрел до черты, где Вираж становится тоненьким и темным и обрывается горой мусора под стеной купола, а потом завернул в какой-то переулок, но так ничего и не вспомнил. Пару раз он спал под той стеной. Или больше. Было, наверное, какое-то место, где ему полагается спать, а может, и нет. От одних только мыслей об этом болело за глазами.

Потом было утро, и ему показалось, что он вспомнил, вспомнил то место, потому-то ступил через мерцающую завесу в заведение Папы. Тот на него нахмурился лишь половиной лица, а потом спустилась женщина, взяла его за руку и повела.

— Мы уже несколько дней тебя ищем, — сказала она. — С тобой все в порядке? Остановись, дай на тебя посмотреть, Лаз. Будь ты проклят, ты до чертиков нас с Антонио напугал, мы уж думали, что ты пошел куда-то и умер, а ты где был?

Лазаро хотел объяснить, но не мог. Слова толклись у него в голове, но никак не получалось их сложить, он не мог вспомнить, как заставить губы произносить их. Джейн заплакала, повела его наверх в свою комнату и позвонила Антонио. Лазаро просто сидел, сложив руки на коленях, и думал о том, что все, чему было бы место в его воспоминаниях, ушло. Все кругом темное, холодное и пустое, и ему тут не нравится, но когда он встал, чтобы уйти, женщина схватила его за руку и сказала «нельзя», а он рассердился и ударил ее, и она упала, тогда он вышел в дверь, но столкнулся с кем-то, кого почти узнал, и этот кто-то втолкнул его назад, а дверь запер.

— Ты в порядке? — спросил этот кто-то женщину.

Женщина кивнула и встала, приложив руку к ссадине на лице. Лазаро не знал, кто ее ударил, но если узнает, тому не поздоровится.

Потом голос без тела начал кричать, и мужчина в комнате выругался, и они с женщиной увели Лазаро в другое место, затем пришла вторая женщина, и все трое стояли, глядя на Лазаро, и что-то бормотали, но он не понимал ни слова. Что-то про шальные деньги, про подставу и обман и все такое. Вторая женщина достала коробку с блестящими штучками, и мужчина спросил, настоящие ли они, а женщина сказала, мол, настоящие, и делают, что нужно, а может, и нет, а мужчина сказал, что ей не доверяет, а первая, хорошенькая женщина с синяком под глазом все плакала и плакала, и Лазаро хотел ее утешить, но слова пропали, совсем пропали, и чем сильнее он старался, тем больше они пропадали. В конце концов он заплакал, потом снова разозлился, вскочил и сжал кулаки, но мужчина закатал ему

рукав и налепил на руку что-то блестящее и кусачее… а потом Лазаро заснул.

Очнулся он через два дня. Болела голова. Но не успел он до конца очнуться, как его накормили, а потом он снова отключился.

Она добыла

Доступен он только в Сердцевине, но и там нужно быть Крезом, да еще добыть разрешение правительства, выгравированное на платине и утыканное драгоценными камнями, не то и на километр к нему не подойдешь. Изготавливается он из яда какого-то там жука, способного жить на планете, которую вот уже лет десять как разнесли боеголовками, потому-то, сами понимаете, штука редкая. Но история не о нем, не о том, как она его нашла, заполучила и привезла, нет, на этом мы останавливаться не будем. Она его нашла. Она его добыла. Она его привезла. И довольно с вас.

Ясность

Проснувшись в четвертый раз, он открыл глаза и увидел, что у кровати с миской дымящегося супа сидит Антонио. За спиной у него примостилась на краешке стола женщина с капитанскими нашивками на рукаве: смотрела на него, скрестив на груди руки.

— Тоньо, — сказал Лазаро. — Hijole, me duele la cabeza como un verdadero Diablo.[17]

— Ничего удивительного, — сказал Антонио, но расплылся в идиотской улыбке. — Поешь супа.

— Коразон, — сказала женщина таким тоном, словно не в первый раз это повторяла. На рукавах у нее были капитанские нашивки. Лазаро решил, что она ему не нравится.

— «Ми Фрегадо Суэрте», — продолжала она. Лазаро сел, упершись спиной в стену, и взял миску.

— Я напился?

— Вроде того, — кивнул Антонио и протянул ему кусок хлеба.

— Последний рейс Коразона, — продолжала женщина. Лазаро нахмурился.

— Перед тем, последним рейсом какая-то chingadero[18] выдала нас федералам, Коразона они высадили на каком-то паршивом астероиде, да и остальным тоже досталось.

— Но у него был груз, и от этого груза он избавился до того,

как его сцапали, — не унималась капитанша. — Где это произошло?

Лазаро откусил кусок — хлеб был свежий и на вкус великолепный.

— Что тут происходит, Тоньо? — спросил он с полным ртом. Антонио пожал плечами, откинулся на спинку стула. Стул скрипнул и покачнулся, но выдержал.

— Нам предлагают сделку. Она раздобыла «МемМакс», достаточно, чтобы исправить то, что с тобой сделали федералы. А взамен хочет получить координаты нулевой точки, чтобы попасть туда, где Коразон сбросил добычу. Поделимся фифти-фифти, половину нам, половину ей и ее экипажу.

— Тебе даже лететь не понадобится, — сказала она. — Может, даже лучше, если ты не полетишь. Просто скажи мне, где.

— И ты сбежишь со всей добычей, — вмешался Антонио, словно в сотый раз это повторял. — Ты что, за идиотов нас держишь? Лаз не может лететь, потому что федералы вшили в него чип, и покинуть Вираж он тоже не может. Зато я могу. Если у тебя проблемы, скажи, и сделка отменяется.

— Отвали, — огрызнулась она. — Мы вогнали в твоего прихлебателя слишком мало «МемМакса», чтобы вылечить. Дозы хватит лишь на пару недель, а после — ба-бах! — назад, в страну дураков. Так что сделку вам не отменить.

— А я не собираюсь называть тебе цифры, смотреть, как ты улетаешь и робко надеяться, что когда-нибудь ты, может быть, вернешься, — возразил Антонио. — А он не прихлебатель, он мой брат, поняла?

Так они и препирались. Нубуковая куртка Антонио висела на спинке шаткого стула, и сейчас Лазаро увидел, что по швам она обтрепалась, и сквозь них проглядывает пластмасса. В зачесанных назад черных волосах Антонио у корней проступала седина. Он всегда заботился о своей внешности, даже много лет назад, когда они были детьми. Сев, Лазаро спустил ноги с полки. Теперь, когда суп кончился, он осознал, что в комнатенке пахнет затхлым, и ничто здесь не говорит, будто это его дом: нет ни глифов, ни книг, ничего — но он все равно понял, что это его комната. Узнал по потекам на стенах.

И тут пришли воспоминания. Детство, школа, Академия, как карабкался на гору, первое задание, годы с Эмилиано Коразоном, последний рейс, захват корабля и то, что федералы сделали с ним. Он вспомнил годы, когда шатался по Виражу, и как собственная личность осыпалась с него кусочками, точно старая штукатурка, он вспомнил Джейн: какой она была и какой стала.

— Как это — чип? — прервал он их перебранку. Оба

повернулись к нему. — Почему у меня чип? Куда мне его засунули?

— Это… это как нанобластома. — Антонио помешкал. — Он у тебя в мозгах, Лаз. Его запускают в артерию, вот здесь. — Он приложил пальцы к яремной вене. — И сгусток наномеханизмов направляется в мозг и там присасывается. — Он убрал пальцы с шеи. — Время от времени федералы проверяют, на месте ли он, и пока чип посылает сигнал, они знают, где ты находишься. И если ты попытаешься уйти, если мы попробуем ее найти, бластома станет злокачественной…

Опустив углы рта, он пожал плечами и снова принялся спорить с капитаншей, а Лазаро задумался и над сказанным, и над своими воспоминаниями. Перебранка мешала размышлять, от нее начинался шум в голове. Наконец он поднял руку, чтобы их утихомирить.

— Хватит, — сказал он. — Вот как мы поступим. Я назову Тоньо исходные цифры, дальше твой фиб сам справится. Я останусь здесь с последней дозой «МемМакса», а вы двое отправитесь за грузом. Трафальгар еще свободная зона?

— А то, — отозвалась капитанша. — Для всех открыт.

— Полетишь туда, найдешь компанию «Чайслер Чанг-Химмель». Контрабандный груз заказал Чанг, он и сейчас за него заплатит. У Чанга долгая память. Вырученное разделите: Антонио привезет нашу половину сюда, а ты забирай свою и лети, куда хочешь. По рукам?

— Придержи коней, — вмешалась капитанша. — Зачем нам «Чанг-Химмель»? Если груз такой ценный, устроим аукцион…

— Это клоны, — отозвался Лазаро. — Клоны Чанга, эмбрионы. Одни — еще стволовые клетки, другие уже отращивают конечности. Все в десятилетнем стазисе. Чанг их заказал, но от оплаты стал увиливать, она показалась ему непомерно высокой. «Герметика» наложила вето, так что Чанг не мог обратиться в другие компании по клонированию. Чанг стар, и ему отчаянно нужны запчасти, поэтому он и предложил Коразону выкрасть их и доставить на Трафальгар. Я сколько не в себе? Года четыре?

— Пять, — поправил Антонио.

— Пять. Чангу они нужны — но только ему. На груз есть лишь один покупатель, но заплатит он столько, сколько попросите. Отвезете груз на Трафальгар. Чанг потребует код распознавания, этот код будет у Тоньо. Вы получите деньги, разделите их и разбежитесь. Ни у кого нет шанса обмануть другого.

— Стволовые клетки, — повторила капитанша. — И какого

размера груз?

Лазаро показал ей, раздвинув руки на ширину летной сумки, может, чуть меньше.

— В том-то и закавыка, — сказал он. — Это маленький контейнер, болтающийся на крохотном астероиде, вероятно, не больше того, на котором высадили Эмилиано. — Он откинулся к стене, спальная полка скрипнула и чуть провисла. — Ну как, договорились?

Антонио с капитаншей переглянулись, потом женщина пожала плечами, он протянул руку, и она тоже. Капитанша вышла, а Антонио с Лазаро сели к столу, и Лазаро заставил Антонио заучить координаты нулевой точки и код распознавания. В конце он спросил:

— Слушай, ты правду про чип говорил?

— Да, братишка. Чистую правду.

Лазаро промолчал, и Антонио поспешно добавил:

— Но послушай, это неплохая жизнь. Как провернем сделку, «капусты» у нас будет столько, что никогда больше о деньгах думать не придется. Сможем ходить по ним, сможем пить кредитки и мочиться золотом! Мы станем королями Виража! Помнишь, сколько денег ты посылал домой? Как мы все на них жили? Так вот: это сущая мелочь в сравнении с тем, что у нас будет. Из трущоб мы непременно выберемся. Черт, если захочешь, сможешь купить заведение Папы Карлайла, вышвырнуть оттуда двуликого гада и оставить всё себе. — Он хлопнул Лазаро по плечу. — Что скажешь, братишка? Недурно звучит, а?

— А препарат? «МемМакс»…

— Расслабься, его у нас вдоволь. Половина сейчас в тебе. Пусть Джейн придет и присмотрит за тобой, пока будешь принимать вторую часть дозы. Еще неделя, ну, дней десять, и — бах! — дело в шляпе. Раз и навсегда избавишься от слизи, а федералы даже не узнают.

— А если я сейчас откажусь…

— Но такого не случится, потому что эта баба отдаст нам остатки, как только мы впустим ее в комнату. Пока нас не будет, ты примешь лекарство, а когда я вернусь, говорю тебе, братишка, мы — короли Виража.

Он снова хлопнул Лазаро по плечу и открыл женщине дверь.

И вот как почти произошло

Вот так и вышло, что Антонио, числа, коды и капитанша с командой ушли в Континуум, когда экипаж протрезвел. Лазаро

стоял у стыка двух куполов и смотрел в прореху, как корабль уходит в солнечный свет, а после Лазаро сделал крюк, лишь бы не проходить мимо заведения Папы Карлайла, и пешком вернулся в свою квартиру. Он не хотел видеть Вираж.

И у себя в конуре Лазаро сидел, сложив руки на коленях, и вспоминал, хотя старые воспоминания расплывались, а кое-какие уже исчезли. Но воспоминания о Вираже были ясными и четкими: как он смеялся, сидя с Антонио в «У Целии», как кривилось зеркальное лицо Папы Карлайла, каким было на вкус пиво и как от этого пива ему казалось, будто он летит, а еще — как выглядела Джейн, которая одновременно и не была, и почему-то была Джейн. Он помнил: Вираж загибался под кривизну своего купола, и какой он тогда был маленький, а небо здесь — это та малость, которая проглядывает в прореху за заведением Папы Карлайла. Да, Антонио вернется с «капустой», но от Виража им никуда не деться, и все воспоминания утрачивают смысл, ведь на что они, черт побери? Зачем помнить горы, если не можешь взойти на них?

А глубже поджидало другое воспоминание, более старое. От него Лазаро отшатнулся, почти физически отпрянул, и от резкого движения его словно бы озарил луч…

Каково это

Не знаю, каково это, ведь я не навигатор, да и вы тоже. Но все начинается с того места, где ты находишься. Это ноль, из которого движение нарастает от квадрата к квадрату, оттуда, где ты сейчас (0), до (0 + 1), до (1 + 1), до (2 + 1), до (3 + 2), до (5 + 3), до (8 + 5), где ты должен быть, и расширяется вовне, растет прогрессивно до краев Вселенной; каждый асимптотический шаг — пространство от ноля (здесь), где начинаешь, до (здесь + вверх + вниз + назад + вперед), до (здесь + вверх + вниз + назад + вперед + время), танцем сквозь измерения; и навигатор вытанцовывает каждый шаг; руки, разум и тело движутся в ритме чисел Фибоначчи; и поворачивается, и квадраты-измерения поворачиваются вместе с ним, измерения перетекают в другое *там,* которое есть Континуум, словно запускаешь корабль из своего нутра, словно секс лучше лишь от того, что ты и есть секс; и ты есть ты, и ты есть корабль и квадраты, и танец, и Континуум, а когда ты — не танец, ты ждешь танца, как жаждешь вдоха или удара сердца, или всего, что поддерживает в тебе жизнь, потому что ты — танцор Фибоначчи. Ты — фиб.

Как танцевать без корабля, без Континуума, сидя за столом в темной комнатенке, застряв в Вираже?

Невозможно.

Он спрашивал себя, сколько потребуется нанобластоме, чтобы превратиться в настоящую опухоль мозга. Интересно, будет больно? Съест ли опухоль его память, как сделала это слизь? Интересно, каково жить в Вираже, зная, что где-то там есть танец, но без возможности станцевать его самому? Каково умереть в Вираже, зная, что умираешь в Вираже?

Не в его силах изменить Вираж, не в его силах сбежать, но в его власти изменить то, что он есть на Вираже. И поняв это, он открыл коробку с ампулами «МемМакса». Осталось четыре, каждая готова скользнуть в шприц и выпустить содержимое в кровь, и когда они кончатся, он станет королем Виража. Ведь так брат сказал.

Он унес их в вонючую ванную, одну за другой разломал над унитазом и спустил воду. А после вернулся к столу и сел, сложив руки, ждать, когда снова станет Лазаро.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Martha Randall. Antonio y Lazaro. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Антон Первушин
«НЕБО ДОЛЖНО БЫТЬ НАШИМ!»

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В МЕЖПЛАНЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Фрагмент первый

27-е сутки полета

Алексей убедил меня, что нужно вести дневник.

Я отказывался, говорил, что бортового журнала командира вполне достаточно. Но Алексей сказал так:

— Видишь ли, в бортовом журнале люди пишут о том, что происходит на корабле. А не о том, что думает экипаж. Наш полет — это самое необычайное приключение в истории человечества. Его будут изучать потомки. В институтах, в школах даже. Каждая

написанная тобой страница станет откровением для будущих поколений. И что ты хочешь оставить им? Сухие записи? Провели коррекцию? Посидели на велотренажере? Починили сливной бачок? Скучно, девушки! А вот если ты запишешь, что мы тут думали, о чем мы говорили, — это будет интересно, это будет представлять ценность…

Я спросил Алексея:

— Ты предлагаешь рассказывать все, как есть?

— Конечно же, — ответил он. — Ничего не скрывай. Допустим, твой дневник засекретят. Но лет через пятьдесят гриф снимут. И вот тогда наши мысли станут документом эпохи.

Наверное, он прав. В любом случае, первый этап полета завершен, системы налажены, и теперь мы прибегаем только к мелкому ремонту да изучаем медицинские показатели друг друга. Свободного времени стало много. Хватает и на то, чтобы спокойно пообщаться, вспомнить прошлое, подумать о будущем…

Меня беспокоило только одно. И об этом я без обиняков сказал Алексею:

— Слушай, мы ведь с тобой живем здесь и сейчас. Мы не знаем, что будут думать потомки о нашем полете. Вдруг они сочтут его величайшей глупостью человечества? А наши с тобой разговоры станут подтверждением этого?

— Разве кто-нибудь считает глупостью экспедицию Колумба? — возразил он. — Кто-нибудь считает дураками Магеллана или Крузенштерна? Нет, ими восхищаются. Будут восхищаться и нами. Даже когда межпланетные корабли долетят до края Солнечной системы, когда на Луне, Марсе и Венере появятся гостиницы для туристов, даже тогда наш полет будет вызывать уважение. Ведь мы были первыми. Не забывай об этом. Мы первые!

Не могу не согласиться. Мы первые! И за это нам многое простится…

28-е сутки полета

Алексей подал дельную идею. Чтобы как-то увязать одно с другим внутри дневника, нужно писать не только о том, что мы обсуждаем и о чем думаем сегодня, но и о том пути, который мы прошли, прежде чем оказаться здесь. Проще говоря, он предложил написать мемуары. Я отшутился: «Молод еще, а ранняя смерть от алкоголизма мне не грозит». А потом решил, что напарник, похоже, снова прав.

После первого полета, после всей шумихи, пресс-конференций, банкетов издательство «Правда» заказало мне книгу воспоминаний. Пошел к Каманину за советом. А он

говорит: «Не беспокойся, при любом издательстве толпа голодных писателей прикармливается. Накропает какой-нибудь борзописец, а ты подпишешься». И ведь знал, о чем говорил. Так оно все и получилось.

Свели меня с таким ушлым мальчиком — Валькой Сафоновым. Молодое дарование. За него сам Голованов похлопотал. Он со мной и туда, и сюда, разве что в сортир не лез. И все выспрашивал — особенно за рюмкой. Потом пропал на полгода. А через полгода звонят из «Правды»: «Приезжайте за гонораром и авторскими экземплярами».

Почитал я ту книгу. Большой выдумщик оказался этот Сафонов. Изобразил меня чуть ли не вторым Циолковским. Будто я с детства астрономией увлекался, космическими полетами грезил и даже какие-то модельки мастерил. И всех своих односельчан подбивал построить ракету и лететь на Луну. Откуда он это взял, ума не приложу. Но книжка многим нравится. Вот и Алексей ее одобряет. Говорит, что в ней описан не человек, а легенда. А легенда всегда привлекательнее живого человека.

Я к чему вспомнил об этом? К тому, что пора писать, как оно было на самом деле. Без прикрас. Хоть и кажется, что биография у меня заурядная в сравнении с тем, какие грандиозные события произошли в Советском Союзе за последние двадцать лет, но и в ней есть яркие страницы, которые способны поразить воображение даже искушенных людей. В этом смысле не жалуюсь…

29-е сутки полета

Если быть до конца честным перед собой и перед потомками, то могу заявить: астронавтикой я в молодости не увлекался. И в астронавты не собирался. Потому что ничего не знал ни об астронавтике, ни о ракетах, ни о Циолковском.

А вот военным стать, офицером — это да, было. Например, танкистом.

Родился-то я в селе на Смоленщине. Жили бедно, хоть и вкалывали. Образования толкового получить не сумел и на институты не рассчитывал. Один путь был вырваться — уйти в армию. А тогда еще накладывалось предчувствие войны. Оно буквально висело в воздухе. Тревожно, словно перед грозой.

Помню, соберет отец приятелей за столом, выпьют самогона и давай рассуждать, какая у нас будет тактика и стратегия, если немцы нападут. В том, что немцы нападут, никто не сомневался. И в том, что мы дадим им решительный отпор и погоним до самого Берлина, тоже сомнений не было. А нам, мальчишкам, только того и надо. Потому что романтика. Сядем на лавке, уши

развесим. Нам хотелось быть офицерами, стрелять из всамделишного оружия, получать ордена. Нам хотелось на войну. А о том, что на войне убивают, мы не думали. Кто же верит в смерть, когда тебе нет еще и десяти? А тут и песня о трех танкистах. И фильмы…

Позже мой старший брат стал танкистом, а меня судьба миловала. Война все-таки началась, но сокрушительного разгрома немецких захватчиков не получилось. Помню, как немцы входили в наше село. Сначала самокатчики проскочили на велосипедах. А потом въехал на улицу и остановился напротив нашего дома танк. С белой свастикой на броне. Сверху сидел танкист в черном пропыленном комбинезоне, кожаной фуражке и очках-консервах, какие любят мотоциклисты. Огляделся немец вокруг и заметил меня, жмущегося к веранде. Снял очки и улыбнулся. Но такой у него при этом был волчий оскал, такой холодный стальной взгляд, что я навсегда зарекся даже думать о том, чтобы пойти в танковые войска…

Немцы, кстати, остались надолго. Мой юный биограф Сафонов написал в книжке, будто бы всю нашу семью выселили из дома и заставили жить в землянке. Это он так мое прошлое обеляет. Ерундистика, конечно. Никого немцы не выселяли — партизан боялись, да и вообще. Но потесниться пришлось: прислали нам на постой механика Альберта. Баварец с «будкой», как у бульдога. И сволочь редкая. По-русски он ни бельмеса не понимал и учиться не хотел. Потому что считал себя нашим хозяином. Пришлось отцу как-то находить с ним общий язык. Но все равно мы не знали, чего от баварца ждать. Бывало, сидит-сидит, а потом такое выкинет — только держись. Как-то Борьку, моего младшего брата, схватил, затянул шарф на шее и к яблоне привесил. Насилу откачали. Фашист, короче. Очень надеюсь, что этого Альберта наши войска потом взяли в плен и повесили…

С другой стороны, теперь-то я понимаю, что без войны не было бы советской астронавтики. Да и нашего полета не было бы. Немцы создали первые тяжелые ракеты «Фау-2» и первыми запустили их — этого из истории не выкинешь. Хоть и предназначались их ракеты для того, чтобы обстреливать Лондон, а главный конструктор Вернер фон Браун был нацистом и эсэсовцем в больших чинах… Наши и американцы к тому времени только о ракетных ускорителях для самолетов задумывались, а тут такая дура — выше ста километров поднимается. Королев рассказывал однажды, что наши инженеры были потрясены, когда увидели эти ракеты. Говорили: «Такого не может быть, потому что не может быть никогда». Но потом опыт изучили и быстро привыкли. И гораздо лучше ракеты научились делать.

Кстати, до сих пор ходят слухи, будто бы в начале 1945 года немцы посадили в «Фау-2» пилота и он улетел в космос. Обсудили эту тему с Алексеем. Он считает, что это чушь. Даже если бы у «Фау-2» хватило тяги вытащить герметичную кабину с пилотом на орбиту, смысла в этом полете никакого. Русские танки к Берлину рвутся — какие могут быть космические полеты?… А я считаю, что не чушь, а пропаганда. Многие хотели бы историю пересмотреть и наши космические достижения принизить. Чтобы, значит, в представлениях обывателей мысль о превосходстве западной техники укрепить. Мол, еще в сорок пятом году немецкий пилот в космос вышел, а Советский Союз этот опыт только воспроизвел. Если так рассуждать, можно вообще все, что угодно, придумать. Например, писали же в двадцатые годы, будто Циолковский строит ракету для полета на Луну. Давайте предположим, что он ее построил и даже слетал. Чем плоха версия?…

30-е сутки полета

Алексей нарисовал в своей тетради характерный профиль Циолковского и эскизы ракет. Получилась гармоничная и осмысленная картинка. Лишний раз убедился, что Алексей — чертовски хороший художник, рисует уже на вполне профессиональном уровне. Я вот этого дара лишен совершенно, а у него все получается легко и красиво.

Вспомнили и поговорили о Константине Эдуардовиче. Я рассказал Алексею, что слышал от одного из наших академиков, который работал над лунным проектом, будто бы Циолковский ничего не сделал для астронавтики. Ни одна из идей калужского учителя не была реализована, потому что они являются «ненаучной фантастикой». Формула Циолковского на самом деле была выведена Мещерским.

А сам Циолковский в своих философских работах пропагандировал фашизм и геноцид.

— И ты с этим мнением согласился? — удивился Алексей.

— Нет, конечно, — отвечал я. — Ты же знаешь, как я чту Константина Эдуардовича. Ну а что тут возразишь? Идеи его действительно не были реализованы. Потому что после войны стало ясно: нерационально строить все эти связки ракетопланов и космические поезда — дорого, громоздко, ненадежно. Формула Циолковского и вправду частный случай от формулы Мещерского движения тела переменной массы. Так нам на теоретических курсах рассказывали. А что касается пропаганды фашизма, так для того я с собой новое переиздание трудов и взял, чтобы разобраться.

— Разобрался?

— Нет пока еще. Но разберусь.

— Разберись обязательно. А пока послушай меня. Циолковский творил, когда мы с тобой еще и в родительских планах не числились. А страна наша называлась не Советским Союзом, а Императорской Россией. И астронавтика в той стране была не в чести, считалась занятием для чудаков и сумасшедших изобретателей. В лучшем случае, темой для фантастов. Непонятно было, кому она нужна и зачем. Перед Циолковским стояла почти непосильная задача. Он должен был не просто описать проект космического корабля, не только доказать, что выбранная им схема лучше всех остальных, но и объяснить простым людям, почему они должны строить космические корабли. Он был обыкновенным школьным учителем из Калуги, но сумел стать Учителем с большой буквы — он создал не теорию, но мировоззрение. И создал его из того, что было. Многие его идеи кажутся нам сегодня странными. Или даже антигуманными. Но никогда не следует забывать, что он был сыном своего времени. И говорил на языке своего времени. И на фоне многих других Циолковский выглядит исключительным гуманистом. Вспомни, чем кончил Вернер фон Браун. Тоже ведь считается пионером астронавтики…

— А как же формула?

— А что формула? Мещерский создал научную теорию, которая и тогда, и теперь непонятна для дилетантов. Так бы она и осталась теорией. А Константин Эдуардович сделал шаг вперед — он вдохнул в эту теорию жизнь. Кто еще в России до революции был способен на это?…

Такой вот у нас с Алексеем разговор получился. И можно сказать, он мне открыл глаза. Ведь раньше я незатейливо восхищался гением Константина Эдуардовича, а теперь начал понимать, какую мыслительную работу учителю из Калуги пришлось проделать, чтобы вырваться за пределы обыденности, подняться над провинциальным мировоззрением и разглядеть будущее. А сколько нужно иметь терпения, воли, чтобы достучаться до других людей, зажечь их своей мечтой, убедить и повести за собой?…

И меня он тоже убедил. И зажег. И повел. Я вообще-то впервые задумался о космических полетах после того, как в Саратовском техникуме наш преподаватель физики Николай Иванович поручил мне сделать двадцатиминутный доклад о Циолковском. Пришлось отправиться в библиотеку и взять все, что там было за его авторством. Помню, отыскал книгу «Труды по ракетной технике» 1947 года издания и потрепанную довоенную

брошюрку с повестью «Вне Земли». Начал читать и увлекся. Потрясал размах воображения. Картины глобального заселения космоса завораживали. И вся наша жизнь как-то сразу обрела смысл. Я ведь вошел в тот возраст, когда нужно уже решать, какой путь в жизни выбрать, и вопрос осмысленности этого выбора был для меня вовсе не праздным.

В самом деле, думал я, ведь когда-нибудь коммунизм победит. Голод, разруха, болезни уйдут в прошлое. Каждый будет жить в красивом дворце посреди цветущего сада. Изучать науки, творить искусство, развивать себя спортом. Всю грязную нетворческую работу будут делать умные машины. Но что дальше? Неужели наступит конец истории? Это, конечно, хорошо, когда все проблемы решены, думал я, но какая сила будет двигать коммунаров вперед, не давая им успокоиться, почить на лаврах? И Циолковский отвечал на мои вопросы. Тех, кто будет жить при коммунизме, увлечет идея освоения и заселения космических далей. Сначала нужно построить ракеты, затем совершить пробные полеты в околоземное пространство, еще позже — высадиться на Луну и планеты Солнечной системы. Потом нужно начать строительство «эфирных островов» — огромных обитаемых станций, способных десятилетиями носиться в космосе. А еще позже потомки жителей этих станций отправятся к звездам. Человечество расселится по Млечному Пути и станет самой могущественной цивилизацией во Вселенной.

Я, конечно, не надеялся стать одним из тех, кто полетит в космос, — ведь Циолковский писал, что произойдет это еще очень нескоро. Но одна мысль в его работах меня зацепила. В малоизвестной работе «Основы построения газовых машин, моторов и летательных приборов» Константин Эдуардович утверждал, что путем достижения космоса может стать поэтапное совершенствование аэропланов с ракетными двигателями. Сначала простые и дешевые летательные аппараты докажут преимущества новых двигателей при достижении больших высот и скоростей. А когда население к ним привыкнет, когда появятся подготовленные кадры, способные работать с этой техникой, тогда можно будет говорить о построении сложных авиакосмических комплексов. Понадобятся летчики, понял я, много летчиков. Я решил стать одним из них…

31-е сутки полета

Алексей читает мои записи и посмеивается. Не верит, что студент техникума, приехавший из глубинки в Саратов, может так связно излагать самому себе столь сложные идеи.

— Придумываешь, — говорит Алексей. — Ты это потом для

себя упорядочил. Уже когда в Отряде был. И про движущие силы коммунизма. И про конец истории. И про ракетопланы.

— Ничего подобного! — отвечаю резко, потому что сомнения Алексея в моей искренности задевают. — Я сформулировал уже тогда. Мне доклад поручили, ты забыл? А когда пишешь доклад, то нужно делать выводы на основе изученного материала. Вот я и сделал.

— И какую оценку тебе поставили за доклад?

— Хорошо.

— Ха-ха, — смеется Алексей. — А почему не отлично? У меня готов ответ:

— Потому что не надо было коммунизм пристегивать. Времена-то были еще те. Ошибиться в понимании политического курса было опасно. Тогда, если помнишь, очень популярна была теория о возрастании сопротивления врагов по мере приближения к коммунизму.

— Во-во, и я про это. С чего бы вдруг студенту техникума о таких вещах думать?

— А с чего бы я тогда из литейщиков в летчики подался? Алексей посмотрел с непонятной искринкой в глазах, но спорить больше не стал. И правильно. Нечего тут спорить.

А я точно помню, что после того доклада стал за темой следить. Если встречалась заметка или статья о ракетной технике и астронавтике, то внимательно изучал ее. Узнал тогда о Цандере и Кондратюке. Узнал о запусках советских геофизических ракет и о теории марсианской растительности. Прочитал книжки Чернышева, Космодемьянского и Ляпунова. Так что с тех пор астронавтика для меня стала предметом увлечения — хобби, как говорят англичане.

Это знание мне сильно помогало: и в аэроклубе, и потом, в Оренбургском училище. Летчики — люди заводные. Их завораживают разговоры о полетах еще выше, еще быстрее. А я как бы не только языком трепал, но мог на авторитеты ссылаться. И цитировал к месту. За это в училище меня выделяли, и закончил я его истребителем первого разряда.

В гарнизоне — та же история. Потом Веня Киселев, сослуживец, рассказывал, что за глаза офицеры меня Лунатиком прозвали. Прозвище на самом деле не обидное, скорее, уважительное. А главное — как в воду глядели.

Или вот другой случай, но из той же оперы. Был у нас один прохиндей в гарнизоне — разрисовывал ради шутки фуражки младшим офицерам. Уж и били его, и на «губу» сажали, и фуражки прятали, а он все равно: сопрет фуражку и кота на внутренней стороне нарисует. А потом со смехом вернет. И у

меня, конечно, спер. Только нарисовал не кота пушистого, а какое-то чудо-юдо с щупальцами. Я прохиндея поймал, но не для того, чтобы побить, а ради интереса: почему у всех коты, а у меня — чудо-юдо? «Так это кот, — отвечает. — Только марсианский!»

В общем, они шутки шутили, а я знал: скоро уже что-то случится, накопленного опыта вполне достаточно для начала освоения космоса. А значит, нужно ждать потрясающих новостей. И я верил, что первыми будем мы — Советский Союз. Ведь для этого имелись все предпосылки: самое образованное общество, самый прогрессивный строй, задел пионеров ракетостроения…

1 сентября 1956 года мне пришлось пересмотреть свои взгляды.

Потому что американцы запустили свой сателлит. И это был первый искусственный объект, стартовавший с Земли в космос. До них никто ничего подобного не делал. Только в романах…

Фрагмент второй

35-е сутки полета

У писателя О'Генри есть замечательный рассказ «Справочник Гименея». Я вспоминаю этот рассказ все чаще и чаще. Он очень актуален для нас с Алексеем. Помните, как там было сказано? «Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в маленькой хижине. Человеческая натура этого не выдержит!» Преувеличивал, конечно же, О'Генри. Наверное, он прав, когда речь идет о малознакомых людях. Но мы-то с Алексеем знаем друг друга давно и не первый раз путешествуем в тесном обитаемом объеме межпланетного корабля, нас подбирали на совместимость, а потом еще учили терпимости. В общем, мы двое — хорошо подготовленный экипаж, внутри которого практически не бывает конфликтов. К тому же я помню, что Алексей однажды спас мне жизнь. Если у нас случается размолвка, я снова вспомню это и прогоню обиду, какой бы сильной она ни была. Поэтому рассказ О'Генри здесь по другому поводу. Там два золотоискателя, отрезанные бурей от цивилизации, пытаются сохранить душевное здоровье чтением книг, но книги у них всего две: один берет «Справочник необходимых познаний», а другой — сборник стихов Омара Хайяма. Эти книги поменяли всю жизнь золотоискателей, одного сделав прагматиком, а другого — романтиком. Такая вот история.

У нас на корабле тоже есть книги. Но нам повезло больше: у нас есть выбор. Из-за ограничений по весу было разрешено взять только по две личных книги. Все остальное — справочники и таблицы для работы. Я долго думал, что выбрать, а потом понял:

пока есть возможность, нужно мне разобраться с теми вопросами, которые еще остались. Поэтому я взял с собой книгу Циолковского, сборник его малоизвестных работ. А к ней — «Краткую историю мировой философии». И поставил перед собой задачу — выяснить, насколько изменились взгляды человечества после того, как появился космизм. Это очень важный вопрос. Может быть, самый важный из всех, которые я себе когда-либо задавал.

Алексей, узнав об этом, долго ехидничал, утверждая, что я так перед начальством выслуживаюсь. Но я ему на это сказал: «Мне уже нет нужды выслуживаться. Я был первым на Луне. Это что-нибудь да значит!»

Сам он взял в полет два сборника фантастики: советской и американской. И гордо в заявке написал, что хотел бы с помощью этих книг определить перспективы дальнейшего развития астронавтики. Демагог! Дешевых развлечений он хотел…

И вот что интересно. На нас эти книги тоже влияют заметным образом. Как на тех золотоискателей.

Вчера Алексей в десятый раз мучил американский сборник, а утром заявил, что ему приснился страшный сон. Будто бы он вице-президент какого-то частного банка, сидит в огромном кресле, секретарша там у него и так далее. А потом подходит к окну, а за окном — горящая Москва и трупы на улицах.

Стали думать, к чему такой сон. Решили, что таким образом подсознание Алексея протестует против того видения будущего, которое заложено в американских рассказах. Обсудили. Получается, что американские писатели экстраполируют свое настоящее в галактическое будущее. По мнению американцев, даже когда межзвездные корабли будут бороздить Млечный Путь, все сохранится: деньги, банки, суд Линча, продажные политики и полицейские. А на кораблях будут летать эдакие ковбои с лассо и в сапогах со шпорами. Но мы-то знаем, не для того человек проник в космос, чтобы мерзость всякую туда нести. Да и невыгодно это, сохранять устаревшие товарно-денежные отношения там, где речь идет о ежеминутном выживании: космос — не курорт. Капиталисты в космосе обречены на вымирание. Возьмем гипотетическую ситуацию. Летят в корабле десять человек, и все пользуются одинаковым количеством запасов воды-еды-кислорода. И вот среди них появляется «деловой», который оказывает услуги и за это требует себе большую долю, чем полагается по регламенту. Если не найдется в команде сильный лидер, который поставит хитрована на место, тот всех остальных в кабалу скоро возьмет и распоряжаться будет. Так-то вот.

И еще одно немаловажное обстоятельство, говорит Алексей. В

мире капитала главным мерилом является прибыльность. Любое дело, хорошее или плохое, капиталисты только с позиций прибыльности оценивают. Но не будет никогда астронавтика прибыльной. Чтобы продвигаться вперед, во Вселенную, нужны большие расходы ресурсов, а результат трудно прогнозируем. Скорее всего, вообще не будет очевидного результата. Да, наука шагнет вперед, мы узнаем, как устроены планеты Солнечной системы, узнаем, как формировались их ландшафты и так далее — но это знание в карман не положишь. А потому раньше или позже капиталисты свернут астронавтику. Не нужна она им. А нам — нужна. Потом что это часть нашего будущего. Для этого и революцию делали…

36-е сутки полета

Алексей высказал интересную мысль. Американцы сами понимают шаткость своих построений, перенося капитализм на просторы Галактики. Поэтому умнейшие из них описывают все же коммунизм, но на религиозной основе. Взять хотя бы повесть из сборника. «Сироты небесные». Автор — Роберт Хайнлайн. Там к звездам летит огромный корабль. Летит он много столетий, потомки первого экипажа уже забыли, что существует внешняя Вселенная, весь их мир ограничен обитаемым объемом звездолета. И естественно, у них царит некое подобие коммунизма. Но это не наш советский коммунизм. Это общество с патриархальным укладом и развитой религиозной системой. И очень жестокое, почти тираническое. Только таким западные писатели готовы видеть коммунистическое будущее. И в этом даже есть своя, хотя и извращенная логика. Ведь первые коммуны, напомнил мне Алексей, создавались именно как религиозные общины. Например, в таких коммунах жили первые христиане, гонимые враждебным окружением. Равенство равных по рождению людей заменялось там на равенство перед Богом. Однако религиозные культы всегда ведут к бесконтрольному росту фанатизма и к гибели общины. Коммунизм, основанный на слепой вере, а не на знании, не сможет долго существовать. У такого коммунизма нет будущего.

Тут я возразил Алексею, что его мысли верны, конечно, но он упускает из виду немаловажное обстоятельство. Если американцы исторически обречены на поражение, потому что капиталисты не тратятся на убыточные проекты, а религиозные коммуны не имеют перспектив, то они должны до сих пор прозябать на Земле, завистливо глядя на улетающие в космос советские ракеты. Однако у американцев есть свой хороший космический флот. Да и сателлит они запустили первыми. Из истории этот факт не

вычеркнешь. Отныне и навсегда США будут считаться первой космической державой, и все наши последующие достижения, как ни горько это звучит, будут восприниматься только как продолжение дел и идей американцев. Значит, не только в коммунизме, но и в капитализме есть некая движущая сила, которая позволила США еще в 1956 году выйти в космос, раздвинув горизонты доступного нам пространства.

— Разумеется, есть, — легко согласился Алексей. — Они тоже люди. А человек устроен таким образом, что стремится расширить горизонты, проникнуть в новую среду обитания. Если человек перестанет это делать, он вымрет. Все довольно банально. Но есть нюанс. Если для коммунистов расширение границ обитаемого мира — это естественное состояние, то для капиталистов это имеет смысл до определенного предела. Раньше или позже они подсчитают расходы и доходы и придут к выводу, что космические запуски избыточны, без них можно обойтись. Тогда они свернут свою космическую программу. Я скажу больше: современная американская космическая программа развивается благодаря нам и в противовес нам. Исчезни завтра Советский Союз, и капиталисты перестанут летать в космос.

— И все же они были первыми, — отметил я. — Хорошо помню, как на нас это подействовало…

Я и в самом деле очень хорошо это помню. Сначала прошла информация ТАСС. Мол, в США был осуществлен запуск сверхвысотного аппарата военного назначения. В этом не было ничего удивительного. И у нас, и в Америке запускались ракеты и высотные лаборатории, некоторые — с подопытными животными. К этому все привыкли. Поэтому я пропустил заметку мимо внимания. Ожидал, что подробности появятся позднее — в «Новостях ракетной техники», которые я выписывал для нашей библиотеки. А потом, буквально уже 3 сентября, все как с цепи сорвались. Пошли публикации в «Правде», «Комсомолке», даже в «Красной звезде». Сателлит! Надо же! Первый искусственный объект на орбите! Новая луна! Конечно, вспомнили сразу, что и у нас подобные разработки были. Помянули и Циолковского, и геофизические ракеты. Но в публикациях чувствовалась и какая-то растерянность. Почему американцы первые? Ведь Циолковский был у нас. И он указал путь к звездам, он вывел формулу, которая позволяла рассчитать ракету для космического полета. Те из журналистов, кто более или менее разбирался в вопросе, предположили, что успех США предопределили немецкие трофеи и специалисты, вывезенные в конце войны из Германии. Здесь было здравое зерно, ведь ракету для запуска сателлита делал Вернер фон Браун. Он в Америке тогда был в большом

авторитете, хотя, по сути, недобитый эсэсовец. Позднее тон публикаций изменился. Стали писать о военном значении сателлита. О том, что американская военщина претендует на господство в космосе, чтобы диктовать свои условия Земле. Вновь всплыл подзабытый уже термин «форрестолотворение» — емкое словечко, означающее разработку планов по активному завоеванию космического пространства с целью достижения военного превосходства. Сейчас уже никто не помнит, кто такой был этот Форрестол и чем знаменит, но словечко запомнилось, и его употребляли к месту и не к месту.

Поскольку за мной закрепилась репутация «лунатика», то все, от рядового срочной службы до комполка, стали обращаться ко мне за разъяснениями. Что за сателлит такой? И в чем его военная функция? Пришлось поднапрячься и заказать литературу. Изучил тему в подробностях и доложил: так, мол, и так, ничего военного в американском сателлите нет. Глупый десятикилограммовый шарик. Называется «Орбитер». Все оборудование: ртутная батарея и радиопередатчик. Летает по низкой орбите и передает простой сигнал: «пип-пип-пип».

— Получается, что наши журналисты преувеличивают? — спросил меня замполит.

— А вот и нет, — ответил я.

И объяснил, что сателлит — это, так сказать, первая ласточка. И не такая бессмысленная, как может кому-то показаться. По траектории движения сателлита можно сделать выводы о характеристиках околоземного пространства и о гравитационном поле Земли. Со временем американцы научатся запускать более массивные сателлиты. И в них, помимо батареи и радиопередатчика, можно будет размещать фотокамеры и снимать земную поверхность, выявляя советские военные базы. А еще через некоторое время в сателлит можно будет поместить ядерную боеголовку, чтобы свести ее с орбиты в нужное время, нацелив на один из наших городов. Сбить такую космическую боеголовку невозможно, и эта угроза будет постоянно висеть у нас над головой.

— Неужели у нас ничего подобного нет? — спрашивали сослуживцы.

Тут, помнится, я пришел в замешательство. Что мне было ответить? Я знал, что у нас ведутся разработки по ракетной тематике. В космическое пространство, но без выхода на орбиту, запускали уже и собак, и других подопытных животных. Обещали, что и сателлит скоро запустим, и космическую обсерваторию. А там и на Луну полетим. Десятки книг выходило. Тот же Ляпунов неоднократно писал. Но кто сателлит делает? Где? Откуда он в

космос полетит? И на какой ракете? Только смутные слухи ходили. Событие, дескать, готовится, но до получения первых результатов оно засекречено. Что тут скажешь?… Отбрехался, конечно. Сказал, что, по имеющимся у меня сведениям, наш ответ заокеанскому агрессору будет неожиданным и превосходящим. И ведь, что интересно, не ошибся. Так оно в конце концов и получилось…

37-е сутки полета

Был двадцатиминутный сеанс связи с Землей. Сначала передавали данные по навигации и СЖО, потом обменивались приветствиями. Говорил с семьей, с Валей. У них все нормально. Я и не сомневался.

С каждым месяцем сеансы будут все реже и реже. Мы экономим энергию. И так тащимся на самом пределе. Любой перерасход обойдется нам очень дорого. Но мы это знаем, а значит, вполне потянем на того верблюда, который пролез в угольное ушко.

Потом снова отдыхали и вспоминали первый сателлит. Разговор перешел на запуск нашего «Спутника-1», который состоялся только через год после американского триумфа — в день сорокалетия Великого Октября, 7 ноября 1957 года. Это был ответ, которого ждали. И это был поразительный ответ.

«Спутник-1» ничем не напоминал глупый шарик «Орбитер». Нет, это был настоящий орбитальный самолет — крылатый красавец массой в полторы тонны, напичканный хитроумными приборами с радиоуправлением. На его борту находился «биологический груз»: собака Лайка, две черепахи и десяток мышей. Система жизнеобеспечения проработала пять полных суток, и все это время животные чувствовали себя нормально. Еще через неделю «Спутник-1» вошел в атмосферу и сгорел.

Даже бегло ознакомившись с характеристиками советского сателлита, можно было сделать вывод, что это еще не полноценный космический корабль, а прототип. В объекте такой массы невозможно разместить человека с соответствующей СЖО. Да и система спуска с орбиты в компоновке «Спутника-1» не предусматривалась. С другой стороны, наличие крыльев, вытянутого обтекаемого фюзеляжа с теплозащитой говорило о том, что на орбиту выведен если и не серийный образец, то прототип космического корабля, а значит, очень скоро будут новые запуски и в космос отправится человек. Советский человек.

Так я ситуацию своим сослуживцам и обрисовал. Мое выступлении произвело фурор в гарнизоне. Оно и понятно. Раньше они меня называли «лунатиком» в шутку. Никто не верил,

конечно, что я смогу слетать на Луну или на Марс. У всякого есть хобби, но редко когда хобби превращается в профессию. А тут вдруг получается, что я могу и на самом деле полететь. И не только я.

Астронавтика и все, что с ней связано, сразу вошли в моду. Газеты доставляли в гарнизон с опозданием, но они шли нарасхват. Спецвыпуск «Правды», почти целиком занятый описанием «Спутника-1», затрепали и зачитали до дыр. У гарнизонного «лунатика» появился ревнивый соперник — инженер полка объявил о том, что выступит с популярной лекцией о достижениях наших ученых, которые проложили дорогу в космос. На лекцию пришли почти все офицеры, многие с женами и детьми. Я наблюдал, как загорались глаза подростков, когда инженер говорил, что в скором времени люди полетят к ближайшим планетам. Пацанов больше не интересовали самолеты и летчики, они их видели каждый день. Теперь сердца молодежи были отданы новой любви — космическим кораблям. Наши «МиГи» на этом фоне выглядели бледно. Меня, конечно, подначивали, и я высказался, когда лекция закончилась. Врубил инженеру по полной программе. Сказал, что запуск сателлита и полет к другим планетам — это разные вещи. Для того чтобы слетать хотя бы к Луне, нужно строить большую орбитальную станцию как промежуточную базу. На это уйдут десятки лет, а американцы спать в это время не будут. И они могут помешать нам выполнить задуманное. Однако, чтобы не разочаровывать пацанов, которых только что зажгла новая ослепительная идея, я сказал, что если «Спутник-1» полетел, значит, правительство не жалеет средств на астронавтику, тысячи или даже десятки тысяч специалистов трудятся сейчас по всей стране, чтобы решить эту грандиозную задачу: будут у нас и новые сателлиты, и орбитальная станция, и межпланетные корабли. Полетим ли мы в космос — неизвестно, а вот сегодняшних ребят ждет великое будущее.

Были, конечно, и сомневающиеся. Как-то за чаркой один из сослуживцев (уж не помню кто) сказал, что ерунда все это: спутники, сателлиты, орбитальные станции. Что они дают народу? Жили без спутников — и ничего. Надо, мол, оборону укреплять, а запуски сателлитов — сплошное баловство, деньги на ветер. Глупость, конечно. Я этому сомневающемуся просто сказал: мы живем в развитой социалистической стране, пользуемся электричеством, медициной, радио слушаем, ездим на автомобилях и поездах, летаем на самолетах — и все только потому, что не считаем развитие глупостью. Такой, как ты, в каменном веке тоже небось думал: зачем мне огонь, без огня

жили и еще сто лет проживем. Так вот, вымер он — тот, который от огня отказался. А наши предки выжили и теперь готовы дальше двинуться, к звездам. А такие, как ты, вымрут!

Рассказал эту историю Алексею. Он, разумеется, со мной солидарен. Ему тоже приходилось сомневающихся переубеждать. До первого полета на Луну много их было. А потом все стало ясно, и разговорчики эти прекратились.

— Что и говорить, — сказал Алексей, — американский сателлит изменил историю.

— Это в каком смысле? — удивился я.

— В прямом. Ты же помнишь, Сергей Павлович рассказывал. Если бы не «Орбитер», он бы до конца пятидесятых межконтинентальные ракеты клепал. А этот их запуск так весь мир всколыхнул, что нашим кремлевским руководителям стало ясно: космос поважнее на этом этапе будет. Какой толк делать ракеты, если весь мир за Америку. Ведь американцы в космос летают, а мы нет. Против целого мира не устоишь. Веру в будущее наши люди утрачивать стали. А это опаснее всего. Так что Политбюро правильно поступило, когда бросило все авиационные и ракетные бюро на разработку спутника и доводку ракеты. А потом темп только нарастал. Остановиться в таком деле трудно, — Алексей смеется. — Спасибо «Орбитеру»! Благодаря ему мы сейчас и летим с тобой на Марс…

Фрагмент третий

52-е сутки полета

Марс еще не виден. На корабле нет иллюминаторов. Поэтому Марс можно будет наблюдать через перископы системы навигации и кабину ракетоплана. Но до первой коррекции девять дней, а потому корабль ориентирован так, что в перископы видны только звезды. А в ракетоплан до ареоцентрической орбиты нам ходу нет, он законсервирован. Так что мы не знаем, как выглядит Марс после трети пройденного пути. Астрономы утверждают, что ничего особенного. С такого расстояния Марс должен выглядеть красной горошиной без четко очерченных элементов поверхности. Как в средний телескоп в момент Великого противостояния. Открытий мы никаких сделать не сможем. Разве что разглядим знаменитые каналы…

Алексей читает через плечо. Да, я вижу, что ты читаешь…

Обсудили тему каналов. В американском и советском сборниках есть несколько рассказов, в которых фигурирует Марс с каналами. Фантасты, вслед за учеными начала века, считают, что каналы — сооружение, созданное высокоразвитой

цивилизацией. Однако современные астрономы скептически смотрят на эту гипотезу. На Марсе очень холодно, редко где температура поднимается выше нуля. Там очень разреженная и сухая атмосфера. Если бы по каналам текла вода, то она бы испарилась или просто замерзла. Вряд ли на Марсе имеются открытые водоемы. Наверное, каналы — это все-таки огромные трещины в коре Марса, глубочайшие каньоны, каких нет больше ни на одной из планет Солнечной системы.

— Марсиан мы не встретим, — согласен Алексей. — Но Марс намного древнее Земли. Жизнь и разум могли появиться на нем раньше, а потом погибнуть, не пережив глобальный катаклизм. А может быть, марсиане предвидели гибель своей планеты и переселились на Землю. И все мы — потомки марсиан. Я читал такую повесть в детстве.

— Она есть в сборнике?

— Нет, я даже не помню автора и названия. Но помню, что там советский корабль летит на Марс. И астронавты находят руины древней цивилизации. Она готовилась к переселению, но погибла от внезапной эпидемии.

— Избыточная гипотеза, — сказал я. — Слишком много допущений.

— Почему же избыточная? — Алексей стоит на своем. — Законы развития одинаковы для всей Вселенной. Марс очень похож на Землю. Значит, теоретически мог стать очагом возникновения жизни. Таким же, как Земля. Между прочим, Циолковский не отрицал существования цивилизации на Марсе.

Тут мне представилась возможность блеснуть новоприобретенными знаниями.

— Да, не отрицал. Но никогда и не строил свои выводы на основе этой гипотезы. Он верил, что космос обитаем. Он доказывал, что в космосе живут высокоразвитые существа, которые научились путешествовать между звезд. Он верил, что эти фантастические существа самодостаточны и могут обходиться без привязки к планетам. И что со временем мы сами станем такими существами. Но если бы Циолковский признал существование жизни на Марсе, ему пришлось бы указать, что одним из неизбежных этапов в освоении космического пространства является контакт с марсианами. А этого у него нигде нет. Он вообще утверждал, что высаживаться на другие планеты необязательно. Человечество должно жить среди звезд — в пространстве чистой энергии. Только такие существа способны перейти на новый уровень бытия, избавиться от болезней и смерти.

— А ты сам как считаешь? — спросил вдруг Алексей. — У

тебя мнение по этому вопросу есть? Или ты во всем согласен с Циолковским?

Как мне ему ответить? Циолковского я уважаю как мыслителя, как человека, первым указавшего людям путь к звездам. КЭЦ очень сильно повлиял на меня. И не только на меня. На Королева, например. Но в философских трудах Циолковского есть какая-то такая интонация… упаднические, что ли? Хоть я и не люблю этого слова, но, наверное, оно самое точное. Его инопланетяне жестоки, они уничтожают целые миры и цивилизации, если те не соответствуют их «стандартам качества». Мне не хотелось бы, чтобы земляне превратились в таких ублюдков. Вечная молодость и способность путешествовать между звезд не стоят этого. Я думаю, в этой части Циолковский ошибся. Ему простительно, ведь он человек из другой эпохи. Революция случилась, когда он уже был стар и немощен. Он даже коммунистом никогда не был, а потому не мог разделять коммунистическое мировоззрение.

Если уж говорить о том, какими мне хотелось бы видеть инопланетян, то тут я полностью разделяю взгляды Ивана Антоновича Ефремова. Его книга «Туманность Андромеды» добралась до нашей гарнизонной библиотеки как раз в 1957-м, после запуска «Спутника-1». Мы читали ее по очереди. Книга нам сразу понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, которые попадались в детстве. Мне нравились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвездных путешествий… Я сразу понял и оценил главную идею писателя. Если венцом развития жизни является человек разумный, а самым совершенным социальным строем является коммунизм, тогда вырисовывается вполне логичная картина. Любые источники жизни в Галактике порождают человекоподобных существ. Эти существа в процессе развития приходят к коммунизму. А затем уже пытаются установить связи друг с другом, чтобы обмениваться культурными достижениями. Жестокость, равнодушие к чужой боли — это признак варварства. Почему Циолковский этого не понимал? В будущем между народами и цивилизациями не будет войн. И мы, коммунисты, сделаем все для этого…

53-е сутки полета

Алексей читает мой дневник и утверждает, что я слишком разбрасываюсь и пишу все скучнее и скучнее. Он говорит, что мне пора рассказать о том пути, который мы проделали, прежде чем оказаться на первом марсианском корабле.

Удивительно! Ведь мы действительно летим на Марс. А пятнадцать лет назад это казалось форменной фантастикой. И дело, конечно, не в сателлите, дело в ракетах.

Запуск сателлита обозначил цель, но ракеты предоставили возможность. Читая газеты и роман Ефремова, я уже тогда видел, что на смену самолету придет ракета. В издательстве «Советская энциклопедия» вышел огромный том, посвященный «Спутнику-1», — его привез из Ленинграда инженер полка. Была там и глава о многоступенчатой ракете «Победа», которая вывела наш сателлит на орбиту. Из нее я узнал, что ракету разработали сразу несколько главных конструкторов: Сергей Королев, Михаил Тихонравов и Валентин Глушко. В опубликованных интервью они утверждали: ракета вполне способна выводить на орбиту до пяти тонн груза, что позволит в ближайшее время запустить настоящий космический корабль с пилотом-астронавтом на борту. Пока обещали запускать беспилотные сателлиты. И действительно выполнили обещание. За первым запуском в космос отправились «Спутник-2» и «Спутник-3» массой в две с половиной тонны. Это были уже большие научно-исследовательские лаборатории. Каждая из них дала научному миру массу данных о том, как устроено околоземное пространство. Например, были открыты радиационные пояса вокруг Земли. Но самое интересное, «Победа» оказалась далеко не единственной ракетой, которая становилась на вооружение в Советском Союзе.

В январе 1958-го пришло сообщение о запуске новейшей межконтинентальной ракеты «Буря». В отличие от космической «Победы», «Буря» летала в стратосфере и была снабжена крылом, как самолет, чтобы маневрировать. Ее конструктор Семен Лавочкин утверждал, что такая ракета в качестве носителя выгоднее, поскольку позволяет отказаться от жесткой географической привязки стартовых комплексов. Она сама по себе стартовый комплекс, и с нее может взлететь небольшой аппарат, выводимый на произвольную траекторию или орбиту.

Из статей в «Правде» следовало, что другой конструктор, Владимир Мясищев, готовится поразить воображение народа запуском пилотируемой крылатой ракеты «Буран». Если «Бурю» можно было использовать один раз, то «Буран» — многоразовая система. Опытный пилот в кабине вернет крылатую ракету на базу и совершит посадку, выпустив шасси. Утверждалось, что с помощью одного «Бурана» можно будет запустить до ста сателлитов.

У любознательных сослуживцев сразу возник вопрос: а зачем столько разных ракет? Неужели одной «Победы» для освоения

космического пространства недостаточно? Но на это у меня был готов ответ. А зачем нужен «Ту», если есть «МиГ»? Затем, что они выполняют разные задачи. Один — тяжелый бомбардировщик, другой — истребитель. Так и в астронавтике. «Победа» предназначается для запуска тяжелых сателлитов и кораблей. А «Буря» и «Буран» нужны для обеспечения вывода на орбиту более простых, легких и дешевых аппаратов. Если мы всерьез взялись за космос, то должны иметь целую серию ракет разного класса и грузоподъемности. Причем не только для решения научно-исследовательских, но и военных задач. Представьте, говорил я, стартует «Буран». Он летит в отдаленнейший район Тихого океана. Он летит так быстро и низко, что его не могут отследить вражеские радары. Затем с него в сторону Америки стартует орбитальный самолет типа «Спутника-1». На космической скорости он проходит над США и может выполнить любую боевую задачу: заснять интересующие нас объекты или даже сбросить атомную боеголовку. Это не значит, что мы уже завтра начнем бомбить США с орбиты, но заокеанские империалисты должны знать, что мы на это способны. Они ведь долго упивались своей безнаказанностью. У них была атомная бомба, у нас — не было. У них были бомбардировщики дальнего действия, у нас — не было. У них был сателлит, у нас — не было. Вот они и считали, что могут уничтожить СССР, когда захотят. Но теперь десять раз подумают, прежде чем объявлять нам войну…

54-е сутки полета

Алексей считает, что две мои предыдущие записи противоречат друг другу. Сначала я ратую за мирное сосуществование космических цивилизаций. Затем пишу о военном применении космических аппаратов.

— Тут нет противоречия, — доказываю я. — Мы уже говорили с тобой на эту тему. Когда цивилизации выходят в космос, они становятся коммунистическими. И только коммунистическое общество способно осваивать Вселенную. Одно поддерживает другое. Следовательно, к началу межзвездной навигации военные космические аппараты уйдут в прошлое. Отправятся в музеи вместе с нашими «МиГами» и автоматами Калашникова.

— Ты не веришь в космические войны?

— Нет, не верю.

— Но одна такая война уже случилась.

— Случилась. Но она первая и последняя. Для этого мы и летим на Марс, чтобы не было больше таких войн.

— А если, допустим, мы полетим к звездам? А там обнаружим другие, инопланетные США. Или, вообще, фашистов.

Все-таки Алексей — мастак на каверзные вопросы. Это он от чтения американского сборника, что ли, такой борзый? Я его, кстати, тоже прочитал. Ерунда всякая.

Подумав, отвечаю тебе, Алексей. У меня однажды тоже такой разговор был. Пошли мы как-то с сослуживцами в воскресенье на сопки. Отмечали чей-то день рождения. Выпивки, конечно, взяли, закуски, баян. Идем, наигрываем, веселимся. Приняли по дороге для разогрева. И вдруг — раз! — смотрим: самолет разбитый лежит. Я и не знал, что у нас в окрестностях гарнизона такие реликты еще остались. «Мессершмитт». Обгорелый. Прогнивший насквозь.

Притихли все. Опять войну вспомнили. Сколько жертв! Сколько боли! Вот Борис Вдовин, мой ведущий в паре, и спрашивает: «Что ж, и в космосе, значит, войны будут? Опять будем убивать друг друга? Что по этому поводу говорит современная наука?» — «Ты же знаешь, — отвечаю. — Мы за мир во всем мире. И никогда первыми не нападем. Но если как фашисты сделали, то мы всегда свою землю отстоим. Умрем, но ни пяди врагу не отдадим. А лучше вообще войн не допускать. И для этого еще до начала войны надо показать, что мы к ней готовы. Чтобы знал агрессор, что его ждет». — «Но Гитлера это не остановило. Вдруг и в космосе есть свои гитлеры…» — «Я думаю, если где такие гитлеры и были, то их тоже раздавили, как гадин. Потому что там, где они уцелели, только руины наверняка остались. Не способны гитлеры к мирному сосуществованию. И кончают одинаково».

Алексей удовлетворен моим ответом.

Тут наш разговор сворачивает к первому пилотируемому полету. Алексей интересуется, как я впервые о нем услышал. Он считает, что это будет интересно и будущим читателям дневника. Что же, я не прочь рассказать эту историю, хотя в ней, на мой взгляд, ничего особенного нет. Таких историй миллионы. Сколько советских граждан, столько и этих историй.

В 1959 году я стал кандидатом в члены партии. И мне сразу в качестве общественной нагрузки поручили редактировать «Боевой листок» эскадрильи. Дело, между прочим, не самое простое. Хорошо, если что-то важное в стране происходит или праздник какой, а так и писать было особо не о чем. Замполит требовал, чтобы я давал как позитивную информацию о наших летчиках, так и негативную: о пьянстве, нарушении дисциплины, о злостных картежниках. Но как тут дашь, если я и сам не прочь всегда «пулю» расписать, да и застолий не избегал? А как прикажете расслабляться в дальнем гарнизоне? Но приходилось соответствовать.

И вот пребывал я в раздумьях, о чем писать в очередном «Боевом листке», а тут вдруг дежурный офицер связи прибегает с выпученными глазами.

— В космосе летчик! — кричит.

— Ты сдурел, что ли? — говорим ему.

— Только что шифровка пришла!

— А ты уверен, что нам знать положено?

— Да через час весь мир будет знать!

И, что характерно, связист оказался прав. Шифрограмма была отправлена по всем гарнизонам на случай, если первый пилот-астронавт высадится где-нибудь в нерасчетном месте. Чтобы мы были готовы его искать и спасать. А когда стало ясно, что запуск прошел успешно и наш первый человек вышел на орбиту, об этом заговорили все и сразу. А у меня уже был готов «Боевой листок», в котором я помимо официальной информации изложил и свою точку зрения. Пообещал, что с такими темпами мы действительно очень скоро сможем отправить пилотируемые корабли на Луну, Венеру и Марс.

Все-таки это были удивительные дни! Тогда все было внове, необычно, радостно. Мне потом рассказывали, что в разных городах, в Москве и Ленинграде народ просто вывалил на улицы и пошел праздничной демонстрацией с самодельными плакатами, изрядно напугав постовых милиционеров. В Москве сто тысяч дошли до Красной площади, а там, словно на футбольном матче, как начали скандировать: «Ильюшин! Ильюшин! Ильюшин!» А Ильюшин в это время пролетал над ними на высоте двухсот километров.

С посадкой, кстати, не задалось. Владимир Ильюшин приземлился с большим отклонением от намеченной посадочной площадки — чуть не залетев в Китай. Самолет-сателлит «Красная звезда», легкий прототип наших будущих истребителей, разрушился на высоте двадцати километров, тоже выше расчетной. Катапультирование из кабины прошло нештатно, и парашют раскрылся чуть ли не над самой землей. Эту информацию предпочли замолчать, но нам-то, слушателям Отряда, позднее рассказали. Хотя внимательный наблюдатель, наверное, мог бы заметить, что первый астронавт планеты выглядит неважно: прихрамывает, мало улыбается, говорит медленно. Ильюшин сильно повредил позвоночник и проходил в то время курс реабилитации. Но его хотели видеть и поздравить: руководство страны, журналисты, всякие послы и депутаты — как можно отказать? Вот и крепился наш герой, приезжал прямо с процедур на пресс-конференции, встречи, награждения. Даже на митингах праздничных выступал. И пару книг выпустил. И ведь

сам их написал, никому не доверил. Его, конечно, за рубеж звали, в поездку по странам и континентам, но Ильюшин твердо отказал. Мол, занят подготовкой к новому полету. Это неправда была, конечно. Не полетел он больше. Даже на обычный самолет его врачи не допустили. Сказали, что изломанный организм не выдержит перегрузок.

Я вот иногда думаю, каково ему было — жить на Земле после блистательного триумфа, самым известным советским человеком, готовить новых астронавтов, провожать их в первый полет, потом следить за информацией, поступающей из КИПов, за переговорами по космической связи и знать, точно знать, что никогда сам уже не полетишь, никогда больше не испытаешь этого сладостного ощущения, когда машина ревет, планета уходит вниз, а впереди — только чистое бескрайнее небо.

Три витка. Всего три витка на низкой орбите. Они стоили Ильюшину дорого. Они стоили ему неба. Но в конце концов кто-то должен был стать первым. И мы вечно будем благодарны Ильюшину за его подвиг, ведь он открыл людям путь к звездам. Циолковский сказал, что так должно быть и так будет сделано, а Ильюшин сделал.

Я еще успел застать Ильюшина в Отряде. Он всегда был немногословен, с кандидатами в астронавты держался подчеркнуто дружелюбно, но на дистанции. Он был живой легендой для нас. Мы старались ему как-то услужить, выделиться перед ним. Это не было связано с карьерными соображениями, нет! Просто он был первым пилотом-астронавтом, живым символом новой эпохи, которая наступила в ту минуту, когда «Красная звезда» вышла на орбиту. Жить в одно время с таким человеком, иметь возможность поговорить с ним, задать вопрос и получить ответ — о чем еще можно мечтать?

Когда-нибудь наши дети поведут к другим солнцам огромные мощные звездолеты. До этой фантастической эры мы все-таки не дотянем. Они увидят чужие планеты и другие цивилизации. Но я совсем не завидую им. Ведь я, как и они, тоже летаю в космос, но еще я жил в одно время с такими людьми, как Ильюшин и Королев — в эпоху, которую они, без сомнения, будут считать временем великих героев.

Да, Алексей, мы — Великие Герои. Именно так нас и будут называть. А мой дневник, если его когда-нибудь найдут, покажет, что великие герои тоже могут испытывать простые человеческие чувства: любить, страдать, ненавидеть, сомневаться… Ты прав, это будет полезный урок…

Но это еще не все мои воспоминания, связанные с первым пилотируемым полетом. Помню, что нас, летчиков дальнего

гарнизона, поразил не только выход «Красной звезды» на орбиту, но и приказ министра обороны, который пришел сразу вслед за сообщением о полете Ильюшина. Речь шла о создании нового вида вооруженных сил — военно-космических. Им переподчинялась авиация и ракетные войска. Стало ясно, что жизнь наша армейская вскоре претерпит самые решительные изменения…

Алексей задает новый каверзный вопрос.

— А как ты думаешь? — спрашивает он. — Могла ли реорганизация пройти успешно, если бы наши танковые маршалы уцелели в пятьдесят третьем? Ведь тот взрыв…

Фрагмент четвертый

59-е сутки полета

…взрыв и пожар.

К счастью, внутри отсека, а не снаружи. Выходить мы по понятной причине не можем. На ликвидацию последствий ушел весь рабочий день. Потом еще чистили третий отсек. Работали в масках. Алексей взял на себя объяснения с Землей. Нам поставили «отлично». Еще бы не «отлично». Будь «хорошо», мы оба уже остывали бы.

Отчет о ликвидации аварии написал в бортовом журнале. Здесь ничего писать не буду. Устал чертовски. Пойду спать.

60-е сутки полета

Обсуждали весь день последствия взрыва. Вроде бы отделались легко.

Придется поэкономить кислород. Решили, что сократим физическую нагрузку. За это придется расплачиваться костями и мышцами, но, если серьезно, выбора у нас нет. Мы знали, на что шли, когда согласились на это путешествие. Потерь все равно не избежать. Главное — мы живы и продолжаем полет. А значит, доберемся и туда, и обратно…

61-е сутки полета

Алексей заметил, что я совсем ничего не пишу о наших заклятых друзьях из Штатов. Смеется. Говорит, что если мой дневник прочтут отдаленные потомки, то не поймут, о чем идет речь. Ведь Штатов к тому времени наверняка уже не будет.

Так вот, товарищи отдаленные потомки, если вы читаете мой дневник, то сообщаю вам, что когда-то на планете Земля, в северной части западного континента существовала большая страна под названием Соединенные Штаты Америки. На этой

территории когда-то жили индейцы, но колонисты из Европы вытеснили и истребили их, после чего основали собственное государство. Если такие люди основывают государство, то ничего хорошего из этого получиться не может. Только государство хищников из этого может получиться.

Соединенные Штаты Америки, называемые для краткости США, с момента обретения независимости только и занимались тем, что лезли во внутренние дела других государств. Американцы всегда презирали границы, никогда не стремились к познанию других культур, навязывали свой образ жизни и свои представления другим народам. Не понимали они, что, кроме денег, существуют еще идеалы — то есть идеи, ради которых хочется жить и работать, а то и умирать нестрашно. Не хотели никогда американцы умирать, зато хотели наслаждаться жизнью, жрать, сколько влезет, купаться в роскоши за счет других. Словно собирались жить вечно! Наплевать им было, что ради их благополучия вырубаются леса, травятся реки, что дети в Африке и Азии умирают от голода. Они наживались на всем. Когда фашистская Германия напала на СССР, американцы объявили себя нашими союзниками, присылали нам грузовики и самолеты, но не просто так, а за золото. И при этом продолжали торговать с Германией. Мир чистогана! Американцы считали себя самыми свободными людьми на планете, но они не были свободны от самих себя, а точнее — от своей неуемной жажды наживы. Если бы на планете не было СССР, Гитлер съел бы их с потрохами: одних купил, других уничтожил.

Американцев всегда пугало, что кто-то может думать иначе, чем они. Американцы не понимали, как можно отказаться от роскоши и благосостояния ради будущего, ради еще нерожденных поколений, ради призрачного шанса, что мир когда-нибудь станет совсем другим, красивым и осмысленным. Они не могли этого понять, боялись и в страхе своем совершали разные преступления. Например, они всерьез собирались напасть на Советский Союз и разрушить наши города бомбардировкой. Вы думаете, это была пустая угроза? Вовсе нет. Однажды американцы использовали атомное оружие, разрушив до основания два японских города: Хиросиму и Нагасаки. Вы думаете, это было вызвано военной необходимостью? Вовсе нет. Япония еще до этого лишилась флота, потеряла армию на континенте и находилась на пороге капитуляции. В Хиросиме и Нагасаки не было военных баз — эти города и выбрали-то потому, что они практически не были прикрыты средствами ПВО. Никто и представить себе не мог, что американцы возьмут и уничтожат два города с гражданским населением. Но что еще можно

ожидать от людей, истребивших при основании своего государства целые народы? Если бы они не знали точно, что в случае новой войны наши войска захватят всю Европу, то давно советские города лежали бы в руинах, а советские люди поумирали бы от радиации.

Долгое время американцев успокаивало то, что они лидируют по ракетным вооружениям и стали первыми в космосе. Они прямо заявляли: тот, кто контролирует космос, контролирует Землю. Однако полет Ильюшина испортил им праздник. Они вдруг осознали, что жили в плену иллюзий. Космос не принадлежит им. Наоборот, они столь же далеки от него, как и до момента старта первого сателлита.

Они всполошились. Они испугались. И в самоуверенности своей заявили, что скоро запустят свой корабль с астронавтом.

Когда я проходил подготовку в Отряде, то изучал их проекты по переводам. Нам выдавали толстенные фолианты — пронумерованные и с грифом «Для служебного пользования». Много интересного я там прочитал. У американцев, оказывается, было несколько вариантов космической системы. Они рассматривали их как равноценные. Например, Вернер фон Браун предлагал в качестве носителя свою межконтинентальную ракету, а пилотируемый сателлит в его проекте выглядел как шарообразная капсула с тормозным двигателем — полная ерунда! В конце концов американцы остановились на проекте орбитального самолета. Тут, очевидно, на них повлияло наше решение. Ведь весь мир видел, как крылатый серебристый красавец доставил Ильюшина на орбиту. Остроносый профиль «Красной звезды» печатали в газетах, журналах, на марках. Короче, все к нему привыкли, и мы можем предположить: когда американские генералы увидели нечто похожее на чертежах своих инженеров, они понадеялись, что у них тоже получится. Американцы вообще не привыкли долго бояться. Если возникает страх, они пытаются избавиться от него, заменив одну иллюзию на другую. Они и правда считали, что создав такой же орбитальный самолет, как у нас, сумеют переломить ситуацию в свою пользу.

Тут можно позлорадствовать. Американцы недооценивали нас и не понимали, как важна в деле освоения космоса фора по времени. Когда они только начали прикидывать, какую систему использовать для вывода своего человека в космос, ракета «Восход», созданная советскими научными гениями, выводила на орбиту одну «Звезду» за другой. За год, если считать с полета Ильюшина, в космосе побывали шесть наших астронавтов. Двое из них не вернулись назад…

Это, пожалуй, самая трагичная страница в истории советской астронавтики.

Алексей Ледовский погиб при входе в атмосферу. Угол входа оказался слишком отвесным, и пилот не смог вывести аппарат из пике. Сергей Шиборин погиб из-за неисправности в тормозном двигателе. При попытке осуществить орбитальное маневрирование двигатель вдруг вышел на полную тягу, в несколько секунд исчерпал весь запас топлива и забросил самолет-сателлит на более высокую орбиту. В то время еще не существовало системы спасения экипажей терпящих бедствие космический кораблей, и через трое суток после отказа системы жизнеобеспечения пилот умер. Все это время он держался героем и до последнего вздоха был на связи с Землей.

Американцы, конечно же, по своей привычке, подняли дикий вой. Мол, в СССР не ценят человеческую жизнь, Сталина вспомнили и ГУЛАГ. Так и писали: «ГУЛАГ в космосе». Можно подумать, у них летчики, испытывающие новую технику, никогда не разбивались! Да, мы очень рано вышли в космос. Не все можно предусмотреть, когда начинаешь осваивать новое, чуждое пространство. Но если уж начали, то нет смысла останавливаться. В конце концов летчики гибнут и на Земле. А уж сколько гибнет водителей на дорогах! Я опытный автолюбитель и насмотрелся всякого… Или вот в гарнизоне был случай. Юрий Дергунов, мой приятель еще по училищу, на мотоцикле врезался в грузовик. Так и не полетал всласть. Это, наверное, глупо, но я убежден, если бы Юре предложили выбор: погибнуть вот так, на крутой дороге, или в космосе, — он выбрал бы второе. Гибель в автотранспортном происшествии бессмысленна, а гибель в космосе — нет. Как на фронте, где любые жертвы оправданы. А ведь, в сущности, космос и есть наш фронт. Как бы высокопарно это ни звучало…

62-е сутки полета

Перечитал написанное вчера. Нет, это не высокопарно. Истина не может быть высокопарной. Мы занимаемся большим сложным делом. В любом большом деле не обходится без жертв. Мы подписались на это, когда стали летчиками. И подписались во второй раз, когда вступили в Отряд советских астронавтов.

Остановился я на том, что американцы очень переполошились после запуска Ильюшина и стали делать свой орбитальный самолет.

Они, наивные, рассчитывали не только догнать, но и обогнать нас. Но задачка оказалась посложнее, чем думали. Только летом 1960 года у них получилось запустить на низкую орбиту макет орбитального самолета «Дайна-Сор». Шум вокруг этого был

поднят такой, будто бы они уже на Луну слетали. Что американцы умели и умеют, так это шум на пустом месте создавать…

Алексей говорит, что это обязательная часть американской культуры. Ведь они все индивидуалисты и думают исключительно о личном благосостоянии. Поэтому, чтобы продавить масштабный проект, им приходится поддерживать вокруг него шумиху. Народ поддается на громкие призывы и еще более громкие посулы. Их лидеры знают, что разговорами о светлом будущем никого не завлечешь, все хотят иметь свой гешефт прямо сейчас, а потому обращаются к самым низменным инстинктам и примитивным желаниям. Например. «Русские хотят отобрать у нас космос. Какое у них на это право? Мы запустили первый сателлит, значит, космос принадлежит нам!» И так далее.

Вы думаете, это смешно? Ничего смешного. Когда американцы по-настоящему осознали, насколько они отстали от СССР, они решили брать с нас ренту!

3 мая 1961 года, в День астронавтики, начала работу Международная конференция по подготовке «Большого договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства». Будто бы в мире существовала хоть одна держава, кроме Советского Союза, которая реально использовала его! Но наше правительство отнеслось к этой конференции великодушно, и поначалу советская делегация активно включилась в разработку договора. Однако быстро выяснилось, что никто и ничего обсуждать не хочет. Всё уже обговорили и решили без нас. Американцы ссылались на какой-то свой закон столетней давности, согласно которому право на владение новой территорией остается за тем, кто первым добрался до нее и публично объявил своей собственностью. По этой причине они прямо требовали, чтобы в договор был включен пункт, запрещающий другим государствам осуществлять космические запуски и полеты в околоземном пространстве без согласования с США. Дескать, только американцы по праву первенства могут определять, кто может «вторгаться на космическую территорию», а кто нет. И соответственно, взимать за это «справедливую плату». Самое интересное, что большинство представителей других держав поддержали американцев. Еще бы! Ведь они в космос не летали и даже не собирались в обозримом будущем летать, отдав всю инициативу США. А кроме того, какой удачный повод навредить этим коммунистам, которые презирают право на частную собственность! Советские делегаты убедились, что здравый смысл здесь отсутствует, и покинули конференцию. А на следующий

день наших заклятых друзей ожидал сюрприз. Генсек выступил с резким заявлением, которое растиражировали все газеты мира. Он сказал, что коммунисты считают космос принадлежащим всему человечеству, а потому не собираются делить его в соответствии с какими-то невнятными договорами. Однако если США сочли возможным заявлять свои права на околоземное пространство, СССР оставляет за собой право на присоединение к территории Советского Союза любого небесного тела, на котором будет установлен красный флаг. И первым таким телом станет Луна!

Не знаю, есть ли в английском языке аналог пословицы про яму, которую не следует рыть другому, но американцы именно так и сделали: вырыли и сами в нее свалились…

63-е сутки полета

Снова был сеанс связи с Землей. Они там просчитывают варианты нашего возвращения с учетом потери кислорода. Есть интересные предложения по доработке СЖО. Химики придумали новую схему восстановления, но для ее монтажа надо иметь доступ к затененной части хозяйственного отсека, а у нас там сосредоточены контейнеры с пищевыми запасами. Решили, что займемся доработкой схемы на обратном пути, после того как разгрузим отсек и избавимся от мусора. Опять же у химиков будет время получше все обдумать: надеюсь, предложат что-нибудь менее трудоемкое.

Алексей снова с ухмылкой изучает мой дневник. Фантасты ему, очевидно, наскучили. И Циолковский тоже. Он его прочитал быстрее меня. Теперь мается и лезет в дневник. Мои записи у него, похоже, вместо ежедневной газеты. Что нового он рассчитывает в них найти? Все события, которые я описываю в дневнике, происходили и происходят на его глазах. Можно сказать, он — один из центральных персонажей этой истории. Ага, Алексей, это так!

Собственно, дальнейшую историю вы, потомки, скорее всего, знаете. Но я перескажу ее вкратце, чтобы соблюсти порядок изложения.

После запуска первого сателлита и полета Ильюшина мир медленно, но верно стал меняться. Менялась и наша Родина. Правительство решило использовать очевидное преимущество, которое давали Военно-космические силы перед другими родами войск, для укрепления безопасности страны с одновременным снижением расходов на старую армию. Было в очередной раз объявлено, что СССР придерживается принципа мирного сосуществования государств с различным политическим строем,

что мы не собираемся ни на кого нападать, а потому полностью переходим к оборонительной доктрине, сокращаем наземные войска в два с половиной раза. При этом, однако, мы должны быть уверены, что империалисты не покусятся на наш суверенитет, не уничтожат наши военные базы и ракетные установки, призванные нанести в случае нападения на СССР удар возмездия по агрессору. Поэтому часть ударных средств стратегического сдерживания предполагается вывести в космос, где их чрезвычайно трудно будет нейтрализовать.

Возможности нашей обновленной армии были продемонстрированы в апреле 1961 года, когда полторы тысячи «контрас» при поддержке американского авианосца «Энтерпрайз» попытались высадиться на Кубе, свергнуть правительство Кастро и вернуть Остров Свободы под контроль США. Советское правительство неоднократно предупреждало США, что любая военная агрессия против Кубы встретит надлежащий отпор. Однако президент Никсон не счел эти предупреждения серьезными. Военная операция в Заливе Свиней началась и могла бы закончиться кровавой бойней. Однако в тот самый момент, когда части морской пехоты США и отряды «контрас» вступили в сражение с частями народной армии Кастро, авианосец «Энтерпрайз», поддерживавший их высадку налетами палубной авиации, был атакован. Неопознанный летательный аппарат, свалившийся буквально из зенита, выпустил противокорабельную крылатую ракету и столь же стремительно исчез из поля зрения. Ракета разорвалась на полетной палубе авианосца, вызвав пожар, в котором сгорели многие истребители и штурмовики авиакрыла. Без поддержки с воздуха десант захлебнулся, и американцы ретировались из Залива, трусливо поджав хвосты.

По этому поводу собрался Совет Безопасности ООН. Но какое решение он должен был вынести? Против военной операции на Кубе выступали не только советские представители, но и многие другие. В самой Америке не существовало единства по этому вопросу. К тому же неясно было, кто нанес удар по авианосцу и с использованием каких средств, а наше правительство не спешило признать свое участие в инциденте. Так что резолюция с осуждением действий СССР, которую администрация Никсона пыталась протащить через ООН, так и не была подписана. Ограничились формальным призывом к государствам, имеющим свою космическую программу, прекратить милитаризацию космоса, не выводить в околоземное пространство ударные средства и так далее и тому подобное. Однако никто ООН уже не слушал. Американцы твердо решили прибрать к рукам низкие орбиты, чтобы гарантировать: кубинский разгром больше не

повторится.

Кстати, этот инцидент до сих пор остается государственной тайной. Всех подробностей не знаю даже я, но могу сказать, что орбитальный самолет, сбросивший крылатую ракету на «Энтерпрайз», запускался с нового сверхтяжелого бомбардировщика «Су-100». Так прогремели первые выстрелы новой войны…

Фрагмент пятый

79-е сутки полета

…Войны сопровождают всю историю человечества.

Можно сказать, что история человечества состоит из непрерывных войн.

Причин для начала войны придумано множество. Гитлер, например, считал германскую расу наиболее культурной и прогрессивной, а остальные народы — варварами, которые понапрасну расходуют невосполнимые ресурсы. А это несправедливо. Гитлер начал войну, чтобы устранить эту, как ему казалось, «несправедливость». Интересно, что он сказал бы, если бы узнал, что первым человеком, высадившимся на Луну, буду я — простой русский парень из маленького поселка. Наверное, не поверил бы. Ведь в его представление о мире такой итог не укладывался, находился за пределами воображения. Он считал русских рабами, не способными даже отстоять землю, на которой живут. И был бит, расплатившись за свои иллюзии. Как были биты американцы.

Причин для начала войны в космосе было не так уж много. Космос огромен, он может вместить всех желающих. Астронавтика — одно из сложнейших и дорогих занятий в истории человечества, всем найдется работа на этом поприще. Мы могли бы вместе с американцами проектировать космические корабли, строить орбитальные заводы, летать на Луну. Вроде бы ничто не мешало нам заключить стратегическое партнерство — вместо того чтобы развешивать платформы с боеголовками друг у друга над головой. Проблема была только одна — американцы упорно не хотели видеть в нас союзников. Алексей прав, в их будущем нет места коммунистам. И для них мы злодеи, кровавые чудовища, которые угрожают безопасности мира и только мечтают, чтобы поубивать всех мужчин, изнасиловать всех женщин и съесть всех детей. Но они проигрывали нам на информационном поле. Они сколько угодно могли твердить про ГУЛАГ, про тупых русских и кровожадных коммунистов, что все в СССР живут в нищете и стонут под игом кремлевских вождей. Но им верили все меньше и меньше. Именно «тупые» русские летали в космос, именно «кровожадные» коммунисты открыли перед человечеством новые фантастические горизонты. О первом сателлите стали забывать — этот триумфальный прорыв США померк на фоне сообщений ТАСС о новых запусках советских пилотируемых кораблей. Атмосфера в Штатах, которые никак не могли избавиться от растущего страха, накалилась до предела, до

градуса массовой паники, и Никсон выступил с обращением к нации, в котором назвал задачу освоения космического пространства приоритетной.

Новый план американцев выглядел так. Они собирались создать военно-космические силы на манер наших, запустить несколько пилотируемых сателлитов и высадить десант на Луне, сделав ее своей опорной базой. Высадка на Луне затмила бы полет Ильюшина точно так же, как полет Ильюшина затмил запуск «Орбитера». Но наши конструкторы, политики и военные это тоже отлично понимали. Луну мы не собирались отдавать американцам ни при каких обстоятельствах. Потому что сдать Луну означало отказаться от собственного будущего — от будущего, где есть коммунизм…

80-е сутки полета

— Как ты пришел в Отряд? — спросил меня Алексей. — Можешь написать про это?

Он отлично знает, чертяка, как я пришел в Отряд советских астронавтов. Мы обсуждали много раз, вспоминали славные денечки. Тем не менее я согласился написать. В конце концов это был самый увлекательный период в моей жизни.

Скажу сразу: после учреждения Военно-космических сил мы, летающие офицеры, ждали, что нас начнут вербовать в астронавты. Но миновал почти год, прежде чем в гарнизон прибыла специальная комиссия, состоящая из военных врачей, и начала придирчивый отбор кандидатов. Из летающих офицеров в Отряд захотели попасть почти все: реклама космических полетов сделала свое дело, и для молодых пилотов астронавтика стала выглядеть привлекательнее службы в авиации. Командование остерегало особо ретивых, предупреждало, что неизвестно, какое будет жалованье, как будет определен наш статус на период подготовки, сможем ли мы взять с собой семьи. Но разве неопределенность может напугать молодых?

Из нашего авиаполка отобрали семерых, в том числе и меня. В моей кандидатуре никто не сомневался.

Потом мы поехали в Москву — на обследование в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь. Как сейчас помню, в столицу вся наша веселая компания прибыла 24 октября 1960 года. До того я в Москве ни разу не был, но походить-посмотреть не дали, сразу отправили на комплексное обследование.

Врачей там было много, и каждый строг, как прокурор. Приговоры обжалованию не подлежали — кандидаты вылетали с комиссии со страшной силой. Браковали терапевты и

невропатологи, хирурги и ларингологи. Нас обмеряли вдоль и поперек, выстукивали все тело, крутили на стендах, проверяя вестибулярный аппарат…

Руководил процессом самый опытный из космических врачей — Владимир Иванович Яздовский. Именно он придумал систему проверок и тренировок для будущих астронавтов. Над этим космические врачи трудились еще во времена запусков геофизических ракет, когда на высоту порядка 200 километров выводились контейнеры с научным оборудованием или собаками.

Я прошел медицинский осмотр последовательно у окулиста, терапевта, невропатолога, ЛОРа и хирурга. Успешно выдержал испытания на стендах. И получил заключение о годности к полетам.

Нас, новоиспеченных слушателей Отряда советских астронавтов, сразу же из палат госпиталя направили в пригород — в Центр подготовки астронавтов, созданный на базе старого военного полигона. Там вовсю кипело строительство, и мы узнали, что первые астронавты проходили подготовку в расположении Летно-испытательского института, а для нового набора решили делать большой специализированный Центр. Там, к нашему удивлению, нам пришлось пройти медицинскую комиссию еще раз. Теперь врачи искали пониженную устойчивость организма к факторам космического полета, оценивали полученные реакции при действии этих факторов. Нас выдерживали в барокамере при различных степенях разреженности воздуха, исследовали при дыхании кислородом в условиях повышенного давления; крутили на центрифуге, похожей на карусель. Врачи выявляли, какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым и точным движениям.

Через несколько недель всю нашу группу принял Главнокомандующий Военно-космических сил Дмитрий Федорович Устинов, бывший нарком вооружения. Впервые в жизни мне, младшему офицеру, довелось побеседовать с Главным маршалом ВКС. Он встретил нас по-отцовски, как своих сыновей. Интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о женах и детях и в заключение сказал, что Родина надеется на нас, что предстоят «горячие деньки».

Потом дали возможность съездить в гарнизон, забрать Валю и личные вещи. Разумеется, все наши собрались на «отвальную». За столом много говорили о перспективах астронавтики. Вспомнили Ильюшина и других астронавтов. Тут ко мне повернулся Анатолий Росляков, секретарь нашей партийной организации:

— Теперь очередь за тобой, — говорит.

Он почему-то был уверен, что я сделаю что-то необыкновенное.

Под конец вечера, когда все уже заметно набрались, заговорили о законе, предусматривающем сокращение вооруженных сил. Закон этот волновал офицеров полка, и все разговоры обязательно сводились к нему.

— Ты вот теперь астронавтом станешь, — говорили мне, — а нас наверняка на «гражданку» отправят… Все начинать сызнова…

Я как мог успокаивал сослуживцев. Доказывал, что сокращение коснется танкистов и артиллеристов, а ВВС и ПВО будут только укрепляться. Ведь астронавтика развивается не отдельно от ракетных и военно-воздушных сил, а наоборот, на их основе и с использованием всех существующих средств, в том числе и личного состава. Мне поверили и даже выпили за укрепление и расширение. Понимаю ребят, тяжело было признавать, что твое время уходит; перемены всегда пугают людей…

Вернулись в Москву, и я сразу включился в процесс подготовки. Меня приписали к группе военных астронавтов, которых готовили для службы в ВКС. Еще была группа испытателей, группа от Академии наук, группа от Министерства авиации и астронавтики, которое возглавлял Сергей Павлович Королев.

Нас ознакомили с планом подготовки к космическим полетам. Это была обширная программа, включающая сведения по основным теоретическим вопросам, необходимым пилоту-астронавту, а также обеспечивающая приобретение навыков, умения пользоваться оборудованием и аппаратурой космического корабля. Мы должны были изучить основы ракетной и космической техники, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полеты на самолетах, способных в пике имитировать состояние невесомости, много тренировок в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и термической камерах, на центрифуге и вибростенде.

Наш рабочий день начинался с часовой утренней зарядки. Занимались на открытом воздухе, в любую погоду. Были и специальные уроки по физкультуре: гимнастика, игры с мячом, прыжки в воду с трамплина и вышки, упражнения на перекладине и брусьях, на батуте, с гантелями. Много плавали и ныряли.

Много прыгали с парашютом. Тут нами руководил парашютист-виртуоз, заслуженный мастер спорта Николай Константинович Никитин — человек совершенно замечательный, много повидавший и любивший рассказывать всякие истории из

своей богатой биографии.

Много раз встречались с разработчиками космической техники. Однажды нас навестил министр Королев. Сразу расположил к себе теплой беседой. Вообще, выглядел таким большим, крепким, надежным. Оказалось, он тоже бывший летчик и прекрасно понимает нашу службу. Пообещал, что скоро полетим в космос.

В городке при Центре подготовки достроили общежитие, и мы наконец перебрались туда. Вале нравилось там жить. Все люди интеллигентные. Жили весело. Без скандалов.

Вот так я и стал астронавтом…

81-е сутки полета

Алексей завел интересный разговор. Он считает, что на самом деле мы вышли в космос не слишком рано, как пишу я, а как раз вовремя.

Он говорит: если даже отбросить фактор появления тяжелых межконтинентальных ракет и сателлитов, то срабатывает другое, а именно — изменение наших представлений о том, как должна протекать правильная человеческая жизнь. Раньше правильный человек должен был помогать своему роду, держаться корней, он был зависим от старейшин, от их мнения. Он должен обязательно родить наследника, построить дом и так далее. Но такой добропорядочный образ жизни только мешает астронавтике. Мы — пионеры межпланетных трасс, и мы отказываемся от традиций во имя нового, неизведанного. Патриархальные условности не могут иметь для нас значения. И не имеют. В сущности, мы перекати-поле, но отныне это не ругательство. Наоборот, нам надо гордиться этим. Ведь что такое раньше было «перекати-поле»? Кто были эти люди, открывавшие новые земли, осваивавшие Америку? Голодранцы, изгнанные со своей земли, умирающие от голода, отверженные в своей стране. А современный астронавт — это летчик или ученый, вполне состоявшийся человек. Казалось бы, ему всего хватает здесь. И в старые времена его тягу к новому назвали бы авантюризмом. Но не теперь. Никого сегодня не удивляет, что состоявшийся в чем-то человек продолжает искать себе новое применение, расширяет свои возможности. Не сидит, как рантье, на проценты от уже сделанного, накопленного, а снова рискует, снова ставит на карту жизнь и благополучие. Это уже не авантюризм, а подвиг. И оценивается он соответствующе.

Кто мы без подвига? Еще один животный вид, топчущийся под черным небом. Планктон. Биомасса. Мы даже придумали себе Бога, чтобы оправдать бессмысленность своего существования.

Мол, он создал нас, а значит, что-то хотел этим сказать. Но Бог не нужен, если есть Вселенная. Она наделяет нашу жизнь смыслом. И делает авантюру подвигом…

82-е сутки полета

За американцами мы наблюдали всегда. Разведка и специалисты из Академии наук постоянно снабжали нас материалами по американской астронавтике.

После долгого топтания на месте у США стало получаться. Кроме исследовательских и разведывательных сателлитов они начали запускать пилотируемые корабли. Серийным кораблем сделали одноместный «Дайна-Сор» — легкий орбитальный самолет для решения военных задач на низких орбитах. Чтобы контролировать большие высоты, разрабатывался двухместный корабль «Сайнт» с грузовым отсеком и двигателями маневрирования. Еще ни шатко ни валко продвигался проект «Джемини» — бескрылого тяжелого корабля, который, согласно опубликованным данным, был необходим для реализации первого этапа в подготовке лунной экспедиции. Наши аналитики, впрочем, полагали, что «Джемини» может использоваться в качестве корабля-инспектора, который будет способен приближаться к нашим сателлитам или ударным платформам, чтобы изучить или даже заминировать их.

Что мы могли противопоставить американцам? Легкий орбитальный самолет «Красная звезда». Беспилотные крылатые ракеты, запускаемые с «Бурана» и «Су-100». Орбитальную станцию «Союз», работы на которой начались в 1960 году и которая должна была стать первым форпостом на пути к Луне. Росла сеть контрольно-измерительных пунктов, обеспечивающих наблюдение за сателлитами и связь с ними. В спешном порядке переоборудовались аэродромы по всей стране — теперь они могли принимать орбитальные самолеты и их носители.

Запуски осуществлялись каждую неделю. В небе становилось тесно. И хотя американцы придерживались экваториальных орбит, всем было ясно, что раньше или позже дойдет до стычек. Если они преследовали по всему океану наши корабли и подводные лодки, провоцируя иногда столкновение, то что их могло остановить в околоземном пространстве, которое они считали своим?

83-е сутки полета

…Пожаловался Алексею. Сказал, что приближаюсь к самому неприятному месту в своих мемуарах.

— Что такое? — удивился он.

— «Звезда» Шиборина, — ответил я. Алексей задумался. Потом спросил:

— Но ты ведь вроде никого там не сбил? Или я чего-то не знаю?

— Повезло, — сказал я. — Никого не сбил. Иначе ты полетел бы на Луну с кем-нибудь другим.

Если вы заметили, я не из пацифистов. Я считаю, что в ситуациях, когда речь идет о жизни и о будущем, человек вправе применить оружие и уничтожить врага. Но одно дело, когда на тебя прет черная фашистская машина, и другое — когда приходится наказывать за дерзость.

Никто не осудил и никогда не осудит пилотов-астронавтов, которые защищали наше право на освоение космоса и, выполняя приказ, были вынуждены стрелять по чужим кораблям. Ведь это тоже подвиг. Но не тот подвиг, которым можно гордиться. И ребята никогда не выпячивали эти заслуги. Они все понимали. Титов и Николаев ушли из Отряда. Другие продолжали летать, но просились на транспортные рейсы. Каманин всегда шел навстречу и переводил в другие группы, переукомплектовывал экипажи.

Я думаю, если бы мне удалось сбить один из американских орбитальных самолетов, то в первую экспедицию на Луну меня вряд ли послали бы. Королев настаивал, чтобы первым на другой планете был «чистый» человек, без крови на руках. Он прав, конечно. Такой человек должен был встать в один ряд с Ильюшиным, остаться в памяти человечества на веки вечные. Он должен был ездить по миру, демонстрируя преимущества нашего социалистического строя, и так, чтобы ни одна западная зараза не могла смутить его вопросом, когда и скольких астронавтов он убил. Мне, кстати, задавали подобные вопросы, и я честно отвечал: «За свою жизнь я никого не убил».

— Пиши как было, — посоветовал Алексей. — Зря страдаешь. В конце концов потомки нас рассудят.

Итак, пишу, как было.

6 июля 1966 года с мыса Канаверал стартовал тяжелый корабль «Джемини-2». Он вышел на высокую орбиту с тем же наклонением, что и орбита, на которой находилась «Красная звезда-5». В этой «Звезде» уже семь лет покоилось тело Сергея Шиборина.

Сначала на «Джемини» не обратили внимания. Мало ли с какими целями американцы могли запустить свой новый корабль. Однако после того, как «Джемини» накрутил шесть витков, стартовали два орбитальных самолета «Дайна-Сор». Сначала они вышли на низкую орбиту, затем сделали два маневра: увеличения высоты и увеличения наклонения орбиты. Стало ясно, что

американцы сводят пилотируемые сателлиты в группу. Мы и сами часто прибегаем к этому трюку: эскадрилья орбитальных самолетов выглядит внушительнее, да и вооруженность у нее заметно выше, чем у отдельного аппарата. Аналитики Генштаба прикинули, и по всему выходило, что целью американской группы является «Звезда» Шиборина. Это казалось невероятным, ведь Советский Союз давным-давно объявил корабль Шиборина мемориалом — памятником всем героям космоса. Этот статус был закреплен в документах ЮНЕСКО. Таким образом, американцы покушались на самое святое — на память о погибших во имя прорыва к звездам.

Мнения по поводу ответных действий разделились. Одни считали, что это провокация и нужно игнорировать запуск и маневры группы. Другие были настроены более решительно и доказывали, что американцы явно испытывают нас на прочность, стараясь продемонстрировать всему миру, кто в космосе хозяин, поэтому следует перехватить группу, пока она не подошла слишком близко к мемориальному кораблю. Реальность, как мы все узнали позже, оказалась прозаичнее. Американцы действовали так нагло, потому что полагали, будто могут сделать все быстро, поставив нас перед фактом. Им было известно, что корабль Шиборина не заминирован. Они сумеют вскрыть его, как консервную банку, извлечь тело мертвого пилота и шифровальное устройство. У них была информация, что на орбитах нет сейчас маневренных советских кораблей, а значит, мы вряд ли сумеем перехватить их в момент проведения инспекции. Но они недооценили наши возможности.

К 1966 году в воздухе над территорией СССР и нейтральными водами Мирового океана постоянно барражировали от восьми до двенадцати самолетов-носителей «Су-100». На подвеске они несли по одному орбитальному самолету класса «Красная звезда». Когда из ЦУПа пришел приказ за подписями министра обороны и командующего ВКС, пять носителей сменили курс, поднялись в стратосферу и сбросили «Звезды». Те работали по принципу ракетоплана: сразу после сброса включался жидкостный ракетный двигатель, самолет начинал набирать скорость и высоту, пока не выходил на орбиту. Там он совершал маневры в зависимости от поставленной задачи. Поскольку стандартная «Красная звезда» в своей поздней модификации несла в себе только одного пилота-астронавта и простейшую пушку Нудельмана, она могла подниматься до 500 километров — до орбит, на которых размещались наши ударные платформы с ядерными ракетами. Собственно, круглосуточное патрулирование и должно было обеспечить защиту этих платформ от внезапной атаки. Но

корабль Шиборина ходил ниже — на высоте 370 километров в апогее, и запущенные перехватчики без каких-либо проблем добрались до него.

«Звезды» атаковали «Джемини» сразу, без предупреждения.

Космический бой отличается от воздушного боя. Там не до сантиментов, не до благородных виражей. Если цель попала в перекрестие прицела, надо нажимать на гашетку — следующего шанса может и не представиться. Так нас учили.

«Джемини» вошел в запретную зону, приблизившись к кораблю Шиборина на расстояние трех километров. По нему дали залп сразу две «Звезды». Одна попала. Снаряды прошили американский корабль насквозь. Астронавты — их там было двое — погибли. И лучше не знать, как они погибли…

Корабли «Дайна-Сор» могли принять бой. Но численный перевес был на нашей стороне, и они не решились. Сбежали.

Я не участвовал в том рейде. Я принимал участие в отражении атаки на «Союз-3». Но эта атака последовала как ответ на разгром у «Звезды» Шиборина. Тут Алексей…

Фрагмент шестой

89-е сутки полета

Алексей опять весь день просидел за перископом, наблюдал Марс. Уверяет, что уже сумел различить отдельные детали поверхности.

— Каналы видел? — спрашиваю я.

Алексею очень хочется сказать, что он их видит. Но вранье я пойму сразу, а потому он пожимает плечами и говорит, что нет, не видел.

— Жаль, — говорю я. — Пора бы.

Продолжаем бездельничать. На велотренажер садимся редко. Сокращаем таким образом расход кислорода. Если бы не костюм «Пингвин», который создает нагрузку на опорно-двигательный аппарат, мы давно превратились бы в длинных бескостных червяков. Циолковский, несмотря на всю свою мудрость, ошибался, доказывая, что в невесомом мире люди будут испытывать комфорт. На самом деле невесомость превращает людей в уродов. Если не изнурять себя ежедневно на тренажере по пять-шесть часов, то очень скоро кости станут тонкими, как у птиц, мышцы атрофируются, меняются даже внутренние органы. Мы с этим столкнулись, когда стали летать на орбитальные станции, и, к счастью, Яздовский быстро придумал выход. Он и сам летал на «Союз-2», чтобы решить проблему. Провел там больше года, но добился своего: выработал программу

восстановления и на себе испытал: когда вылезал из спускаемого аппарата, то встал и пошел. Отругивался еще от коллег, которые пытались его под руку вести…

Но нам теперь не до рекомендаций Яздовского. Главное — долететь. А еще важнее — вернуться живыми. В крайнем случае выбросимся на подлете, ребята подберут и доставят на «Союз», система спасения и эвакуации давно отработана. А там уже наверстаем и вернемся на Землю вполне здоровыми…

90-е сутки полета

…Проснулся сегодня от качки.

Да-да, мне показалось, будто бы корабль раскачивается, словно морской на волне.

Думал, что это после сна. Но оказалось серьезнее. Продрал глаза, умылся, позавтракал, а ощущение качки не проходило.

Рассказал Алексею. Тот обеспокоился. Засуетился. Извлек диагностическую укладку. Ощупал меня, прослушал. Допросил, сверяясь с инструкцией.

Потом затребовал связь с Землей.

Это не так-то просто в наших условиях.

Я, конечно, отшучивался. Говорил, что его страдания излишни. Но он ни в какую.

Короче, вышел на связь по коду 321. Объяснил ситуацию. И только после этого разговора успокоился.

Теперь утверждает, будто бы с самого начала знал, что у меня ничего серьезного нет. Типичное и неопасное расстройство вестибулярного аппарата в отсутствии нагрузки. Пара часов на велотренажере, и все пройдет.

Земные врачи, как всегда, на высоте. Действительно, стоило подтянуть форму, и все прошло.

Но на самом деле это серьезная проблема. Мы не можем следовать схеме Яздовского, потому что экономим кислород. Но не руководствоваться ею означает получить всевозможные расстройства. Это сейчас время тянется медленно, а когда прилетим к Марсу, каждая секунда будет на счету, работать придется на износ. Там, у чужой планеты, нам качка совсем не нужна…

91-е сутки полета

…Говорили о «Союзах».

Всё-таки Королев — гений. Идея орбитальной обитаемой станции стара как мир, но он довел ее до воплощения. Ведь многие сомневались. Говорили, что нет нужды в станциях, если можно сделать большую ракету и запустить корабль сразу на

Луну. Но он что-то такое подозревал о свойствах невесомости. Кроме того, разработка большой ракеты требовала времени, а Сергей Павлович всегда опасался, что если мы потеряем фору, то не сможем удержать лидерство и вынуждены будем, как в 1957-м, догонять США. Поэтому он задумал хитрее: вывести на орбиту множество блоков, сцепить их и сделать большой межпланетный корабль уже на орбите. Но для организации сборки корабля требовались космические монтажники, а значит, научно-исследовательская станция должна была со временем превратиться в настоящий завод. Королев решил техническую проблему, Яздовский — медико-биологическую. А мы, военные астронавты, должны были решить проблему безопасности. У каждого — своя часть задачи, и оказалось, что это самый верный путь…

Алексей говорит, что я зря забросил рассказ о Лунной войне. Из песни слова не выкинешь. Замалчивание не украшает рассказ.

Я в общем-то согласен с ним. Просто очень трудно даются слова, когда приходится рассказывать о кровавых событиях. Наверное, это совесть. Я знал многих ветеранов Великой Отечественной. И давно заметил, что те, кто по-настоящему воевал на передовой, кто пришел с фронта не с полной орденов грудью, а с медалькой «За взятие», не любят рассказывать о войне, избегают разговоров о фронте, никогда не хвастаются, сколько убили немцев, а сколько взяли в плен. Наверное, потому что, несмотря на пережитое, несмотря на ожесточенность, которая до сих пор в наших сердцах, они сохранили совесть. А совесть говорит: да, мы убивали врага, но враг — тоже человек. Нельзя радоваться смерти человека, нельзя гордиться убийством, даже если оно совершено во имя высокой цели.

Наши старшие офицеры, командование, замполиты, всегда говорят, чтобы мы не думали на эти темы. В конце концов нам отдают приказы, а мы должны эти приказы выполнять. Таким образом, они принимают на себя ответственность за совершенное, и если мы все сделаем правильно, по приказу, но окажется, что мы совершили преступление, то они предстанут перед судом, а не мы. В этом есть и логика, и справедливость… Но кому от этого легче?

Когда-то я не понимал ветеранов. Теперь отлично понимаю. Я участник войны. Надеюсь, последней войны на нашей планете. Я никого не убил, но был на передовой. Видел, как убивали и умирали. Мне не хочется рассказывать об этом. Но я расскажу. Ведь для понимания нашей эпохи вам, потомки, следует знать не только ее светлые стороны, но и темные, тайные…

После стычки у «Звезды» Шиборина мы жили в ожидании

войны. Уничтожить чужой космический корабль — это все равно что уничтожить вражескую морскую флотилию. Вой в западной прессе стоял страшный. Одни призывали немедленно напасть на СССР, разбомбить, стереть в порошок. Но если смотреть в суть инцидента, то повода для начала крупномасштабной войны у США, конечно, не было. Им сказали: в эту зону заходить нельзя ни при каких обстоятельствах, а они не только вошли, но и попытались там работать. Не спишешь на ошибку навигации. Советский посол в США, выступая в ООН, напомнил о похожих инцидентах: с конца сороковых американские разведывательные самолеты заходили в наше воздушное пространство, хотя мы требовали этого не делать. Полеты прекратились только тогда, когда мы научились сбивать разведчиков.

Крыть американцам было нечем. Конечно, они опять заговорили о том, что околоземное пространство принадлежит им по праву первооткрывателей, а потому они могут устанавливать границы, а мы не можем. Но эта демагогия уже изрядно надоела. Наши представители предложили собрать новую конференцию и подписать Договор, который устроил бы всех, но американцы, как всегда, не захотели пойти на компромисс.

Большая война, я думаю, не началась еще по одной причине. У США уже был полный арсенал ракет, две с лишним тысячи атомных боеголовок и космические истребители, способные атаковать наши орбитальные платформы. Они вполне могли нанести внезапный обезоруживающий удар, уничтожить наши стартовые сооружения, ракетные заводы, космодромы. Но могли ли они быть уверены, что уничтожат все и сразу? Ведь они видели, что мы умеем постоять за себя и свои интересы. Они знали, сколь эффективна советская техника. Уничтожить все наши ракеты, все наши бомбардировщики, все «Бураны» и «Су-100» нереально… Авдруг мы нанесем удар возмездия такой разрушительной силы, от которого треснет сама планета?…

Однако от ответного хода они удержаться не смогли. В октябре 1966-го Госдепартамент потребовал от советского правительства убрать станцию «Союз» с экваториальной орбиты. Мол, она мешает космической навигации. Ерунда, конечно. Повод. Знали, что «Союз-3» — разведывательная станция. Потому и висела на экваториальной орбите, чтобы мы могли с нее все американские космические запуски отслеживать и оперативно на Землю докладывать обстановку. А как иначе паритет обеспечишь? Нет еще пока таких сателлитов, которые могли бы сразу информацию о ракетных запусках передавать.

Короче, предъявили нам ультиматум. Либо станцию топите, либо мы ее уничтожим. Так и сказали: объявляем низкие

экваториальные орбиты зоной наших национальных интересов!

Разумеется, наше правительство проигнорировало этот ультиматум. Генсек высказался в том смысле, что американская военщина снова хочет устроить провокацию, но у нее ничего не получится. Но я видел ситуацию изнутри и отчетливо помню, в каком диком мандраже все были. Ввели состояние повышенной боевой готовности, отменили увольнительные и отпуска. Подняли в воздух бомбардировщики и авианосцы. Экипаж «Союза-3» начали готовить к эвакуации.

Тут мы столкнулись с серьезной проблемой. Хотя в Отряде советских астронавтов уже числилось свыше трехсот человек, опытных пилотов было мало. На дежурство стали ставить дублеров — тех, кто еще в космос не летал. Среди них оказался и я.

После общей подготовки я переходил из группы в группу. Сначала меня направили в космические истребители, потом готовили в экспедицию посещения станции «Союз-3», затем снова перекинули в истребители. Я уже совершил несколько вылетов на «Красной звезде» под брюхом «Су-100», но в космос мне пока подняться не дали. Однако нельзя сказать, чтобы я боялся. Нервничал немного. Понятно: сбудется мечта. Был при этом уверен, что все получится. Нас ведь натаскивали до автоматизма. Мы знали, что и как сделаем на орбите. Нет, не боялся.

Хотя случались казусы. Люди ведь не железные. Один наш товарищ — кстати, бывалый пилот, дважды летавший в космос — вдруг перед стартом подхватил «медвежью болезнь». Скрючило его так, что шагу ступить не мог. Ему на ВВП бежать, а он сидит в скафандре и за живот держится. Так и не полетел. А мы полетели.

Американцы решились атаковать в ноябре. Начали запускать орбитальные самолеты и сводить их в группы. Стало ясно, наш час пробил. Пора!

Стартовали по нормативам. Я — в первой пятерке. На расчетную высоту поднялся без проблем. Поначалу даже не оглядывался вокруг. В кабине «Красной звезды» тесно, даже теснее, чем в кабине «МиГа», штатные процедуры идут одна за другой. ЦУП все время на связи. КИПы ведут и отпрашивают. Потом — маневр, я на новой орбите и могу наконец посмотреть на звезды…

Черт возьми! Красота какая! Я шел с наклоном на правый борт. Слева — черное небо с яркими немигающими звездами. Справа и внизу — Земля. Большая. Голубая. Потрясающе красивая. Впереди — горизонт Земли. Потрясающий ореол у нее. Сначала радуга от самой поверхности Земли, и вниз такая радуга переходит. Это, наверное, оптика так играет…

Извините, путаюсь. Нет у меня слов и образования литературного, чтобы описать эту красоту. А может, и нельзя ее описать. Тот, кто на орбите не был, вряд ли сможет представить, что это такое — Земля из космоса. Непередаваемо. И непредставимо. Ради этого стоит жить и работать. А иногда приходится убивать и умирать…

Наконец вышел в район станции. Там нас эшелонировали. По командам из ЦУПа сбросил скорость и занял позицию на радиусе оборонительной сферы. Сверился с навигационными приборами. Вроде все верно. Станция была совсем далеко и в солнечном свете выглядела маленьким золотистым цилиндром — как гильза от патрона. Справа, слева, снизу и ближе к станции находились друзья по Отряду астронавтов. На орбиту для создания оборонительной сферы вывели девятнадцать машин.

От «Союза» отделился эвакуационный модуль. Ушел вниз.

Казалось, все замерло, и только Земля величаво крутится под нами, но это была иллюзия: на самом деле мы вместе с орбитальной станцией падали на нее с сумасшедшей скоростью, но не могли упасть. Эффект, описанный еще Ньютоном.

Невесомость я всегда переносил хорошо. Многие из астронавтов жалуются на тошноту, головокружение, а у меня никаких таких проблем никогда не было. Но интересно. Вытащил из зажима карандаш. Пустил его в полет по кабине. Полюбовался. Почувствовал себя ребенком, простым и наивным.

Тут забормотал в наушниках оператор из КИПа, и пришлось вернуться в реальность, отработать процедуру ориентации и доложить показания приборов.

Мы могли находиться в оборонительной сфере долго — до пяти-шести суток, пока не начнут отказывать системы жизнеобеспечения. Кому-то может показаться, что это скучнейшее времяпрепровождение, но все не так. Если вокруг тебя космос, нет повода для скуки. Вы в звукоизолированной камере посидите — вот там настоящая тоска! А ведь месяцами высиживали! Кроме того, ЦУП ведет нас, постоянно проверяя работу систем, сравнивая показания бортовых приборов с данными радиолокационного наблюдения и так далее. Так что дело всегда найдется. А в промежутках можно перекусить и полюбоваться красотищей…

Однако американцы долго любоваться не дали. Не для того они подняли в космос двадцать истребителей. Они хотели продемонстрировать превосходство, но так, чтобы их потом не обвиняли в необоснованном нападении на мирную станцию. Потому американцы избрали совсем другую тактику. Они появились на радарах внезапно — поскольку двигались по

пересекающейся орбите с более высоким наклонением, чем наша. На открытой аварийной частоте по-русски потребовали покинуть район станции «Союз-3». Мы, разумеется, не услышали это безумное требование. Вся армада прошла мимо и ниже, чтобы вернуться через восемьдесят минут.

На самом деле, это была их ошибка. Если бы они с первого захода вступили в бой, то имели бы шанс на победу. Но возобладали соображения большой политики, и американцы потеряли внезапность. Когда они вернулись, в систему целеуказания уже были введены параметры их движения, каждый из нас получил конкретную задачу на уничтожение противника и ожидал приказа нажать на гашетку.

Но приказа пока не поступало. Как сейчас помню, код на открытие огня был 125.

Сейчас много снимают фантастических фильмов о космосе и астронавтике. Есть даже про космическую войну. Только кинодеятели — не знаю, специально, что ли? — постоянно демонстрируют всякие глупости. Кто-то из них вообразил, будто война в космосе ведется с помощью лазеров. Истребители обстреливают друг друга лучами, взрываются с грохотом, разваливаются на куски. Ерунда, конечно. Лазерное оружие требует мощной энергетической накачки. Такую энергию может дать только взрыв, но при этом будет разрушен и сам лазер. Проблема решается инженерными способами, но слишком затратно выводить лазеры в космос, обслуживать их, а толку получить чуть.

Поэтому лучше кинематического оружия для космоса ничего не существует. При тех огромных скоростях, с которыми мы летаем, в условиях пустоты обыкновенная пуля, даже обычный гвоздь, имеет колоссальную разрушительную силу. А ведь чтобы уничтожить космический корабль, много гвоздей не надо — сам по себе корабль слабо защищен, ведь не потянешь же танковую броню в космос. А у нас не гвозди, у нас снаряды калибром 23 миллиметра. Страшная вещь!

И еще. Никто в космосе не взрывается. Тем более с грохотом. Снаряды прошивают вражеский корабль в полной тишине, а все остальное делает вакуум.

Понятно, что такая война плохо выглядит на экране. Это не зрелище. Настоящая война, в отличие от показухи, всегда незрелищна…

На втором заходе американцы попытались атаковать станцию. Снаряды попали в стыковочный узел. Но приказа на открытие огня все не было, и армада ушла на второй круг.

И только после третьего появления американских

истребителей я услышал в наушниках: «Код один-два-пять». Управляя малыми двигателями системы ориентации, я подогнал назначенную цель к перекрестию на экране радиолокационного пеленгатора и нажал на гашетку. И сразу выругался. Потому что у меня отказала пушка. А бой уже начался. Наши и вражеские снаряды крушили тонкую обшивку аппаратов, люди умирали в полной тишине, и только Центры управления полетами слышали их хрипы и проклятья.

Армада ушла на третий круг. Я обнаружил, что еще жив и все еще давлю на гашетку. Но пушка не работала. Доложил в ЦУП. Через несколько минут пришел приказ: тормозить и сходить с орбиты с посадкой на полосу под Саратовом. Приказы не обсуждаются, но я все губы искусал от отчаяния. Ведь ребята оставались в ожидании новой атаки, а я возвращался на Землю.

Мы победили в той битве. Ценой неимоверных потерь.

Станция «Союз-3» была разрушена. Погиб Комаров. Погиб Добровольский. Погиб Волков. Погиб Пацаев. Аппарат Лазарева получил серьезные повреждения, но Василий чудом сумел ввести его в атмосферу и, снизившись до приемлемой высоты, катапультировался из кабины. Лазареву повезло.

А мне? Повезло ли мне? Не знаю до сих пор. Я не предал друзей. И не бежал трусливо с поля боя. Пушка отказала. Такое могло случиться с каждым, но случилось со мной. И это тоже не вычеркнешь из памяти. И, может быть, кто-нибудь из друзей думает, что на самом деле я дезертир. Как, Алексей? Я дезертир? Только скажи честно…

92-е сутки полета

Алексей, прочитав мои записи, размышляет, а была ли реальная возможность избежать войны на орбитах.

Я ответил, что, наверное, да. Можно посмотреть различные гипотетические ситуации. Допустим, мы запустили бы сателлит первыми. А у американцев первым слетал бы астронавт. Мы высадились на Луне. А американцы — на Марсе. Если бы шло такое соревнование, то нужды в войне нет. Каждый получал бы свою долю приоритетов и славы, а астронавтика бы развивалась.

— Но тогда в чем было бы наше преимущество? — сомневается Алексей. — Не люблю я это «было бы», но скажи: в чем?

— В том же, в чем и сейчас. Наш строй правильный, нацеленный в будущее. Американцы все равно бы надорвались. И оставили космос нам. Но зато не полезли бы в заваруху. Не было бы войны. Ведь сами сколько человек потеряли. И нас чуть не угробили. Другого места будто нет в Солнечной системе…

Фрагмент седьмой

108-е сутки полета

…В Солнечной системе все устроено разумно.

Чем больше я на эту тему думаю, тем больше в этом убеждаюсь.

Я атеист и материалист. Коммунист. Я не верю в бога, который создал Вселенную и нашу маленькую Солнечную систему в ней. Гипотеза бога избыточна. Это я и раньше понимал, а теперь точно знаю. Однако и у меня захватывает дух, когда думаю, как здорово получилось, что наш разумный вид развился именно на Земле, а не в другом каком-нибудь месте.

Смотрите сами.

Рядом с Землей есть Луна. Самая ближайшая цель для астронавтики. Она достижима даже с использованием обычных ракет на керосине и кислороде. Она нужна для того, чтобы мы могли испытать себя, убедиться в практической возможности достижения соседнего небесного тела.

Следующей целью, без сомнения, является Марс. В периоды противостояний он близок, но все равно требует углубленного развития космических транспортных средств. Чтобы добраться до него, необходимо создать атомные реакторы и электроракетные двигатели. Марс научит нас совершать длительные межпланетные перелеты, высаживаться на чужие планеты и взлетать с них. Если на Марсе существует какая-то жизнь, ее изучение позволит нам получить опыт работы с инопланетной биосферой.

Затем планеты-гиганты с системами спутников. Это — чужая планетная система в миниатюре. У гигантов мы сумеем отработать навигацию в системах у других звезд, опять же освоим высадку и старт, используя спутники в качестве моделей планет.

Еще и это очень удобно: между Марсом и Юпитером существует пояс астероидов. Астрономы считают, что в поясе можно найти самые разные обломки: железные, из водяного льда. Такой астероид легко освоить: установим там атомный реактор, а вещество астероида станет топливом. Электрореактивные двигатели разгонят эту глыбу, и она превратится в звездолет. Так мы доберемся до звезд.

Я сказал бы, что Солнечная система — идеальный полигон для совершенствования космических технологий.

И возможно, в этом есть некая закономерность. Может быть, разумная жизнь зарождается именно в мирах, подобных нашему. Ведь, по мнению астрономов, Луна не только ближайшая цель для астронавтики, но и защитница Земли от сокрушительных бомбардировок. Если бы не она, жизнь на Земле могла бы вообще

не зародиться, погибла бы под кометным и метеоритным обстрелом. Планеты-гиганты тоже стягивают на себя часть космического мусора, не давая ему добраться до внутренних орбит. Венера, Земля и Марс находятся словно бы в оранжерее, защищенной от глобальных катаклизмов. У нас было достаточно времени, чтобы выбраться из океана на сушу, отрастить лапы, взобраться на деревья, потом спуститься с них. И стать людьми. А затем мы почти сразу — по меркам эволюции — научились летать в космос.

Следует простой вывод. Если Вселенная устроена таким образом, что создает идеальные условия для появления разумного существа и для выхода этого существа в космос, получается, человек ей для чего-то нужен. Он важен. Обязательный элемент мироздания.

Как вам такая гипотеза?…

109-е сутки полета

Отмечали день рождения Константина Эдуардовича Циолковского. Алексей при бритье и медицинских процедурах экономил спирт: набралось сто граммов сверх расчетного расхода. Пили прямо из медицинской груши. Делали по маленькому глоточку, чтобы просто ощутить на языке подзабытый привкус алкоголя. Говорят, старому пьянице много не надо. Мы, конечно, не старые пьяницы, но настроение было такое, что хотелось захмелеть. И захмелели.

Языки развязались, и Алексей со смехом спросил, понял ли я хоть что-нибудь из прочитанного в книге по истории философии. Я без колебаний ответил, что понял главное. Наш мир складывается из образов и символов, которые сознанию навязывает культура. Еще недавно человек считался единственным и неповторимым центром мироздания, а человеческая логика — единственным способом познания мира. Этот образ так довлел над античностью и средневековьем, что не давал развиваться подлинной науке. Ведь наука опирается на факты, которые часто противоречат логике. Например, мы видим, что каждое утро Солнце встает на востоке, а садится на западе. Следуя логике, нужно признать, что Солнце вращается вокруг Земли. Только многолетние наблюдения и расчеты астрономов доказали, что это не так. Наука, в свою очередь, создала образы, которые в большей степени соответствуют объективной картине мира. Но завтра может оказаться, что и эти образы — лишь приближение к истине. Ленин говорил, что всю объективную картину мира человек вряд ли может себе представить. Что-то всегда ускользнет от самого пытливого взгляда. Но при этом

объективный мир существует вне зависимости от того, как мы его себе представляем. Образы имеют значение только для нас.

В то же время, продолжал я, образы оказывают влияние на людей, на мотивы, на решения. Вот почему так важна идеология. Она генерирует образы. Циолковский в начале XX века создал очень привлекательный образ космического будущего. И нам так повезло, что идеология коммунистов совпала в этой части с представлениями Циолковского. И мы стали космической державой.

У нашего поколения другая новая задача. Нельзя дать образу измениться. Мир должен верить нам и в нас. Все люди планеты должны стремиться в космос вслед за нами. И тогда коммунизм победит не только в космосе, но и на Земле. Вот почему так важно было высадиться первыми на Луну.

— Силен, — одобрил Алексей. — Быстро нахватался. Будешь первым замполитом на Марсе.

110-е сутки полета

До Луны, оказалось, добраться не так-то просто.

После битвы за «Союз-3», когда мир висел буквально на волоске от глобальной войны на уничтожение, наступил спад напряженности. И мы, и американцы выдохлись. Все-таки очень тяжко и дорого воевать на орбитах.

Тем не менее наша лунная программа продолжала набирать обороты. Мы начали запускать в космос танкеры «Прогресс» — массивные блоки с горючим и окислителем, которые должны обеспечить заправку лунных кораблей. Американцам эти танкеры показались очень соблазнительной целью. Но они отказались от тактики прямого нападения. Теперь в ход пошли партизанские методы.

ВВС США разработали миниатюрный маневрирующий аппарат-камикадзе «Тор». Орбитальный самолет «Дайна-Сор» был способен вывести на заданные орбиты до десяти мелких перехватчиков, после чего возвращался в атмосферу, избегая встреч с нашими истребителями. «Торы» отыскивали танкеры и тупо взрывались рядом с ними, превращая наши блоки в металлолом. Так мы потеряли шесть танкеров и бессчетное количество сателлитов связи и фоторазведки.

На официальном уровне правительство США отрицало причастность к гибели космических объектов. В качестве объяснения участившимся катастрофам они предлагали версию для идиотов. Мол, советская техника не слишком-то надежна, а кроме того, после схваток космических истребителей на орбитах образовалось множество обломков, которые повреждают наши

танкеры. То есть сами виноваты.

Средств защиты против «Торов» не существовало. Им мог противостоять только такой же мобильный аппарат. А вот с беспилотными космическими аппаратами у нас всегда были проблемы. Сказывалось общее отставание в электронике. Блоки автономного управления на программной основе получались очень большими, занимали много места, вытесняя другие важные системы. Вот и оставалось сжимать кулаки, наблюдая, как американцы «зачищают» космос.

Решение отыскалось быстро, но потребовало некоторого времени на доведение проекта до серийного изделия. Конструкторы научились окружать наши платформы и танкеры сворой ложных целей, что позволило резко снизить эффективность перехватчиков «Тор».

Тогда в недрах Пентагона созрел секретный план «Стальное небо». «Ястребы» предложили навсегда «закрыть» околоземное пространство, выбросив в космос сотни тонн металлического мусора.

Однако и этот план не был реализован. Наша разведка вытащила его на всеобщее обозрение. Разумеется, люди во всем мире возмутились и потребовали отчета от американской администрации. Пришлось Никсону извиняться перед мировой общественностью.

А еще, чтобы закрепить успех, ВКС запустили с территории Еврейской Крымской Республики новую крылатую ракету «Буря-МН». Следуя рельефу местности, на предельно малой высоте она прошла над Южным полюсом и взорвалась в пустынном районе над Мексикой. Таким образом, «Стальное небо» обесценилось, ведь мы могли запускать межконтинентальные ракеты не только через космос, но и в пределах атмосферы, в зоне, не доступной для радаров, а у американцев подобной технологии не было. Вопрос сняли с повестки дня.

Потом у американцев начались политические проблемы. Война во Вьетнаме исчерпала ресурсы Пентагона, а космическая программа пробуксовывала из-за отсутствия новых решений. На выборах победил Линдон Джонсон, который был известен своими резкими высказываниями в адрес агрессивной внешней политики республиканцев и имел репутацию человека, который разбирается в «космических делах».

Наше руководство думало, что с Джонсоном проще договориться. Ожидания оправдались лишь отчасти. Действительно, новый американский президент постарался снизить напряженность в международных отношениях. Отменил несколько дискриминационных законов, принятых против

американских коммунистов, подписал несколько ранее подготовленных договоров по сокращению наступательных вооружений. Однако от планов превосходства США в космической сфере не отказался. Но дело при нем приняло интересный оборот. Джонсон решил, что в многочисленных провалах виноваты военные, и учредил гражданское агентство по космическим вопросам — НАСА.

Возможно, из этого и вышел бы какой-нибудь толк, но Джонсон опоздал: 20 июля 1969 года я ступил на Луну…

111-е сутки полета

— А ты помнишь, как мы познакомились? — спросил Алексей.

— Смутно, — признался я.

— Зазнался, — упрекнул меня Алексей. — Забронзовел. А я, между прочим, ничуть не менее известен, чем ты. И мог бы иногда для разнообразия пару книжек про меня прочитать. Там все подробно расписано.

— Небось про то, как мы с тобой купались в одной ванночке?

— Ага. Тарапунька и Штепсель.

— Ну ладно, — сказал я примирительно. — И как мы познакомились?

— Мы сели рядом в автобусе, который из Госпиталя ВВС шел в Центр подготовки астронавтов.

— И что ты подумал, когда увидел меня? Неужели и это помнишь?

— Помню. Даже зарисовал, чтобы не забыть. Но извини, набросок остался дома. Может, когда-нибудь опубликуют… Я вошел в автобус и вижу: сидит такой маленький, плюгавенький. Валенок валенком.

— Спасибо!

— Не обижайся. Ты именно такой и есть. Но знаешь, что в тебе подкупает сразу, с первой минуты?

— Что?

— Твоя улыбка! Ты можешь улыбнуться хмуро. Можешь улыбнуться жизнерадостно. Можешь просто скривиться, изобразить улыбку. Разницы нет. Твоя самая кривая улыбка пленяет любого. Подозреваю, что Валя тебя за нее и полюбила.

— А в морду? — предложил я.

— Ну извини, — сказал Алексей. — Я не хотел тебя обидеть. Я, конечно, извинил, ведь знал, что он просто треплется.

Но, вообще, Алексей в чем-то прав. Я прекрасно помню тот яркий солнечный июньский день, когда меня в очередной раз вызвали к Каманину, но вместо него в кабинете обнаружился

министр Королев.

— Здравствуй, — сказал Сергей Павлович. — Как твои дела?

— Отлично, товарищ министр! — сказал я. — Готов лететь когда угодно и куда угодно.

— Молодец, — похвалил Королев и сразу ошарашил: — На Луну полетишь?

— Почему я?

Это был резонный вопрос. Ведь в группе «лунатиков» Отряда советских астронавтов проходили подготовку десять кандидатов.

— Давно наблюдаю за тобой, — сказал Королев. — Ты мне нравишься. Открытый. Добродушный. Дружелюбный. Всегда жизнерадостный. Биография твоя тоже вполне соответствует. Пойми, первый полет на Луну — это не просто исследовательская экспедиция… — тут он споткнулся и посуровел. — К черту! Какая там экспедиция? За четыре часа ничего вы там не сумеете сделать. Только флаг воткнуть. Это политическая акция, понимаешь? Мы должны быть первыми. С Ильюшиным неувязка вышла. Он героический, но не то, не то. А ты — самое то! Улыбнись-ка, будущий покоритель Луны! Вот, самое оно! Не стыдно показать!

Так что улыбка моя тоже имела значение.

Алексея, получается, мне в пару назначили, потому что знали: у нас с ним близкие дружеские отношения. Да и в лунной программе он был на ведущих ролях. Совершил больше всех полетов на имитаторе экспедиционного корабля. Принимал участие в разработке программируемого посадочного устройства. Имел большой опыт по части космической медицины. По справедливости, ему полагалось быть первым, но я оказался фотогеничнее…

Когда мы беседовали в июне, корабль «Луна-1» уже висел на орбите. Королев выбрал громоздкую схему перелета, но зато самую быструю с учетом нашего отставания в электронных делах. Большой корабль собирался, как орбитальная станция — из трех «Союзов». Затем к нему пристыковывались разгонные блоки и танкеры. Идея была в том, чтобы поднимать эту громадину все выше и выше — в апогее до орбиты Луны. После опустошения танкеров они сбрасывались, и пристыковывались другие. Вся эта довольно сложная процедура проходила под контролем астронавтов-монтажников, действующих с обитаемых станций «Союз». Всего в сборке корабля принимало участие больше пятидесяти человек.

Когда партизанщина прекратилась, «Луна-1» была собрана в рекордные сроки — за два года!

В конечном виде связка из трех «Союзов» выводилась на

окололунную орбиту и должна была стать первым сателлитом Луны. И уже с нее мы вдвоем с Алексеем должны были скакнуть на Луну в экспедиционном корабле «Циолковский».

Поразительно, но наш перелет прошел почти без проблем. Это, между прочим, говорит о том, что к 1969 году культура производства и технологическая оснащенность в Советском Союзе возросли настолько, что мы научились делать совершенно уникальные и безотказные вещи — такие, каких нет больше ни у кого в мире. Не помогли странам Запада ни экономические санкции, ни изнуряющая гонка вооружений. Мы устояли.

До Луны мы добирались две недели, совершая хитрые маневры в пространстве: то удаляясь от Земли, то снова приближаясь к ней. Наконец сбросили последний танкер и плавно, красиво, словно в медленном танце, вышли на почти круговую селеноцентрическую орбиту с высотой в 350 километров от поверхности Луны. До нас здесь побывали только четыре американских аппарата «Лунар Орбитер», впервые заснявшие обратную сторону Луны и составившие новую и достаточно подробную карту лунной поверхности. Мы пользовались ею при подготовке и выучили наизусть. Иногда она мне снится. Королев планировал отправить к Луне несколько картографических сателлитов и даже спустить на поверхность спутника самоходку с управлением из ЦУПа, но у него элементарно не хватило ракет. Поэтому мы пошли вперед без разведки, рассчитывая на свой опыт. И на удачу, конечно.

Две недели мы висели на окололунной орбите, производя съемку и согласовывая с Землей место и время высадки. Потом перебрались в экспедиционный корабль, отстыковались и пошли на траекторию снижения.

Над самой поверхностью, на высоте 14 километров, когда «Циолковский» вышел на финишную прямую, отказало программируемое посадочное устройство. Его экранчик погас, а на пульте загорелась красная лампочка. «Беру управление на себя!» — заявил Алексей и, стиснув зубы, схватился за рукоятку. Внизу совсем близко скользила серая лунная поверхность. С орбиты она не казалась такой изрытой, как была на самом деле, и я в тот момент подумал, что мы вполне можем здесь гробануться. Впрочем, это уже не имело никакого значения.

Алексей справился. Не зря он совершил пять тысяч посадок на имитаторе. Ты действительно лучший, Алексей!

Важно было отыскать ровную площадку. Без кратеров. Если бы корабль встал на склон, то потом мы бы не сумели взлететь. Алексей напряженно смотрел вниз, через окно бокового иллюминатора. Я не мешал ему, потому что видел: он медлит не

из-за недостатка решительности, а потому что не видит чистого от камней и мелких кратеров участка.

Миновала минута, другая. В ЦУПе уже забеспокоились, ведь у нас заканчивалось топливо, предназначенное для посадки. Но вот наконец Алексей кивнул и бросил машину вниз, дав боковой импульс против направления движения. Выдвинутая штанга коснулась грунта, сработал тормозной двигатель. Нас тряхнуло, и «Циолковский» встал на почву.

— Ура, — сказал я.

— Ура, — сказал Алексей.

Мы посмотрели друг на друга. А потом заторопились. На все про все у нас было четыре часа. Почему так мало? Но ведь это первая высадка, это первая экспедиция на Луну. Фактически, у нас был еще не корабль, а его прототип.

Мы открыли люк и впустили вакуум. Я взял пакет с флагом и полез вниз по лестнице. В 23 часа 23 минуты по московскому времени я встал на лунную поверхность. Как и предсказывали астрономы, она оказалась довольно твердой — покрытой серой мелкозернистой пылью, в которой оставались глубокие четкие отпечатки. Из-за отсутствия атмосферы все выглядело необычайно четким. Яркий свет Солнца притушил звезды, а из-за того, что на Луне очень близкий горизонт, казалось, будто мы находимся внутри огромного павильона «Мосфильма», присутствуем на съемках новой фантастической ленты. Между прочим, Алексей в этот момент снимал меня на кинокамеру, стоя в проеме люка.

Отойдя на двадцать шагов, я поставил флагшток и развернул красное полотнище. А потом произнес заученный текст:

— На правах первопроходца объявляю Луну территорией Лунной Социалистической Республики. На правах первого гражданина новой республики прошу принять ее в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Мои слова ушли в эфир, и через пару минут Земля откликнулась:

— Ваша просьба удовлетворена. Верховный Совет принимает Лунную Социалистическую Республику в состав СССР…

112-е сутки полета

Говорят, я стал популярнее Ильюшина.

Не стану спорить, хотя мне кажется это глупым. Как можно сравнивать? Луна — это только одно из тел Солнечной системы. Будут еще высадки на другие тела, а Ильюшин стал первым, кто отправился в космос. Когда мы с Алексеем летели на Луну, мы уже многое знали о свойствах космического пространства, о

вредных факторах, научились бороться с ними. Ильюшин же отправлялся в неизведанное. А ведь кое-кто полагал тогда, что человек не сможет жить в невесомости — умрет или сойдет с ума…

Но, к сожалению, наш мир устроен таким образом, что люди не очень-то любят вспоминать героев вчерашних дней. Им подавай новых кумиров. Я стал очень популярен. Мы с Алексеем объездили почти весь мир. Везде нас встречали восторженно, устраивали парады в нашу честь, банкеты. Я думал, столько не выпью. Ничего, выпил. И даже вроде нигде не оскандалился. Даже в Штатах, когда…

Фрагмент восьмой

166-е сутки полета

…В Штатах, когда поняли, к чему все это идет, просто с ума посходили.

У них действительно были основания для паники. Луна становилась не просто космодромом для продвижения к другим планетам, она оказалась неуязвимой площадкой для развертывания советских сил стратегического сдерживания. Нет, конечно, теоретически базу на Луне можно уничтожить атомным ударом, но на то, чтобы добраться до Луны, у вражеской ракеты уйдет пара суток, ее заметят, и удар возмездия станет неизбежным.

Базу на Луне создавали по опробованной схеме. Сначала на селеноцентрическую орбиту забросили связку из трех «Союзов». Потом при помощи тормозной двигательной установки свели эти «Союзы» с орбиты и мягко положили на грунт. Монтажники на двух экспедиционных кораблях прибыли позже. Они соединили модули гибкими переходными трубами, присыпали их грунтом, разместили панели солнечных батарей, установили радиомаяки, и в августе 1970 года база «Селена-1» приняла первую экспедицию посещения. Кстати, тогда же на Луне побывал и первый американец.

Я знаком с ним: Деннис Тито. Щуплый такой молодой человек. Инженер. Очень умный. Очень тихий. Очень вежливый. Мой большой поклонник. Он вступил в Коммунистическую партию Америки под впечатлением от нашего с Алексеем полета. За это его выгнали из НАСА, но он недолго переживал. Взял и сбежал из Штатов. Революционеры перевезли его в Мексику, оттуда он вполне легально улетел в Бразилию, а затем рейсом «Ту-144» — в Советский Союз. И сразу же попросил отправить его на Луну.

Желающих было очень много, но нашему руководству Тито понравился, и его направили в Центр подготовки астронавтов. Там он прошел ускоренный курс и полетел вместе с первой экспедицией посещения.

В этом, конечно, была доля риска. Ведь Тито мог оказаться шпионом ЦРУ, диверсантом с задачей уничтожить лунную базу. И все-таки мы пошли на риск!

167-е сутки полета

…Кстати, о коммунистах в Америке. Если вы, дорогие товарищи потомки, считаете, что в такой капиталистической стране, как США, не было коммунистов, то глубоко заблуждаетесь. Были, и очень хорошие коммунисты.

После войны, в сороковые, им пришлось многое вынести. В Америке началась «охота на ведьм», коммунистов изгоняли из политики и бизнеса, сажали в тюрьмы и на электрический стул. Во время орбитальной войны Коммунистическую партию вообще запретили, однако Джонсон под давлением общественности вновь разрешил ее, и оказалось, что в США очень много сочувствующих идее построения коммунистического общества. К нашему полету на Луну количество членов партии составляло полтора миллиона человек, а после полета — превысило три миллиона. Это уже серьезная политическая сила, с которой американскому правительству приходилось считаться.

Коммунисты США ездили по городам, рекламировали достижения Советского Союза, рассказывали о нашей космической программе. Кое-где их встречали враждебно, ведь многие американские астронавты погибли в схватке с нашими, а такое не проходит бесследно для народной памяти. Но еще они выступали за вывод войск из Вьетнама, за равные права для негров и индейцев Америки, за сокращение армии.

Мы никак не могли помогать американским коммунистам. Против Советского Союза действовали экономические санкции, за нашими гражданами в США велось непрерывное наблюдение. А потому молодой американский коммунист Деннис Тито пришелся как нельзя кстати. Надо было показать всему миру, что мы готовы предоставить нашим друзьям доступ к космосу и космическим богатствам. Нужно было показать, что мы не империалисты, которые действуют, исходя только из своих интересов, а не во имя всего человечества.

Деннис хотел поначалу принять советское гражданство, но потом передумал. Понял, что у него есть более важная миссия, и вернулся в Штаты. Там его хотели арестовать и предать суду, но общественность отстояла. Его возвращение было триумфальнее,

чем даже наша с Алексеем поездка по США. Тито затмил собой звезд Голливуда, ему посвящали книги и песни. Не удивительно, что скоро он стал одним из лидеров Коммунистической партии США и намеревался баллотироваться в Конгресс…

168-е сутки полета

Алексей говорит, что я рассказываю все здорово и очень связно, но не упоминаю иногда важные детали. Например, у меня в дневнике ничего нет о программе «Аполлон».

Что ж, наверное, действительно стоит рассказать об этой программе.

Проект НАСА по быстрому достижению Луны так и не был доведен до ума. Поэтому американцы снова поменяли планы, вспомнив, что у них завалялся старый военный проект «Лунэкс». Он предусматривает запуск огромной ракеты «Нова» с верхней ступенью на атомном двигателе. Эта ступень была готовым космическим кораблем, сделанным по схеме ракетоплана, и называлась почему-то «Аполлон». Корабль должен совершить перелет к Луне, сесть на нее, а потом вернуться обратно и спланировать в атмосфере. Всего на Луну отправятся семеро американских астронавтов.

Алексей скептически оценивает этот проект. Его аргументы таковы:

— Эта дура грохнется при старте. Я возражаю:

— Одна уже не грохнулась. Макет «Аполлона» успешно вышел на высокую орбиту.

— Фигня, — говорит Алексей. — Нормальные ЛКИ предусматривают от пяти успешных запусков. А они сразу хотят лететь.

— Мы тоже сразу полетели.

Алексей начинает перечислять, загибая пальцы:

— Ракета «Восход» была отработана дальше некуда. Орбитальные блоки «Союз» доказали свою надежность. Танкеры «Прогресс» тоже. «Циолковский» прошел полный цикл испытаний на Камчатке.

— И все равно что-нибудь могло грохнуться. Американцы, я думаю, учитывали возможность аварии. Но у них нет выбора. Ведь мы с тобой летим на Марс…

169-е сутки полета

После присоединения Луны к территории Советского Союза весь мир ждал от нас каких-то действий. Ответ напрашивался сам собой. Марс должен был стать нашей новой целью.

Королев никогда не забывал о Марсе. Он рассказывал нам,

что идеей пилотируемого полета на Марс его зажег Фридрих Цандер — талантливый двигателист, который ушел из жизни очень рано, еще в тридцатые. Цандер был одержим Марсом настолько, что верил в реальность межпланетного полета еще на довоенной технике. Он верил, что мы отыщем марсиан и установим культурный обмен с ними. Королев, конечно же, был намного прагматичнее Цандера. Он понимал, что без большой ракеты о Марсе можно только мечтать. Но сама идея глубоко проникла в его душу. Она давала Королеву романтическое обоснование астронавтики. Поэтому, стоило появиться ракете, он посадил своих инженеров за проект межпланетного корабля «Аэлита».

Как и раньше, Королев использовал существующий задел. Планировалось запустить два корабля с интервалом в четыре года. Первый корабль, «Аэлита», был беспилотным — на нем предполагалось опробовать новые технологии. Второй, «Заря», управлялся экипажем из шести человек. Оба корабля собирались на низкой орбите из блоков «Союз». В качестве движителя использовался атомный реактор с литиевой электроракетной установкой. После сборки корабль по раскручивающейся спирали поднимался на высокую орбиту, за пределы радиационных поясов, и отправлялся в многомесячный межпланетный перелет. При достижении Марса он выходил на ареоцентрическую орбиту, сбрасывал на Марс зонды, изучал Красную планету с дистанции, а потом возвращался назад. На первом этапе более чем достаточно.

Так было записано в проекте. Но американцы готовили «Нову» и «Аполлон», и на самом верху было принято решение вбить последний гвоздь в космические планы США. Взять такой приоритет, который закрепит превосходство СССР на десятилетия вперед.

«Аэлита» стала пилотируемым кораблем. А лететь предложили нам. Просто в мире не было более опытных астронавтов…

170-е сутки полета

— Тут и не надо быть опытным, — ворчит Алексей. — Сиди себе, соси минералку, лопай паштеты. Довезут и обратно привезут. Растолстеешь от такой жизни.

— Не скажи, — говорю я. — Мы с тобой люди бывалые. Не раз смерти в глаза смотрели. Космоса уже не боимся. Помнишь, как ты меня из трещины тащил за десять минут до отлета? А ЦУП кричал, чтобы ты меня бросил и взлетал немедленно?

— Такое разве забудешь?

Мы посмеялись, но как-то без веселья.

— Неизвестно, — говорю, — как повели бы себя новички, когда рванул бак с кислородом. Может, легли и померли бы. А мы с тобой сразу побежали и все сделали. И заметь, молча. Нам для общения слова уже не нужны!.. Да и везет нам с тобой, разве не так?

— Везет. Но только не в этот раз.

На этой похоронной ноте и закончили беседу. Не нравится мне Алексей в последнее время. Что-то он больно мрачный…

171-е сутки полета

Министр Королев напутствовал нас перед отлетом. Но странное было напутствие.

Мы втроем сидели на скамеечке в парке Центра подготовки астронавтов. Я и Алексей чувствовали себя на подъеме, радовались малейшей ерунде: вон воробушек поскакал, вон белка пробежала, вон собачку выгуливают. Предстоящая экспедиция будоражила нас, гоняла кровь. Еще бы, мы снова будем первыми! А вот Королев был мрачен, сидел, насупившись, и смотрел вдаль. Наконец заговорил. Медленно роняя слова:

— Ну что, опять летите, соколы? Летите… А я ведь был против этой экспедиции.

— Почему? — удивились мы. Королев поморщился:

— Рано еще лететь к Марсу. Рано! Не готовы мы к дальним перелетам. Надо еще подумать, порисовать, посчитать. Ведь если ваша экспедиция провалится, следующую нескоро пошлют. А у нас даже ракетоплана посадочного нет. Видели этот «Арес»?

— Не только видели, но и тренировались. Это же «Красная звезда», только топливная загрузка больше. И для двух человек.

— Какой толк тренироваться на этой бандуре? Если она и сядет на Марс, то не взлетит. Советую забыть про «Арес». Запустите его, снимите телеметрию и назад!

— Так и запланировано.

— Знаю, что запланировано. Но тут такое дело… Большая политика… Помните Денниса?

— Конечно же, помним.

— У него есть реальный шанс стать президентом США.

— Не может быть.

— Может. Все может быть. Представляете, президент США — коммунист! В Конгресс, считайте, он прошел, счет размочили, но это ерунда по сравнению с постом президента. Если мы это продавим, то американе будут у нас вот где, — Королев показал сжатый кулак.

Мы переглянулись, не веря услышанному.

— Сильный ход нужен, — продолжал Королев. — Очень

сильный ход. Чтобы шок! Вот для этого вы и летите. Но хочу вас предупредить. Если приказ поступит или вам самим какая-нибудь блажь в голову придет, не смейте даже думать об «Аресе». Сбрасывайте его и — ходу-ходу! Вы мне живыми здесь нужны, а не мертвыми на Марсе.

— От кого такой приказ может поступить? — спросил я. Настроение резко портилось.

— Есть еще шишка покруче вашего министра. Устинов. Ну и сам Генсек. У них свои доводы. Что такое жизнь или смерть двух пилотов в сравнении с победой мировой революции? В войну вон двадцать миллионов положили. И Сталин еще несколько миллионов закопал — всех и не посчитали до сих пор. Я ведь тоже там был, знаете? В ГУЛАГе. Чуть не подох. Помню, чего эта победа стоит… Да и будет ли победа?

— Разве дело в этом? — разгорячился Алексей, которого тоже проняло. — Время такое. Но ведь лучше жить! С каждым днем все лучше. Значит, правильным курсом идем!

— Много вы видите из своего городка… — Королев вздохнул. — Экономика — это вам не ракетами пулять, — он явно повторял чьи-то слова. — Астронавтика уже жрет половину бюджета. А мы не такие богатые, как американе. Нам кредиты нужны, а их не дают. Но западный мир уже шатается. Немцы и французы только и ждут, когда санкции снимут. Готовы миллиарды вкладывать и в экономику, и в астронавтику…

— Значит, тем более надо лететь! Королев посмотрел искоса.

— Ну и ладушки, — подытожил он. — Извините, ребята, но я должен был сказать. Хотя все это мерзость…

Фрагмент девятый

222-е сутки полета

…Мерзость.

Марс нас обманул. Он мертвее мертвого.

Никаких каналов здесь, конечно, нет. И никогда не было. Оптическая иллюзия. Обман.

На самом деле Марс — это ржавый пустынный шар, наискось пересеченный чудовищным каньоном.

Мы верили в лучшее до последней минуты. Все-таки в перископы ничего толком не разглядишь. До первой коррекции мы видели только звезды. После нее Марс выглядел оранжевой горошиной без деталей. Третья коррекция опять ориентировала корабль по звездам. А после четвертой Марс заслонил перископическое поле, и перед нами было только красное нечеткое пятно. Но теперь расконсервирован «Арес», можно в

свободное время прогуляться через отсеки в кабину посадочного ракетоплана, сесть в кресло и любоваться на Красную планету до ряби в глазах.

Впрочем, удовольствие сомнительное. Выглядит Марс плохо. Очень плохо. Как планета, пережившая катастрофу. Алексей, который читал много фантастики, утверждает, что такая гипотеза тоже фигурировала. Мол, когда-то Марс был во всем подобен Земле, но потом случился глобальный катаклизм, на Марс упал астероид или комета, и жизнь погибла. Или еще одна гипотеза: на Марсе процветала высокоразвитая цивилизация, но потом, после катастрофы, она перебралась на Землю и одичала в суровых условиях первобытного мира, а мы все — потомки марсиан.

Я сказал, что обе гипотезы — полная ерунда. Белиберда. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять: Марс умер давно, возможно, еще в те времена, когда формировалась Солнечная система. Он был мертв с самого начала, а вся наша астронавтика выросла из ошибочной предпосылки. Говорил же Циолковский, что нельзя «завязываться» на Марс…

Честно говоря, я в отчаянии. Я прихожу в «Арес», сажусь, смотрю и хочется расколотить все вдребезги! Как мы могли так ошибаться? Как?!

Пустышка. Мертвый проклятый шар. Ты же убиваешь нас! Кто полетит сюда, когда увидит снимки? Кому ты будешь нужен, пустыня пустыней?

Мерзость…

Проклятье…

223-е сутки полета

Работаем почти без перерывов. Выход на орбиту чужой планеты — это сложный процесс, требующий особых усилий от экипажа. Вообще-то, согласно штатному расписанию, его делают четверо, а нам нужно управиться вдвоем. Почти не спим. ЦУП помогает советом и расчетами, но уже ощущается запаздывание сигнала, а скоро мы вообще останемся без связи — Земля уйдет за Солнце. Это будет самый сложный этап в нашей экспедиции, когда придется полагаться только на собственные силы. Если допустим ошибку, на ареоцентрической орбите появится еще один спутник — мертвый корабль с мертвым экипажем…

О Марсе еще ничего толком не сообщали. Алексей не хочет, то есть прямо отказался. Говорит, что это прерогатива командира корабля. А я думаю. Что сказать? Марс мертв, как Луна? Цандер был сумасшедшим? А между прочим, в честь Цандера недавно новый город в Сибири назвали…

Хорошо хоть на период маневрирования из ЦУПа выгнали

астрономов с планетологами. Те уж точно достучались бы. Ведь что-то отвечать им пришлось бы, а врать… Не хочется врать…

Сегодня в ЦУП приезжал Королев. И спросил меня прямо: что видим в «Аресе»? Я уклонился от ответа. Сказал, что наблюдаем много интересного, но анализировать времени нет. Королев наверняка заподозрил. Его такими речами не проведешь. Догадался, что темню. Но настаивать не стал.

Был бы он один на защищенной частоте, я бы не удержался. Если кто и может правильно понять наше с Алексеем состояние, так это Сергей Павлович…

Но раньше или позже придется все рассказать. Миллионы людей по всему миру ждут нашего доклада. Тут любая фраза имеет значение. Эти фразы потом будут изучать специалисты, чтобы понять, что мы имели в виду.

Выход только один. Надо сесть с Алексеем и подумать, а может, и на бумажке набросать, что мы будем говорить, как и когда. Вопрос-то серьезный. От него, не побоюсь этой высокопарности, зависит будущее цивилизации…

224-е сутки полета

…В самый разгар наших дел пришло сообщение с Земли. Американцы запустили-таки свой «Аполлон» с экипажем. Алексей, бледный от расчетов и недосыпа, пробурчал, что их надо поздравить. Продиктовал поздравительную телеграмму. Надеюсь, американским астронавтам это будет приятно. Обнадежит. У меня нет к ним ненависти. Совсем нет.

226-е сутки полета

Вчера записей не делал. Просто падаем от усталости. Хотя в невесомости это выглядит, скорее, фигурально… Алексей совсем позеленел. Не спит, но что особенно вызывает опасения — не ест. Говорит, что нет желания и потом наверстает. Круги под глазами. В «Арес» не ходит. Даже мой дневник забросил. Лишь бы не код 212…

227-е сутки полета

…Не было печали…

Только что сообщили с Земли…

Никак не могу это понять и переварить.

Это просто… чудовищно!

«Аполлон» атаковал «Селену». Потом попытался прилуниться и высадить десант. Но разбился при посадке. Нескольких американцев мы спасли.

Но ситуация аховая. На Земле, похоже, все опять на кнопках.

Снова повышенная боевая готовность. Как в шестьдесят шестом. Опять «Су-100» в воздухе, а экипажи «Союзов» эвакуируют.

Когда ж это кончится, ребята?! И как вы могли? Мы же вас с Алексеем ПОЗДРАВИЛИ.

228-е сутки полета

…Мы знали об этом. Готовились. Но все равно как-то непривычно. Земля уходит за Солнце. Связи не будет. Мы с Алексеем остаемся вдвоем. Или втроем — с Марсом…

Нет, все-таки вдвоем. Мы ведь живы, а Марс мертв.

Не хожу больше в «Арес». По плану сбрасываем его через девять суток. Пусть уходит.

Земля сейчас главнее. Что там на Земле?

Валя! Как ты там? Валя…

229-е сутки полета

Алексей готовился к этому разговору. Хоть и был в депрессии, но видно, что готовился.

Сказал, чтобы я все запоминал, а потом изложил в дневнике как можно подробнее.

Сказал: «Теперь это не только твой мемуар, но и мой».

Сказал: «Пусть это будет как протокол. Дословно. По пунктам. Напишем, прочитаем, согласуем, подпишемся».

Сказал: «Ты командир, но нас всего двое, и на мой выбор ты не можешь повлиять. И остановить не можешь».

После этого я начал догадываться, о чем он будет говорить. Мы давно вместе. Нам не нужны слова…

Записываю, как есть.

— Я хочу сесть в «Арес», — сказал Алексей. — И совершить посадку на Марс. Это первое условие.

— Хорошо, — сказал я. — Есть второе?

— Есть, — сказал Алексей. — Ты вернешься назад и будешь врать всю оставшуюся жизнь. Ты будешь врать, что видел на Марсе каналы. Ты будешь врать, что видел большие белые города. Ты будешь врать, что видел готовые посадочные полосы. Ты будешь врать, что я нормально сел на одну из таких полос. Ты соврешь, что я вступил в контакт и остался на Марсе. И запомни: ты будешь улыбаться во всю свою пасть, чтобы все поверили.

— Ты сошел с ума, — сказал я. — По инструкции, я должен запереть тебя в третьем отсеке и доложить на Землю.

— Нет Земли, — сказал Алексей. — Кому будешь докладывать?

— Будет Земля, — сказал я. — Законы Кеплера еще никто не отменял.

— Нескоро, — сказал Алексей. — А я сильнее.

— Ты ведь знаешь, что это самоубийство, — сказал я. — Зачем тебе это?

— Надо, — сказал Алексей.

— Королев подозревал тебя с самого начала, — сказал я. — «Блажь в голову придет». Лучше бы я с Гречко полетел…

— Дурак, — сказал Алексей. — Валенок. Всегда был валенком. Я тебе жизнь предлагаю. И всемирную славу.

— Славы мне хватает, — сказал я.

— Другую славу, — сказал Алексей. — Тито станет президентом, а ты — Генсеком.

— Ты точно псих, — сказал я. — С чего ты решил, что я хочу стать Генсеком?

— У тебя задатки есть, — сказал Алексей. — Но это ерунда, чушь. Ты отвлекаешься…

— Я тебя не брошу. Ты сошел с ума, если думаешь, что я тебя брошу. Ты со мной сел в том автобусе. Ты меня из трещины вытащил. Я тебя не брошу.

— Кто-то должен вернуться, — сказал Алексей. — Кто-то должен остаться.

— Но зачем? — сказал я.

— Помнишь, ты говорил… и писал об образах? — сказал Алексей. — Об образах будущего? Ты прав! Образы влияют на наши поступки, на наш выбор. И будущее становится таким, каким мы его себе представляем. И если боремся, то образ становится объективной реальностью. И об этом тоже говорил Королев. Мы сейчас на распутье. Весь мир сейчас на распутье. «Аполлон» — идиоты. Они снова начали войну. Мы даже с тобой не знаем, что за Земля выйдет из-за Солнца. Может, наша Земля, а может… другая… Оплавленная. Радиацией политая. Может, мы с тобой последние земляне во Вселенной? Вот к чему пришли. Вот чего добились. Но если все-таки Земля уцелела, у нас с тобой есть шанс все изменить.

— Что изменится от твоей смерти?! Что изменится от вранья?! — кричал я. Впервые по-настоящему кричал.

— Образ, — сказал Алексей. — Образ неба. А значит, и образ будущего. Ты же понимаешь, что образ неба менялся. Веками люди жили на Земле, которая центр Вселенной. А потом открыли, что Земля не центр, что существуют другие миры. Открыли, что миров много. И двинулись дальше. Но если мы с тобой скажем, объявим, что Марс мертв — кому нужен такой образ? Мертвый Марс, мертвое небо. Разочарование. Астронавтики больше не будет… Нет, будет, конечно. Но другая астронавтика. Война на орбитах. Война на Луне. Война в мелкой луже. Пока не поубиваем

друг друга…

Алексей задохнулся, но справился с собой и продолжил:

— Вот вы все любите склонять, — сказал Алексей, — Сталин, ГУЛАГ, массовое истребление народа, взрыв в Кремле, съезд. Что это такое? Да, это было. Но что это такое? Это тоже образ. Нас ненавидят, нас боятся — такой образ. Сейчас с астронавтикой мы этот образ меняем. Наши люди уже ездят за границу. Советские ученые, советские писатели, советские артисты — желанные гости везде. Каждый стремится прикоснуться к тем, кто летает в космос. Еще немного, и мы станем своими в мире. Нас признают окончательно. Деннис станет президентом… А что будет после нашего возвращения? Мы скажем: Марс мертв, все усилия и жертвы были напрасны. Мы уничтожим образ неба, который создал Циолковский. А с ним уничтожим свой образ…

— Есть еще звезды, — сказал я.

— Через сто лет, — сказал Алексей. — И без нас. Потому что нас сотрут. А если не сотрут, то будет еще хуже. Снова будет Сталин, еще страшнее, чем вы думаете. Космический. Ты хочешь, чтобы ГУЛАГ добрался до звезд?

— Нет, не хочу, — сказал я.

— Поэтому улетай, — сказал Алексей. — А я пойду в «Арес».

— Я тебя не брошу, — сказал я. — Никогда. Только вместе. Жили вместе, летали вместе. Умрем тоже вместе.

— Ну лети же ты! — закричал Алексей.

— Не люблю врать, — сказал я. — Не могу врать. Небо не велит.

— Романтик, неисправимый, улыбчивый, — сказал Алексей.

— А может, наоборот? — сказал я. — Ты полетишь врать, а я останусь?

— На-кась выкуси, — сказал Алексей.

Помолчали. Потом я сказал:

— Ты знаешь, я согласен с тобой. Но нужно подумать. Это непростое решение…

Фрагмент десятый

237-е сутки полета

…Решение принято.

Осталось чуть больше трех часов.

Все уложено. СЖО приостановлена. Реактор заглушен. Отсеки изолированы. Шифровальное устройство и бортовой журнал уничтожены.

Через полчаса влезаем в скафандры и переходим в «Арес». Проверим системы. Потом — сброс и вниз. Не в первый раз.

Управление ракетопланом я на правах командира беру на себя. И ведь посажу эту «бандуру». Мягко, как падает лист. Пусть Сергей Павлович завидует! Если узнает когда-нибудь…

Красный флаг мы в Марс воткнем. Точно знаю. Его в посадочный ракетоплан так положили, чтобы доставить. А мы выйдем и воткнем. И может, споем.

Чтобы Земля не переживала и не выслала от избыточного рвения спасательную экспедицию, подготовили звуковую запись. Она уйдет открытым текстом с радиопередатчика в заданное время. Говорил я. Объяснил, что высаживаемся на Марс добровольно. И просим принять Красную планету в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Надеемся, что это поможет, и лет двадцать никто сюда не прилетит. Пусть Марс остается целью. Пусть мечтают.

Дневник упакуем в герметичный контейнер и заложим в переходном тамбуре. Его выбросит в космос, когда мы стартуем.

Прощайте, товарищи!

(Валя, прости, если сможешь. Я тебя люблю.)

Небо должно быть нашим.

Небо будет нашим!

Подписи:

Командир межпланетного пилотируемого корабля «Аэлита»,

полковник ВКС Юрий Гагарин

Второй пилот и штурман межпланетного пилотируемого корабля

«Аэлита», полковник ВКС Алексей Леонов

ВИДЕОДРОМ

МЮМЗИК-MOVIE

Аркадий ШУШПАНОВ

В кинозалы двадцать первого века доставлена посылка из прошлого. Знаменитый рассказ Генри Каттнера и Кэтрин Мур «Все тенали бороговы…» ждал экранизации более шестидесяти лет. И дождался. Но о таком ли «прочтении» могли мечтать его авторы?

Классике НФ-рассказа в новом веке упорно не везет на экранизации. Вспомним незавидную прокатную судьбу недавних киноверсий короткой прозы Олдисса, Брэдбери или Дика. Удивительный рассказ Генри Каттнера и Кэтрин Мур вроде бы разделил участь предшественников. Фильм «Последняя Мимзи» тихо стартовал в США, собрал на родине скромную кассу в двадцать миллионов и незаметно отправился странствовать по кинотеатрам мира.

Но не обошлось и без парадоксов. Да и могло ли быть иначе, ведь за спинами семейного дуэта фантастов маячит тень самого парадоксального автора всех времен и народов — Льюиса Кэрролла. Супруги даже опубликовали свой текст под знаковым псевдонимом Льюис Пэджетт.

Вот, например, один из таких парадоксов. Словосочетание «режиссер Боб Шайе» большинству кинолюбителей скажет немного. А вот если его слегка изменить — на «Роберт Шайе», то перед нами окажется основатель и сопредседатель компании «Нью-Лайн Синема». Этот человек оказал огромное влияние на кинофантастику прежде всего как продюсер, начиная с

фирменного сериала «Кошмар на улице Вязов» и заканчивая трилогией «Властелин Колец». Собственно, благодаря Шайе творение Питера Джексона и стало трилогией: новозеландец с командой первоначально рассчитывали на финансирование только двух фильмов. Увы, но опять же благодаря Шайе мы, судя по всему, вряд ли увидим еще хотя бы одну картину Джексона о Средиземье… Сделав независимую аудиторскую проверку «Братства Кольца», режиссер обвинил студию в занижении цифры кассовых сборов — и, соответственно, гонорарных выплат. Дело попало в суд, тяжба не закончилась до сей поры. Отношения Джексона и Шайе, которому некогда был подарен меч Гэндальфа, оказались безнадежно испорченными, и вопрос о постановке новозеландским сказочником «Хоббита» на «Нью-Лайн Синема», кажется, закрыт окончательно.

Эта непростая история вполне могла побудить Шайе «тряхнуть стариной», вернуться к режиссуре после шестнадцатилетнего перерыва и создать вторую полнометражную ленту в своей фильмографии.

Завязка фильма уважительно следует канве истории, рожденной коллективным воображением Льюиса Пэджетта. К обыкновенным американским детям, брату и сестре, попадает коробка с игрушками из будущего. Причудливые вещицы несказанно развивают интеллектуальные способности детей, одновременно вызывая тревогу родителей (их играют Тимоти Хаттон и Джоэли Ричардсон). Создатели киноадаптации сохраняют и мотив особенного отношения юных героев с пространством-временем, и даже изящный ход, по которому еще одна коробка попала в руки маленькой Алисы Лидделл, вдохновившей Льюиса Кэрролла взяться за перо.

Но дальше события развиваются, как сказала бы та же Алиса, все страньше и страньше. Сценаристы буквально переворачивают сюжет с ног на голову. Понять их можно: все-таки семейное кино, а значит, в той или иной мере лента должна проповедовать семейные ценности. Но с этой концепцией печальный финал по версии Каттнера — Мур, когда герои уходят от родителей в неведомую реальность, как-то не вяжется. Формат, он и в Америке формат. Поэтому для младшего поколения семейства Парадин, переименованного в Уайлдеров, найдена более достойная задача, нежели побег из дома в чужие измерения. Они ни много ни мало должны спасти будущее, в котором случилась не вполне ясная, но серьезная катастрофа. Для того некий ученый и забросил в прошлое чудесные игрушки. У людей из нашего века, оказывается, есть что-то важное, ставящее их на голову выше потомков. Но что именно, мы узнаем только в конце

фильма.

Еще один парадокс связан с названием. Заголовок рассказа цитировал балладу Кэрролла «Джаберрвоки», известную у нас как «Бармаглот». На русский язык баллада переводилась пять раз. Самый популярный вариант встречается в переводе «Алисы в Зазеркалье», сделанном Натальей Демуровой, хотя само стихотворение переложила Дина Орловская:

> Варкалось. Хливкие шорьки
> Пырялись по наве.
> И хрюкотали зелюки
> Как мюмзики в мове.

«Все тенали бороговы…» — строчка из шестого, «неофициального» перевода четверостишия, выполненного Леонорой Черняховской. Почему «неофициального»? Потому что существует он только в русском варианте рассказа Каттнера и Мур, как наиболее близкий к оригиналу: «All mimsy were the borogoves». Бороговы тенают вместо хрюкотающих мюмзиков или «дрожащих в лужасе гроздов» из еще одного переложения — Владимира Орла. По сюжету рожденному воображением соавторов-фантастов, кэрролловская игра слов не что иное, как шифр, позволяющий выйти за пределы четырехмерной пространственно-временной системы координат. Если, конечно, этот шифр правильно разгадать.

Сценаристы экранизации сыграли в слова по-другому. «Мимзи» превратилось в имя игрушечного белого кролика (еще один своеобразный «привет» Кэрроллу), которому отдана ключевая роль среди прочих «шорьков» из фантастической коробки. Даже английское написание вымышленного слова изменилось на одну букву. Однако для русскоязычного зрителя, пусть и знакомого с многократно переизданным рассказом Пэджетта, из-за путаницы в переводах связь между названием фильма и текстами Кэрролла и Каттнера оказалась, мягко говоря, непрозрачной. Тем более, что отечественные локализаторы тоже проявили фантазию и громко озаглавили картину «Последняя Мимзи вселенной».

Увы, гений Кэрролла и блестящее мастерство Каттнера и Мур, перенесенные на пленку, отступают перед штампами фабрики грез. Чего только не найдешь в том ворохе «игрушек», каким пользуются взрослые деятели киноиндустрии! И настойчивая мысль, будто современный обыватель живет в лучшем из миров, и страх террористической угрозы, и взрывной сценарный коктейль, где нашлось место всему — от мотивов

«Терминатора» до восточной философии.

Но есть и такое, за что Бобу Шайе и компании можно многое простить. Во-первых, за смелость обращения не только к творчеству Кэрролла и Пэджетта, но и к идеям Достоевского. Метафору о слезинке ребенка так, как это сделано в «Последней Мимзи», еще не пробовал решить, пожалуй, никто.

Во-вторых, камерная лента Шайе — настоящий гимн наивному, полному надежд семейному кино восьмидесятых. Многие сцены открыто цитируют «Инопланетянина» Спилберга. Однако именно из-за этого публика и отнеслась к ленте достаточно прохладно. Зрители уже привыкли к иной манере съемки, а фильм, кажется, сам прилетел к нам в «капсуле времени» из эпохи двадцатилетней давности. Полные залы давно уже собирают бравурные фэнтези-блокбастеры. И неудивительно, что новый проект Шайе — продюсирование экранизации «Темных начал» Пуллмана, а не постановка научно-фантастического фильма. Нам же остается надеяться: «Мимзи» была не последней, придет время, и еще не один рассказ из «золотого фонда» американской НФ и найдет свое место в пространстве киноэкрана.

РЕЦЕНЗИИ

ЭВАН ВСЕМОГУЩИЙ

(EVAN ALMIGHTY)

Производство компании Spyglass Entertainment, 2007.
Режиссер Том Шедьяк.
В ролях: Стив Карелл, Джон Гудман, Морган Фримен, Лорен Грэм и др.
1 ч. 32 мин.

Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Бывший телеведущий Эван Бакстер (тот самый, над которым в свое время изрядно поиздевался Брюс Всемогущий в исполнении Джима Керри), а ныне новоиспеченный конгрессмен въехал в здание Капитолия под громким лозунгом: «Я изменю мир!» Затея Всевышнему понравилась, скромная мольба о помощи была услышана. Правда, взгляды на осуществление столь грандиозного замысла у темнокожего Творца (Морган Фримен) и его бледноликого создания Бакстера (Стив Карелл) серьезно разошлись. Неудобно было примерному семьянину отращивать бородищу, менять костюм на балахон и строить перед собственным домом всамделишный ковчег, дожидаясь второго Всемирного потопа в окружении беспокойных зверей и удивленных родных. Но пришлось…

К сожалению, Стив Карелл далеко не Джим Керри. Нет у него гримас в запасе, а потому зритель и улыбаться-то будет редко, а уж смеяться и вовсе пару раз. Отказ от съемок в сиквеле уставшего хохмить комика серьезно попортил нервы продюсерам. Историю, конечно, переписали, подстроили под нового героя, а вот достойную замену Керри так и не нашли. Кроме того, еще и рекламщики подложили большую свинью, снабдив ролики самыми смешными моментами грядущей картины. А сколько экранного времени было потрачено на то, чтобы Бакстер наконец понял, кто откликнулся на его молитву? Ей-богу, лучше отдали бы драгоценные минуты Моргану Фримену, который, как всегда, прекрасно справился со своей задачей.

Веселой комедии не получилось, зато вышел очень милый, трогательный и честный фильм. О семейных ценностях, о непомерной человеческой алчности, об экологических проблемах,

о том, что менять мир нужно, начиная с себя самого. Режиссер Том Шедьяк может гордиться новой работой. Для того чтобы так просто, без фальши обличить пороки современного общества, нужно обладать талантом.

Степан КАЙМАНОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЧЕТВЕРКА-2: ВТОРЖЕНИЕ СЕРЕБРЯНОГО СЁРФЕРА

(FANTASTIC FOUR: RISE OF THE SILVER SURFER)

Производство компаний 20th Century Fox, Marvel Enterprises, 1492 Pictures (США) и Constantin Film Produktion Gmbh (Германия), 2007.

Режиссер Тим Стори.

В ролях: Йоан Гриффит, Джессика Альба, Джулиан Макмэхон, Майкл Чиклис, Крис Эванс и др.

1 ч. 32 мин.

Спустя два года после выхода первой части, на экране снова интеллектуал Рид Ричардс — он же эластичный Мистер Фантастик, красавица Сью Шторм — она же Женщина-невидимка, каменнотелый Нечто — Бен Гримм и плейбой Джонни Шторм (известный как Человек-факел). Опять в кадре появляется и Стэн Ли — один из создателей комиксов, ставших основой экранизации, — на сей раз в роли самого себя (в первой части он играл почтальона Вилли Лампкина). Здесь ему пришлось стать гостем, которого не пустили на свадьбу супергероев. Хотели ли тем самым создатели картины сказать «родителям» Четверки — «у нас своя свадьба, у вас своя; вы чужие на нашем празднике»? Вряд ли: картина, представляющая собой не более чем визуальный аттракцион, не отличается глубиной, в ней нет места вторым смыслам. Честно говоря, в ней и первого не хватает.

Итак, люди в опасности: явившийся из космической пучины Серебряный Сёрфер портит погоду, отключает электричество и проделывает в земле дыры невероятной глубины. А главная беда — следом за ним должен явиться пожиратель миров Галактус…

Раздосадованные тем, что катаклизмы расстроили свадьбу Рида и Сью, члены Четверки решают устроить серебристому пришельцу взбучку. Человек-факел получает возможность обмениваться сверхспособностями с остальными членами Четверки.

Разумеется, такому «ружью» негоже висеть на стене. Сначала

оно произведет несколько забавных выстрелов вхолостую (в результате одного из них у зрителей появится возможность полюбоваться на обнаженную Джессику Альба), а затем сыграет роль орудия главного калибра в битве со старым знакомым — злодеем фон Думом (перевоспитанный Сёрфер к тому моменту будет играть «за наших»).

Сергей ЦВЕТКОВ

Я ОСТАЮСЬ

Производство компании MG Media, 2007.

Режиссер Карен Оганесян.

В ролях: Андрей Краско, Нелли Уварова, Федор Бондарчук, Алена Бондарчук, Елена Яковлева, Андрей Соколов, Владимир Епифанцев и др.

2 ч.

Современный российский кинематограф подобен шляпе фокусника. Никогда не знаешь, что из нее вытянет иллюзионист. Как ни печально, чаще всего появляются не белые и пушистые зайчики, а нечто совершенно противоположное — серое, колючее, злое. Оттого каждый такой «зайчик» безмерно ценен.

На этот раз в роли фокусника выступил Карен Оганесян. И, надо признать, выступил неплохо, наглядно показав, что хорошая фантастическая история вполне может обойтись без спецэффектов, неимоверно крутых героев и ураганного экшена. Хотя, конечно, перед нами не столько фантастика, сколько трагикомедия о превратностях судьбы. Собственно, фантастический элемент здесь сводится к тому, что в один прекрасный день атеистически настроенный доктор Виктор Тырса (Андрей Краско) оказывается в коме и попадает в потусторонний мир. Казалось бы, банальная завязка, но как обставлена! Сценаристы потрудились на славу, сделав мир Комы причудливым и ярким, наполнив его запоминающимися персонажами. Один Проводник (Федор Бондарчук) многого стоит. Никаких демонов и ангелов здесь нет, только реальные люди, желающие вернуться обратно.

Заметим, что второстепенные герои появляются в кадре лишь на короткое время и, выполнив свою функцию, исчезают. Параллельно скитаниям ворчливого доктора развивается история его дочери и жены, что позволяет миру Комы оставаться интересным на протяжении всего фильма.

Картину, однако, нельзя назвать идеальной. Появление

ухажера дочери Тырсы в мире Комы и его встреча с доктором выглядят не очень правдоподобно. Ближе к финалу количество сюжетных линий неожиданно возрастает, что портит ритм повествования и изрядно запутывает зрителя.

Невзирая на общий неторопливый темп, скучать не придется. Мастерская актерская игра и отменные диалоги, лишенные пустоты, не дадут оторваться от экрана вплоть до финальных титров.

Степан КАЙМАНОВ

ГЛЮКИ

(BUG)

Производство компаний Lions Gate Films и L.I. F. T. Production, 2006.

Режиссер Уильям Фридкин.

В ролях: Эшли Джадд, Майкл Шеннон, Брайан Ф. Бёрн и др.

1 ч. 42 мин.

Со времен хичкоковского «Психо» каждый любитель кино знает: нет мест страшнее затерянных в американской глубинке мотелей. Персонажу, в начале фильма обнаружившему себя в одном из таких мест, не позавидуешь.

Впрочем, героиня новой ленты режиссера «Экзорциста» Уильяма Фридкина — официантка Агнес Уайт (Джадд) — вряд ли вызвала бы зависть, поселись она хоть в Хилтоне: на работе, в баре для лесбиянок, домогаются, дома терроризирует телефонными звонками из тюрьмы экс-супруг. Разумеется, не выдержав беспросветности подобного существования, Агнес однажды сбежит от реальности в страну грез.

И пусть грезы эти окажутся кошмарами контуженного в Ираке Питера Эванса (Шеннон). Пусть в них для установления тотального контроля людям под кожу вживляют выедающих человека изнутри крохотных насекомых, общающихся с сородичами по радио, — это все равно лучше, чем прежняя беспросветность.

Героиня очертя голову бросится в параноидальный мир борьбы с якобы засевшими в правительственных лабораториях «поработителями человечества», что очень скоро приведет к закономерному (здесь вам не «Матрица») финалу: как бы цинично это ни звучало, самым ярким событием в жизни Агнес станет гибель в пламени устроенного Питером пожара.

До киновоплощения «Глюки» два года с успехом шли на театральных подмостках. Характерную для сцены лаконичность изобразительных средств унаследовал и фильм: минимум декораций, минимум действующих лиц, абсолютное отсутствие спецэффектов и диалоги, диалоги, диалоги…

Русское прокатное название фильма диктует, казалось бы, единственно верную трактовку происходящего на экране: перед нами история болезни. Однако создатели фильма где кратким кадром (например, кишащими в теле героя личинками), где фразой (откуда доктору известно о Ллойде — пропавшем сыне Агнес?) заставляют сомневаться: а может, мир действительно таков, каким его видит Питер? Может, безумен не он, а те, кто считает нормой убогий быт?

Сергей ЦВЕТКОВ

ЖАТВА

(THE REAPING)

Производство компании Warner Bros. Pictures, 2007.

Режиссер Стивен Хопкинс.

В ролях: Хиллари Суонк, Анна-София Робб, Идрис Эльба, Уильям Рэгсдейл, Дэвид Морриси и др.

1 ч. 33 мин.

Сверхполиткорректный дуэт (чернокожий мужчина и женщина-ученый) занимается разоблачением религиозных чудес, давая им научные объяснения. Вода покраснела? В озере завелись бактерии. Коровы взбесились? Плохой корм. Но однажды настырным разоблачителям все-таки приходится поверить в чудо, созданное не то Богом, не то дьяволом…

В каких только смертных грехах не обвиняли создателей «Жатвы» кинокритики. Дескать, все это мы уже видели, да не по одному разу. И персонажей таких, и сюжет похожей мрачности, а уж про «Десять казней египетских» даже слышать не хотим. Действительно, мистический триллер «Жатва» страдает вторичностью. Взять, к примеру, главную героиню, утратившую веру в Бога после гибели своих родных. Сразу в памяти всплывают образы бывших священников из «От заката до рассвета» и «Знаков». Киноистории о пришествии антихриста уже, наверное, не поддаются исчислению, а тема «разоблачения чудес» перестала быть актуальной после «Стигматов» и раскрученного «Кода да Винчи».

Да, было. И странные девочки, несущие мистическую силу. И священники, гибнущие за идею. Никто не спорит. Но такого по-настоящему напряженного и жесткого мистического триллера не появлялось со времен «Сайлент Хилла». Несколько смазанное научной тарабарщиной неспешное начало с лихвой компенсируется дальнейшими крутыми сюжетными поворотами. Финал и вовсе преподносит приятный сюрприз. Отменно сыгравшая в картине «Мост в Терабитию» Анна-София Робб опять приятно удивляет. Да и другие актеры играют превосходно. Поэтому любителям пощекотать себе нервы будет на что посмотреть.

Не стоит забывать: сам жанр мистического триллера настолько заезжен, что снять нечто оригинальное в нем так же сложно, как стать свидетелем истинного чуда. Работа Стивена Хопкинса, при всех своих недостатках, далеко не худшая попытка создать что-то интересное на этом поприще.

Алексей СТАРКОВ

ПИСАТЕЛЬ О КИНО

БОБ И БОБ СТАРТУЮТ В ИСТОРИЮ

Олег ДИВОВ

Первое впечатление от фильма «Назад в будущее» — трилогия снята по единому сценарию, иначе быть не может, так прекрасно выверен сюжет. На самом деле история ее создания — готовый мастер-класс для режиссеров и сценаристов. Роберт Земекис и Боб Гейл умудрились из каждой проблемы извлечь пользу для проекта. За кадром трилогии — история яркого таланта и трезвого расчета, способности выжидать годами и рубить сплеча, готовности договариваться и посылать к черту.

Путь от голого замысла до большого кино тернист и долог. Пройти его без потерь немыслимо. Но если работают профессионалы, любая преграда на пути — не беда, а вызов. Первый фильм трилогии состоялся чудом, и делали его по наитию, на интуиции. Второй буквально вымучивали, а он от этого стал только лучше. На третьем сами себе устроили цейтнот — но все уже привыкли… Режим постоянного «мозгового штурма», слаженный труд режиссерской группы и самопожертвование актеров — вот секрет «Назад в будущее».

«Физические нагрузки были очень велики, — вспоминает

актер Майкл Джей Фокс. — Но мы договорились, что «боль со временем проходит, а кино остается навсегда». Так и вышло».

Иллюстрация к этому тезису есть в рабочих моментах съемок.

Вот страшный бандит Бьюфорд Таннен стоит, по уши уделанный бутафорским навозом, и грустно бормочет в камеру: «Некоторые просто не понимают всей гламурности и волнующей привлекательности Голливуда. Ребята, приезжайте к нам в Калифорнию. Становитесь актерами. И выполняйте вот такие трюки. Это говорю я, Том Уилсон. От всего сердца. Adieu, друзья…» И носом вниз из кадра — хлоп!..

Актеры пахали, как проклятые. Боб и Боб (прозвище дуэта режиссера Земекиса и сценариста и продюсера Гейла) подбирали идеи под ногами и хватали их из воздуха. Исполнительный продюсер Спилберг отбивался от начальства и все обеспечивал. Так сложились столпы, на которых держится трилогия. Адекватная команда за кадром и в кадре. Удачный образ машины времени. Отличная музыка. Город Хилл Вэлли, единый в пяти лицах. Сто раз переписанные сценарии. И под занавес — фантастический вестерн!

Они это сделали. Какой ценой? Может показаться, что им сильно везло. На самом деле, они просто не упустили ни единого шанса.

Команда

Однажды Боб Гейл разбирал старые бумаги и вдруг узнал, что его отец был «президентом класса» в школе. Гейл сказал Роберту Земекису, с которым они уже сделали два фильма: «Интересно, если попасть в прошлое и оказаться ровесником своих родителей — стали бы мы с ними друзьями или нет?»

Сложился план молодежной комедии: типичный парнишка проваливается на тридцать лет назад. Кто построил машину времени? Стандартный НФ-персонаж, «безумный ученый». Где все происходит? В типичном маленьком городке. Так на свет родились Марти Макфлай (папа — лузер, мама пьет), доктор Эмметт Браун («раньше наша фамилия была фон Браун») и главный герой картины — город Хилл Вэлли.

Сценарий начали писать в сентябре 1980 года. Первым, кто его увидел был Стивен Спилберг. Увы, предыдущие их с Земекисом работы не снискали громкой славы. Фильмы Земекиса всегда очень хвалили на предпросмотрах, а дальше их ждали полупустые залы и скудная касса.

Вдобавок запустить картину мешал жанровый ярлык.

Типичная молодежная комедия начала 1980-х была из разряда «детям до 16». «Назад в будущее», где комедийный эффект достигался более тонкими средствами, пришлось бы сильно опошлить, чтобы загнать в формат, под который давала деньги студия Columbia.

Земекис не хотел рисковать: еще один провал — и прощай, режиссура. Спилберг деликатно сказал: «Возможно, ты прав». Сценарий припрятали до лучших времен. Прошло три года, и Майкл Дуглас пригласил Земекиса снять «Роман с камнем». Фильм наделал такого шума, что «Назад в будущее» понадобился сразу всем-всем-всем. Но Земекис обратился к Спилбергу, оценившему идею с самого начала.

Майкл Джей Фокс (будущий Марти Макфлай) был телевизионным актером, восходящей звездой сериала «Семейные узы». В сериале возникла пауза, и Фокс решил сыграть в «Волчонке»,[19] сомнительной картине про юного оборотня («Понятия не имею, зачем я это сделал!»). Работали в одном из кварталов Пасадены, где вообще много снимают. Мимо проходили люди, искавшие натуру для нового фильма. Фокс услышал название «Назад в будущее», узнал, что там занят его знакомый Криспин Гловер, а продюсер — Спилберг, и подумал: вот же некоторым везет!

А ведь Фокс был главным кандидатом на роль Марти, только ему об этом не говорили, чтобы зря не расстраивать. Наступал новый сезон «Семейных уз». Актер не смог бы трудиться на два фронта, для этого в сутках не хватало верной дюжины часов.

Тем временем Земекис несколько раз откладывал съемки. Ему нужны были «правильные актеры». Криспин Гловер (Джордж Макфлай) и Ли Томпсон (Лоррейн) вжились в свои роли превосходно. Кристофер Ллойд был принят вообще с порога. Он еще не успел и слова произнести, а Земекис уже понял, что это Док Браун. Кстати, Ллойд скопировал своего героя со знаменитого дирижера Леопольда Стоковски. Он и движется в кадре так, будто дирижирует невидимым оркестром. Ассоциация с Эйнштейном возникла позже, и она совершенно ошибочна.

А «правильного» Марти не могли найти. На кастинге побывало множество актеров; история сохранила два имени — Си Томас Хауэлл и Эрик Стольц.

Си Томас на фотопробах очень похож на привычного нам Марти. Но директор студии Universal настаивал на кандидатуре Стольца. «Он сказал, — вспоминает Гейл, — если что-то не заладится, нам дадут переснять фильм с самого начала. Директор, конечно, не думал, что такое случится…»

Стольц, по словам Земекиса, хорошо работал, но режиссер не

видел в нем ни того типажа, ни «того типа юмора», которые требовались. Судя по фотографиям Стольца в роли Марти, актер старательно изображал штампованного комедийного балбеса. А ведь Марти по сценарию начисто лишен придурковатости, это совершенно нормальный парень. Типаж «героя поневоле». Эта роль словно написана под Майкла Джей Фокса.

Наконец Земекис не выдержал и принял болезненное для всех решение — остановил съемки. А продюсер «Семейных уз» пришел к Фоксу со сценарием «Назад в будущее» и словами: «Ты должен понять, почему я не говорил тебе об этом раньше. Теперь решай сам».

Боб и Боб понимали, что даже если Фокс захочет играть у них, он не сможет этого физически. И все-таки на что-то надеялись. А Фокс прочел сценарий и влюбился в него. «Не буду спать. Делайте, что хотите, но я буду сниматься». Ему еще не исполнилось двадцати трех лет, и он очень хотел в кино.

Через две недели Фокс уже стоял среди ночи, в жуткий холод, на автостоянке у торгового центра и «работал вместе с Крисом Ллойдом и «ДеЛорианом».

График у Фокса сложился нечеловеческий. Днем актер снимался в телесериале, потом ехал на площадку к Земекису, там работал, когда до трех, а когда и до пяти утра, затем шофер привозил его домой, «…относил меня на руках в кровать, а через несколько часов приходили люди, включали мне душ, делали кофе — и так шесть дней в неделю. Большую часть времени я слабо понимал, где нахожусь. Либо сплю, либо работаю».

Это должно было кончиться плохо — и кончилось. Однажды Фокс, ожидая своего выхода в «Семейных узах», вдруг бросился к столу с реквизитом и начал яростно копаться в вещах. Он искал свою видеокамеру — и никак не мог ее найти! Прошло несколько минут, прежде чем актер сообразил, что тут совсем другой фильм.

Не тот, где он до одури бегает, прыгает, падает, терзает электрогитару и ездит на красивой, но неудобной машине.

Машина времени

Сначала Боб и Боб представляли машину времени «как некую камеру» и хотели сделать ее из старого холодильника. Позже Земекис небрежно бросил: мол, от этой идеи отказались из боязни — вдруг дети начнут закрываться в холодильниках. На его слова по сей день ссылаются. А ведь это такая же шутка, как заявление: «Ховерборды[20] на самом деле существуют, просто

родители против их массового производства, но мы достали несколько опытных моделей и сняли в фильме».

Не надо слепо верить интервью, которые Земекис дает по ходу работы. На площадке он фонтанирует идеями, носится как угорелый, всех заряжает энергией и кричит: «По местам, я делаю свое кино!» Когда Фокс засыпал на ходу, режиссеру достаточно было сказать: «Ну, парень, делаем мое кино!», и тот оживал… А в официальной обстановке Земекис даже не улыбается.

От холодильника отказались, поскольку он статичен. Нет, машина времени должна быть именно машиной — на гусеничном ходу, вроде танка, чтобы свободно перемещаться по любой местности… И только при обсуждении эпизода, когда фермер принимает машину за инопланетный корабль, пришло озарение. Снизошло.

У летающих тарелок в старых комиксах дверь непременно откидывалась вверх. Точно как у «ДеЛориана» — DMC-12, спортивного купе, вышедшего из-под пера великого дизайнера Джорджетто Джуджаро. Плоские панели из нержавейки, стремительный облик — готовая машина времени.

Именно такую мог сделать в гараже Док Браун — не построить с нуля, а дооборудовать. Фантастический элемент фильма сразу приобрел достоверность. Еще поспорить можно, что американцу роднее и понятнее — холодильник или автомобиль.

Помимо неземной красоты в DMC-12 было мало хорошего, и Фокс вскоре проклял тот день, когда «сел за баранку этого пылесоса». Актер разбил костяшки пальцев, орудуя рычагом коробки передач — тот почти упирался в панель. У роскошных дверей типа «крыло чайки» оказался неожиданно большой вылет — при парковке в узких местах сквозь обычную дверь еще можно протиснуться стоймя, а из этой приходилось выползать на карачках. Механизм открывания быстро разболтался, и Фокс начал колотиться о дверь головой — когда видите такое в фильме, это не режиссерская задумка, а случайно подсмотренный гэг… Но зато сырое, недоделанное и уже снятое с производства авто (фатальная неудача знаменитого конструктора Джона Де Лориана) прекрасно выглядело.

Художник Эндрю Проберт набил руку на НФ-тематике, и его эскизы машины времени вышли слишком законченными, чересчур технологичными для аппарата, созданного в гараже. «ДеЛориан» и так был весьма техногенной штукой, а тут превратился в натуральный звездолет. Нет-нет, машина безумного ученого должна казаться грубой и даже опасной. Позвали на подмогу Рона Кобба, работавшего над «Конаном» и практиковавшего «брутальный дизайн». Внутреннее оборудование

машины, в основном, авиационное, натащили с распродаж и даже свалок. На внешний обвес пошли самые безумные вещи, вплоть до колесного колпака в роли крышки реактора и кофеварки в роли конвертера Mr. Fusion.

Характерные радиаторы на корме «ДеЛориана» выросли не сразу. Сперва пришла идея: проезжая сквозь время, машина должна сильно нагреваться, а затем резко охлаждаться. Боб и Боб задумались над вопросом теплообмена. Вспомнили, что у машины внутри вообще-то ядерный реактор! Так появился радиатор, сперва один, по центру. Его решили «уравновесить», и их стало два.

Получился стильный и законченный образ. Недаром в 1985 году Джон Де Лориан, посмотрев фильм, пришлет художникам восторженное письмо, где между прочим напишет: я скоро заново собираю дизайн-бюро, и вас, господа, там ждут в любое время…

Спецэффектами занималась Industrial Light & Magic, но все, что можно, делали прямо на площадке, дедовскими методами — берегли деньги. Обмерзание машины имитировали азотной заморозкой и бутафорским снегом, а огненные дорожки проливали горючим и поджигали. Настоящих спецэффектов в фильме на удивление мало.

Темпоральный переход при взгляде изнутри машины никак не стали оформлять, поскольку «картина про людей, а не про путешествия во времени». Бац — и готово (сравните с непомерно затянутой сценой в нашей «Гостье из будущего»). Переход при «взгляде со стороны» обдумывали долго. Была мысль, что машина сначала должна растягиваться, как резиновая, а потом схлопываться. Но в итоге решили не мудрить — нерезиновый бюджет уже трещал.

По той же причине отказались от занятной придумки — для возвращения Марти домой «запитать» машину от испытательного ядерного взрыва на полигоне в Неваде. Посчитали и прослезились: хороший взрыв стоил бы миллион долларов. Кстати, об атомной бомбе. Вам интересно, почему Док Браун фамильярно обращается с плутонием и может построить «на коленке» ядерный котел? Док работал в Манхэттенском проекте. Эта сценарная наработка в фильме не отражена.

Но ведь как-то надо подать на поточный конденсатор 1,21 гигаватта? И тут на Дока и Марти снисходит то же озарение, что на Боба и Боба — молния! Идея с молнией оказалась не только дешевле, но и гораздо продуктивнее: действие теперь не выходило за пределы Хилл Вэлли, а городские часы стали символом, подчеркивающим концепцию странствий во времени.

Машина диктовала условия режиссеру и сценаристу. Но она

же подталкивала их к находкам, определившим сюжет всей трилогии.

Большая музыка

С композитором Аланом Сильвестри режиссер сотрудничал давно. В этот раз Земекис поставил задачу кратко: «У нас не будет каких-то больших сцен. Поэтому сделай мне Большую Музыку! Раздвинь с ее помощью рамки фильма». В предыдущей их работе, «Романе с камнем», на экране красовались джунгли и водопады. А тут… Ни масштабных сцен, ни величественных панорам, все камерно и простенько. «У нас был приземленный сюжет, и мы компенсировали его пышной, роскошной музыкой», — вспоминал Сильвестри. Окончательное решение писать музыку «под классику» приняли на площадке, во время съемок школьного бала. Земекис, как обычно, делал пять дел одновременно. «Большое! Давай все большое!» — крикнул он и убежал «снимать свое кино». Сильвестри, недолго думая, позвал 98 музыкантов. Большего оркестра на студии Universal до того дня не собирали.

Две песни для фильма написал Хьюи Льюис, и заглавную, «Сила любви», по сей день крутят на радио. Под нее Марти Макфлай едет на скейте в школу; вступление к этой песне играет любительская рок-группа Марти. Но глава отборочной комиссии почти сразу кричит в мегафон: «Довольно! Хватит! Простите, ребята, но вы всего лишь слишком громкие». Играет главу комиссии… Хьюи Льюис! «Мне сказали, чтобы я надел коричневый пиджак и вел себя, как идиот… Я и сценарий-то толком не читал!»

Рабочий момент съемок. Льюис (коричневый пиджак в клеточку, очки, дурацкая прическа): «Если это покажут по MTV, мне конец!»

Он же после, едва сдерживая смех: «Это мой актерский дебют, и я отношусь к нему очень серьезно!»

В отличие от Льюиса, актер Фокс относился к своей работе предельно серьезно и трудился на износ. В том числе, когда пришлось взять гитару.

Фокс с 14 лет играл в тинейджерских группах: «Я не был особенно талантлив, но уж «Johnny B. Goode» исполнить мог!» В фильме его имитация игры совершенно аутентична, нота в ноту. Постановка и съемка номера с гитарным соло и сопутствующей лихой пляской заняли две недели. «Мы вставили в это соло все, что можно, от разных великих гитаристов. Тут и Пит Тауншенд, и Эрик Клэптон, и Джимми Хендрикс, но больше всего, естественно,

от Чака Берри».

Думается, город Хилл Вэлли запомнил шоу надолго.

Маленький город

Марти стартует с автостоянки торгового центра «Две сосны», а возвращается к моллу «Одинокая сосна», потому что одно дерево в прошлом сломал. Этим, по счастью, ограничивается его вклад в топонимику Хилл Вэлли.

Снять реальный город не удалось. Одно дело — автостоянка у молла: шесть рабочих ночей, и снято. Школу, настоящую, арендовали на каникулы. Но для создания центра Хилл Вэлли 1955 года требовалось слишком многое переделать, например, сильно расширить тротуары. Центр города построили на площадке студии Universal и намеренно сделали чуть архаичнее, чем надо. Ведь атмосфера города складывается из элементов разных лет, и достоверный 1955-й — это, по сути, подштукатуренный 1945-й.

Двигались вслед за временем: создав аккуратный городок 1950-х, отсняли эпизоды прошлого, а потом, как прямолинейно выразился Земекис, «разнесли все в пух и прах под 1980-е».

Когда для второго фильма Хилл Вэлли-55 пришлось строить заново, с нуля, его чуть-чуть переиначили, чтобы акцентировать внимание на элементах оформления, раньше не работавших в кадре.

И опять шли от прошлого к будущему. Под альтернативный 1985 год Хилл Вэлли пришлось бы не «разносить в пух и прах», а рушить и жечь, поэтому все, кроме въезда в район Lions Estate, сняли в других декорациях. А вот город 2015-го — та же самая площадка.

Хилл Вэлли будущего сделали ярким, красочным и слегка пародийным. Земекис: «Единственное будущее, которое зрители принимали тогда, это было «темное будущее» в стиле Оруэлла. Но предсказывая будущее, ты наверняка ошибаешься. Даже Стэнли Кубрик ошибся в своих предсказаниях. Поэтому мы постарались все обратить в шутку».

Мешали и стереотипы, заданные фильмом «Bladerunner». Уходя от них, Боб и Боб выдумали «позитивный» 2015-й. И хотя Грифф Таннен «малость сдурел от плохо прижившихся имплантов», дух киберпанка в картине отсутствует напрочь. Проблемы возникают по вине отдельных людей, а не высоких технологий и зловещих корпораций. Между прочим, явное «японское засилье» в Хилл Вэлли будущего — не кивок в сторону

«Bladerunner», а личный взгляд Гейла на тенденции того времени.

Хилл Вэлли XIX века из третьего фильма — не готовая декорация «ковбойского города», коих в Штатах пруд пруди, а еще одна оригинальная постройка. Главная прелесть этого городка — в вывесках и табличках: видно, с чего стартовали семейные предприятия и какая тут, куда ни глянь, преемственность поколений. Когда бы Таннен ни оказывался по уши в навозе, это непременно будет навоз Джонса, в честь продакшн-менеджера Денниса Джонса, делавшего «грязную работу».

А все-таки им пришлось снять если не «темное будущее», то темное настоящее. Иначе и не назовешь Хилл Вэлли альтернативного 1985-го.

О том, что эта линия возникнет, не подозревали ни Боб, ни Боб. Но пока юный Марти бился за то, чтобы сохранить будущее неизменным, все его усилия одним махом перечеркнул папаша Джордж Макфлай.

Сценарий

Отснявшись у Земекиса, Фокс уехал вслед за своими бесконечными «Семейными узами» в Англию. Так и хочется сказать — «не приходя в сознание». Когда ему сообщили, что «Назад в будущее» побеждает по кассовым сборам в Штатах и вот-вот займет первое место в мире, Майкл отреагировал вяло: ну да, здорово. «Я просто не понял, о чем речь».

Боб и Боб впервые обрадовались пиратам — на нелегальных копиях ленту «Назад в будущее» смотрели даже в СССР.

Как известно, фильм понравился Рональду Рейгану — 40-го президента даже планировали на роль мэра Хилл Вэлли в третьей картине (жаль, не сложилось). Реже вспоминают, что Рейган цитировал «Назад в будущее» в одной из своих речей — ударную фразу «Там, куда мы отправляемся, нам дороги не нужны». Для политика, обозвавшего СССР по Толкину, это показатель. Его спичрайтеры выбирали лишь те цитаты, которые западный мир опознавал с полуслова.

Можете представить, как фильм прогремел и как все хотели сиквела.

Финального титра «Продолжение следует» в ранней версии первой картины нет. Его приделали позже, и он сбивает зрителя с толку, наводя на мысль о едином сценарии. А ведь сцену с возвращением Дока на летающем «Де-Лориане» сняли, извините за выражение, от балды. Земекис описывает ее так: «Летающий

автомобиль в конце первой серии был просто шуткой. Но эта шутка нам впоследствии очень пригодилась. Все решили, что мы задумали нечто грандиозное, вроде «Звездных войн», а я только старался вернуть вложенные в фильм деньги!»

«Задумай мы с самого начала сиквел, ни за что не посадили бы в машину подружку Марти. Она создала нам столько проблем», — говорят слово в слово Боб и Боб. Неспроста они ее усыпили.

Земекис побаивался делать продолжение, но выхода не оставалось. «Когда удается снять настолько успешный фильм, он превращается в объект капиталовложений. И тебя ставят перед фактом, что сиквел будет так или иначе — с тобой или без тебя».

Пришлось соглашаться. Пока Спилберг, Земекис и Сильвестри завершали работу над «Кроликом Роджером» (там же снимался Ллойд), Гейл начал обзванивать актеров и соображать, «что же было дальше». Его занимала идея вслед за 1950-ми показать Америку 1960-х, совсем другую. Из Джорджа Макфлая он подумывал сделать университетского преподавателя, а Лоррейн определить в хиппи. Обозначилась дата — 1967 год.

Главным было, конечно, согласие актеров. «Подписались» на фильм мгновенно все («Если Боб и Боб согласны, мы тоже согласны»), кроме Криспина Гловера.

Гейл: «Гловер захотел много такого, что несколько не подобает актеру на данном этапе карьеры… Что ж, власть сценариста велика, он может вычеркнуть кого угодно».

Даже по прошествии многих лет Гейл заметно грустнеет, произнося эти слова. Заносчивый актер нанес Бобу и Бобу удар, и удар очень сильный.

Из картины выпал Джордж Макфлай.

Вариант замены актера, похоже, не обсуждался. Хотя место Клаудии Уэллс (Дженнифер) непринужденно заняла Элизабет Шу, и получилось даже забавно. Но Гловер слишком «наследил» в первой части. Его лицо стало лицом Джорджа Макфлая — и точка.

Размоловка с актером поставила «Назад в будущее-2» с ног на голову. Или наоборот?…

Гейл: «Сама мысль об альтернативном 1985-м пришла к нам, когда мы узнали, что у нас нет Криспина Гловера. Чтобы вычеркнуть его, нам пришлось выдумать этот странный мир, в котором от Джорджа Макфлая осталось только надгробие. Его [Гловера] отказ подстегнул нашу фантазию».

Гейл «вычеркнул из жизни» старшего Макфлая и продолжил работу над темой 1967 года, куда отправляется Марти и где Бифф получает спортивный альманах. Про 1955-й пока еще речи нет.

Просто не приходило в голову.

Земекис: «И тут нас осенило, что мы в уникальной ситуации — можем вернуться в пространство первого фильма и показать все события с другой точки зрения».

Блестящая идея потянула за собой «другую точку зрения» во всех смыслах, включая съемку старых эпизодов с новых точек. И опять большая нагрузка легла на актеров. Рекордсмен фильма — Том Уилсон: четыре роли. Включая две в одном кадре.

Вроде бы старый трюк, но Земекис хотел снимать его движущейся камерой. Для доцифровой эпохи это было на грани возможного. ILM создала роботизированную камеру Vista Glide, и Земекис выжал из оптических технологий максимум.

Фоксу снова пришлось попотеть. Раньше ему, в отличие от коллег, не приходилось по четыре часа сидеть в кресле гримера. Теперь поблажку сделали Ллойду — придумали сцену с омоложением, и он больше не гримировался под пожилого. Зато на Фокса свалилось аж три роли, да еще в одном кадре.

«Семейный ужин» снимали два дня подряд. Фокс играл постаревшего Марти и его детей — сына и дочь. Чтобы случайно не сдвинуть с места реквизит, нашли простое решение: посуду к столу приклеили! В перерыве случилось небольшое землетрясение, но, к счастью, стол устоял и клей выдержал.

Боб и Боб замахнулись сразу на два сиквела, поэтому работа пошла «внахлест»: Гейл в Северной Калифорнии уже вплотную занялся вестерном, а Земекис, на котором висели монтаж и озвучание второго фильма, ежедневно мотался туда-сюда самолетом. Почти как Фокс четыре года назад, но если актер справился, то режиссер остался собой недоволен. По его словам, «Назад в будущее-2» мог бы выйти лучше, просто сил не хватило.

Пока снимали сиквелы, у Фокса родился сын и умер отец. Жизнь шла своим чередом — а кино?… Два фильма сняты под знаком Марти Макфлая, к третьему надо было что-то менять, и Гейл придумал, что же это будет. Иногда за ярким антуражем это теряется. Но когда пересматриваешь «Назад в будущее-3», видишь, насколько все там иначе.

Вестерн!

После первого фильма участников спросили: куда бы вы отправились, будь «ДеЛориан» настоящей машиной времени? Практичный Спилберг нацелился в будущее — посмотреть, хорошо ли зрители приняли картину. А Фокс, не задумываясь, сказал: эпоха вестернов, Дикий Запад. Боб-и-Боб запомнили это.

И опять им повезло.

«Тогда снимали мало вестернов, — вспоминает Гейл, — поэтому у нас отбоя не было от лучших каскадеров Голливуда, мечтавших попасть в картину. Эти парни готовы убить за возможность проскакать на лошади или пробежаться по крыше поезда! Все они были великолепными наездниками и с удовольствием учили актеров держаться в седле.

Великолепные наездники иногда падали из седла, что индейцами, что бандитами, это видно в неудачных дублях. Ну, и актерам снова досталось.

«Я вовсе не мачо, даже наоборот!» — это Том Уилсон с легим ужасом вспоминает, как сел на коня. Тем не менее он упорно тренировался, и проезд с раскруткой лассо выглядит в его исполнении убедительно.

Для Мэри Стинберджен (Клара Клэйтон), которая «весь фильм чувствовала себя Индианой Джонсом в юбке», самой трудной оказалась не сцена на паровозе, а танец с Доком. Репетируя, она порвала связки на ноге. «Но когда скомандовали «Мотор!», я забыла обо всем и плясала, как никогда в жизни. И только после команды «Снято!» ощутила сильную режущую боль».

Это был первый фильм, где Кристоферу Ллойду довелось целоваться в кадре. «Трудно, наверное, подумать, что Док Браун может быть романтическим героем, — говорит Мэри, — но все девушки из съемочной группы вздыхали по Крису. Он такой обаяшка!»

Обаяшка Крис наконец-то вышел на первый план. Раньше его задачей было «проговаривать» в кадре то, что нельзя показать: объяснять зрителю подоплеку действия. Фокс восхищался тем, как Ллойд из такой «скучной» роли сделал шедевр. Теперь Ллойду досталась нескучная роль — Док Браун выдвинулся в центр интриги. Все в третьем фильме происходит из-за него и ради него. Именно этого добивался Гейл. Такой сюжетный поворот освежил сериал и показал, как вырос Марти, на долю которого выпадают уже не просто серьезные, а тяжелейшие решения.

Но эти решения не могли ужесточать атмосферу фильма. Изначально Бьюфорда Таннена должны были арестовать за убийство маршала[21] Стрикленда. Эпизод с выстрелом в спину отсняли, получилась мрачная сцена. Последние слова маршала: «Запомни, сынок, главное в жизни — дисциплина», — как-то не веселят. И бандит Таннен превращается из комедийного злодея в реального. Стало ясно: за такую гнусность он не отделается падением в навоз. Ради адекватного возмездия Марти пришлось бы застрелить Таннена. А это уже было чересчур. Сцену убийства

вырезали, эпизод ареста пересняли.

И хорошо вышло. Три фильма подряд многие получали по шее, некоторые по морде, тем не менее никто в кадре не погиб, а зло рано или поздно оказывалось в дерьме. Вот и в жизни бы так.

Умирала в кадре только техника. Правда, ронять со скалы антикварный паровоз никто бы не позволил, и ILM сделала модель сорока сантиметров в высоту. «Даже обидно: мы два месяца ее строили, а сейчас она за две секунды — вдребезги…»

Зато красавец «ДеЛориан» погиб на самом деле. Пришлось схитрить, ведь когда тепловоз реально таранит автомобиль, он сминает его и отбрасывает с путей. Чтобы машина времени рассыпалась на запчасти, ее в нескольких местах подпилили и начинили взрывчаткой.

Бабах! Жалко машинку, она такая славная… Но боль прошла, а кино осталось.

Остался добрый и человечный фильм в трех равнозначных частях, где сиквел и триквел, как минимум, не слабее начала. И главный герой не статичен, а растет от простых мечтаний прославиться и разбогатеть («Но я богатый, Док?») до понимания, что бывают вещи куда важнее.

Хорошо, что такой фильм есть.

И здорово, что они передумали делать машину времени из старого холодильника, правда?

ВЕХИ

ЗВЕЗДНЫЙ СЕЯТЕЛЬ

Вл. ГАКОВ

То, что полувековой юбилей запуска первого спутника (4 октября) с разницей меньше месяца совпадает с полуторавековым юбилеем Циолковского (13 сентября), конечно, не случайность. Спутник «гнали» к юбилейной дате, потому что такой подарок к собственному столетию основоположник космонавтики заслужил как никто другой. Но ведь и в отечественной фантастике Циолковский тоже один из столпов и предтеч. Хотя, чем больше времени проходит, тем очевиднее, что многие хорошо понимали еще в наполненные космической романтикой шестидесятые. Не писал Константин Эдуардович научную фантастику — в смысле художественную литературу. И сам отдавал себе отчет, что сочиняет что-то совсем иное…

Из всех его НФ-повестей (будем пока именовать их таковыми) «Грезы о Земле и небе» — как раз не самая яркая. Но уж больно удачное название, если иметь в виду жизнь и творчество этого мечтателя и чудака! Название вполне подходит и для средних размеров тома, в который войдут все произведения Циолковского, уже век с лишним обозначаемые как «научно-фантастические повести». Их очень трудно оторвать одну от другой, ибо все они в совокупности составляют единую книгу грез о Земле и небе.

Перечислю в хронологическом порядке ее оглавление: «На Луне» (1893), «Изменение относительной тяжести на Земле» (1894), собственно «Грезы о Земле и небе» (написана в 1895-м и в тот же год издана А. Н. Гончаровым; в советское время переиздана под названием «Тяжесть исчезла»). И наконец, повесть «Вне Земли», точную дату выхода которой установить трудно — начал ее писать автор в 1895 году, а по частям издавал в 1903, 1916 и 1920-м.

Относительно недавно мне пришлось заново перечитать их. И в который раз я задался проклятым вопросом: как оценивать эти сочинения? Кто их станет читать сегодня и что в них вычитает? Касательно ответа на второй вопрос, то здесь все, кажется, ясно: только критики, историки литературы и космонавтики и иже с ними. А вот по поводу первого вопроса…

Ясное дело, последние полвека не прекращался поток дифирамбов в адрес Циолковского со стороны ученых и космонавтов: «Как прозорливо он все угадал!» Но ведь это чтение профессионалов, специалистов. Все равно что оценивать «Войну и

мир» с точки зрения знатока фортификации и военной стратегии. Это, кстати, в свое время проделали, и результаты по-своему интересны, но очевидно, что подобным анализом роман Толстого ограничен быть не может. Увы, даже с точки зрения популяризации космонавтики сочинения Циолковского сегодня выглядят откровенно устаревшими.

Хорошо понимаю, что в наш век осмеяния всего и вся пафос представляется моветоном и даже чем-то неприличным. Но пусть это останется проблемой века — о таких фигурах, как Циолковский, невозможно говорить, сохраняя объективность. Другое дело, что не следует произносить его имя с экстатическим придыханием. В общем, великий и странный человек — ив своих прозрениях, и в своих заблуждениях.

Стоит еще раз мысленно представить себе время и место создания его «фантастики», как охватывает суеверный трепет: не может быть… Ну не мог он написать всего этого в богом забытой Калуге, в годы, когда и публично высказанной идеи аэроплана было достаточно, чтобы заслужить малоприятную репутацию городского сумасшедшего!

Он смог. Вопреки обстоятельствам, наплевав на кем-то там выведенную логику развития науки, заметно обгоняя время, которое явно не поспевало за ним. И то, что все описанное для нас, его потомков, лишь повседневная, несколько прискучившая реальность, лишь доказывает, как он точно все предвидел.

В научной фантастике порой достигается парадоксальный результат: то, что книга безнадежно устаревает, становится «нечитаемой», есть самый верный залог бессмертия ее автора. И, по-моему, прилагательное «гениальная» в соотнесении с НФ Циолковского не выглядит преувеличением.

Чтобы развеять последние сомнения, бросьте мысленный взгляд в эпоху, когда книга была написана.

Биография автора изучена досконально, хотя время откровений еще не прошло (причина, на мой взгляд, в навязчивом стремлении иных «богомазов» написать портрет святого, а не человека, о чем еще будет сказано). В этом жизнеописании так тесно увязаны приземленный нищенский быт и дерзкая звездная мечта, что трудно взять в толк, где же, где он подсмотрел эти звезды?! В провинциальной российской глуши? В городе Боровске, где в то время не было ни библиотеки, ни научных журналов, ни лабораторий и даже газеты приходили с недельным опозданием? Здесь учителю городского двухклассного училища оставалось преподавать школьникам самые азы физики и геометрии — а о большем в этой глухомани никто и не пекся…

Впрочем, звезды можно отыскать и под ногами. «Однажды, —

вспоминал Циолковский, — я поздно возвращался от знакомого. Это было накануне солнечного затмения в 1887 году. На улице, по которой я шел, стоял колодец. Около него что-то блестело. Подхожу и вижу, в первый раз, ярко светящиеся большие гнилушки! Набрал их полный подол и пошел домой. Раздробил гнилушки на кусочки и разбросал их по комнате. В темноте было впечатление звездного неба…»

Чокнутый? В глазах «нормальных» обывателей — да. Но где было бы человечество без таких вот чокнутых…

Или — Калуга, куда он был переведен в 1892 году. Это сегодня там сверкает серебряным стальным куполом «футуристический» музей космонавтики. На фотографиях конца позапрошлого века домик Циолковского кажется совсем деревенским — рубленая деревянная изба, одиноко притулившаяся на конце «городской» улицы, обрывающейся в никуда, чахлое деревце, потом необъятные и бездонные русские лужи, воспетые Гоголем, а дальше луга, берег Оки…

Может быть, именно эта отстраненность от суеты цивилизации, многократно усиленная глухотой и, как следует из воспоминаний близких, абсолютно несносным характером, и дала возможность предельно сконцентрироваться на идеях, которые в других условиях Циолковский вряд ли довел бы до конца. «Глухота делает мою биографию малоинтересной, — сообщает он без всякой позы, — ибо лишает меня общения с людьми, наблюдения и заимствования. Моя биография бедна лицами и столкновениями». Это пишет человек, прозябавший в нищете, предмет насмешек горожан, не признанный коллегами, потерявший сына-самоубийцу.

Впрочем, одна отдушина все же была — книги.

Страстно, запойно читать Циолковский начал с детства «и читал все, что можно было достать… Любил мечтать и даже платил младшему брату за то, что он слушал мои бредни. Мы были маленькие, и мне хотелось, чтобы и дома, и люди, и животные — все тоже было маленькое… Мечтал о полном отсутствии силы тяжести». Как видно, и особый вектор чтения обнаружился в Циолковском очень рано.

Но и образ сугубого «технаря», которого ничего не интересует, кроме таблиц и формул, также далек от истины. Еще в Москве, на долгие месяцы «поселившись» в Румянцевской библиотеке, он, по его собственному признанию, читал отнюдь не только специальную литературу: «Известный публицист Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья… Из беллетристических произведений наибольшее впечатление производили на меня романы и рассказы Тургенева, в

особенности его «Отцы и дети».

Но потом Москва ушла куда-то в область воспоминаний, а в Калуге книгами разжиться было трудно. Когда знакомишься с научными работами Циолковского, вызывают удивление, а у специалиста — и откровенное раздражение! — особые, выдуманные автором обозначения общепринятых физических величин, отсутствие ссылок и подчеркнутая самобытность. Это, разумеется, не оригинальничанье и не упрямство — просто жесткая необходимость для ученого-самоучки. Который и экзамен на учителя сдавал экстерном, и не ждал помощи в том захолустье, куда забросила судьба.

* * *

Но это обыкновенные люди во всем покорно ей следуют. Гении свою судьбу делают сами.

«Учителей у меня совсем не было, а потому мне приходилось больше создавать и творить, чем воспринимать и усваивать. Указаний, помощи ниоткуда не было, непонятного в книгах было много, а разъяснять приходилось все самому. Одним словом, творческий элемент, элемент саморазвития, самобытности преобладал. Я, так сказать, всю жизнь учился мыслить, преодолевать трудности, решать вопросы и задачи. Многие науки создавались мной, за неимением книг и учителей, прямо самостоятельно».

Так пришел он к идее ракеты. Впрочем, одну великолепную подсказку все же не следует сбрасывать со счетов. Ту самую, широко растиражированную «ошибку» Жюля Верна, пославшего своих героев на Луну в пушечном ядре. В наше время о ней знал каждый продвинутый школьник старших классов.

По признанию Циолковского, мысль о ракете возникла у него именно после знакомства с романом великого французского фантаста: «Не помню хорошо, как мне пришло в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете. Мне кажется, первые семена мысли были заронены известным фантазером Ж. Верном; он пробудил работу моего мозга в известном направлении. Явились желания; за желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему не повела, если бы не встретила помощи науки».

Кажется, добавить нечего. Не проекты и точные расчеты сообщает фантастика науке (а когда и пытается, то чаще всего попадает впросак), но нечто более ценное. Сообщает первичный импульс, подталкивает мысль — словом, будит те самые «желания», за которыми неизбежно потянется «деятельность ума».

Тут и Стругацких можно вспомнить к случаю: «Как это прекрасно — человек, который желает странного!»

История гениального открытия Циолковского многократно описана в деталях, и повторять ее нет нужды. Хотя стоит еще раз напомнить несколько строк из его воспоминаний: «Старый листок с окончательными формулами, относящимися к реактивному прибору, помечен датою 25 августа 1898 года… Никогда я не претендовал на полное решение вопроса. Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет.

И уже в конце концов исполнение венчает мысль».

А потом опять неизбежно на помощь приходит фантазия — но теперь уже для популяризации только что сделанного открытия. Ибо в классический образ «кабинетного отшельника» могучая натура Циолковского никак не вписывается. Он не просто за научной истиной гнался — но мыслил себя прежде всего подвижником, утопистом, мечтавшим об установлении более справедливого порядка на Земле и в окружающем ее околосолнечном пространстве. То, что человечество не останется вечно на Земле, было для него аксиомой; следовало лишь готовить людей к этой новой грандиозной космической деятельности.

Но как популяризировать научную дисциплину, которую еще предстояло создать? Циолковский привык до всего доходить сам. И он обращается к научной фантастике, понимая ее, конечно, по-своему. Ему казалось, что только она позволит доходчиво и образно довести до широкой аудитории мысли и идеи, имевшие, по его мнению, «всепланетное значение»: «Фантастические рассказы на темы межпланетных рейсов несут новую мысль в массы. Кто этим занимается, тот делает полезное дело: вызывает интерес, побуждает к деятельности мозг, рождает сочувствующих и будущих работников великих намерений».

* * *

Писать о нем как о фантасте и философе сегодня особенно трудно. Исторически в оценке Циолковского-мыслителя наложились, не исключая друг друга, а только усиливая несправедливость, две крайности. С одной стороны, замалчивание его философских работ — часто сложных, противоречивых, а порой и просто диких, вызывающих оторопь у думающего читателя. А с другой — безмерное, какое-то религиозное восхваление абсолютно всего им написанного.

Читатель фантастики со стажем, вероятно, не забыл, как

«наш» исконно-посконный Константин Эдуардович, основоположник «русского космизма», поклонник философа-мистика Николая Федорова и прочая и прочая, идеологически противопоставлялся другим фантазерам. Хотя и соотечественникам, но не «нашим», идеологически чуждым — в том числе чуждым российской имперской мифологии. Между тем достаточно было заглянуть в некоторые из философских трактатов калужского мечтателя, чтобы обнаружить странные, если не сказать пугающие параллели с идеями других космистов. Все эти мысли об иерархии рас, о завоевании космоса «сильными и генетически полноценными» (и, соответственно, о «гуманном» освобождении от слабых и ущербных), об утопии технократов и вселенском «имперском» порядке.

Точно знаю: не читал Константин Эдуардович сочинений других, таких же неортодоксальных мыслителей, грезивших о «космических корнях» высшей расы, о ее тысячелетнем царстве на Земле и в космосе и об окончательных решениях проблемы рас других — неполноценных… Он до всего, повторяю, доходил сам, без подсказок. Однако осадок остался.

Впрочем, осадок оставался и от «гимнов» и «од», посвященных Циолковскому. Написанных теми, кто по незнанию или из чувства естественной перестраховки не касался философских взглядов калужского мыслителя, а упирал на его вклад в становление практической космонавтики. Неприятные аналогии возникали, как только память подсказывала, какие три державы поддержали своих предтеч космонавтики. Циолковского — не просто Россия, а сталинский СССР. Вернера фон Брауна — не просто Германия, а гитлеровский рейх. И даже Роберта Годдарда — не просто Штаты, а послевоенная, в полной мере осознавшая свои имперские амбиции (и возможности) Америка.

Хотя понять и первых, и вторых, споривших вокруг Циолковского в советские времена, когда его философские книги оставались недоступными широкому читателю, можно. В годы, когда во всем, что касалось мировоззрения, истово блюлась идеологическая чистота, некоторые воззрения ученого-самоучки «бросали тень» (и какую!) на освященный десятилетиями официозный портрет гениального русского пионера науки, основоположника космонавтики. Но как только стало «можно» — а первые попытки начались еще и до соизволения верхов, с помощью иносказаний и с отчетливым флером фронды — из калужского мыслителя вновь сделали икону. Только уже в сфере философии. И отечественной научной фантастики. Между тем если объективно, без ура-патриотических взвизгов и непатриотичного высокомерия перечитать сегодня его повести, то

непредубежденный читатель, надеюсь, согласится по меньшей мере с двумя выводами.

Первый. Как произведения художественной литературы очерки Циолковского не выдерживают критики. Не повести, а именно очерки. Он сам говорил: «Хочу быть Чеховым в науке, в небольших очерках, доступных подготовленному или неподготовленному читателю, дать серьезное логическое познание наиболее достоверного учения о космосе».

И второй вывод. В качестве широчайшего веера пионерских идей, источника вдохновения для целых поколений писателей и читателей фантастики, среди которых немало было и таких, кому довелось осуществить многие дерзкие проекты калужского мечтателя, значение его фантазий трудно переоценить.

История этой литературы полна примерами таких же пограничных книг. Очерков, сновидений, грез, смелых идей, для выражения которых зачастую и не было под рукой иных форм, кроме как обозвать собственные бредни научной фантастикой. Это потом, когда «бредни» вдруг оказывались правдой, историки литературы срочно подыскивали соответствующие случаю респектабельные термины.

* * *

На роль предтечи отечественной НФ, на мой взгляд, Циолковский явно не тянет. Зато несомненна его роль в создании близкого по духу жанра — НФ-очерка.

Да и некорректно, с формальной стороны, называть его очерки фантастикой — когда всем ходом развития науки в XX столетии догадки Циолковского одна за другой материализовались, превратились в сугубую повседневность.

Он писал о сварочных работах в открытом космосе, о переходных камерах-шлюзах, солнечных батареях, оранжереях на орбитальных станциях, об ощущениях, которые испытывает человек, парящий в невесомости — вплоть до подробностей, которые он знать не мог, а просто гениально угадал. В деталях описывал будущие проекты преобразования жизни людей в космосе, переустройства всего околосолнечного пространства в новый, комфортабельный и просторный дом землян. В письме от 12 мая 1905 года в редакцию газеты «Биржевые ведомости» (странное название рядом с именем Циолковского, верно?) он четко формулировал свою цель: «Работая над реактивными приборами, я имел мирные и высокие цели: завоевать Вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию,

испускаемую Солнцем».

В первой повести «На Луне» автор, не мудрствуя лукаво, отправляет героя на нашу небесную соседку во сне — как в добрые старые времена (вспомним хотя бы Кеплера). Почему Циолковский, четырьмя годами раньше написавший работу «Свободное пространство», не воспользовался им же открытым способом передвижения в космосе, остается загадкой.

В этой ранней повести вообще много робкого, недоговоренного — начинающий автор пробует материал на ощупь, еще не зная, что он должен разъяснить читателю, а о чем лучше умолчать. Например, героя, проснувшегося в безвоздушном пространстве, тем не менее совсем не тяготит отсутствие скафандра. Циолковский же отделывается великолепной, с точки зрения литературной кухни, репликой: это, мол, загадка, ответа на которую он не знает.

И все-таки для своего времени это была настоящая научная фантастика — дерзкая, увлекательная, быстро нашедшая своего читателя. Неслучайно легендарный издатель Иван Дмитриевич Сытин, до того открывший русскому читателю Эдгара По, Джека Лондона, Жюля Верна, сразу же схватился за произведение дебютанта.

Первый и столь удачный опыт вдохновил учителя из Калуги — в короткий срок были написаны книги (по объему они сходили за брошюрки) «Изменение относительной силы тяжести на Земле», «Грезы о Земле и небе и эффекты всемирного тяготения», девять глав повести «Вне Земли».

В первой, названной откровенно неудачно (там речь идет о каких угодно планетах, но не о нашей), описан грандиозный Большой тур по Солнечной системе. Автор подробно описывает физические условия на разных планетах и размышляет о населяющих их формах жизни, включая разумных существ. И, кстати, впервые делает великолепные предвидения относительно будущей астроинженерной деятельности сверхцивилизаций. Позже он развил эти идеи в философских работах: «Каждая планета устраняет все несовершенное, достигает высшего могущества и прекрасного общественного устройства. Объединяются также ближайшие группы солнц, млечные пути, эфирные острова…» Знатоку фантастики не составит труда перечислить тех, кто развивал аналогичные идеи в НФ — начиная с ефремовского Великого Кольца.

«Грезы о Земле и небе» — еще не художественное произведение, но уже и не документальный очерк. Циолковский ставит классический мысленный эксперимент в духе последующей НФ: что будет, если?… («Тяжесть на Земле исчезла,

но пусть воздух останется, и ни моря, ни реки не улетучиваются. Устроить это довольно трудно, предположить же все можно».)

А самая литературная из его книг — это повесть «Вне Земли». Полностью она впервые опубликована лишь в 1920 году — тиражом в три сотни экземпляров. В книге есть интрига, намечены герои (а не просто «рассказчики») и речь идет не только о природных явлениях или технических достижениях, но и о социальных переменах в будущем, какими они виделись Циолковскому. Конечно, все это очень условно и приблизительно; да и персонажи носят подчеркнуто говорящие фамилии — француз Лаплас, англичанин Ньютон, немец Гельмгольц, итальянец Галилей, американец Франклин. Только русский почему-то назван… Ивановым, хотя ему-то и принадлежит честь открытия способа межпланетного путешествия.

В повести много темного, неясного. Почти все, писавшие о ней, упирали на научно-технические прогностические идеи, и это справедливо: именно последние подробнее «расписаны», а кроме того, выдержали проверку временем. Однако когда я перечитывал книгу, внимание привлекли другие, ранее казавшиеся несущественными детали. Фон, который сам автор, видимо, вполне представлял себе, но не счел нужным расшифровывать читателю.

Что может означать, к примеру, этот странный мини-пролог, названный «Замок в Гималаях»? «Между величайшими отрогами Гималаев стоит красивый замок — жилище людей. Француз, англичанин, немец, итальянец и русский недавно в нем поселились. Разочарование в людях и радостях жизни загнало их в это уединение. Единственною отрадою их была наука. Самые высшие, самые отвлеченные стремления составляли их жизнь и соединяли их в братскую отшельническую семью. Они были баснословно богаты и свободно удовлетворяли все свои научные прихоти…»

Тут буквально каждое предложение может послужить отправной точкой для построения сюжета, обрисовки образов!

Или другой пассаж, требующий какого-то продолжения, развития, но… так и «провисший»: «Все это были люди разочарованные, нравственно потрясенные. Кто потерял трагически жену, кто детей, кто потерпел неудачи в политике и был свидетелем вопиющей неправды и людской тупости. Близость городского шума и людей растравляла бы их раны. Величие же окружающей гористой местности, вечно блестевшие белоснежные горные гиганты, идеально чистый и прозрачный воздух, обилие солнца — напротив, успокаивали их и укрепляли».

А короткие главки, рассказывающие о жизни на Земле в 2017

году… Циолковский их почти не развил, оставив только предельно лаконичные конспективные наброски.

Можно лишь пожалеть, что для него самого земное будущее не представляло столь же острого интереса, как «небесное». Как знать, не потеряли ли мы еще и самобытного утописта, который мог бы дать пищу для размышлений о наших земных делах, если б не был всецело одержим звездами.

Сам Циолковский, впрочем, хорошо представлял себе время, когда взойдет, начнет плодоносить и эта космическая нива. В 1913 году он написал пророческие слова: «Основной мотив моей жизни: сделать что-либо полезное для людей, не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хотя немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы, но я надеюсь, что мои работы, может быть, скоро, а может быть, в отдаленном будущем — дадут обществу горы хлеба и бездну могущества».

Сколько и чем придется заплатить за «хлеб и могущество», утописты-романтики, как правило, не думают. За них это делают другие — циники и прагматики.

РЕЦЕНЗИИ

Владимир ВАСИЛЬЕВ
СОКРОВИЩЕ «КАПУДАНИИ»
Москва: АСТ-Хранитель, 2007. — 317 с.
(Серия «Звездный лабиринт»).
8000 экз.

Сегодня, кажется, редкий фантаст не пытается что-то доказать мейнстриму: ну, хотя бы банальное, что, мол, фантастика тоже литература… Кто-то роман без диалогов напишет, кто-то на 300 страниц лекцию о Боге прочтет. Главное — чтобы как у них, в толстых журналах. Эксперимент! Постмодерн! Графоманы из МТА и те пытаются выдать что-нибудь такое-эдакое с оглядкой на толстожурнальную вечность (sic!), что уж говорить про авторов со стажем. Собственно, просто хорошая фантастика — та, которая не стремится в списки букеровских номинантов — большая редкость.

Лично мне В. Васильев симпатичен какой-то непрошибаемой и непотопляемой любовью к «чистой» фантастике, которую интересно читать хоть в метро, хоть дома; которая вызывает теплую ностальгию по детству, по звездным армадам Гамильтона и экзотике Буссенара.

В последнее время, правда, новых крупных вещей у Васильева выходило до обидного мало — все больше переиздания. Новый роман приятно порадовал. И нетривиальной идеей, и увлекательностью, и уверенностью литературного языка.

Ни космических битв, ни ведьмаков в книге нет. Зато есть новое Средневековье — результат глобальной катастрофы, есть сокровище затонувшего корабля, многочисленные охотники за этим сокровищем, штурманы, заклинающие ветра, и их загадочные кошкоподобные спутники — кассаты, а также морские пираты, живые скелеты, корабль-призрак и, конечно, Большая Тайна. И очень много ностальгии по приключенческим книгам вроде «Капитана Сорвиголовы» и морским сагам.

В произведении сошлись любимые васильевские приемы: забойный сюжет, романтика приключений, альтернативная география, смешение НФ и фэнтези. В общем, все то, что и должно быть в настоящей фантастической книге.

У романа всего один очень серьезный недостаток. Он слишком быстро заканчивается.

Евгений Харитонов

Селия ФРИДМАН
ПОЖИРАТЕЛИ ДУШ

Москва: АСТ-Хранитель, 2007. — 414 с.
Пер. с англ. Н. И. Виленской.
(Серия «Век Дракона»).
3000 экз.

Британская писательница Селия Фридман сначала получила известность как автор научной фантастки. Впрочем, по признанию самой писательницы, ее всегда привлекало в фантастике паранормальное, а не железные игрушки. Так что творческая эволюция Фридман вполне закономерна — от вольно-научной космооперы через синтез фэнтези и НФ к чистой фэнтези. «Пожиратели душ» — первая книга новой фэнтезийной трилогии.

Еще до написания романа Фридман предупреждала, что это далеко не типичная фэнтезийная сага, а произведение серьезное и мрачное. Грозила читателям даже ночными кошмарами — что, конечно, вызывало дополнительный интерес. Насчет кошмаров не скажу — после определенного количества прочитанной фэнтези и всевозможной мистики их, видимо, ждать не приходится. В остальном автор не лукавила. Здесь мир потустороннего поворачивается темной стороной. Добра в этом мире и не видно. С одной стороны — древнее зло, те самые «пожиратели душ». Но и защищающая пребывающий в опасности мир магия тоже гибельна — герои расплачиваются за каждое применение своих способностей собственными жизненными силами.

Впрочем, и философичность романа преувеличивать не следует. Да, на первый план выходят внутренние терзания персонажей, их личная судьба оказывается важнее судеб мира. Но психологизм оттеняется огромным количеством стандартных приемов авантюрной фэнтези — от пробудившегося отчего-то Зла до хитросплетений династической грызни за престол. Селия Фридман, впрочем, действительно пытается таким языком говорить о серьезных вещах. На это указывает и упоминание в самом начале реального (будто бы) прототипа главной героини. Впрочем, судить о месседже трилогии по первому роману было бы рискованно. Пока при желании можно вычитать и банальный уже феминизм, и апологию оккультизма, и, напротив, предупреждение о его опасности…

Сергей Алексеев

Виктор БЕНЬКОВСКИЙ, Елена ХАЕЦКАЯ
АНАХРОН-2
Москва: Круги, 2007. — 672 с.
3000 экз.

Роман «Анахрон» собрал целый полк поклонников, обменивавшихся время от времени любимыми цитатами и

восторженно закатывавшими глаза при упоминании главных героев. Он вышел в 2000 году, а второй книги, написанной еще в 1997-м, пришлось ждать аж 10 лет. Непростая у нее сложилась издательская судьба. Долгожданный выход «Анахрона-2» вызвал ликование тех, кто так полюбил первую книгу.

Лучше получилось? Хуже?

Однозначно хуже, если не сказать оглушительно плохо, написана вводная повесть ко второму роману — «Лантхильда». Это какой-то другой язык повествования: серый, тоскливо-монотонный… Надо ли было включать этот текст в книгу только ради того, чтобы дать краткий пересказ «предыдущей серии»? Определенно — не стоило.

Основное повествование наполнено смесью интеллектуализма и трэша. Мелькают картинки жизни ленинградского андеграунда, группировавшегося вокруг «сайгонского» сообщества хиппи и рок-музыкантов; чудесным образом происходит возрождение всей этой пестрой жизни в конце 1990-х, когда уже сильно взрослые дяди и тёти создают нечто вроде коммуны. И тусовка заменяет собой традиционную семью — не к тому ли идет современная жизнь? Любезная главному герою вандальская дева Лантхильда, вывалившаяся к нам из «темных веков», оказывается на обочине хипповой круговерти. Авторы размышляют, как «сайгонское поколение», всей жизнью своею «заточенное» на неудачу, пережило крушение привычной советской жизни, оказалось в бедственном положении, кое-где кое-как приспособилось, но никогда о сталинских корнях «советского ретро» не жалело. Хотя и притягивала их бездна прошлого…

В общем, многомудрая книга — «Анахрон-2». И сделана добротно.

А все же «Анахрон» лучше своего продолжения. Это красивая романтическая сказка о том, как жили да были он и она, а между ними жила любовь. Ничего сложного. Но что может быть важнее этого?

Дмитрий Володихин

Роберт БЮТТНЕР

СИРОТЫ. УДЕЛ СИРОТЫ

Москва: АСТ, 2007. — 572 с.

Пер. с англ. А. Азова и В. Дюбова.

(Серия SF).

3000 экз.

Есть книги, очень напоминающие хорошие римейки старого кино: вроде бы ничего нового, и сюжет знаком, а смотреть все равно интересно. Именно к таким произведениям относятся

романы Р. Бюттнера. Прочитываются они как своеобразный римейк сочинений Р. Э. Хайнлайна.

События в дилогии начинаются следующим образом: неизвестные космические агрессоры бомбардируют Землю ракетными снарядами. Разрушено множество городов. Миллионы жертв. Вскоре выясняется, что нашу планету атаковали разумные слизни, явившиеся из глубин Галактики и обосновавшиеся на Ганимеде. Вступить с ними в переговоры невозможно, компромиссов они не признают, остается одно — уничтожить захватчиков. С этой целью создаются специальные ударные отряды, куда зачисляют только тех, чьи родственники погибли при орбитальных бомбардировках. Далее — подробное описание муштры и армейских будней главного героя Джейсона Уондера, постепенно превращающегося из расхлябанного оболтуса в настоящего солдата, машину для убийств. А затем Джейсона отправляют на Ганимед — в самое пекло. Во второй книге борьба Уондера с «псевдоголовоногими» слизняками продолжается как в глубоком космосе, так и на Земле.

Думаю, дочитавшие до этого места, уже узнали источники вдохновения Р. Бюттнера: хайнлайновские «Космический десант» и «Кукловоды». Правда, и сам писатель влияния великого предшественника не скрывает, и переводчики этот факт подчеркивают. Иногда создается впечатление, что они сознательно стилизуют текст под лучшие переложения книг Хайнлайна на русский язык. Что же касается содержания, то еще раз повторюсь: читать интересно, несмотря на вторичность. Испытываешь ностальгию, как в случае, если бы в руки попал доселе неизвестный роман самого Грандмастера. Тем же читателям, у кого стойкая аллергия на джингоистскую и воспевающую армию прозу Хайнлайна, Бюттнера лучше игнорировать.

Глеб Елисеев

Ник ПЕРУМОВ
СЕМЬ ЗВЕРЕЙ РАЙЛЕГА: ТЁРН
Москва: ЭКСМО, 2007. — 480 с.
180 000 экз.

В средние века по Европе путешествовали труппы бродячих актеров-гистрионов. Репертуар их состоял, как правило, из зарисовок на библейские темы. На каждого актера приходилось несколько ролей за раз. Устранить сходство между различными персонажами — дело мастерства. Но даже самый невнимательный из зрителей со временем подмечал, что голос Адама подозрительно созвучен интонациям царя Ирода.

Примерно то же происходит и с мирами Ника Перумова.

Что же мы имеем? Опять концепция множества планов. Опять стандартная фэнтези с классическим набором — ЭЛГП (эльфы, люди, гномы + прочие). Опять Вселенная на грани фола. На сей раз глобальный негатив проявляется через «гниль» — странное заболевание с различными дополнительными «бонусами». Серьезным товарищам до всяких там болячек дела нет. У них геополитика. Вполне себе АДНДешная компания, во главе с очень правильным персонажем по имени Тёрн, отправляется в очень любимый Перумовым многоуровневый квест.

Искателям нового и необычного здесь поживиться практически нечем. Зато поклонники перумовского стиля свое получат: от многостраничных малосодержательных диалогов, с которыми автор ничего не может поделать (прут, заразы, и все тут!), до масштабных сцен вооруженного мордобоя с интенсивным спеллкастингом. То есть добротная фэнтези без сюрпризов.

Немало воды утекло с тех пор, как в книжном магазине «Стожары» молодому автору Нику Перумову передали учебник русского языка. Теперь перед нами популярный писатель, выпускающий конкурентоспособный, востребованный продукт. И очень жаль, что при столь большом потенциале он продолжает использовать до отказа выработанную тему.

Средневековые театры со временем расширили свой репертуар светскими пьесами. Хочется надеяться, что творчество Ника Перумова также однажды преобразится и переживет свой ренессанс.

Николай Калиниченко

Юлия ОСТАПЕНКО
ПТИЦЕЛОВ
Москва: АСТ-Хранитель, 2007. — 544 с.
(Серия «Заклятые миры»).
3000 экз.

Бывают романы, посвященные постепенному взрослению героя. Бывают романы, посвященные алхимической трансформации человека, проходящего последовательно через альбедо, нигредо, рубедо. Бывают романы о духовном перерождении… Бывают всякие романы. Но роман-излечение — это воистину редкость.

Начало книги — плоть от плоти прежних опусов Ю. Остапенко: молодой задорный душегуб Марвин и немолодой подлейший циник Лукас соревнуются в совершении пакостей друг другу. Оба они чувствуют себя людьми, которые органически неспособны проигрывать. Оба они готовы ради победы сделать все, что угодно. Голову кому-нибудь снести? Девицу похитить?

Нарушить слово, ударить в спину? Какие, право, пустяки.

В первых книгах Юлии Остапенко темная игра мерзавцев разного калибра, мучающих друг друга из любви к самому процессу, занимает все повествование. «Птицелов» сворачивает в другую сторону по прошествии трети текста. Далее два главных героя начинают понемногу меняться. Автор аккуратно наводит читателя на переоценку персонажей. Если на первых двух сотнях страниц подлость и жестокость центральных персонажей воспринимаются как род силы, лихости, умения понимать людей и манипулировать ими, то далее все это начинает ассоциироваться с… болезнью. Этической недостаточностью. В начале: хоть и подонки, но до чего круты! В дальнейшем: хоть и круты, но ведь подонки… И автор принимается за излечение парочки… впрочем, по-прежнему самыми радикальными методами. Остапенко полощет своих персонажей в страданиях и потерях. Под занавес они превращаются в людей, понимающих значение слов «долг», «любовь», «вера», они идут на самопожертвование, желая обрести высшее прощение своему эгоизму.

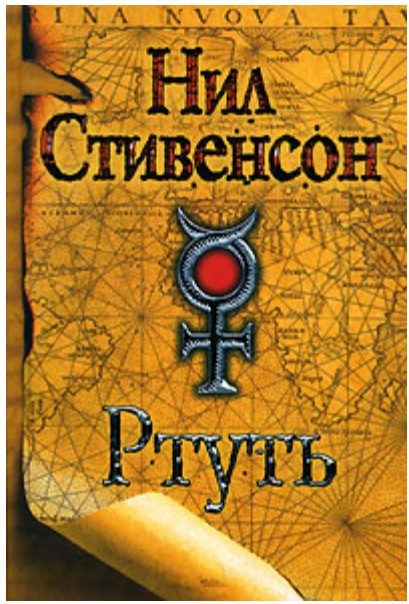
Попробуем заметить благодатную эволюцию и героев, и самого автора, распрощавшегося, будем надеяться, с мрачным куражом первых книг.

Дмитрий Володихин

КРУПНЫЙ ПЛАН

ПРАКТИКА НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ
Нил СТИВЕНСОН. РТУТЬ. АСТ — ХРАНИТЕЛЬ

Сергей ШИКАРЕВ



Девять с лишним сотен страниц романа «Ртуть» — первая часть трилогии «Система мира», подлинного Opus Magnum американского писателя Нила Стивенсона. Действие книги развивается на протяжении нескольких десятилетий, с середины XVII до начала XVIII века, и наряду с вымышленными персонажами видное место в этой истории занимают такие фигуры, как Исаак Ньютон, Роберт Гук и Готфрид Лейбниц, а кроме того, бродяги, особы королевской крови и государственные мужи. «Широкоэкранное барокко» — точное определение для этого труда Стивенсона.

«Ртуть» логически наследует одному из наиболее известных произведений писателя — «Криптономикону». Не менее объемный и столь же многогранный роман описывал криптографические войны второй мировой, особенности современного кладоискательства, а также значение и роль информации в современном обществе.

Обе книги объединяет линия, связанная с архивом Лейбница, а также «семейные узы». В «Ртути» действуют дальние предки персонажей «Криптономикона»: семейство Уотерхаузов, братья

Шафто, Енох Роот и другие.

География книги столь же обширна, как и ее хронология. Она включает в себя значительную часть Западной Европы и дальние колонии. Эти просторы служат ареной для нескольких тесно переплетающихся историй, весьма разнообразных в жанровом отношении: тут и шпионский роман, и плутовской, и мелодрама.

Ключевые фигуры книги — Джек Шафто, король бродяг по прозвищу L'Emmerdeur, его подруга Элиза, бывшая рабыня и будущая графиня де ля Зёр, и натурфилософ Даниель Уотерхауз, сподвижник Исаака Ньютона. Их приключения увлекательны сами по себе. Столь изощренные сюжетные интриги вполне достойны пера Вальтера Скотта или Александра Дюма-отца. Впрочем, увлекательный сюжет конечно же, всего лишь внешняя оболочка глубокой, не лишенной философских обобщений книги.

Обращение к событиям прошлого вообще характерно для Стивенсона. По первоначальному замыслу «Ртуть» должна была стать своего рода приквелом «Криптономикона». Однако «предыстория» разрослась аж на три книги, образовав самостоятельную трилогию, лишь косвенно связанную с «Криптономиконом». Сам же писатель прямо заявил, что термин «научная фантастика» применительно к «Ртути» является не более чем маркетинговой уловкой издательства.

Чистой фантастики в романе и в самом деле маловато. И тем не менее книга прочно укоренена в традициях жанра.

Описав современное информационное общество в «Криптономиконе», Нил Стивенсон обратился к его «истокам». А именно ко времени, когда происходило становление протестантизма, ставшего идеологической базой для капитализма, и формирование основ и ценностей нынешнего западного общества.

Роман Стивенсона рассчитан, конечно, на квалифицированного читателя, сведущего в европейской истории и истории науки. Не менее важно и другое. Современные цивилизации разделяют общее культурное поле и имеют, по всей видимости, единое будущее. Прошлое же у каждой цивилизации свое. В зависимости от культурной идентичности оценка значимости тех или иных событий и их последствий может меняться. Взгляд Стивенсона — это точка зрения представителя западной цивилизации.

Принятие возможности рационального познания мира и принципов его устройства, зависящих не от высших сил, а от физических констант и законов, стало одним из переломных моментов в истории человечества.

Один из персонажей романа говорит, что «ищет Бога там, где геометрия бессильна». И «Барочный цикл» Стивенсона, грандиозный по своему замыслу и исполнению, отображает конфликт между алхимией и натурфилософией, между теологическим и научным способом познания мира и человека.

Художественное исполнение соответствует замыслу книги. Описывая мир глазами столь разных по своему положению и образу мыслей героев, прозаик создает сложное и достоверное описание мира, увязывающее вопросы коммерции и войны, революции и познания. Хватает в романе и литературного экспериментаторства: Стивенсон лихо играется с жанрами «легкой словесности». Джек Шафто словно сошел со страниц авантюрных и плутовских романов прошлого; приключения Элизы отсылают разом и к любовному (причем весьма фривольному), и к шпионскому романам с двойными и тройными агентами. Нашлось место в книге и эпистолярному жанру, в криптографическом и, соответственно, перлюстрированном виде.

Наличие подробных описаний, обилие второстепенных персонажей и деталей как нельзя лучше подходит для вычурного стиля барокко. И здесь следует отметить блистательную переводческую работу Екатерины Доброхотовой-Майковой.

Несомненно, близким литературным ориентиром для «Ртути» являются многослойные культурологические романы Умберто Эко. Основное различие между этими двумя авторами заключается в избранной ими точке отсчета. Эко переносит читателя в прошлое и там устраивает грандиозные постмодернистские игры: обильно вводит в текст приметы, знаковые для современного читателя (вспомните хотя бы как Вильгельм Баскервильский говорит: «Элементарно, дорогой Адсон»), или демонстративно смешивает историческое и вымышленное, как в «Баудолино».

Нил Стивенсон, напротив, оставляет читателя в современности и обращает свой взгляд в прошлое, преломляя исторические события через призму представлений и реалий настоящего (так в тексте появляются вполне современные словечки и понятия, типа «коротких продаж» и «товарных фьючерсов»). В одном из интервью фантаст признавался, что сознательно отказался от стилизации под произведения тех лет и «модернизировал» текст. В остальном же писатель относится к истории серьезно, не слишком отходя от представлений о классическом историческом романе.

Удивительны нередко встречающиеся попытки причислить «Ртуть» к произведениям фэнтези, что, конечно, ошибочно.

Стивенсон описывает и анализирует, а может быть, и заново создает мир ушедшей эпохи. Целую систему мира — как совокупность представлений и парадигм, дошедших до сегодняшнего дня и лежащих в основе современного общества. В этом смысле «Ртуть» является, конечно же, подлинной научной фантастикой.

КУРСОР

Компьютерная игра,

созданная по мотивам совместного романа Сергея Лукьяненко и Ника Перумова «Не время для драконов», в скором времени появится на прилавках магазинов. Разработчиком игры стала компания KranX Productions, издателем — 1С. Игра представляет собой «партийную» Action-RPG, действие разворачивается в фэнтезийном Срединном мире. Попавший в этот мир из нашей реальности главный герой Виктор должен овладеть магией четырех стихий и найти свое предназначение при содействии юной волшебницы Тэль.

Лето — период вручения «именных» фантастических премий. На прошедшей 7 июля в рамках Heinlein Centennial Convention гала-церемонии в Канзасе был объявлен очередной лауреат премии имени **Роберта Хайнлайна**. Им стала Элизабет Мун. Премия была основана в 2003 году несколькими известными писателями, дабы отметить «выдающиеся работы в жанре чистой научной фантастики или же технические труды, вдохновляющие человечество на освоение космоса».

В те же сроки и там же вручались мемориальные премии имени **Теодора Старджона** и **Джона Кэмпбелла**. Первую, за лучшее произведение короткой формы, получил рассказ Роберта Чарлза Уилсона «Картезианский театр»; вторую, за лучший роман, книга Бена Бовы «Титан». В этот же уик-энд в рамках конференции Readercon 18 в Берлингтоне, штат Массачусетс, был объявлен лауреат премии имени **Кордвайнера Смита**. Эта награда носит подзаголовок «Новое открытие» и отмечает подзабытых авторов, чьи книги обрели второе рождение. Таким писателем объявлен Даниэль Ф. Галуа (1920–1976) — автор шести десятков рассказов, нескольких романов, один из которых послужил основой известного фильма «Тринадцатый этаж» (1999).

«Гадкие лебеди» — фильм Константина Лопушанского — завоевал два приза на 7-м Международном фестивале фантастических фильмов, завершившемся 8 июля в швейцарском городе Невшатель. Картине присуждены вторая премия «Серебряный нарцисс» и специальная премия жюри как лучшему европейскому полнометражному фильму. «Золотой нарцисс» — главный приз фестиваля — достался фильму «Ты, живущий» шведского режиссера Роя Андерссона.

Убийство президента и вице-президента США породило в стране хаос, переходящий в гражданскую войну. Цель группы

бравых спецназовцев — распутать преступление и спасти родину. Об этом повествует роман знаменитого американского автора Орсона Скотта Карда «Империя», вышедший в 2006 году. А в этом году за дело взялся не менее знаменитый кинопродюсер Джоэл Сильвер, уже заказавший киноадаптацию романа для большого экрана.

Пятьдесят тысяч человек собрались в американском Росвелле, дабы отпраздновать шестидесятилетие так называемого «Росвеллского инцидента». Считается, что в июле 1947 года рядом с этим городком потерпел аварию космический корабль пришельцев, после чего и сама «летающая тарелка» и субтильные тела погибших инопланетян были спрятаны правительством США на одной из военных баз в «Ангаре-18».

In memoriam

28 июня в Сарасоте, штат Флорида, в возрасте 79 лет умер Стерлинг Ланье — писатель, редактор, скульптор. Как фантаст Ланье хорошо известен нашему читателю — его роман «Путешествие Иеро» неоднократно переиздавался на русском языке. Одна из главных заслуг перед фантастикой Ланье-редактора состоит в том, что именно он подвиг Фрэнка Герберта на создание цикла о планете Дюна.

29 июня,

после долгой борьбы с раком, на 78-м году жизни в своем доме (Альбукерк, штат Нью-Мексико) скончался известный американский фантаст Фред Саберхаген. Автор более пятидесяти фантастических романов, Саберхаген известен прежде всего по циклу «Берсерк», повествующему о мире разумных космических кораблей.

22 июля в возрасте 56 лет ушел из жизни известный российский аниматор Александр Михайлович Татарский. Любителям мультипликации он известен по анимационным фильмам «Пластилиновая ворона», «Падал прошлогодний снег», «Следствие ведут Колобки». В1988 году Татарский основал первую в новейшей истории страны независимую студию — «Пилот». В последнее время возглавлял масштабный мультипликационный проект экранизаций народных российских эпосов «Гора самоцветов».

Агентство F-пресс

PERSONALIA

КАЛУГИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(Биобиблиографические сведения см. в № 2 за этот год)

Корр.: Ваш новый роман «Подземелья Эйтана» написан в жанре фэнтези. Причем фэнтези вполне традиционной. Как-то непривычно видеть вас в этом амплуа…

А. Калугин: Во-первых, мне всегда было интересно пробовать что-то новое. Поэтому, кстати, не пишу длинных сериалов — это невообразимо скучно. Во-вторых, я часто говорил и писал о том, что фэнтези — во всех отношениях более упрощенный вариант фантастики. Соответственно, и писать фэнтези гораздо проще. Чтобы не быть голословным, пришлось попробовать самому. И, должен сказать, взгляд на фэнтези изнутри только подтвердил то, что прежде я отмечал как сторонний наблюдатель. Фэнтезийный роман легко сконструировать, используя стандартные персонажи и готовые сюжетные блоки. Степень оригинальности текста зависит от того, насколько умело и ловко манипулирует этими составляющими автор и сколь иронично относится он к тому, что делает. Как правило, чем фэнтези серьезнее, тем она глупее. В общем, лично для меня этот жанр больше не таит никаких секретов. Поэтому и за новый фэнтези-роман я вряд ли когда возьмусь. Ну, разве что только «Подземелья Эйтана» станут всероссийским бестселлером.

КАННИНГЕМ П. Э. (CUNNINGHAM P.E.)

Американская писательница Патриция Элизабет Каннингем (она подписывает свои произведения инициалами, чтобы не путали с известной романисткой Элизабет Каннингем) после окончания колледжа с дипломом филолога занялась литературной деятельностью. В фантастике Каннингем дебютировала в 1982 году рассказом «Целитель» и с тех пор опубликовала всего десяток рассказов и повестей. Последний ее рассказ, который напечатан в этом номере журнала, был назван в прессе в числе лучших рассказов года и, вполне возможно, будет номинирован на одну из высших премий жанра.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

(Биобиблиографические сведения см. в № 4 за этот год)

«Известность писателю принес роман-притча «Многорукий бог далайна» (1991). По признанию писателя, едва ли не все его школьные тетради были исчерканы прямоугольниками, в глубине которых обитали таинственные чудовища. Спасаясь от них, человек должен был по особой системе выстраивать острова безопасности, вырабатывая некоторую стратегию. Спустя

тридцать лет эта игра была воплощена в романе… Однако роман может быть прочитан и как история создания вторичного мира и его последующего разрушения, в деталях воспроизводящая этот процесс».

«Русская фантастика XX века в именах и лицах».

МАКЛЕОД Кен (MacLEOD, Ken)

Шотландский автор Кен Макрэй Маклеод, родившийся в 1954 году, закончил Университет Глазго с дипломом зоолога, после чего работал программистом и защитил диссертацию по биомеханике. К научной фантастике Маклеод впервые обратился в 1995 году — тогда увидел свет его роман «Звездная фракция», положивший начало тетралогии «Осенняя революция». Кроме того, перу Маклеода принадлежат трилогия в жанре альтернативной истории «Моторы света», коллективный роман «Сеть 2028 года» (1999), написанный в соавторстве со Стивеном Бакстером, Пат Кадиган и тремя менее известными писателями, а также книги «Пробуждение Ньютона» (2004), «Изучая мир» (2005) и «Люди на шоссе» (2006). Достижения Маклеода в малой форме менее внушительны: за все время литературной деятельности он опубликовал лишь два рассказа. По словам самого автора, он пишет преимущественно социальную science fiction, «исследуя социалистические, коммунистические и анархистские политические идеи, в частности, варианты троцкизма и «анархо-капитализма», или экстремального экономического либертарианства».

ОВЧИННИКОВ Олег Вячеславович

(Биобиблиографические сведения см. в № 7 за этот год)

В 2006 году на вопрос корреспондента интернет-издания «Книжная витрина» — «Как бы Вы классифицировали свое творчество?» — Олег Овчинников дал такой ответ: «Пишу где-то между фантастикой (в основном, социальной, где действие происходит здесь и сейчас) и мейнстримом. Иногда увлекаюсь, забываю добавить в текст фантастический элемент. С другой стороны, писать чисто реалистическую прозу мне не интересно. Помимо прочего, ни в одном жанре, кроме фантастики, нет такого явления, как фэндом. Как сказал на одном из «Росконов» пан Анджей Сапковский: «В Польше водка лучше. Но там людей таких нет!»

ПЕРВУШИН Антон Иванович

Писатель-фантаст, публицист и критик Антон Первушин родился в 1970 году в Иванове. Жил в Мурманске, в 1988-м перебрался в Ленинград. Высшее образование получил на энергомашиностроительном факультете Санкт-Петербургского политехнического университета.

Уже с конца 1980-х А. Первушин стал активным участником фэндома: посещал КЛФ «Миф-ХХ» и Литературную студию А. Ф. Бритикова и А. Д. Балабухи, в 1993 году был принят в Семинар Б. Н. Стругацкого.

Дебютом в НФ стал рассказ «Иванушка и автомат», опубликованный в 1990-м. С тех пор опубликовал полтора десятка рассказов в жанровой и научно-популярной периодике, выпустил несколько фантастических и детективных романов, в том числе «Операция «Герострат» (1997), «Охота на Герострата» (1997), «Собиратели осколков» (1999; в соавт. с Н. Большаковым), «Война по понедельникам» (2005), «Чужаки в Пеллюсидаре» (2005), тетралогию «Пираты XXI века» (2000–2001). Однако наибольшую популярность Первушину принесли историко-документальные книги, посвященные мировой космонавтике: «Битва за звезды» (2003–2004), «Оккультные войны НКВД и СС» (2003), «Астронавты Гитлера» (2004), «Звездные войны: Американская республика против Советской империи» (2005), «Космонавты Сталина» (2005), «Завоевание Марса» (2006), «Красный космос: Звездные корабли Советской империи» (2007), «Королев против фон Брауна» (2007). По книге «Оккультные тайны НКВД и СС» снят документальный фильм «Одержимые дьяволом. Тайна третьего рейха».

Кроме того, активно выступает в печати как исследователь отечественной НФ-литературы. В 2007 году за цикл очерков в журнале «Если» А. Первушин стал дипломантом журнала. Среди других наград писателя и популяризатора космонавтики — премии «Звездного моста» (1999), «Еврокона» (2000), Премия им. Александра Беляева, Союза писателей Санкт-Петербурга.

РЭНДОЛЛ Марта (RANDALL, Martha)

Американская писательница и антологист Марта Рэндолл родилась в 1948 году в столице Мексики — Мехико. Писать она начала сразу же по окончании колледжа и дебютировала в жанре в 1972-м рассказом «Smack Run». С тех пор Рэндолл опубликовала семь романов — номинированные на премию «Небьюла» «Острова» (1976) и «Опасные игры» (1980) и другие, — а также 18 рассказов и повестей. В 1980-е годы Марта Рэндолл занимала пост вице-президента, а затем президента Ассоциации американских писателей-фантастов и вела творческие курсы на семинаре молодых фантастов «Clarion», а также в Университете штата Калифорния в Беркли и Портлендском университете (штат Орегон).

ХОБСОН М. К. (HOBSON M.K.)

Мэри Кэтрин Хобсон родилась в 1969 году в Риверсайде (штат Калифорния) и перепробовала в жизни много чего —

издавала газету, была водителем ночного такси, профессионально гадала на картах таро и преподавала разговорный язык в Японии. Ныне выступает в роли консультанта по маркетингу. В фантастической литературе Хобсон дебютировала в 1991-м рассказом «Полночь». С тех пор она опубликовала девять рассказов, в основном, в жанрах фэнтези и магического реализма (писала также под псевдонимом Мэри Кэтрин Королофф). В настоящее время Мэри Кэтрин Хобсон проживает «с мужем, дочкой и сверкающей голубой рыбкой» в бунгало начала XX века в городе Орегон-сити.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

Приятель. (англ.)

2

Здесь: улучшение памяти. (англ.)

3

«Персонал Диджитл Эссистентс» — прибор, совмещающий функции органайзера, КПК, камеры, часов и т. д.

4

Древний манускрипт, содержащий более 100 стихов и песен и хранящийся в государственной библиотеке Мюнхена. В 1935–1936 гг. композитор Карл Офф написал кантату на основе 24 стихотворений манускрипта.

5

Все имена, названия, адреса, номера районных отделений милиции, а также топонимика города являются плодом вымысла. Возможные совпадения следует считать случайными. (Прим. авт.)

6

Девиз полицейского департамента Лос-Анджелеса. Был предложен офицером Джозефом Доробеком в 1955 году для полицейской академии Лос-Анджелеса, а с 1963-го стал девизом всего департамента. (Прим. перев.)

7

В арабских странах — «разведка». (Здесь и далее прим. ред.)

8

Цитата из «Книги Царств».

9

И так далее (лат.). Перекликается с английским выражением, обозначающим инопланетный разум: «экстра террестиал». (Здесь и далее прим. перев.)

10

Нитевидная структура, различимая лишь при больших увеличениях электронного микроскопа.

11

В данном случае: искателей приключений (исп.). (Здесь и далее прим. перев.)

12

Последовательность цифр, впервые выведенная итальянским математиком XIII в. Фибоначчи; данная последовательность асимптотически (приближаясь все медленнее и медленнее) стремится к некоторому постоянному соотношению, которое, однако, иррационально и не поддается точному выражению. Если какой-либо член последовательности Фибоначчи разделить на предшествующий ему (например, 13:8), результатом будет величина, колеблющаяся около иррационального значения 1,61803398875… и через раз то превосходящая, то не достигающая его; для краткости его обозначают как 1,618. Среди современных названий этого соотношения — Золотое сечение, для математического выражения которого используют числа Фибоначчи.

13

Клянусь (исп.).

Здесь: дуралей (исп.).

15

Слушай, Антонио, я бы еще пива выпил (исп.).

16

Сокровищем (нем.).

17

У меня голова чертовски раскалывается (исп.).

18

Сволочь (исп.).

19

«Teen-Wolf», буквальный перевод — «Волк-подросток». (Здесь и далее прим. авт.)

20

Hoverboard — летающая доска из «Назад в будущее-2».

21

Уникальный случай: в лицензионном русском синхроне термин marshal переведен исторически адекватно — «исправник».